Н. П. КАМАНИН

СКРЫТЫЙ КОСМОС

Annotation

Автор этой книги, будучи с 1960 по 1971 год помощником Главнокомандующего ВВС по космосу, зафиксировал в своих дневниках многие важнейшие события «утра космической эры», в которых он принимает самое непосредственное участие. Собранные воедино, «Космические дневники генерала Каманина» — так озаглавил свои записи сам автор — читаются как увлекательная повесть о людях, готовивших и осуществлявших первые пилотируемые полеты в космос. В книге отражена острая борьба идей, мнений и интересов тех, кто определял развитие отечественной космонавтики на начальном этапе освоения космического пространства.

- Н. П. Каманин
  - Книга первая
    - Предисловие
    -
    - 1960–1961 годы
    - 1962 год
    - 1963 год.

Н. П. Каманин
КРЫТЫЙ КОСМОС

Книга первая
1960–1963 гг.

Предисловие

На протяжении многих лет наша космонавтика представала перед широкой общественностью лишь своим «парадным фасадом». Только три-четыре года назад стали появляться очерки и статьи, критически оценивающие истинное состояние дел и в этой, некогда совершенно секретной, отрасли военно-промышленного комплекса. Однако в большинстве таких публикаций проблемы современной космонавтики рассматриваются вне связи с начальной стадией ее развития, из которой можно извлечь немало «забытых», но по-прежнему ценных идей и предостерегающих уроков, — ведь кроме ярких побед в космосе были у нас и нереализованные проекты, и крупные просчеты, и тяжелейшие утраты. В истории советской космонавтики еще много белых пятен — вот почему для ее воссоздания важны не только документальные источники, но и свидетельства «из первых рук». Одним из таких свидетельств является рукопись «Космические дневники генерала Каманина», издаваемая под названием «Скрытый космос».

Когда в 1957 году первый искусственный спутник Земли возвестил миру о начале космической эры, стало ясно, что скоро на околоземную орбиту отправится и корабль-спутник с человеком на борту. Организацию обучения, воспитания и подготовки будущих летчиков-космонавтов командование ВВС поручило Николаю Петровичу Каманину. Он энергично взялся за это совершенно новое дело, напряженная интересная работа полностью захватила его. Им было положено начало формированию коллектива Центра подготовки космонавтов, а чуть позже — и строительству Звездного городка. Обладая способностью смотреть далеко в будущее, Каманин формировал структуру Центра и отряда космонавтов с учетом перспектив их развития на многие годы вперед. Своими занятиями и богатым жизненным опытом он щедро делился с молодыми летчиками, все помыслы которых были устремлены к одной заветной цели — полетам в космос. Проявляя по отношению к ним высочайшую требовательность, а кое-кого и наказывая за дисциплинарные проступки, он никогда не терял чувства

справедливости. Первопроходцам космоса и посвящает прежде всего свои записи генерал Каманин. Но не только им.

Со страниц этой книги перед читателем вырисовывается многоликая картина становления отечественной космонавтики, полная волнующих, порой драматических событий, участникам которых — конструкторам и ученым, руководителям промышленности и военачальникам, летчикам и инженерам — автор дает по-военному краткие, но очень меткие характеристики, избегая каких-либо приемов «художественного оформления». Активно участвуя в подготовке и проведении пилотируемых космических полетов, Каманин не понаслышке знал описываемые им события. Он вел свои записи «по горячим следам», и поэтому для них характерны высокая информативность и почти протокольная точность. В то же время «Космические дневники» это не просто фактографическая хроника или сухой бесстрастный репортаж — это по существу своеобразная повесть о людях, стоявших у истоков освоения космического пространства, причем повесть, изложенная как бы в реальном масштабе времени: она захватывает читателя, создавая эффект присутствия.

Главные действующие лица этой повести предстают перед нами в различных жизненных ситуациях как обычные люди со всеми присущими им достоинствами и недостатками. С особой теплотой пишет Каманин о Сергее Павловиче Королеве, о деловых встречах и беседах с ним, не скрывая при этом всей сложности своих взаимоотношений с Главным конструктором ракетно-космических систем. Очень непростые отношения были у автора дневников и с некоторыми другими руководителями «космической кооперации». Каманин дает им жесткие, иногда чрезмерно резкие оценки, но его нигде нельзя упрекнуть в неискренности или предвзятости хотя бы потому, что, болея за интересы дела, самую жесткую требовательность он всегда предъявлял к самому себе.

Горечью пронизаны страницы дневников, где рассказывается о раздорах между руководителями различных ведомств, конструкторских бюро, заводов и институтов, участвовавших в разработке и испытаниях космической техники. Заветной мечтой автора было объединение усилий и средств всех космических

организаций. Для координации их деятельности он предлагал учредить специальный государственный орган.

Отечественная космонавтика, оказавшаяся, в отличие от астронавтики США, с самых первых своих шагов искусственно оторванная от авиации, попала под эгиду бывших артиллеристов, ставших ракетчиками. При проектировании пилотируемых космических кораблей долгое время оставались невостребованными лучшие традиции и достижения авиационной науки и техники. Выступая против недооценки роли человека в управлении полетом космического корабля, Каманин ратовал за рациональное, четко отработанное в авиации сочетание функций автоматических систем с действиями пилота-космонавта. Хорошо понимая, что космос ошибок не прощает, он предостерегал от попыток его освоения «кавалерийскими наскоками» и добивался обеспечения наибольшей безопасности полетов. Предметом особой заботы для генерала Каманина был «военный космос», которым наши высокие армейские руководители, в отличие от американских, долго не хотели заниматься по-настоящему. Кстати говоря, Военно-космические силы, о необходимости создания которых неоднократно заявляли и Каманин, и Королев еще в начале шестидесятых годов, были образованы в стране лишь тридцать лет спустя.

В дневниках подробно рассмотрены причины досадных срывов ряда наших космических программ и проектов, о которых, между прочим, до сих пор распространяются самые невероятные небылицы. Были ли случайными происшествия, приведшие к трагической гибели Владимира Комарова и экипажа «Союза-11»? Почему победителем в «лунной гонке» стал не Советский Союз, а Соединенные Штаты Америки? Как мог появиться на свет печально известный монстр советской ракетно-космической техники — сперва лунный носитель Н-1? Ответы на эти и многие другие непростые вопросы читатели найдут на страницах «Космических дневников».

Говорят, что ведение дневниковых записей заменяет для атеиста ежевечернюю молитву верующего. Можно соглашаться или не соглашаться с таким утверждением, но Каманин, как он сам отмечает, считал своим моральным долгом записать все самое интересное о первых полетах людей в космос. У того, кто ознакомится с его дневниками, появится не только ощущение причастности к памятным

событиям «утра космической эры», но и ясная вера в могущество человеческого духа, преодолевающего любые преграды на пути к познанию Вселенной.

Владимир Джанибеков, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР

При подготовке к изданию в 4-х книгах рукописи «Космические дневники генерала Каманина» редакционная коллегия сочла необходимым выполнить ее литературное редактирование, а также снабдить некоторые записи краткими построчными комментариями. Незначительная часть текстового материала, не представляющего, по мнению редколлегии, общественного интереса, была сокращена.

1960–1961 годы

Пройдут века, человечество прочно обживет околосолнечное пространство, и на всех планетах, где будет человек, никогда не забудется имя Юрия Гагарина — первооткрывателя космоса и первого гражданина Вселенной. Это пишу я, хотя мне лучше других известно, что Гагарин — это только счастливая случайность, на его месте мог быть и другой.

С 17 по 21 декабря 1960 года я был на полигоне «Заря» (космодром Байконур — Ред.). Со мной летали туда: генерал-майор Бабийчук, генерал-майор Юрышев, полковник Яздовский, полковник Смирнов и другие. Подготовка носителя и корабля к старту проходила нормально. Погода в районе расчетного приземления (Куйбышев) была очень плохой. 20 декабря вечером комиссия под председательством М. В. Келдыша решила вывозить изделие на старт и 22 декабря в 10:45 по московскому времени произвести пуск четвертого космического корабля (технологический корабль «Восток-1», заводской №4 — Ред.)с собаками Жемчужной и Жулькой. Комиссия настояла на том, чтобы я вылетел в Куйбышев и организовал там поиск корабля после его приземления.

21 декабря при очень плохой погоде я перелетел в Куйбышев. Совместно с обкомом, КГБ и командующим войсками округа мы к утру 22 декабря подготовили все средства поиска. Старт корабля состоялся точно в назначенное время. Мы подняли в воздух самолеты, прошло расчетное время приземления (12:15 по московскому времени), а сигналов от корабля не поступало. «Заря» и Москва все время были заняты. Чувствовалось: что-то произошло. Примерно в 13:00 с «Зари» сообщили: «Заседает комиссия, положение неясное, Королев и Келдыш полетят прямо в Москву». Мне стало понятно, что корабль не вышел на орбиту, и я сразу подумал о новом двигателе на третьей ступени ракеты. Впервые на третьей ступени был установлен новый двигатель РО-7, а все предыдущие ракеты летали с РО-5. Еще находясь на «Заре» в монтажном корпусе и узнав о том, что на третьей ступени новый двигатель, я высказал Королеву сомнения в его надежности, но Королев был абсолютно уверен в двигателе.

22 декабря в 19:30 я прилетел в Москву. На КП ВВС были сведения, что «Круги» (мощные наземные пеленгаторы ВВС) Ташкента, Москвы и Краснодара засекли сигналы шара (спускаемого аппарата корабля) на частоте 10,003 мегагерц в районе Туры (река Нижняя Тунгуска). Генерал-лейтенант Кутасин дал команды стягивать в этот район средства поиска. 23 и 24 декабря в этом районе летали два Ил-14, оборудованные пеленгаторами, два Ли-2 и два Ан-2. Самолеты летали днем и ночью, но сигналов корабля не обнаружили, а «Круги» днем продолжали принимать сигналы. 24 декабря в 10:00 по московскому времени один из летчиков ГВФ на самолете Ли-2 визуально обнаружил шар в 70 километрах южнее Туры. В 12:00 там уже был вертолет. Через несколько часов пришла шифровка из Красноярска: «Капсула с животными в шаре, собаки живы».

26 декабря.

В НИИ-4 заседала комиссия под председательством Келдыша. Королев доложил, что причина невыхода корабля на орбиту — двигательная установка 3-й ступени ракеты: РО-7 не вышел на расчетную тягу или выключился раньше времени. Удачный спуск корабля и сохранение жизни животных он расценил как большую удачу и на этом основании предложил опубликовать сообщение о пуске и посадке четвертого космического корабля. С его мнением согласилось большинство членов комиссии. Я имел намерение выступить против публикации, но, выслушав многих членов комиссии, промолчал. Доклады по организации поиска корабля сделали полковник Мозжорин (НИИ-4) и генерал-лейтенант Кутасин. Оба были недостаточно объективны: преувеличивали успехи и замалчивали серьезные недостатки в организации поиска. В своем выступлении я указал на необходимость организации штаба поиска, которому следует подчинить все поисковые средства НИИ-4, ВВС, ВМФ, ГВФ, КГБ и других ведомств. Решили на очередном заседании комиссии заслушать доклад начальника НИИ-4 генерал-лейтенанта Соколова об организации и средствах поиска и после обсуждения решить, как лучше организовать это дело.

31 декабря.

У меня был конструктор завода № 918 Востоков Федор Анатольевич. 23 и 24 декабря он был в районе Туры. По его рассказу, шар опустился в лесу на сравнительно ровной площадке, он был

черным (обгорела фольга), парашют и стропы растянулись на деревьях. Оба люка шара были отстрелены, но немного деформированная капсула осталась в шаре. По-видимому, отделение шара от приборного отсека произошло не по команде теплового реле, а силовым методом: из-за перегрузок и нагрева. Электропроводка была отсоединена не в разъемах, а порвана и спаялась в один ком. Предположительно отстрел люка и капсулы произошел одновременно (нормально капсула отстреливается через 2,5 секунды после люка). Капсула деформировалась от удара о люк, который нашли в 50 километрах от шара. Шар до сих пор находится в районе приземления. Собаки с 26 декабря в Москве и чувствуют себя хорошо. 29 декабря я их видел и «поздравил» с благополучным возвращением.

2 января.

Сообщения ТАСС о полете космического корабля 22.12.1960 года нет и, по-видимому, уже и не будет. Все потуги Королева хоть частично зафиксировать этот полет провалились. Отказавшись сообщать о полете, ЦК КПСС тем самым признал серьезный провал этого пуска.

5 января.

У Руднева заседала комиссия по «Венере» (автоматическая межпланетная станция — АМС — Ред.)и кораблям «Восток-1» и «Восток-3А» (технологический и пилотируемый корабли — Ред.). Присутствовали: Келдыш, Королев, Бармин, Глушко, Семенов, Кутасин и другие (всего около 30 человек). Заслушали три доклада.

1. Доклад Воскресенского. Возможная причина отказа двигателя третьей ступени при первой попытке (10 октября 1960 года — Ред.)запуска ракеты на Марс — в двигатель не поступал керосин, по-видимому, из-за замерзания трубопровода или из-за утечки керосина через негерметичный клапан. Точно причина не установлена. Вторая попытка (14 октября 1960 года — Ред.)запуска ракеты на Марс также оказалась неудачной. Кроме того, попытка пуска (24 октября 1960 года — Ред.)новой ракеты Р-16 закончилась ее взрывом на старте и гибелью 74-х человек, в том числе маршала Неделина. Причины этих неудач точно не установлены, и их никто не рискнет установить. Дело в том, что пуски приурочивались к выступлению Хрущева в ООН в Нью-Йорке, и поэтому была допущена преступная спешка и неорганизованность. Начальство «давило на всех и вся» и «выдавило» грандиозные провалы. Воскресенский этого не говорил, а я слушал его

и думал о действительных причинах провалов. Так думали все, но молчали.

2. Доклад Чертока. Планируется три пуска на Венеру. Задача — попасть на Венеру, проверить связь на расстоянии миллионов километров и аппаратуру нацеливания. Первый пуск — 20–23 января 1961 года; второй пуск — 28–30 января 1961 года; третий пуск — 8-10 февраля 1961 года.

3. Доклад Бушуева. На сегодня есть 4 корабля «Восток». Первый пуск — 5 февраля 1961 года; второй пуск — 15–20 февраля 1961 года.

Затем выступали: Белоусов (ОКБ-567) по радиотелеаппаратуре, Ландер (ОКБ-2) по корректирующе-тормозной двигательной установке. Много неполадок, мало испытаний. Мало двигателей. На всем печать спешки. Академик Ишлинский Александр Юльевич указал на необходимость изучить проблему трения в космосе. Выступали также Хрусталев (средства ориентации), Хант (системы подрыва корабля), Мозжорин (организация измерений, наблюдений, связи и поиска).

6 января.

Сегодня Главком ВВС подписал приказ о назначении комиссии по приему выпускных экзаменов у первых шести слушателей-космонавтов. Председателем комиссии назначен я, заместителем — Бабийчук. Сдавать экзамены будут следующие товарищи: капитан В. Ф. Быковский, капитан А. Г. Николаев, капитан П. Р. Попович, ст. лейтенант Ю. А. Гагарин, ст. лейтенант Г. Г. Нелюбов, ст. лейтенант Г. С. Титов.

9 января.

Провел организационное заседание экзаменационной комиссии. Решили экзамены проводить 17 и 18 января. Утвердили вопросы и порядок проведения экзаменов. Согласились, что главное — выявить знания по кораблю и условиям полета в космосе и проверить данные по тренировкам, характеристикам и зачетам.

17 января.

Сегодня комиссия, назначенная приказом Главкома ВВС под моим председательством, начала прием выпускных экзаменов у первой шестерки слушателей-космонавтов, подготовленных в Центре подготовки космонавтов (ЦПК) ВВС. В состав комиссии входят: генерал-майор Бабийчук, генерал-лейтенант Волынкин, генерал-

лейтенант Клоков, полковники Яздовский и Карпов, академик Сисакян (АН СССР), кандидат технических наук Феоктистов (ОКБ-1), Главный конструктор завода № 918 ГКАТ Алексеев и заслуженный летчик-испытатель Галлай (ЛИИ). Присутствовал начальник ЛИИ ГКАТ Н. С. Строев. Это первые в нашей стране выпускные экзамены космонавтов. Проходили они в филиале ЛИИ и были засняты на кинопленку.

Каждый слушатель-космонавт занимал место в кабине действующего макета космического корабля «Восток-3А» и в течение 40–50 минут докладывал комиссии о назначении корабля, его оборудовании, о действиях космонавта на различных этапах полета от посадки в кабину корабля на старте и до приземления в районе посадки. Во время доклада экзаменуемого и после доклада члены комиссии задавали вопросы. Особое внимание комиссией уделялось умению космонавта ориентировать корабль перед включением ТДУ(тормозная двигательная установка — Ред.), знанию и умению пользоваться аппаратурой, обеспечивающей жизнедеятельность космонавта, действиям космонавта после приземления в пустынной местности и на воду. Все слушатели показали хорошие знания космического корабля и условий его полета. Гагарин, Титов, Николаев и Попович получили оценки «отлично», а Нелюбов и Быковский — «хорошо».

18 января.

Сегодня комиссия в том же составе продолжила свою работу, но уже в ЦПК. Каждый слушатель вынимал экзаменационный билет и после 20-минутной подготовки отвечал на три вопроса, записанные в билете. Сумма всех вопросов в билетах полностью охватывала объем пройденного за 9 месяцев курса обучения. После ответов на вопросы билета каждому слушателю задавалось еще 3–5 дополнительных вопросов.

Все слушатели показали отличные знания. Рассмотрев личные дела, характеристики, медицинские книжки и оценки слушателей по учебным дисциплинам, комиссия единогласно решила всем слушателям поставить общую отличную оценку и записала в акте: «Экзаменуемые подготовлены для полета на космическом корабле «Восток-3А», комиссия рекомендует следующую очередность использования космонавтов в полетах: Гагарин, Титов, Нелюбов, Николаев, Быковский, Попович.» После окончания экзаменов в

присутствии членов комиссии я объявил результаты экзаменуемым, пожелал им успехов в дальнейшей учебе и в космических полетах.

В эти дни у меня часто возникали вопросы: «Кто из этой шестерки войдет в историю, как первый человек, совершивший космический полет? Кто первым из них, возможно, поплатится жизнью за эту дерзкую попытку?» На эти вопросы пока нет ответов, но можно предвидеть, что при отличной работе техники любой из них справится с ролью космонавта. В марте-апреле 1961 года состоится первый полет человека в космос. Есть полная уверенность, что корабль выйдет на орбиту, но нет еще гарантии безопасной посадки. Из четырех космических кораблей, летавших в 1960 году(в 1960 году запускалось 4 корабля «Восток-1» и 1 простейший корабль «Восток-1П» — Ред.), вышли на орбиту 3 корабля, отлично приземлился один корабль и еще один приземлился аварийно, но собаки остались живы. До полета человека будет еще два запуска кораблей с манекенами, будем надеяться, что они оба приземлятся отлично.

Все шестеро космонавтов — отличные парни. О Гагарине, Титове и Нелюбове сказать нечего — они не имеют отклонений от эталона космонавта. Николаев самый спокойный из шестерки. Быковский менее, чем другие, внутренне собран, способен на некоторую долю развязности и может сказать лишнее. Попович пока загадка: создает впечатление волевого человека, но ведет себя в раздорах с женой излишне мягко. У них дочь пяти лет, жена — летчик Серпуховского аэроклуба. Может быть, поведение Поповича объясняется редким благородством души, а может быть, за таким поведением есть и неизвестная нам тайна. Попович по всем данным может быть одним из первых среди шестерки, но семейные неурядицы тянут его назад. Будем принимать меры, чтобы помочь ему.

19 января.

Вчера в 23:45 с аэродрома Чкаловская на Ил-14 я вылетел в Тюра-Там(космодром Байконур — Ред.)на подготовку пуска «Венеры». Королева и Келдыша еще нет, всей подготовкой руководит заместитель Королева Черток Борис Евсеевич. Черток сообщил, что из-за неполадок в радиооборудовании, пуск состоится не раньше 26 января. На втором старте комиссия генерал-лейтенанта Соколова готовит к пуску боевую ракету Р-16 конструктора Янгеля, того самого, который

случайно остался жив при гибели маршала Неделина. В гибели Неделина его вина очень большая, но он отделался, как говорится, «легким испугом».

20 января.

В монтажном корпусе на сборке находятся два объекта «В»(АМС «Венера» Ред.). Первая и вторая ступени ракеты для этих объектов такие же, как для корабля «Восток», третья ступень — новая и имеет двигатель конструкции Косберга, четвертая ступень имеет один двигатель. Объект «В» весит около 600 кг и имеет один двигатель конструктора Исаева для коррекции траектории полета.

Всего готовятся три объекта. Их пуски были запланированы на 20–22 января, 28–30 января и 8-10 февраля, но сейчас уже ясно, что этот план нереален. Оборудование привезли на полигон без комплексных испытаний в ОКБ-1 из-за задержки поставок, а жесткие сроки «давят» на Королева: пускать объекты можно только в период 20.01–14.02.1961 года. ОКБ-1 готовит пуски на Венеру, готовит пуск «Востока-3А» и еще отвечает за совершенствование боевых ракет. Получается очень большая разбросанность, одно мешает другому. Пуск на Венеру — затея едва ли разумная: она задерживает полет человека и снижает боеспособность ракетных войск. Вероятность достижения Венеры данной системой небольшая, а цена эксперимента огромная, учитывая не только деньги, но и влияние этих работ на другие цели.

21 января.

Утром встречался с Келдышем, Королевым, Глушко и другими членами комиссии по пуску ракеты на Венеру. У всех неважное настроение. В лучшем случае пуск состоится 29 января, но многие считают и этот срок нереальным. Для нас — авиационных работников, привыкших к тому, чтобы техника перед полетом была всесторонне проверена, — невероятно, дико, что на старт вывозят уникальную аппаратуру почти без проверки на заводах. Комплексная проверка объекта «В» будет впервые проводиться на полигоне. Радиоаппаратура, которая должна работать четыре месяца в условиях космического полета, проверялась только несколько часов.

Вероятность выполнения задания — попадание на Венеру — почти нулевая, но все уже подготовлено. Громадные средства на подготовку трех изделий израсходованы. Руководство ждет эффекта, и

эффект будет, но 99 из 100, что он будет отрицательным, хотя мне очень хотелось бы ошибиться в этом прогнозе. В 12:00 (время московское) на Ил-14 я вылетел из Тюра-Тама и в 19:00 прибыл в Москву.

25 января.

Дважды был у Главкома ВВС Вершинина, подробно доложил ему о ходе подготовки пуска ракеты на Венеру. Он также считает, что только требования престижа толкают нас на поспешный и недостаточно подготовленный эксперимент. Доложил Вершинину о результатах приема экзаменов у шести космонавтов. Главком подписал приказ об их переводе в постоянный состав ЦПК, утвердил акт экзаменационной комиссии и подписал доклад министру обороны Малиновскому.

26 января.

Звонил в Тюра-Там. Узнал, что пуск на Венеру перенесен на 1 февраля. Пуск «Ястреба» также перенесен с 27 на 30 января.

27 января.

В ЦПК разбирался с кадровым составом. По новым штатам Центр укомплектован почти полностью. Пришлось заменить заместителя по летной части, подполковника Целикина на инженер-полковника Азбиевича из ГКНИИ ВВС(Государственный краснознаменный научно-исследовательский институт ВВС Ред.), а на должность начальника планового отдела (начальника штаба) назначить полковника Масленникова из Управления боевой подготовки ВВС. Два часа беседовал с космонавтами (присутствовали все 20 человек). Обсуждали вопросы организации летной тренировки космонавтов.

30 января.

Звонил на «Зарю» — пуск на Венеру пока запланирован на 1 февраля. Вечером еще раз позвоню, и если подтвердят эту дату, то в 23:00 вылетаю на полигон. Говорил с К. Д. Бушуевым, у него нет никакой уверенности, что пуск состоится 1 февраля.

31 января.

В 6:00 (время московское) прилетел в Тюра-Там. Народу здесь собралось много: маршал Москаленко, генерал-лейтенант Семенов, генерал-лейтенант Соколов, генерал-лейтенант Попов и другие. Из гражданских — Пашков, Зверев, Шокин, Келдыш, Королев, Янгель и много других. Ни королевский объект, ни ракета Янгеля к старту еще

не готовы, заводские бригады продолжают возиться с устранением дефектов в радиооборудовании. Вечером комиссией принято решение: «В-1»(АМС «Венера-1» — Ред.)вывозить на старт и готовить к пуску 2 февраля в 4:31:11 по московскому времени. Ракету Янгеля намечено пускать вечером того же дня.

1 февраля.

Утром встречался с Королевым и Келдышем; первый бодрится, у второго настроение довольно кислое. Ракета стоит на старте, она метров на 5–7 выше ракеты для корабля «Восток». Комплекс проверок на старте прошел удовлетворительно, но отказал один из гироскопов. В 23:30, когда все собрались на совещание в землянке у старта, подполковник Кириллов доложил о готовности к заправке ракеты топливом. Королев заверил, что через час положение с гироскопом прояснится, и тогда можно будет заправлять ракету. В 2 часа ночи стало ясно, что пуск не состоится, и его перенесли на 4 февраля.

2 февраля.

Весь день специалисты Королева искали причины отказа гироскопа третьей ступени ракеты. Янгель готовил старт своей двухступенчатой ракеты Р-16, который назначили на 18:00 местного времени, но затем время старта несколько раз переносилось. Пуск состоялся в 24:00 местного времени. В ясную лунную ночь под ракетой заклокотало море огня, и она стала медленно подниматься. Около трех минут полет проходил нормально, но двигатель второй ступени не включился, и ракета упала в 520 километрах от старта.

3 февраля.

По уточненным данным, двигатель второй ступени Р -16 включился и работал. Ракета упала из-за отказа в системе управления, а это могло произойти из-за срыва люка со второй ступени. Люк сорвало в момент старта, так как он был закреплен всего 2 болтами, вместо 8.

Причина отказа гироскопа на королевской ракете установлена: в подшипнике прибора нашли металлическую стружку, длиной до миллиметра. После двух комплексных проверок ракеты на старте был назначен ее пуск на 4 февраля в 4:18:03. Сегодня у всех уверенности в успехе пуска больше, чем 4–5 дней тому назад.

4 февраля.

Первый старт ракеты на Венеру состоялся точно в 4:18 по московскому времени. За два часа до восхода солнца я стоял на открытой площадке в 800 метрах от старта и наблюдал, как под ракетой с нарастающим шумом разрасталось море пламени. Зрелище было исключительно красивым. На 119 секунде полета отделилась первая ступень. Ракета простым глазом наблюдалась более четырех минут. Инверсионный след ракеты на высоте более 100 километров был освещен Солнцем. Телеметрия и все измерительные пункты работали нормально. 4-я ступень отделилась от 3-й, но команда на запуск двигателя 4-й ступени не прошла, и двигатель не запустился. В космосе появился «великий немой» — самый большой спутник Земли (весом в 8 тонн), но без радиосвязи. Оставаясь внутри 4-й ступени со свернутыми антеннами, он не мог передавать и принимать радиосигналы.

Через два часа после запуска собралась комиссия. Решали — объявлять об этом пуске или нет. Большинство, в том числе и я, высказались за немедленное опубликование сообщения о запуске. Учитывая политическую ситуацию и то, что за рубежом все равно обнаружат этот спутник, мы полагали целесообразным дать объяснение появления нового большого спутника, не раскрывая истинную цель запуска. Глушко предложил удачный вариант официального сообщения: «С целью отработки запуска более мощного космического корабля выведен на орбиту новый спутник, с помощью которого в течение первого же витка получены все необходимые телеметрические измерения». Королев и некоторые другие члены комиссии высказали свои сомнения в целесообразности публикации сообщения о пуске, но им возразили, что этот спутник за границей могут окрестить разведчиком или еще хуже — будут писать о неудачном запуске человека. Самую непонятную позицию занял Пашков. Он сказал, что надо подождать сообщений из-за границы и только после этого давать свои объяснения.

На Венеру мы не попали, но три ступени новой ракеты сработали отлично. Теперь у нас есть ракета, которая может вывести на орбиту 8 тонн, а следовательно, и «стрельнуть» в любую точку земного шара самым мощным термоядерным зарядом. Учитывая малые сроки подготовки пуска ракеты на Венеру и новизну ее 3-й и 4-й ступеней, а также АМС, мы можем без всякой натяжки поздравить нашу Родину с

новым крупным успехом в освоении космоса. Пишу эти заметки в самолете Ил-14. В 10:30 по московскому времени вылетел в Москву. Очень хочется спать: сказываются две подряд бессонные ночи.

5 февраля.

Вчера около 7 часов вечера была прервана программа телепередач, и комментатор выступил с сообщением о запуске нового тяжелого спутника. Сообщение ТАСС опубликовано в сегодняшних газетах. ЦК КПСС, с моей точки зрения, поступил правильно, дав согласие на опубликование некоторых данных о спутнике.

12 февраля.

Вчера в 11:00 вылетел из Москвы в Тюра-Там. В 23:00 собралась комиссия и приняла решение о втором пуске ракеты с АМС на Венеру. Установлено, что при пуске 4 февраля отказал умформер 4-й ступени ракеты, который не был загерметизирован. На данной ракете умформер загерметизировали, других изменений не делали.

В 3:34:25 точно в расчетное время состоялся старт ракеты, который и в этот раз прошел отлично. Ракета более пяти минут наблюдалась простым глазом. В конце первого витка включился двигатель 4-й ступени, и АМС была направлена в сторону Венеры. Бортовая аппаратура «Сатурн» при первом сеансе связи работала недостаточно хорошо, но второй сеанс подтвердил, что АМС идет по траектории, близкой к расчетной. К 12 часам станция была уже в 126 тысячах километрах от Земли.

Итак, одержана новая блестящая победа в космосе. Я очень рад, что ошибся в своих прогнозах. Наша космическая техника еще раз продемонстрировала свой высокий класс, а наши люди — рабочие, техники, инженеры, конструкторы и ученые — высокую одаренность, великое умение и упорство в труде. Хотя у нас еще нет полной уверенности, что АМС привенерится, и цель этого полета будет достигнута, но уже можно с гордостью сказать, что впервые в истории человечества созданнаясоветскими людьми межпланетная станция несет вымпел Родины к далекой Венере (АМС «Венера-1» пролетела в мае 1961 года на удалении около 100 тысяч километров от Венеры Ред.).

Утром, когда стало ясно, что АМС вышла на траекторию полета, мы вспомнили, что еще не завтракали. В столовой чувствовалось приподнятое настроение, за некоторыми столиками даже выпивали за

победу. Королев, Келдыш, Бармин и я ограничились более скромным завтраком. После завтрака я и Королев направились в гостиницу, и там в одном из кабинетов между нами состоялся разговор, о котором мне хочется кое-что написать.

Несколько слов о С. П. Королеве. Он — Главный конструктор ОКБ-1, создатель баллистической ракеты Р-7, главной силы наших ракетных войск, он создатель лунных ракет и кораблей «Восток-1», «Восток-3А» и виновник сегодняшнего триумфа — полета АМС на Венеру. Королев среднего роста, плотный, очень подвижный, энергичный человек. Его знания, волевые качества, талант конструктора и организатора не подлежат сомнению. Сергей Павлович уже многое сделал в ракетной и космической технике и далеко еще не сказал своего последнего слова — среди пионеров космоса его имя всегда будет одним из первых. Его многие побаиваются, и почти все считаются с его мнением. Он несколько избалован и ведет себя иногда деспотично. Особенно это заметно в его взаимоотношениях с Келдышем: Мстислав Всеволодович без консультации с Королевым и без его одобрения не принимает ни одного решения. Короче говоря, Келдыш излишне мягок и даже застенчив, а Королев очень самоуверен и несколько грубоват. Во время нашей с ним беседы Сергей Павлович поделился со мной своими планами на будущее, дал почитать свою голубую папку «Планы ОКБ-1 на семилетку». В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР №715-296 от 23 июня 1960 года о создании тяжелых обитаемых спутников Королев начал создавать носитель Н-1.

В своих перспективных работах Королев ищет поддержки у ВВС. Он заявил, что ракетчики его не понимают и что «с ними едва ли сваришь кашу». Я обещал ему, что подробно доложу о нашей беседе Главкому ВВС Вершинину и организую его поездку к Королеву на фирму. В беседе мы ориентировочно наметили сроки пусков кораблей «Восток-3А». Очередной пуск запланировали на 22–23 февраля, последующий через 8-10 дней. Пуски будем проводить с манекенами для отработки средств приземления космонавта. Если оба пуска будут удачными, то при третьем пуске полетит человек.

После пуска ракеты на Венеру 4 февраля многие на Западе считают, что мы неудачно запустили в космос человека; итальянцы даже будто бы «слышали» стоны и прерывистую русскую речь. Все это

совершенно беспочвенные выдумки. На самом деле мы упорно работаем над гарантированной посадкой космонавта. С моей точки зрения, мы даже излишне осторожны в этом. Полной гарантии успешного первого полета в космос не будет никогда, а некоторая доля риска оправдывается величием задачи. Я с Королевым и Келдышем договорился о том, что до полета человека в космос должно быть осуществлено не менее двух подряд полностью удачных полетов кораблей с манекенами.

14 февраля.

Сегодня я, Волынкин, Бабийчук и Яздовский были на заводе №918 у Главного конструктора С. М. Алексеева. Договорились, что с 20 февраля на заводе будут начаты занятия космонавтов по изучению скафандра, кресла и НАЗа(носимый аварийный запас — Ред.), а также будет проводиться индивидуальная подгонка скафандров.

15 февраля.

Звонил Королев, сообщил, что полет к Венере идет нормально. Он и Келдыш собираются завтра вылетать в Евпаторию. Королев сказал, что после моего отлета из Тюра-Тама, он и Келдыш разговаривали по телефону с Н. С. Хрущевым. Хрущев пуском ракеты на Венеру очень доволен и благословил их на новые подвиги. Пуск очередного «Востока» переносится на 24–25 февраля. Первый корабль «Восток-3А» уже на полигоне. Вчера и сегодня на полигон начали прибывать команды специалистов из ОКБ и заводов.

20 февраля.

Сегодня Вершинин, Пономарев, Волынкин, Яздовский, Холодков и я были в ОКБ-1 у С. П. Королева. Он рассказал нам о своих планах строительства космических кораблей на ближайшие 2–3 года, показал в цехах сборку носителей. Обращаясь к Вершинину, Королев коротко и ясно сформулировал цель сегодняшней встречи: «Я изложил вам наши перспективы и возможности. Как видите, они не малые — мы можем многое сделать по освоению космоса, но мы ждем поддержки со стороны ВВС, лично от вас, товарищ маршал, и от ваших ближайших помощников. ВВС должны подвести стратегию и тактику под наши начинания в космосе». Вершинин заверил Королева в том, что он в принципе поддерживает планы ОКБ-1 и готов всячески содействовать их реализации. Тут же договорились, что согласованные решения по конкретным вопросам взаимодействия ОКБ-1 с ВВС будут принимать

Королев и Каманин. Королев предложил Вершинину заказать для ВВС 10–15 кораблей типа «Восток-1» или «Восток-3А». Сергей Павлович также сообщил, что пуск «Востока» с манекеном переносится на 27–28 февраля.

В одном из цехов Королев показал нам вторые экземпляры межпланетных станций, одна из которых сфотографировала Луну, а вторая сейчас летит к Венере. Здесь же находились и два корабля(спускаемых аппаратов кораблей Ред.) «Восток-1». На одном из них собаки Стрелка и Белка сутки летали в космосе и благополучно возвратились на Землю; второй не вышел на орбиту и приземлился в Якутии в районе Туры(запуск 22.12.1960 года — Ред.): корабль поднялся на высоту 214 километров и пролетел 3500 километров; собаки, мыши и морские свинки остались живы, хотя перегрузки доходили до 20 единиц.

22 февраля.

Сегодня у Устинова обсуждали готовность изделий «Восток-2» и «Восток-4»(фоторазведывательные спутники — Ред.). Присутствовало около 30 человек. Доклад сделал Королев. Он сказал, что из-за задержек в отработке фото-, теле- и радиоразведовательной аппаратуры мы опаздываем на 2–3 месяца с пуском «Востока-2», но пуски «Востока-1» дают уверенность, что мы на правильном пути. «Восток-2» будет готов к запуску в июне-июле этого года. Выступившие в прениях Богомолов, Келдыш, Мозжорин, Руднев и Москаленко согласились с основными положениями доклада. Устинов в своем заключительном слове настаивал на том, чтобы Министерство обороны (МО) определилось как заказчик космической техники и точнее формулировало свои тактико-технические требования к ней. (Пока вся космическая аппаратура изготавливается по особым решениям правительства и в очень малых количествах, что ограничивает объем и задачи проводимых исследований.)

Сегодня же в 16:00 состоялось заседание комиссии по пуску «Востока-3А» у Руднева. Договорились, что первый пуск с манекеном будем проводить с некоторыми недоделками в первых числах марта, а второй пуск выполним только после полного испытания всей аппаратуры и в той же укомплектованности, которая будет использоваться при полете человека. В связи с выявившимися недоделками аппаратуры жизнеобеспечения (Главный конструктор

Воронин) и аппаратуры катапультирования и спуска (Главный конструктор Алексеев) решили на очередном заседании 27 февраля заслушать Алексеева и Воронина. На этом же заседании с докладом выступит генерал-лейтенант Кутасин (по организации поиска шара и космонавта).

24 февраля.

Строев, Алексеев, Воронин и другие представители промышленности и ВВС обсуждали у А. А. Кобзарева степень готовности аппаратуры обеспечения жизнедеятельности космонавта и системы приземления. Н. С. Строев сделал общий доклад. Алексеев и Воронин, как всегда, защищали свои позиции и яростно отбивались от наседавших на них военных специалистов. В результате обсуждения пришли к заключению, что очередной пуск нужно проводить, не дожидаясь окончания всех испытаний и устранения мелких неполадок в некоторых системах (газоанализатор, антенно-фидерное устройство, НАЗ); второй пуск с манекеном провести только после окончания всех испытаний оборудования. Необходимо будет выполнить несколько катапультирований кресла с вышки, одно катапультирование кресла с манекеном из шара, проверить систему аварийного катапультирования на старте, закончить морские испытания скафандра и НАЗа; провести 13-суточные испытания новых осушителей Воронина, которые должны поддерживать влажность в корабле не более 60 процентов (предыдущая аппаратура Воронина не выдержала испытаний: на 9-й день влажность в шаре повысилась до 80 процентов, а температура до 35 градусов, из-за чего температура тела испытателя поднялась до 39 градусов, и эксперимент пришлось прервать).

Таким образом, первый пуск может состояться 2–3 марта, а второй — 20–25 марта. Пуск корабля с человеком вполне возможен в конце марта или первой половине апреля. На всех заседаниях и совещаниях по вопросам подготовки полета человека в космос чувствуется излишняя перестраховка лиц, которые практически ничего не делают по обеспечению полета и только мешают тем, кто этот полет готовит и несет ответственность за его последствия. Мое личное мнение таково: без риска космос не освоить, но бояться риска и возможных жертв, значит тормозить полеты в космос.

27 февраля.

Сегодня в ОКБ Алексеева провели большое совещание по предстоящим испытаниям оборудования и срокам устранения выявленных недостатков. Решили все испытания закончить к 20 марта. Кобзарев высказался за то, чтобы второй корабль «Восток-3А» отправить в Тюра-Там только после окончания всех испытаний (21–25 марта). Алексеев, Строев и я высказались за более ранний срок (1–5 марта). Мы также предложили устанавливать аппаратуру в корабль и параллельно проводить испытания, а окончательное заключение о годности аппаратуры дать после первого пуска и окончания всех испытаний.

Вечером состоялось заседание комиссии по пуску «Востока-3А», на котором были приняты следующие решения:

1. Испытательный отстрел манекена из шара производит Алексеев до 10.03.1961 года.

2. Катапультирования испытателей с самолета Ил-28 производит ЛИИ: два катапультирования спиной к воздушному потоку (штатный режим) и два — лицом к потоку (аварийный режим).

3. 10–20 марта проводятся морские испытания НАЗа.

4. 2-12 марта проводятся испытания аппаратуры Воронина (системы регенерации и осушения воздуха).

2 марта. Тюра-Там.

Сегодня я, Королев, Яздовский, Галлай, Алексеев и другие товарищи более трех часов редактировали «Инструкцию космонавту», составленную шестью космонавтами совместно с представителями ОКБ-1 К. П. Феоктистовым и О. Г. Макаровым. Эта первая в мире «Инструкция» пилоту космического корабля, конечно, далека от совершенства, но она дает космонавту основные рекомендации по его действиям при подготовке к старту, в момент старта, на активном участке выведения, на орбите, при спуске и посадке, а также в различных особых условиях полета (ручной спуск, вынужденное увеличение продолжительности полета и др.). Королев, Келдыш, Бушуев и Вознесенский настаивали на значительном сокращении текста «Инструкции», считая, в частности, что после проверки всего оборудования корабля инженером, космонавт перед стартом должен проверить скафандр и радиосвязь, а остальное оборудование только осмотреть. По существу эти предложения резко ограничивали деятельность космонавта в кабине корабля при подготовке к старту и в

полете. Королев мотивировал свои требования тем, что в одновитковом полете вся аппаратура четко сработает автоматически — без вмешательства пилота. Мы — Яздовский, Галлай, Смирнов и я — будучи категорически против ограничения действий пилота, высказали такие доводы. Космонавты очень хорошо знают оборудование корабля и свои возможности управления им в случае вынужденного ручного спуска (после включения логического замка). Они будут чувствовать себя увереннее, если лично убедятся в исправности аппаратуры. Кроме того, производя полную проверку оборудования перед стартом, наблюдая различные явления в полете, записывая свои впечатления и показания приборов в бортжурнал и докладывая о них по радио, космонавт будет все время занят. Постоянная занятость космонавта будет отвлекать его от возможных отрицательных эмоций при перегрузках и в невесомости, к тому же мы сможем получить много ценной информации для подготовки последующих полетов. После довольно продолжительных дебатов Королев и Келдыш согласились с нашей точкой зрения, и отредактированный первоначальный вариант «Инструкции» был утвержден Королевым и мною. Пуск технологического корабля «Восток-3А» перенесен на 9 марта.

4 марта.

При участии Королева, Алексеева, Яздовского и других товарищей мной составлен график подготовки космонавта к полету в день старта. В целях сокращения до пяти часов промежутка времени между подъемом (побудкой) космонавта и стартом корабля пришлось согласиться на наклеивание датчиков физиологического контроля космонавтам за день до старта и на размещение космонавтов в ночь перед полетом на площадке №2 в домике маршала Неделина. Королев и Келдыш настойчиво предлагают, чтобы при двух предстоящих пусках я был вместе с Королевым в бункере. Это предложение совпадает с моим желанием. После определения района посадки корабля я буду готов немедленно вылететь к месту его приземления.

6 марта.

Комиссия (Келдыш, Королев, Соколов, Глушко, Богомолов и другие) заслушала доклад Косберга по материалам расследования причин отказа двигателя РО-7, приведшего к вынужденному спуску корабля в районе Туры 22 декабря 1960 года. Причины отказа точно не установлены, предполагается засорение топливных магистралей при

заправке. Затем с докладами о ходе подготовки пуска корабля «Восток-3А» выступили: Бушуев — о расчетных данных по траектории полета, времени пуска и районе приземления (Сталинград, Куйбышев, Свердловск); подполковник Яковлев — о готовности измерительных пунктов и всех средств связи; подполковник Кириллов — о результатах комплексной проверки и готовности ракеты к вывозу на старт. Комиссия приняла мое предложение об организации Центрального пункта управления полетами в Москве и пунктов управления в Тюра-Таме, Новосибирске, Колпашеве, Хабаровске и Елизове (Камчатка). Москва будет иметь КВ- и УКВ-связь; Тюра-Там, Колпашево и Елизово — только УКВ, а Новосибирск и Хабаровск — только КВ-связь. Радиус действия КВ-связи 5000 километров, УКВ — 1500 километров, но радиусы эти пока практически не проверены, и нет уверенности в надежности связи, особенно на участке выведения. На каждом пункте управления в течение всего времени полета кораблей будут присутствовать: начальник пункта, офицер связи, космонавт, врач и представитель Министерства связи.

9 марта.

В два часа ночи по московскому времени я вылетел из Тюра-Тама в Куйбышев (со мной летели Смирнов, Яздовский, Алексеев, Парин). Сразу после посадки на аэродроме Кряж я собрал поисковые экипажи Ил-14, Ми-4, Ан-2 и проверил готовность их к поиску. К 8:30 вместе с командующим ВВС Приволжского военного округа генерал-майором К. Т. Цедриком прибыли на КП ВВС округа. Из Москвы и Тюра-Тама сообщили, что подготовка к пуску проходит нормально. Через 15 минут после пуска получили подтверждение: старт корабля состоялся в 9:29 по московскому времени. Вскоре поступило сообщение и о выходе корабля на орбиту. Около 11 часов пришло несколько сообщений о начале спуска корабля, а в 11:40 из Москвы позвонил инженер-полковник Ю. А. Мозжорин (НИИ-4) и передал координаты точки приземления шара, определенные по засечкам «Кругов» (мощных наземных КВ-пеленгаторов): от Чистополя на восток 150 километров, а от Куйбышева на северо-восток 260 километров. Получив эти данные, я решил вылететь на самолете Ли-2 в город Заинск, расположенный в 15–20 километрах от точки приземления. Пока мы добирались до аэродрома Кряж, генералу Цедрику позвонил

начальник милиции Заинска и подтвердил, что два парашюта с контейнерами приземлились в 15 километрах северо-западнее города.

На аэродроме ГВФ под Заинском нас встретил председатель райисполкома Х. З. Зарипов. Отсюда вся наша группа отправилась на трех машинах к деревне Новый Токмак (12 километров севернее Заинска), так как разница между истинными координатами точки приземления шара и данными, полученными с помощью «Кругов», составляла около 20 километров. Накануне выпало много снега, и некоторые участки дороги, особенно в городе, были очень труднопроходимыми для автомашин. За городом дорога неожиданно улучшилась: оказывается, неподалеку от Заинска строится мощная тепловая электростанция (равная по мощности Куйбышевской ГЭС). Работы идут полным ходом и в зимнее время — самосвалы, тракторы, бульдозеры и другие машины, как кроты, прорывают себе траншеи в глубоком снегу. В деревне Новый Токмак мы пересели на лошадей, но и они передвигались с трудом, часто застревая в сугробах. На лошадях удалось добраться только до деревни Старый Токмак, а дальше полтора-два километра шли пешком.

Корабль и манекен «выбрали» отличный район приземления: на широком поле не было ни одного дерева, ни одного столба — только несколько стогов сена виднелись на заснеженном горизонте. Снегопад продолжался, и было очевидно, что при плохой видимости вертолеты не смогут сегодня пробиться к нам. К манекену мы добрались к 16 часам, а несколько раньше в этом районе с самолета Ил-14 были сброшены четыре парашютиста из поисковой группы. Парашютисты взяли под охрану район приземления, но все равно вокруг было много людей. Манекен лежал на спинке катапультируемого кресла и «смотрел» в небо. Скафандр красного цвета и черные башмаки хорошо выделялись на белом снегу. Рядом с манекеном лежали красный парашют, красная резиновая надувная лодка и НАЗ. Антенна НАЗа была в вертикальном положении и, по-видимому, нормально работала. Смирнов и Алексеев придирчиво осмотрели все снаряжение манекена и остались довольны результатами осмотра — он показал, что автоматика кресла, парашютной системы, НАЗа и скафандра сработала хорошо. Я дал команду грузить манекен и парашют на сани, а сам вместе с Яздовским, Зариповым и старшим техником-лейтенантом Калмыковым направился к шару.

В пяти метрах от шара стоял парашютист, а рядом с ним несколько молодых парней. Первое, что пришлось сделать — это удалить всех посторонних на 100 метров от шара, так как возможность его взрыва не исключалась, и до отключения системы АПО(аварийный подрыв объекта — Ред.) подход к нему категорически запрещался. Отключить систему АПО мог только представитель ОКБ-1, но он по распоряжению генерал-лейтенанта Кутасина был отправлен из Куйбышева в Сызрань, а затем вновь возвращен в Куйбышев. Там вертолет дозаправили, но из-за плохой погоды он не смог вылететь к нам. До наступления темноты оставалось около часа, и было ясно, что если действовать по инструкции и не подходить к шару до появления специалиста по системе АПО, то мы рискуем заморозить животных в шаре и не сможем сообщить об их состоянии в Москву. Зная, с каким нетерпением ждут там наших сообщений, я решил вдвоем с Калмыковым осмотреть шар. Внешнее покрытие корабля полностью обгорело, его нижняя часть при приземлении разрушилась (отделились восемь колец), оба люка были открыты, надувной резиновый шар с передатчиком П-37 лежал в двух метрах от корабля, антенна передатчика была, по-видимому, в рабочем состоянии. Все оборудование кабины корабля выглядело нормально, никаких повреждений мы не заметили. Тумблер системы АПО находился в положении «Отбой». После осмотра кабины я, посоветовавшись с Яздовским, разрешил Калмыкову вынуть из шара собаку Чернушку и контейнер с мелкими грызунами. Чернушка, мыши и морские свинки перенесли полет великолепно.

В деревне Старый Токмак у сельсовета собралась большая толпа колхозников и детей — всем не терпелось увидеть собачку, которая за полтора часа на высоте более 200 километров облетела всю планету. Пока я разговаривал по телефону с Москвой, Владимир Иванович Яздовский успел показать сельчанам Чернушку и прочитать им самую короткую, но очень убедительную лекцию об исследовании космоса. Вечером, когда мы, добравшись до Заинска, ужинали в районной столовой, по радио передали сообщение ТАСС о запуске в СССР 4-го космического корабля-спутника и его благополучной посадке в заданном районе.

10 марта. Заинск-Куйбышев-Москва.

Ночевали в новой гостинице строителей тепловой электростанции. В одном номере со мной ночевал академик В. В. Парин. Василию Васильевичу уже за шестьдесят, но держится он молодцом и для многих наших молодых офицеров может служить примером. В 6:30 за нами заехал заведующий райторгом Я. С. Оглодков — это он накормил нас вчера отличным ужином. В машине по дороге на аэродром он спросил меня, не узнал ли я его. Внимательно всмотревшись в лицо Оглодкова, я должен был признаться, что не помню, когда и где мы с ним могли встречаться. Оглодков сказал, что летом 1942 года, когда я под Тамбовом переучивался на новую технику, он работал техником самолета Ил-2, на котором я летал. Он привел неопровержимые доказательства того, что это было именно так, и все же я не смог восстановить в памяти те далекие дни. Благополучно доставив в Куйбышев Чернушку, мелкую живность и манекен, в 11 часов утра вылетели в Москву, где я подробно доложил о полете Востока-3А Главкому ВВС К. А. Вершинину и маршалу С. И. Руденко. Они были в приподнятом настроении, поздравляли с победой. Да, одержана еще одна блестящая победа все подготовлено для полета человека в космос. Конечно, это не значит, что у нас уже есть стопроцентная гарантия успеха — при освоении космического пространства могут быть и неприятности, и жертвы, но ясно одно: человек вот-вот сделает первый шаг в космос и тем самым решительно приблизит пока что фантастическую эпоху межпланетных сообщений.

11 марта. Москва.

На совещании у Главкома Вершинина рассматривали ТТЗ(тактико-техническое задание — Ред.) на пилотируемый двухместный корабль-спутник. Основные требования: масса — 6,5–7 тонн; высота полета — 270–300 километров; возможность изменения орбиты и скорости полета; повторность запуска ТДУ; надежность ориентации; приземление экипажа в герметичном шаре; при аварийной ситуации возможность катапультирования; длительность полета — до 15–20 суток; надежные дублированные средства связи.

Мишук, Холодков и я отстаивали необходимость обсуждения ТТЗ с руководством ОКБ-1. Главком разрешил использовать эти материалы в переговорах с Королевым как наш черновой проект ТТЗ. В выступлениях Вершинина и Пономарева явно сквозила мысль — как

бы нас не обвинили в том, что мы отказываемся от ракетопланов Челомея. На это я ответил, что корабли «Восток» Королева уже надежно летают, а ракетопланы Челомея — это «журавли в небе», и что и когда у него получится — пока неизвестно.

13 марта.

Уговорил Вершинина подписать (вопреки возражениям Пономарева) два приказа. Первый — о закреплении за ЦПК самолета Ту-104, оборудованного для полетов на невесомость, и о закреплении экипажа полковника Старикова за данным самолетом. Второй приказ — о проведении испытаний в ГКНИИ двух самолетов Ил-14, оборудованных пеленгаторами КВ-диапазона для поиска приземляющихся кораблей и космонавтов. Сегодня же у Главкома в присутствии Руденко и Агальцова долго обсуждали два вопроса:

1. Давать ли космонавту в полет шифр от логического замка? Этот шифр позволяет космонавту воспользоваться системой ручной посадки корабля в любой момент полета. Решили шифр космонавту дать.

2. Когда официально объявлять о полете космонавта? Я высказался за немедленное объявление, как только мы получим данные о том, что корабль вышел на орбиту. Главком и Агальцов высказались за объявление только после благополучной посадки. Руденко промолчал. По-видимому, он согласен со мной, но против мнения Главкома не пошел.

15 марта.

Главком и Ф. А. Агальцов приехали в Институт авиационной и космической медицины(ИАКМ — Ред.) для встречи с шестью космонавтами. Вчера я без труда уговорил Главкома на эту встречу, напомнив ему о необходимости его напутственного слова космонавтам перед их отлетом на полигон. Главком впервые прибыл в этот институт. Начальник ИАКМ генерал-лейтенант Волынкин очень благодарил меня за организацию этой встречи в надежде, что Вершинин решит некоторые проблемы института. Вершинин подробно ознакомился с ходом 11-суточных испытаний в тепловом макете космического корабля. Пояснения по эксперименту давал Яздовский. Затем Главком посмотрел наших знаменитых собачек: Белку, Стрелку и Чернушку. У Стрелки уже большое потомство — шесть трехмесячных щенят.

В беседе с космонавтами, продолжавшейся более часа, Вершинин сказал: «Я просматривал ваши личные дела, прочитал материалы о сдаче вами выпускных экзаменов. Уже не первый раз мы с вами встречаемся, и я знаю и верю, что вы хорошо подготовлены и натренированы. То, что я знаю о вас, характеризует вашу физическую, учебную, техническую и спортивную подготовленность к полету в космос. А мне хотелось бы знать и о том, как вы морально подготовлены к этому великому подвигу, верите ли в успех полета, как относятся к вашим занятиям ваши семьи?» Все единодушно заявили, что твердо уверены в успехе полета, а их семьи знают о наших достижениях в космосе.

Капитан Попович, а за ним и остальные космонавты высказали единственное замечание в адрес Главного конструктора Алексеева С. М., который не выполнил свое обещание. Вместо шести индивидуальных скафандров он сделал только три: для Гагарина, Титова и Нелюбова. Многие тренировки и парашютные прыжки в скафандрах сорваны из-за их отсутствия. Других претензий у космонавтов не было.

16 марта.

Тремя самолетами Ил-14 в 6:00 по московскому времени вылетели на полигон. Один самолет полетел прямо в Тюра-Там, а два других сначала полетели в Куйбышев. Там мы облетели район штатного приземления корабля и космонавта. В моем самолете были Гагарин, Нелюбов и Попович. В другом самолете с генералом Гореглядом находились Титов, Быковский и Николаев. Район посадки космонавтам понравился: в основном хорошо заснеженные поля, все водоемы подо льдом, лишь немного леса на севере да коварные для парашютистов и средств поиска — Жигулевские горы.

На отдых разместились в санатории Приволжского военного округа ВВС на берегу Волги, играли в пинг-понг, шахматы и бильярд. Космонавты, я, Яздовский и Карпов спали в одной большой комнате. Космонавты чувствуют себя хорошо, бодры, веселы и как всегда очень жизнерадостны. Юрий Гагарин первый кандидат на полет — почему-то бледнее и молчаливее других. Его не совсем обычное состояние, по-видимому, можно объяснить тем, что 7 марта у него родилась вторая дочь, и только вчера он привез жену домой из больницы. Наверное, прощание с семьей было нелегким, и это тяготит его.

17 марта.

Вылетели в Тюра-Там. В самолете играли в шахматы «на мусор». На аэродроме полигона нас и Королева с Келдышем ждали пять кинооператоров. Королев и Келдыш очень тепло встретились с космонавтами, но категорически отказались от участия в киносъемке. Я дал задание операторам не жалеть пленки и наиболее полно заснять космонавтов, их быт, тренировки, подготовку к старту и сам старт в космос. Со мной прибыли три наших кинооператора Кордюков, Павлов, Анисимов. Они снимали космонавтов в самолете.

18 марта. Тюра-Там.

В 10:00 космонавты встречались с Королевым, Келдышем, Глушко и другими конструкторами и специалистами. Королев каждому из космонавтов задал по 1–2 технических вопроса. Ответы всех удовлетворили. Королеву особенно понравилась готовность каждого «лететь хоть сегодня». Как уточнили в ходе беседы, к настоящему времени стартовало уже 6 кораблей «Восток», из них 4 вышли на орбиту, 2 отлично спустились на землю, 1 хорошо приземлился при отказе третьей ступени ракеты. Из 6 запусков полностью неудачным был второй — падение ракеты на старте(28 июля 1960 года — Ред.). Королев убедился, что космонавты знают о пусках кораблей не только из сообщений ТАСС, что они знают и об имевших место отказах техники и их причинах, а также о мерах, принятых для их предотвращения.

После двухчасовой беседы все прошли в МИК (монтажно-испытательный корпус) и ознакомились с носителем и кораблем. Генерал Горегляд после этого осмотра, пожалуй, наиболее точно выразил мнение «новичков»: «Я видел все это в кино, но в действительности это грандиозней, интересней и, бесспорно, сложнее новейшей авиационной техники».

Затем часа два вместе с космонавтами обсуждали текст «Инструкции космонавту». Космонавты сделали несколько существенных поправок: даже в первом одновитковом полете необходимо ослабить притяг парашютной системы; перчатки надевать только за 15 минут до старта, а не до закрытия люка №1, как настаивал Алексеев; на борту корабля должен быть сокращенный текст «Инструкции» по действиям космонавта при ручном спуске, в полете на сутки и при спуске за счет естественного торможения; связь вести с

помощью лорингофонов. Все поддержали необходимость ведения бортжурнала в полете. Кроме того, космонавты единодушно настаивали на том, чтобы им предоставили возможность стопорить раскрытие запасного парашюта при нормальной работе основного. Я согласился поставить задачу отработки такого стопора для последующих полетов, но при первом полете запасной парашют будет раскрываться автоматически.

19 марта.

Пуск «Востока-3А» переносится на 24–25 марта из-за неисправности аппаратуры радиосвязи корабля и необходимости ее доработки (Главный конструктор Л. И. Гусев). С 10:00 вместе с космонавтами разбирали варианты посадки корабля на территории СССР на различных витках полета. Самые лучшие условия посадки на 1, 2 и 16 витках, но можно садиться и на 4, 5, 6 и 7 витках. Все наиболее благоприятные для посадки витки, районы приземления и точки включения ТДУ нанесены на карту, которая будет на борту корабля. В этой работе очень большую помощь нам оказал Константин Петрович Феоктистов.

Около часа Королев, я, Яздовский, Карпов и Азбиевич беседовали о перспективах дальнейших работ. Королев заинтересован в поддержке ВВС и уже несколько раз повторяет мысль о том, что все военные работы в космосе нужно объединить в ВВС. Он признал, что медлительность в освоении развития космической разведывательной аппаратуры и связи частично объясняется тем, что богатый опыт ВВС в этой области до сих пор мало использовался, и что в решении этих вопросов ведущая роль должна принадлежать ВВС. Королев считает, что до 1965 года человек полетит к Луне. Возможно, он прав, но все зависит от степени внимания к космосу со стороны руководства страны и, в частности, со стороны военного руководства. Пока этого внимания явно недостаточно, и я буду упорно добиваться значительного усиления влияния военных в освоении космоса и большей целеустремленности и концентрации усилий.

С космонавтами отработали план радиопереговоров. С момента посадки космонавта в корабль (за два часа до старта) и до 710-й секунды полета (выход корабля на орбиту) связь будет вестись в УКВ-диапазоне, а после этого — в КВ- и УКВ-диапазонах, но только над территорией СССР. В случае отсутствия «приема» космонавт и

«земля» не прекращают работу «на передачу». Все шестеро космонавтов единогласно высказались за то, чтобы в случае отказа перед стартом УКВ-связи при отличной работе всей другой аппаратуры полет не откладывать. Сегодня мне принесли на утверждение план киносъемок космонавтов, разработанный военными и гражданскими кинооператорами с участием М. Л. Галлая. В плане — сплошной Галлай: он встречает, объясняет, учит, указывает и т. д. Я прочитал план в присутствии Галлая и вычеркнул из него всех, кроме космонавтов.

20 марта.

Сегодня космонавты тренируются в надевании и регулировании скафандра; а меня одолевает бесконечный поток мыслей о космонавтах, об их семьях, о ходе подготовки полета, о самом полете, об организации поиска и, пожалуй, главное — о серьезных организационных недостатках в освоении космоса. Все время меня преследует мысль, что мы действуем медленно и растопыренными пальцами. По-видимому, я обязан буду обратиться по этому вопросу в ЦК КПСС к Хрущеву. Мои обращения к Вершинину, Москаленко, Устинову, Рудневу, Келдышу и другим руководителям нельзя считать полностью бесплодными, кое-какое улучшение уже есть (ТТЗ на новый корабль, организация командных пунктов, усиление роли ВВС в разработке разведывательной аппаратуры), но этого совершенно недостаточно, чтобы нам не отстать в ближайшем будущем от Америки и закрепить наше лидерство в освоении космоса. На каждый наш спутник США запускают 3–4 своих спутника; сейчас в космосе летает более 15 американских спутников, причем их спутники в 4–5 раз легче наших. Они запустили 22 спутника «Дискаверер» для отработки разведывательной аппаратуры, а запуск спутника «Эхо-1» (надувной шар диаметром 30 метров) является отличным экспериментом по усовершенствованию средств связи. Американцы непрерывным потоком получают обширную информацию из космоса и настойчиво совершенствуют аппаратуру для своих будущих космических кораблей. Нам необходимо признать, что американцы, отставая от нас в весе спутников и в мощности ракетных двигателей, в то же время опережают нас по средствам связи, телеметрии и электронике. Мы потеряли связь с АМС, летящей к Венере, на удалении в 2 миллиона километров, а американцы уже имеют опыт

связи на расстоянии 37 миллионов километров. Нам крайне необходимо объединить усилия многочисленных ведомств, КБ, заводов и научных организаций в едином государственном органе, руководство которым поручить не «случайным» людям, работающим на космос (подобно Устинову, Рудневу и другим) по совместительству с большими земными делами, а тем, кто знает космос, для кого освоение космоса стало целью всей жизни.

Хочется записать несколько строк и об отважной шестерке космонавтов. Я познакомился с ними месяцев десять тому назад в кабинете Вершинина, когда Главком впервые принимал группу космонавтов. В ноябре прошлого года я фактически возглавил всю работу по освоению космоса, проводимую в ВВС. Мои встречи с космонавтами стали более частыми; я был председателем экзаменационной комиссии, знал их подготовленность к полету, их анкетные данные, но я почти не замечал их различий между собой — все они были для меня космонавтами и только. Вот уже пятые сутки мы все время вместе. Я провожу с ними занятия, мы вместе занимаемся спортом, едим за одним столом, играем в шахматы, смотрим кино. Все они доверчиво и с уважением относятся ко мне, а я начинаю подмечать их сугубо индивидуальные черты и интересы. Вчера, например, когда мы все после ужина пошли в кино, Титов попросил разрешения не идти с нами, а почитать Пушкина — оказывается, он увлекается поэзией и много читает. Попович, Николаев, Быковский и Нелюбов прилично играют в шахматы, иногда садятся и за преферанс. Юра Гагарин безразличен к картам и шахматам, но увлекается спортом, не оставляет без внимания остроумного анекдота или веселой шутки.

21 марта.

Утро на редкость тихое, приятная весенняя погода. Сырдарья понемногу освобождается ото льда, в камышах у противоположного берега слышны крики диких уток. После завтрака изучали с космонавтами организацию поиска корабля в случае его приводнения в море или океане. Докладывал капитан 1-го ранга Миловский Павел Данилович. Космонавты его сообщением остались довольны. Они не знают серьезных недостатков в оснащении морских поисковых кораблей средствами поиска. Только 2 корабля имеют КВ- и УКВ-пеленгаторы. Нам, к сожалению, очень хорошо известно, что при

приводнении космический корабль быстро затонет, а радиопередатчики вскоре выйдут из строя из-за отсутствия герметичности шара. Кроме того, НАЗ не имеет плавучести. Надо признать, что спасение космонавта на воде совершенно не обеспечено, и над решением этой проблемы придется еще немало поработать. Будем надеяться, что корабль приземлится на территории СССР.

Вечером Гагарин, Титов и Нелюбов в МИКе тренировались в надевании скафандра, посадке в кабину корабля, проверке скафандра и средств связи. Надевание скафандра занимает не более 20 минут, а посадка в кабину и проверка оборудования — 15 минут. На тренировке было излишне много людей.

22 марта.

С 10 до 12 часов Главный конструктор стартового комплекса Бармин Владимир Павлович проводил занятия с космонавтами. Показ своего обширного «хозяйства» он сопровождал подробными пояснениями. Весь стартовый комплекс очень сложен, зато гениально просто осуществлены подвеска ракеты и ее освобождение от опор — стоит ракете подняться на 49 миллиметров, как ее опоры откидываются под действием сил тяжести десятитонных противовесов.

В 12 часов я был у Королева и Келдыша. Они сказали мне, что поддерживают мое предложение: объявить о полете космонавта немедленно, как только корабль выйдет на орбиту.

23 марта.

Инженер ЛИИ Даревский провел занятия по коррекции глобуса. Занятия были достаточно хорошо подготовлены и безусловно полезны космонавтам. В полезности занятий усомнился только М. Л. Галлай. Галлаю не понравилось, что занятия поручили провести не ему, а Даревскому, — он нашел какие-то погрешности в методике проведения занятий, сбегал к Королеву, что-то ему наговорил и вытащил на занятия. Королев посидел минут десять, понял, что космонавты занимаются нужным делом, и ушел.

Вечером получили неприятное сообщение из Москвы: погиб слушатель-космонавт старший лейтенант В. В. Бондаренко. Нелепая первая жертва среди космонавтов. Он погиб от пожара в барокамере на десятые сутки 15-суточного эксперимента, проводившегося в Институте авиационной и космической медицины. Причина

возникновения пожара пока неизвестна, вероятнее всего, она кроется в плохой организации дежурства и контроля за ходом испытаний.

24 марта.

С 11:00 заседала Государственная комиссия по пуску «Востока-3А» под председательством академика Келдыша. Сначала комиссия заслушала доклад главного конструктора Алексеева. Он доложил, что испытания по катапультированию четырех испытателей с самолета Ил-28 еще не проведены, не начаты и морские испытания НАЗа. На проведение испытаний потребуется 7-10 дней. Проведено катапультирование из шара и имитация катапультирования на старте — результаты испытаний удовлетворительные.

Затем с докладом выступил заместитель Главного конструктора ОКБ-124 Николаев. В системе жизнеобеспечения космонавта хуже всего дело обстоит с системой регенерации воздуха. После 10-суточных испытаний в кабине корабля образовалась целая лужа соляного раствора: осушитель оказался малоэффективным. В ОКБ-124 пытаются решить возникшую проблему заменой применяемого химического вещества на более активное, на что потребуется 14–15 дней. Кроме того, плохо работает газоанализатор, завышающий показания по концентрации кислорода и углекислоты.

Решили, что пуск корабля «Восток-3А» с манекеном проведем 25 марта в 8:54 по московскому времени. О плохой работе Воронина и Алексеева послали шифровку Устинову и Рудневу. В 13:00 ракету вывезли на старт. При вывозе и установке ракеты на старте присутствовали космонавты. В 18:00 Гагарин и Титов надели скафандры и в специальном автобусе отправились на старт. Здесь они провели тренировку по подъему на лифте к люку космического корабля. Космонавты в скафандрах чувствуют себя уверенно и укладываются в интервалы времени, предусмотренные инструкцией.

25 марта.

В 6:30 местного времени Келдыш провел очень короткое заседание. Подготовка к пуску идет нормально, погода на старте и в районе посадки хорошая. Комиссия разрешила пуск. Генерал Горегляд, Азбиевич, Карпов и пять космонавтов за полтора часа до старта поехали на измерительный пункт (ИП). Они ознакомятся с оборудованием ИПа и будут там во время пуска. Я, Яздовский и космонавт Попович за 1 час 20 минут до пуска прибыли на КП старта

(в 10 метрах от ракеты). На корабле, стартующем сегодня, нет космонавта, но на нем имеется радиооборудование, и мы должны проверить средства связи и убедиться в их надежности. Все переговоры будут записываться на магнитофоны. Я передал пять раз: «Кедр», я — «Заря», проверяю связь — 1, 2, 3, 4, 5. Как слышите? Я — «Заря», прием». Две аналогичные передачи провели Королев и Попович.

Я впервые наблюдал работу стартового расчета и технического руководителя пуском. Королев был спокоен, расчет действовал четко и слаженно. Примерно за час до старта Королеву доложили, что один из датчиков на третьей ступени не работает. Он немедленно вызвал к себе Главного конструктора Косберга. После короткого обмена мнениями было принято решение отключить датчик. Для осуществления этой операции двум специалистам пришлось подняться на ракету, открыть люк третьей ступени, отсоединить четыре провода и закрыть люк.

За 10 минут до старта я перешел в бункер. Яздовский был уже там — на стартовой позиции он вел себя неспокойно, по-видимому, побаивался. Из бункера Королев, Кириллов и Воскресенский управляли пуском. Командовал подполковник Кириллов, а роль Королева сводилась к приему докладов о ходе полета. За 2–3 минуты до старта и в течение трех минут после пуска я принимал с борта магнитофонную запись отсчета секунд и песни. Через 18 минут поступил сигнал об отделении корабля от носителя и выходе его на орбиту.

Посоветовавшись с Королевым и Келдышем, я принял решение отправить в Москву тремя самолетами Ил-14 всех космонавтов и офицеров ВВС (всего 34 человека). Перед нашим отлетом Бушуев передал по телефону, что в районе посадки приняты сигналы от передатчиков П-37 и Р-126. Это означало, что парашюты раскрылись, и корабль приземлился. В Москву прилетели уже ночью. Дежурный по КП ВВС доложил: «Корабль приземлился отлично в районе Ижевска».

27 марта. Москва.

Корабль приземлился в 45 километрах юго-восточнее Воткинска. Манекен приземлился нормально, животные чувствуют себя хорошо. Собака Звездочка перенесла полет благополучно и сегодня весь день будет «выступать» перед журналистами и корреспондентами. Идут непрерывные звонки, все хотят побыстрее заснять знаменитую

«космонавтку». Между прочим, Звездочкой ее окрестил накануне полета Юрий Гагарин. Остальные космонавты его дружно поддержали, я «утвердил» их предложение, и собака Удача стала Звездочкой. Теперь у нас уже четыре собаки совершили космический полет.

Итак, подготовка к космическому полету человека, в основном, закончена. Есть большая уверенность, что одновитковый полет и приземление космонавта пройдут хорошо. Сами космонавты после наблюдения старта корабля и ознакомления с результатами посадки высказали мнение: «Все готово, можно лететь». Да, все готово для полета, рассчитанного на один виток с приземлением на нашу территорию. Но мы еще не готовы полностью к аварийным ситуациям в полете. Нет уверенности в аппаратуре обеспечения жизнедеятельности космонавта в случае спуска корабля за счет естественного торможения (при этом длительность полета может составить 2-10 суток). Последние испытания в тепловом макете корабля оказались неудовлетворительными, осушитель не поглощает всей влаги, выделяемой человеком. Все еще не проведены морские испытания НАЗа и не отработана методика приводнения космонавта. НАЗ пока негерметичен и плохо остойчив: его содержимое будет заливаться водой и радиопередатчики могут быстро выйти из строя. Корабль при приводнении может скоро затонуть (открыты два люка). Скафандр и лодка позволяют космонавту держаться на воде более суток, но отыскать его в океане и даже на море будет крайне трудно из-за отсутствия средств обозначения его местонахождения.

Сегодня началась энергичная (пока словесная, телефонная и заседательская) подготовка к полету космонавта. Звонили Королев и Кобзарев. Завтра поедем к Воронину, а затем к Дементьеву обсуждать все вопросы обеспечения жизнедеятельности и спуска космонавта. На среду планируется встреча с Д. Ф. Устиновым и Ф. Р. Козловым. Вечером доложил Главкому о состоявшемся пуске корабля, о занятиях космонавтов, их настроении и впечатлениях от пребывания на полигоне. Главком решил несколько важных вопросов:

1. Согласился с решением комиссии дать сообщение о полете космонавта немедленно после выхода корабля на орбиту.

2. Разрешил значительно усилить оснащение самолетов и вертолетов всем необходимым для эвакуации космонавта в любых

условиях приземления или приводнения. Разрешил вызвать командующих ВВС военных округов и проинструктировать их по организации поиска.

3. Подписал адресованное Москаленко письмо с просьбой разрешить киносъемку космонавтов на полигоне.

4. Дал указание организовать экзамены для одиннадцати слушателей-космонавтов на присвоение звания космонавта.

28 марта.

С утра были в ОКБ-124 (Главный конструктор Г. И. Воронин), осмотрели завод (бывший «Дукс»). Директором завода работает И. И. Румянцев, бывший секретарь московского обкома КПСС. Заместителем Воронина работает мой земляк Горин. Вместе с Гориным мы работали в меленковской(город Меленки, где прошла юность Н. П. Каманина, — Ред.) комсомольской организации и последний раз виделись лет 10 тому назад, когда он работал начальником главка в Министерстве авиационной промышленности. ОКБ и завод производят аппаратуру для обеспечения высотных полетов и жизнедеятельности космонавта. Завод в сравнении с другими авиазаводами отличается в худшую сторону. Для обеспечения космических полетов завод необходимо реконструировать и расширить.

На совещании в ОКБ-124, которое проводил Кобзарев, присутствовали: Королев, Келдыш, Бабийчук, Холодков, Яздовский, Генин, Смирнов, Воронин, Николаев, Румянцев, Горин и другие. Обсуждался главный вопрос: как быть с осушителем системы регенерации воздуха в кабине космического корабля? Осушитель, прошедший 10-суточные испытания в тепловом макете корабля, «выдал» четыре литра раствора хлористого лития. Врачи утверждают, что частицы этого раствора, попав в дыхательные органы космонавта, могут его отравить, а Воронин и его замы утверждают, что хлористый литий безвреден и его даже можно есть. Воронин предложил в качестве поглощающего влагу вещества использовать уголь, растворенный в хлористом литии. Этот состав трое суток испытывался в Институте авиационной и космической медицины при повышенных температурах и дал удовлетворительный результат (выделения раствора не было). После очень жарких дебатов решили провести 5-суточные испытания в повышенном температурном режиме с тем же

наполнением осушителя, только несколько изменив пропорции составляющих компонентов, и одновременно провести лабораторные испытания с древесным углем, насыщенным хлористым литием.

В 12:00 все поехали к председателю ГКАТ(Государственный комитет по авиационной технике — Ред.) П. В. Дементьеву. У него на совещании решили:

1. Выполнить 2–4 катапультирования в ЛИИ с самолета Ил-28.

2. Провести в Феодосии морские испытания НАЗа и подвесной парашютной системы.

3. Утвердить решение о 5-суточном испытании осушителя.

4. Согласиться с предложением Королева — отключить газоанализатор от приборной доски (он дает завышенные показания), но оставить его на борту корабля и контролировать его работу по телевидению.

Дементьев, Руднев и Королев дали нам почувствовать, что они очень недовольны письмом Вершинина к Устинову, в котором Главком с подачи Бабийчука изложил недостатки системы регенерации воздуха и газоанализатора. Пришлось выступить и защищать честь мундира ВВС, хотя я лично не стал бы писать такое письмо. Дело в том, что над системой регенерации воздуха уже более полугода совместно работают ОКБ -124 и Институт авиакосмической медицины. Как я установил, в недостатках системы регенерации воздуха есть доля вины и института. В этом в первую очередь повинны Яздовский и Генин, но виноват и я, так как безраздельно верил Яздовскому, а ознакомление с материалами испытаний показывает, что он прохладно относился к столь важному вопросу.

Два дня тому назад генерал-лейтенант Клоков передал слушателям-космонавтам не согласованное со мной решение Главкома об их переводе в космонавты без выпускных экзаменов. Сегодня я доложил Главкому, что такое решение неправильно. Вершинин согласился, что экзамены нужны. Он подписал приказ о назначении экзаменационной комиссии и сказал: Клоков меня неправильно понял и все перепутал. Генералу Клокову придется теперь отрекаться от своих необдуманных и излишне поспешных обещаний.

29 марта.

С 16:00 до 18:00 заседала Государственная комиссия у Руднева по итогам последнего пуска космического корабля и готовности к полету

космонавта. Королев коротко доложил об итогах пуска семи кораблей «Восток»: в 1960 году — 15 мая, 28 июля, 19 августа, 1 и 22 декабря; в 1961 году — 9 и 25 марта. Особое внимание он уделил двум последним удачным пускам и сделал вывод, что ракета-носитель и корабль «Восток-3А» готовы к полету человека. После других выступлений Руднев опросил всех персонально: «Кто за полет человека в космическом корабле»? Все были за полёт.

В 18:30 все собрались у Устинова. Доклад такой же, как и у Руднева, сделал Королев. Он продемонстрировал два альбома фотоснимков, сделанных 9 и 25 марта при пролете кораблей над Африкой и Турцией. На одном из снимков отчетливо виден турецкий город Александретта и бетонная полоса аэродрома. Есть несколько снимков летающих тарелок. По форме это не тарелки, а рюмки или вазы, поставленные одна на другую. Очертания этих красивых и несколько фантастических фигур очень четкие, я бы сказал, даже резкие. Не верится, что это оптические «фокусы» в атмосфере; «тарелочки» воспринимаются как реальные предметы — так и хочется дотронуться до них рукой.

После Королева выступили Воронин, Алексеев, Гусев, Келдыш, Ивашутин, Руднев. Я выступал три раза. Все подтвердили полную готовность носителя, корабля Восток-3А, космонавтов, всего оборудования, средств связи и поиска к полету космического корабля с человеком на борту. В результате обсуждения был отредактирован доклад в ЦК КПСС о готовности провести первый в мире полет человека в космос в период 10–20 апреля 1961 года. Доклад подписали: Устинов, Руднев, Калмыков, Дементьев, Бутома, Келдыш, Москаленко, Каманин, Ивашутин, Королев. К докладу приложили три варианта сообщений ТАСС:

1. Немедленно после выхода корабля на орбиту объявить на весь мир, что гражданин СССР…….. в космическом корабле «Восток поднялся в космос и совершает полет по орбите. С космонавтом поддерживается двухсторонняя радиосвязь. Космонавт чувствует себя хорошо.

2. После приземления корабля сообщить о месте и времени посадки. Сообщить о самочувствии космонавта.

3. В случае аварийной посадки космонавта в океане или на иностранной территории объявить об этом и просить оказать

космонавту помощь.

Решено, что корабль «Восток» не будет иметь систему аварийного подрыва. Против этого решения возражал только один Ивашутин. Поручили ему и Королеву еще раз просмотреть оборудование корабля и решить, что нужно сделать, чтобы секретные данные не попали в чужие руки в случае аварийной посадки на иностранной территории.

Сегодня в ЛИИ были проведены два удачных катапультирования испытателей с самолета Ил-28 в условиях, соответствующих условиям катапультирования с корабля «Восток».

30 марта.

Был у Устинова на совещании, на котором окончательно отредактировали и подписали доклад в ЦК КПСС. Сегодня по приказанию Главкома собирали и инструктировали командующих ВВС военных округов. Основной доклад сделал генерал-лейтенант Кутасин — об организации и средствах поиска приземлившегося корабля и космонавта. Особое внимание докладчик обратил на дублирование средств поиска и соответствие их условиям климата, времени года, погоде и конкретной обстановке в районе посадки корабля. В данное время средствами поиска оборудованы 20 самолетов Ил-14, 3 — Ан-12 и 2 Ту-95, 10 вертолетов Ми-4 и 3 — Ми-6. Эти самолеты и вертолеты имеют УКВ-пеленгаторы. Еще два Ил-14 оборудованы КВ-пеленгаторами. Один из них базируется в Куйбышеве, а другой в Свердловске. Я ознакомил командующих с уже имеющимся опытом поиска, с особенностями и трудностями поиска корабля в случае его посадки за пределами расчетного района. Обратил их внимание на необходимость широкого привлечения местных средств (самолеты, вертолеты и аэродромы ГВФ и ПВО, средства связи всех ведомств, дежурные наблюдатели, автомашины, катера и другие средства). Командующие высказали пожелание создавать штатные подразделения поиска и все работы по пуску и поиску объединить в ВВС под одним командованием.

31 марта.

Главком третий день занят встречами, приемами и проводами наших союзников по Варшавскому Договору. Сегодня в 9 утра он опять уехал по этим делам, но я успел доложить ему содержание двух писем: министру обороны — о готовности полета космического корабля с человеком на борту в период 10–20 апреля и начальнику

Генерального штаба Захарову — о передаче всех космических фотосъемок в ведение ВВС. Вершинин с удовольствием просмотрел альбом фотоснимков, полученных в последнем полете корабля «Восток-3А». Снимки подтверждают изумительную точность выдерживания расчетной орбиты корабля — четыре снимка почти полностью совпадают со снимками, полученными 9 марта в полете предыдущего корабля. Главком с интересом рассматривал снимки «летающих тарелок» и забрал их с собой, чтобы показать маршалам Гречко и Малиновскому.

Звонил Королев и передал, что Воронин решил заполнять осушитель углем. Сергей Павлович высказал сомнение, нужно ли сейчас менять уже всеми принятое решение. Я подтвердил ему нашу точку зрения: в первый полет осушитель зарядить древесной ватой, пропитанной хлористым литием, а с углем проводить опыты и готовить осушитель с новым заполнителем к более длительным космическим полетам. Сергей Павлович сказал, что в понедельник 3 апреля состоится заседание Президиума ЦК КПСС, на котором первым будет рассмотрен вопрос о полете человека в космос. Возможно, пригласят представителей ВВС и космонавтов.

1 апреля.

Вчера пришло сообщение о том, что морские испытания НАЗа и парашютной системы в Феодосии начались неудачно: НАЗ на воде не имеет остойчивости (вопреки неоднократным заверениям Алексеева), антенно-фидерные устройства заливает вода, передатчики не работают. Вчера же получил и другое, еще более неприятное сообщение. По всем согласованным решениям Институт авиакосмической медицины 30 марта должен был начать испытания осушителя Воронина с несколько измененным составом осушающего вещества, но Воронин к назначенному сроку не поставил институту всего необходимого оборудования. Более того, вечером 31 марта он сообщил, что по результатам 4-суточных форсированных испытаний в ОКБ-124 старый наполнитель осушителя не годится: на четвертые сутки он вновь стал выделять раствор хлористого лития, и поэтому начинать с ним многодневные испытания в тепловом макете корабля бессмысленно.

Вчера вечером мне на квартиру звонил заместитель Яздовского полковник Генин и добивался, чтобы я единолично, вопреки решениям

трех авторитетных комиссий (Руднева, Дементьева и Устинова), разрешил заполнить осушитель углем и начать с ним испытания. Я сказал Генину, что подобные вопросы по телефону не решаются, что этот конкретный вопрос компетентно может решить только Главный конструктор Воронин. Наша задача — испытать и дать заключение по осушителю, созданному Ворониным, — а не самим создавать новый осушитель. Для решения этой проблемы у нас нет ОКБ и специалистов. Этот разговор испортил мне сон на всю ночь. Я десятки раз восстанавливал в памяти историю наших взаимоотношений с фирмой Воронина и пришел к твердому убеждению, что Воронин как организатор очень слаб. Нужны очень серьезные мероприятия, чтобы решить проблему регенерации и осушения воздуха в кабине космического корабля при полетах на десять и более суток. Первый космический полет рассчитан на 1 час 30 минут. Осушитель, прошедший испытания, надежно обеспечивает жизнедеятельность космонавта в течение 6–7 суток, а с некоторыми сомнениями — и до 10 суток. Полет будем проводить с данным осушителем, но одновременно будем настойчиво его совершенствовать.

3 апреля.

Был в ЦПК. Сегодня сдает выпускные экзамены вторая группа слушателей-космонавтов: Хрунов Е. В., Комаров В. М., Беляев П. И., Волынов Б. В., Шонин Г. С., Горбатко В. В., Рафиков М. З., Леонов А. А., Филатьев В. И. Аникеев И. Н., Заикин Д. А. Председатель комиссии — я, члены комиссии: академик Сисакян, генерал-лейтенант Волынкин, генерал-майор Бабийчук, Главный конструктор Алексеев, полковники Яздовский, Карпов, Смирнов, космонавт Титов и другие. Я смог присутствовать только на экзаменах Хрунова и Комарова: к 13:00 меня вызвал Главком. Сегодня в 15:00 в Президиуме ЦК КПСС должен решаться вопрос о полете человека космос. Главком приказал, чтобы я с космонавтами Гагариным, Титовым и Нелюбовым находился в Главном штабе ВВС и был готов, если потребуется, немедленно выехать в ЦК КПСС.

Ожидая вызова, мы еще раз проанализировали готовность техники и космонавтов к первому полету. Я показал им альбомы фотоснимков из космоса от 9 и 25 марта. Пришли к общему выводу, что снимки из космоса будут иметь очень большую ценность как средство разведки. Я рассказал космонавтам и о ходе испытаний

парашютной системы, НАЗа и осушителя. По парашютной системе дополнительно проведено три успешных катапультирования испытателей с самолета Ил-28, катапультирование на Земле из шара и сброс шара с высоты 5 метров. Все испытания прошли хорошо. Космонавты знают о плохой остойчивости шара и недостатках осушителя. Они трезво оценивают обстановку и уверены, что одновитковый полет будет выполнен успешно. Гагарин просил включить в боевой расчет для подготовки космонавта на старте парашютиста полковника Никитина Николая Константиновича. Космонавты к нему привыкли и безраздельно ему доверяют. Никитин в данное время проводит испытания в Феодосии, а боевой расчет уже прошел тренировку и утвержден Государственной комиссией по пуску. К тому же Никитин недостаточно дисциплинирован и излишне болтлив. Учитывая все эти обстоятельства, решили состав боевого расчета не изменять. Гагарин, Титов (ему сегодня вручили партбилет) и Нелюбов записали на магнитофон свои речи перед стартом в космос. В 16:00 позвонил Королев и сообщил, что решение ЦК состоялось, — он сегодня улетает на старт. Сергей Павлович просил ускорить и наш вылет.

4 апреля.

Главком подписал удостоверения пилотов-космонавтов Гагарину, Титову и Нелюбову. Он утвердил также акт выпускных экзаменов и подписал приказ о зачислении в космонавты Хрунова, Комарова, Беляева, Волынова, Шонина, Горбатко, Леонова и Аникеева. Три слушателя-космонавта: Рафиков, Филатьев и Заикин, хотя и сдали экзамены, но не закончили некоторые испытания и тренировки, и поэтому решение о переводе их в число космонавтов будет принято позже. Вчера маршал Москаленко ответил отказом на ходатайство Вершинина о допуске на полигон четырех кинооператоров ВВС для съемки кинокартины «Подготовка и первый в мире полет человека в космос», но сегодня он прислал с полигона шифровку, в которой разрешает прибыть киносъемочной группе ВВС на полигон.

Звонил Келдыш, интересовался моим мнением относительно осушителя. Я сказал, что разделяю мнение Воронина и Королева: в первый полет смонтировать осушитель с ватой, уже прошедший испытания, а над осушителем с углем работать и готовить его для более продолжительных полетов. Главком поддержал мою точку

зрения и приказал передать Генину, Яздовскому и Бабийчуку, что решение принято и его надо выполнять, а не заниматься болтовней и перестраховкой. Это решение я передал Яздовскому и Бабийчуку. Оба ворчат они боятся, что в случае неприятностей из-за осушителя их могут призвать к ответу. Я их успокоил, сказав, что отвечать будем я и Главком.

В первом полете встретится много нового и совершенно непредвиденного. Не зря Никита Сергеевич вчера на Президиуме ЦК задал вопрос: «У кого есть сведения, как поведет себя космонавт уже в первые минуты полета, не будет ли ему очень плохо, сможет ли он сохранить свою работоспособность, выдержку и психическую уравновешенность?» Никто из присутствующих не мог дать Хрущеву определенного и однозначного ответа. Королев, не вдаваясь в тонкости вопроса, ответил: «Космонавты подготовлены отлично, они знают корабль и условия полета лучше меня и уверены в своих силах». Уверенность вещь хорошая и даже необходимая в таком большом и ответственном деле, как первый полет человека в космос. Я тоже верю в успех, моя уверенность основана на знании техники, людей, которые полетят, и некотором знании условий полета. Нет и никогда не будет «стопроцентной» уверенности в успехе космического полета, особенно первого. Ясно одно, что с каждым новым полетом в космос летательные аппараты, организация полета и подготовленность экипажа будут улучшаться.

Из 7 кораблей «Восток», уже запускавшихся в космос, 5 вышли на орбиту, при этом 3 корабля произвели отличную посадку и 1 — аварийную. Кроме того, при двух пусках на Венеру спутники вышли на орбиту. Так что корабль с человеком на орбиту выйдет, и этот подвиг советского народа будет совершен через 10–15 дней. Могут быть неприятности при посадке (особенно в случае приводнения), так как точность расчета места посадки колеблется в значительных пределах: 400–600 километров.

5 апреля. Тюра-Там.

Встал в 5 часов утра, чтобы ехать на аэродром. Неутомимая, как и тридцать лет назад, Муся (супруга Н. П. Каманина — Мария Михайловна — Ред.), приготовила хороший завтрак. Муся и внучка Оленька будут без меня очень скучать. Мне тоже от них трудно отрываться, но дело, ради которого я расстаюсь с ними, захватило меня

целиком. Ранним утром Москва пустынна и, пожалуй, наиболее привлекательна. Каменный мост, Манежная площадь, Большой театр, площадь Дзержинского, улица Кирова, вокзалы, Сокольники — все это очень знакомо и как-то по-новому дорого. Ночью выпал снег, за городом настоящий зимний пейзаж. Восходит багровое солнце, быстро бегут обрывки облаков, их становится все меньше и все больше открывается голубого неба день, судя по всему, будет хорошим.

На аэродроме Чкаловская готовы к вылету три самолета Ил-14. Как и в прошлый раз на старт летят все шесть космонавтов, а также инженеры, врачи, кинооператоры. В моем самолете летят Гагарин, Нелюбов, Попович, Яздовский, Карпов, Холодков и Алексеев. В самолете генерала Горегляда — Титов, Николаев, Быковский, Азбиевич, Никерясов, Никитин, академик Парин. В третьем самолете летят врачи и кинооператоры. Самолеты взлетают с 15-минутным интервалом. Погода отличная, идем с попутным ветром в Тюра-Там без промежуточной посадки.

В 14:30 по московскому времени садимся на аэродроме Тюра-Тама. Нас встречают Королев, Галлай и офицеры штаба полигона. Сергей Павлович пытается шутить, рассказывает, как обсуждался вопрос о пуске на Президиуме ЦК, но за обычными шутками чувствуется его большая озабоченность. Вчера вечером в разговоре со мной по «ВЧ» он сказал: «В этом запутанном деле с осушителями я надеюсь на Вашу поддержку, мы очень круто поговорили с Ворониным, но разговоры с ним бесполезны». Я отвел Королева в сторону и сказал, что Главком поддерживает решение иметь в первом полете осушители, прошедшие испытания. Он спросил: «А как Генин и Яздовский?» Я заверил его, что все будет в порядке, — у врачей нет достаточных оснований возражать, они связаны уже принятыми решениями. Сергей Павлович высказал пожелание, чтобы космонавты основательно повторили несколько раз порядок ручного спуска, провели занятия по связи и тренировки в скафандрах. Я ответил ему, что все это входит в наши планы и необходимые тренировки будут проведены. Королев показал свой ориентировочный план работ. Он считает, что 8 апреля ракету уже можно будет вывозить на старт, а 10–11 апреля совершить полет. Как обычно, Королев торопится, но до 15 апреля полет вполне может состояться.

Все последнее время и сейчас, когда я пишу эти строки, меня неотступно преследует одна и та же мысль — кого послать в первый полет, Гагарина или Титова? И тот, и другой — отличные кандидаты, но в последние дни я все больше слышу высказываний в пользу Титова, и у меня самого возрастает вера в него. Титов все упражнения и тренировки выполняет более четко, отточенно и никогда не говорит лишних слов. А вот Гагарин высказывал сомнение необходимости автоматического раскрытия запасного парашюта, во время облета района посадки, наблюдая оголенную, обледенелую землю, он со вздохом сказал; «Да, здесь можно крепко приложиться». Во время одной из бесед с космонавтами, когда я рекомендовал им пройти катапультирование с самолета, Гагарин отнесся к этому предложению довольно неохотно. Титов обладает более сильным характером. Единственное, что меня удерживает от решения в пользу Титова — это необходимость иметь более сильного космонавта на суточный полет. Второй полет на шестнадцать витков будет бесспорно труднее первого одновиткового полета. Но новый полет и имя первого космонавта человечество не забудет никогда, а второй и последующие забудутся так же легко, как забываются очередные рекорды.

Итак, кто же — Гагарин или Титов? У меня есть еще несколько дней, чтобы окончательно решить этот вопрос. Трудно решать, кого посылать на верную смерть, и столь же трудно решить, кого из 2–3 достойных сделать мировой известностью и навеки сохранить его имя в истории человечества.

Сегодня вечером произошел безобразнейший случай в нашем домашнем кинотеатре. Когда шесть космонавтов, пять полковников и два генерала расселись по местам, киномеханик устроил «перекличку», чтобы выяснить, присутствуют ли генералы Семенов, Соколов и Юрышев, а когда убедился, что их в зале нет, заявил: «Нам приказано без них не показывать». Мы все встали и ушли в знак протеста против феодально-байских порядков у генералов ракетных войск. Через пять минут к нам прибежал адъютант генерала Семенова и извинился от его имени, но мы решили: «Пускай они одни смотрят кино».

6 апреля.

Утром прилетел К. Н. Руднев — председатель Государственной комиссии по пуску корабля «Восток-3А» с космонавтом. В 11:30 в

присутствии Руднева, Келдыша, Семенова, Мрыкина и всех Главных конструкторов Королев провел техническое совещание. Первым обсуждался доклад Воронина о системе регенерации воздуха. Впечатление от доклада не в пользу Воронина и его ОКБ-124. Испытания проводились небрежно, много неряшливости и медлительности. Главная мысль докладчика сводилась к тому, что регенератор и осушитель вполне обеспечат десятисуточный полет. В связи с отсутствием другого проверенного осушителя и с учетом того, что первый полет рассчитан всего на 1 час 30 минут, приняли решение установить в корабле старый осушитель. Вторым докладывал Алексеев. Признано доказанным испытаниями и полетами манекенов 9 и 25 марта, что скафандр, кресло пилота, парашютные системы, НАЗ и автоматика приземления корабля и космонавта работают удовлетворительно. По обоим докладам я от имени ВВС дал заключение о готовности систем к полету.

После совещания Руднев поручил мне и Макарову (КГБ) отработать инструкцию по поведению космонавта в случае его посадки на иностранную территорию. С Королевым рассмотрели задание космонавту на полет. В задании указаны цели полета и действия космонавта при нормальном ходе полета и в особых случаях. Задание подписали Королев, Келдыш и я. Вечером Гагарин и Титов надевали свои индивидуальные скафандры и под руководством Алексеева и Востокова провели подгонку подвесной парашютной системы.

В гостиницу вернулись около 11 часов ночи. Я весь день наблюдал за Гагариным: мы вместе обедали, ужинали и возвращались в автобусе. Сегодня он держится молодцом — в его поведении я не заметил ни одного штриха, который не соответствовал бы обстановке. Спокойствие, уверенность и твердые знания вот его характеристика за день.

7 апреля.

Сегодня мы не ездили на вторую площадку. Провели три часа занятий с космонавтами по ручному спуску, по действиям после приземления. Гагарин, Титов и Нелюбов знают ручной спуск отлично. Около двух часов занимались спортом. Начал обучать космонавтов игре в бадминтон. Этой игрой особенно заинтересовались Титов и Гагарин. Провели киносъемку спортивной зарядки, занятий и

спортивных игр космонавтов, общежития и столовой. Вчера вечером договорились с Рудневым сократить по возможности ночные работы и готовить пуск на 11–12 апреля. Сейчас 15:00 местного времени. Ребята прилегли отдохнуть, а я спешу записать хоть несколько строк.

Говорил с Вершининым по «ВЧ», доложил, что у нас все идет нормально, пуск намечен на 11–12 апреля. Главком передал, что американцы планируют полет человека в космос на 28 апреля. Я сказал ему, что они раньше нас человека не запустят. 24 марта у них был большой провал: капсула «Меркурий» не отделилась от носителя и затонула в океане.

К нам на старт никто больше не прилетит. Начальства здесь и так больше, чем нужно. Вечером смотрели кинофильмы «Осторожно, бабушка» и «Восток-1». Кинокартина о полетах космических кораблей, особенно натурные съемки, сделана хорошо. Присутствовавший на просмотре маршал Москаленко высказал пожелание встретиться с космонавтами. Не возражая против встречи, я сослался на большую загрузку завтрашнего дня и уклонился от определения конкретного времени встречи.

8 апреля

Под председательством Руднева состоялось заседание Государственной комиссии по пуску космического корабля «Восток-3А». Рассмотрели и утвердили задание на космический полет, составленное и подписанное мной и Королевым. Содержание задания: одновитковый полет вокруг Земли на высоте 180–230 километров; продолжительность полета 1 час 30 минут; цель полета — проверить возможность пребывания человека в космосе на специально оборудованном корабле; проверить в полете оборудование корабля и радиосвязь; убедиться в надежности средств приземления корабля и космонавта.

Комиссия заслушала мой и капитана 1-го ранга Миловского доклады о готовности средств поиска, после чего остались только члены комиссии и обсудили на закрытом заседании еще ряд вопросов. Первый вопрос: кто полетит? От имени ВВС я предложил первым кандидатом на полет считать Юрия Алексеевича Гагарина, а Германа Степановича Титова — запасным. Комиссия единогласно согласилась с моим предложением. По второму вопросу — о регистрации полета как мирового рекорда и о допуске на старт и в район посадки спортивных

комиссаров — маршал Москаленко и Келдыш выступили против. «За» выступили Королев и я, нас поддержал Руднев. Постановили: полет оформить как мировой рекорд, но при составлении документов не допустить разглашения секретных данных о полигоне и носителе. По третьему вопросу — о вручении шифра логического замка космонавту — решили дать шифр космонавту в специальном пакете, предварительно проверив действие шифра на корабле. Поручили Каманину, Ивановскому, Керимову и Галлаю решить вопрос о выборе шифра и способе сохранения его на земле и в корабле. Четвертый вопрос: об аварийном катапультировании космонавта на старте. Решили: до 40-й секунды полета команду на катапультирование подает Королев или Каманин, после 40-й секунды космонавт катапультируется автоматически. Приняли решение завтра провести заседание комиссии в торжественной обстановке и объявить космонавтам решение комиссии о первом кандидате для полета и запасном космонавте.

В конце заседания маршал Москаленко, показывая на Яздовского, спросил меня: «А почему он здесь, ведь он ветеринар и занимается собачками?» Мне с трудом удалось убедить его, что Яздовский «человеческий» доктор, профессор и доктор медицинских наук. После окончания заседания все члены комиссии пошли в цех и смотрели тренировку Гагарина и Титова в корабле. Тренировка прошла хорошо, связь и оборудование корабля работали нормально.

9 апреля.

Сегодня Королев пустил «девятку» (МБР Р-9), пуск прошел нормально маршал Москаленко оценил его как рождение новой межконтинентальной ракеты. Несколькими днями раньше состоялся пуск МБР Янгеля Р-16, которая достигла «цели» на Камчатке с очень высокой точностью (отклонение по дальности 400 метров, а по направлению 50 метров).

В этот воскресный день мы все время оставались на десятой площадке. Ребята отдыхали, занимались спортом, играли в шахматы, смотрели кино. Руднев и Москаленко говорят, что пуск состоится 14–15 апреля. Главная задача — не торопиться и все тщательно еще и еще раз проверить. Москаленко, Руднев и Королев просили завтра организовать неофициальную товарищескую встречу с космонавтами.

С И. А. Лавреновым мы договорились о порядке встречи и списке участников.

10 апреля.

На утренней зарядке я в паре с Гагариным играл в бадминтон против Титова и Нелюбова. Мы выиграли со счетом 16:5. Вчера вызвал Гагарина и Титова и объявил им, что по моему представлению Государственная комиссия приняла решение в первый полёт отправить Гагарина, а запасным готовить Титова. Хотя для них это решение, зафиксированное еще в январе выпускной экзаменационной комиссией, не составляло секрета, тем не менее была заметна радость Гагарина и небольшая досада Титова. Я предупредил их, чт завтра состоится заседание комиссии с их присутствием, где им официально объявят о принятом решении.

В 11 часов в павильоне на берегу Сырдарьи состоялась встреча с космонавтами. В очень простой, дружественной обстановке Руднев, Москаленко, Королев встретились с Гагариным, Титовым, Нелюбовым, Поповичем, Николаевым и Быковским. Встреча началась с выступления Королева. Он сказал: «Не прошло и четырех лет с момента запуска первого спутника Земли, а мы уже готовы к первому полету человека в космос. Здесь присутствуют шесть космонавтов, каждый из них готов совершить первый полет. Решено, что первым полетит Гагарин, за ним полетят другие — уже в этом году будет подготовлено около десяти кораблей «Восток». В будущем году мы будем иметь двух- или трехместный корабль «Север».Я думаю, что присутствующие здесь космонавты не откажут нам в просьбе «вывезти» и нас на космические орбиты. Мы уверены полет готовился обстоятельно, тщательно и пройдет успешно. Успеха вам, Юрий Алексеевич!»

Выступление К. Н. Руднева: «Партия, правительство и лично Никита Сергеевич Хрущев направляли всю нашу работу по подготовке первого полета человека в космос. Ученые, конструкторы, инженеры и рабочие немало потрудились над созданием космического корабля «Восток». Сегодня этот корабль на старте, его два предшественника в марте дважды продемонстрировали нашу готовность послать человека в космическое пространство. Мы все уверены — полет подготовлен хорошо и будет успешно выполнен».

Выступление маршала К. С. Москаленко: «Родина, труды ученых, инженеров, конструкторов и рабочих дали нам возможность все подготовить к первому в мире полету человека в космос. Очень большая заслуга в этом всеми нами уважаемого Главного конструктора Королева Сергея Павловича. Кроме нашей уверенности в технике у нас есть полная уверенность и в подготовленности всех присутствующих здесь космонавтов и, в первую очередь, в вашей подготовленности, Юрий Алексеевич. От имени министра обороны маршала Советского Союза Малиновского, от себя лично я поздравляю вас, товарищ Гагарин, с высоким и ответственным поручением Родины. Летите, дорогой Юрий Алексеевич, и возвращайтесь на советскую землю в объятия всего нашего народа».

Примерно в том же духе выступили я и полковник Е. А. Карпов — начальник ЦПК ВВС. Затем выступили Гагарин, Титов и Нелюбов. Они поблагодарили за доверие, выразили твердую уверенность в успехе первого космического полета и напомнили о необходимости готовить следующие, более сложные полеты в космос. Встреча была теплой, задушевной. Умудренные жизненным и профессиональным опытом маршал, генералы и Главный конструктор Королев, как родных сыновей, напутствовали космонавтов на свершение величайшего в мире подвига.

Вечером состоялось торжественное заседание Государственной комиссии под председательством Руднева. В коротком вступительном слове председатель объявил о цели собрания и предоставил слово Королеву. Сергей Павлович сказал: «Корабль готов, вся аппаратура и оборудование проверены и работают отлично, прошу комиссию разрешить первый в мире полет космического корабля с пилотом-космонавтом на борту». Комиссия единогласно решила: «Утвердить предложение Королева о производстве первого в мире полета космического корабля «Восток» с космонавтом на борту 12 апреля 1961 года». Затем слово предоставили мне. Я официально представил комиссии всех космонавтов Гагарина, Титова, Нелюбова, Николаева, Быковского, Поповича и доложил, что все они отлично сдали выпускные государственные экзамены. Приказом главнокомандующего ВВС Главного маршала авиации Вершинина К. А. им впервые в нашей стране официально присвоено звание пилотов-космонавтов ВВС. Любой из шести полностью подготовлен и готов

совершить первый космический полет. Трудно из шести отличных выделить первого. Я сказал, что, по мнению командования ВВС, первым можно утвердить Гагарина, а запасным — Титова. Комиссия единогласно утвердила первым пилотом-космонавтом Гагарина Юрия Алексеевича, а запасным, — Титова Германа Степановича. Заседание комиссии было заснято на кинопленку, а все выступления записаны на магнитофон. Заседание проходило в зале монтажного корпуса на 2-й площадке, присутствовало более 70 человек.

Маршал Москаленко в разговоре со мной один на один жаловался на своего начальника штаба генерал-лейтенанта Никольского и дал понять, что он изучает возможность назначения меня на эту должность. Я попросил дать мне время, чтобы обдумать это предложение.

11 апреля.

В 5:00 ракету вывезли на старт. С 10 часов с космонавтами проводил занятия К. П. Феоктистов. Расчетный график полета следующий (время московское): 09:07 — старт. 09:09 — отделение первой ступени носителя. 09:18 — отделение корабля от носителя. 09:50 — солнечная ориентация. 10:15 первая команда. 10:18 — вторая команда. 10:25 — третья команда. 10:25:47 включение ТДУ. 10:36 — сгорание антенн. 10:43:43 — отделение шара от приборного отсека. 10:44:12 — катапультирование космонавта из шара.

Агальцов, я, Бабийчук и Яздовский в 10:00 приехали на старт. Руднев и Королев в это время были на самом верху ракеты и осматривали корабль. Я ознакомил Агальцова с системой аварийного катапультирования на старте. Полный комплекс проверки ракеты и корабля на старте прошел без замечаний. Королев попросил меня вместе с Гусевым организовать контроль и обобщение всех данных, поступающих с борта на Землю о состоянии космонавта. Яздовский поручил эту работу майору Ушакову и врачу Котовской.

В 13:00 на стартовой площадке состоялась встреча Гагарина с солдатами, сержантами и офицерами боевого расчета. Присутствовали Королев, Келдыш, представители промышленности. Я представил собравшимся старшего лейтенанта Гагарина. Юра произнес короткую, но прочувствованную речь, поблагодарил присутствующих за их большой труд по подготовке старта корабля.

После этой встречи мы поехали в «маршальский» домик (в нем обычно останавливался маршал Неделин), где Гагарину, Титову, Е. А. Карпову, врачу А. В. Никитину и мне предстояло провести ночь перед стартом. Я вместе с Юрой попробовал очень сытный, но не особенно вкусный обед космонавта в тюбиках по 160 граммов каждый: на первое — пюре щавелевое с мясом, на второе — паштет мясной и на третье — шоколадный соус. Юра чувствует себя превосходно. Давление — 115/60, пульс — 64, температура — 36,8. Час назад ему наклеили датчики для регистрации физиологических функций в полете. Эта процедура продолжалась 1 час 20 минут, но никак не сказалась на его настроении. Он очень любит русские песни — магнитофон работает непрерывно. Юра сидит напротив меня и говорит: «Завтра лететь, а я до сих пор не верю, что полечу, и сам удивляюсь своему спокойствию». На мой вопрос: «Когда ты узнал, что полетишь первым?», он ответил: «Я все время считал мои и Германа шансы на полет равными и только после того, как вы объявили нам свое решение, я поверил в выпавшее на мою долю счастье совершить первый полет в космос».

Несколько минут мы занимались с Юрой уточнением завтрашнего распорядка дня. Для того чтобы облететь земной шар, требуется всего полтора часа, а космонавту необходимо сесть в корабль за 2 часа до старта и ждать начала полета. Надо признать несовершенство подобной организации подготовки к старту. Этот вопрос занимал меня, Королева и врачей. Мы пытались сократить время ожидания полета космонавтом хотя бы до 1 часа 30 минут, но из этого ничего не вышло. Только на закрытие люка и на отвод установщика и ферм требуется больше часа. Проверка скафандра, связи и оборудования корабля занимает 20 минут. Мы все отлично понимаем, что бездеятельное ожидание старта очень неприятная необходимость для космонавта, и поэтому я буду занимать Юру радиоразговорами и сообщать ему о ходе подготовки к полету.

В 21:30 заходил Королев, пожелал спокойной ночи и пошел спать. Юра и Герман тоже собираются спать, я слышу их разговор в соседней комнате. Итак, завтра совершится величайший подвиг — первый в мире полет человека в космос. И совершит этот подвиг скромный советский человек в форме старшего лейтенанта ВВС — Гагарин

Юрий Алексеевич. Сейчас его имя никому ничего не говорит, а завтра оно облетит весь мир, и его уже никогда не забудет человечество.

12 апреля 1961 года, среда. Тюра-Там, площадка №2.

В 4:50 местного времени я, Карпов и Никитин встали как по команде. В 5:30 будем поднимать Юру и Германа. Ночь прошла очень хорошо, заснули около 22 часов. Чуть начинает рассветать, на дороге усиливается движение. Приехали наши с десятой площадки, Карпов пошел поднимать молодежь.

В 6:00 состоялось заседание комиссии. Оно было удивительно простым и коротким. Все доклады сводились к одной фразе: «Замечаний нет, все готово, вопросов нет, можно производить пуск». После заседания я подписал полетное задание, съездил в МИК и посмотрел, как идет медицинский осмотр и надевание скафандров. Все шло точно по расписанию. В 8 часов я вместе с ведущим инженером корабля на лифте поднялся к верху ракеты и проверил шифр (145) логического замка. Логический замок работал нормально. В 8:20 на старт прибыл маршал Москаленко. Мы с ним договорились о порядке посадки Гагарина в корабль. Автобус с космонавтами должен прибыть на стартовую площадку в 8:50. Все космонавты и провожающие остаются у автобуса, до лифта Гагарина должны провожать Королев, Руднев, я и Москаленко.

Намеченный порядок удалось соблюсти с трудом. Выйдя из автобуса, Юра и его товарищи немного расчувствовались и начали обниматься и целоваться. Вместо пожелания счастливого пути некоторые прощались и даже плакали пришлось почти силой вырывать космонавта из объятий провожающих. У лифта я крепко пожал Юре руку и сказал: «До встречи в районе Куйбышева через несколько часов».

Через 10 минут были проверены скафандр и связь. На КП связь с бортом держали я, Попович и Королев. За все время подготовки к старту была только одна маленькая заминка при закрытии люка № 1. Люк закрыли, но из-за отсутствия контакта, его пришлось вновь открывать и устранять мелкую неисправность. Весь радиообмен записывался на магнитофон. Слышимость была отличной, ответы Гагарина коротки, ясны и четки. Самочувствие космонавта, судя по его докладам, по голосу и по телеметрии, было хорошим. За несколько

секунд до старта на сообщение Королева — «Старт», Юра ответил: «Поехали!»

Старт прошел отлично. Перегрузки на участке выведения заметного влияния на голос космонавта не оказывали. Радиосвязь была хорошей. Космонавт чувствовал себя нормально. На 150-й секунде полета, после сброса обтекателя, Юра доложил: «Светло, вижу Землю, облака, видимость отличная.» Через несколько секунд он доложил об отделении первой ступени носителя. Через 13 минут после старта мы уже знали — первый в мире полет человека по околоземной орбите начался. В момент перехода связи со старта на Колпашево было несколько неприятных секунд: космонавт не слышал нас, а мы не слышали его. Не знаю, как я выглядел в этот момент, но Королев, стоявший рядом со мной, волновался очень сильно: когда он брал микрофон, руки его дрожали, голос срывался, лицо перекашивалось и изменялось до неузнаваемости. Все облегченно вздохнули, когда Колпашево и Москва сообщили о восстановлении связи с космонавтом и о выходе корабля на орбиту.

Через 20 минут после старта я с группой товарищей выехал на аэродром. Самолет Ан-12 поднялся в воздух и взял курс на Сталинград (расчетная точка посадки корабля для данной орбиты была южнее Сталинграда на 110 километров). Уже в воздухе мы прослушали сообщение ТАСС о благополучном приземлении космонавта в районе Саратова, а еще через несколько минут нам сообщили с КП ВВС: «Все в порядке, майор Гагарин вылетает в Куйбышев». После этого радостного сообщения все (в самолете нас было десять человек) начали целоваться, плясать, а Василий Васильевич Парин достал заветную бутылку коньяка. Я посоветовал распить ее при встрече с Юрой…

На заводском аэродроме в Куйбышеве нас встретил полковник Чечиянц из Главного штаба ВВС и доложил обстановку: «Гагарин благополучно приземлился в 23-х километрах от Саратова и через несколько минут сам позвонил в Москву. Позже, уже из Энгельса, вместе с Агальцовым они говорили по «ВЧ» с Хрущевым, Брежневым, Вершининым и другими руководителями». К этому времени на аэродроме собралась уже значительная толпа народа. Приехали: секретарь Куйбышевского обкома КПСС, председатель облисполкома, командующий ВВС округа и другие руководители. Прибытие

начальства усилило приток рабочих на аэродром с территории завода. Пришлось приказать командиру самолета Ил-14, на котором прилетели Гагарин и Агальцов, зарулить на самую дальнюю стоянку. Не успели мы на машинах подъехать к самолету, как и здесь образовалась большая толпа. Открылась дверь самолета, и первым стал спускаться Юра — он был в зимнем летном шлеме и в голубом комбинезоне скафандра. Все девять часов, которые прошли с момента его посадки в космический корабль до этой встречи на куйбышевском аэродроме, я волновался и переживал за него, как за родного сына. Мы крепко обнялись и расцеловались. Со всех сторон щелкали фотоаппараты, толпа людей нарастала. Возникла опасность большой давки, а Юра хотя и улыбался, но выглядел сильно переутомленным. Необходимо было прекратить объятия и поцелуи. Я попросил Агальцова и Юру сесть в машину и немедленно ехать на дачу обкома. Часа через три из Тюра-Тама прилетели Руднев, Королев, Келдыш и другие члены комиссии.

Дача обкома располагалась на высоком берегу Волги, с балкона третьего этажа открывался прекрасный вид на реку. Часов в десять вечера все собрались за столом. Присутствовали шесть космонавтов, члены Госкомиссии, руководители области. Руднев, Гагарин, Королев, Мурысев, Мрыкин произносили тосты, но пили очень немного — чувствовалось, что все очень устали. В одиннадцать часов разошлись по спальням. Так закончился этот тревожный, радостный, победный день. День 12 апреля 1961 года человечество никогда не забудет, а имя Гагарина навеки впишется в историю и будет одним из самых известных.

13 апреля. Куйбышев.

С 9:30 до 12:00 в присутствии членов Госкомиссии и представителей промышленности Юра рассказывал о полете и отвечал на многочисленные вопросы (беседа записана на магнитофон и застенографирована). Нас замучили телефонные звонки и корреспонденты, пробравшиеся на дачу. Они готовы беспрерывно снимать, фотографировать и задавать бесконечные вопросы. Удалось лишь немного погулять и поиграть в бильярд. Во второй половине дня Юра начал готовиться к встрече в Москве. Рапорт Хрущеву он освоил за полчаса, но первое время излишне торопился. Две-три тренировки устранили этот недостаток. Выступление на Красной площади также

было подготовлено довольно быстро. Я уже знал по выступлениям Юры еще до полета, что он обладает задатками неплохого оратора. Вечером два раза звонил Брежнев и несколько раз Вершинин. Обоих беспокоила завтрашняя погода (прогноз был плохим) и порядок выхода из самолета на Внуковском аэродроме. С Брежневым договорились, что из самолета первым выходит Гагарин, идет по дорожке к правительственной трибуне и рапортует Хрущеву, а мы выходим вслед за Гагариным и останавливаемся у подножья трибуны. Перед сном Юра примерил новую форму и шинель. Раза два я изображал Хрущева, а он подходил ко мне с рапортом.

14 апреля. Куйбышев-Москва.

Встал раньше шести и немедленно связался с Москвой. Как обычно, метеорологи ошиблись — погода в Москве к нашему прилету (13:00) должна быть хорошей. В 10:40 по московскому времени на самолете Ил-18 вылетели в Москву. На борту самолета — Юра, Агальцов, Рытов, Яздовский, я и несколько корреспондентов и кинооператоров. Километрах в 50 от Москвы нас встречает семерка истребителей и занимает место почетного эскорта: два истребителя справа, два — слева и три — вверху. Юра передает пилотам по радио: «Друзьям-истребителям — горячий привет. Юрий Гагарин». Летчики благодарят за приветствие. Проходим над аэродромом Внуково, вдоль Ленинского проспекта, над Красной площадью и продолжаем полет вдоль улицы Горького. На аэродроме, на улицах и площадях Москвы — всюду толпы людей. Ровно в 13:00 самолет выключает двигатели в 100 метрах от трибуны, открывается дверь, и Юра выходит навстречу своей большой и заслуженной славе…

21 апреля.

В субботу 15 апреля провели митинг у С. П. Королева. Днем состоялась пресс-конференция в Доме ученых. В 15:30 Гагарин выступал на Военном Совете ВВС. В воскресенье Юра отдыхал в резиденции Н. С. Хрущева, а я был на своей даче. В понедельник 17 апреля Юра приехал в ЦПК, встретился с личным составом Центра. Вместе со всеми космонавтами во главе с Юрой провели читку и редактирование доклада майора Гагарина 13 апреля на заседании Госкомиссии в Куйбышеве. Доклад Гагарина направлен в ЦК КПСС, в Совет Министров, Рудневу, Королеву и министру обороны. В тот же день вечером Юра выступил по телевидению.

18 апреля Юра отправился в Центральный авиагоспиталь в Сокольниках на 5-6-дневные послеполетные обследования. Вечером того же дня я выступил на вечере в ЦДСА. На следующий день заезжал к Юре, представил ему Денисова и Борзенко из «Правды». Они будут готовить книгу Гагарина, а я буду ее редактировать. 20 и 21 апреля много времени потратил на представления к наградам. Всего от ВВС представлено более 500 человек, из них отобрал только 200. Много недовольных и обиженных, больше всего обижаются те, кто почти ничего по космосу не делал. На днях в ЦК собирали редакторов газет и журналов и предупредили их, чтобы без моей визы они не печатали ни одной статьи, ни одной фотографии на космические темы. В связи с этим решением меня оглушают непрерывные звонки из редакций и завалили просьбами просмотреть материалы.

Сегодня вечером заседал Военный Совет ВВС, заслушали доклад генерал-майора А. Н. Бабийчука о причинах гибели слушателя-космонавта В. В. Бондаренко. Он семнадцатым по счету проходил 15-суточные испытания в барокамере. На десятые сутки, во время подогрева пищи на электроплитке в барокамере возник пожар, и Бондаренко погиб из-за сильных ожогов. Его гибель вскрыла серьезные недостатки в организации испытаний в Институте авиационной и космической медицины.

1 мая.

Были на Красной площади, смотрели парад и демонстрацию. Колонны демонстрантов интересно и красочно оформлены, но энтузиазма маловато. Рядом с нами стояли делегаты военной делегации Ганы, народ принимал их за кубинцев: раздавалось много лозунгов и криков в честь Кубы. Гагарин стоял на трибуне Мавзолея.

5 мая.

Члены Военного Совета ВВС и Р. Я. Малиновский с женой и дочерью с 18:00 до 24:00 были в ЦПК на встрече с космонавтами и их женами. Встреча прошла хорошо, но наши попытки «раскачать» министра не дали заметных результатов. Он дважды и довольно длинно выступал, но когда космонавты пытались ставить перед ним конкретные вопросы по военному освоению космоса, он отделывался шутками и туманными рассуждениями. Пока что Малиновский не понимает военного значения космоса и не хочет что-либо предпринять для наращивания успехов в этом деле.

9 мая.

Впервые после войны в Москве собрались около 80 моих соратников по 5-му ШАК(штурмовой авиационный корпус — Ред.). Все были очень довольны встречей. Решили писать историю корпуса, избрали организационный комитет.

Позавчера проводил Гагарина и всех космонавтов на отдых в Сочи.

19-20 мая.

С группой товарищей (Яздовский, Смирнов, Быков, Бушуев, Феоктистов) летал в Сочи на совещание с Королевым и со всеми космонавтами. Обсуждали, на сколько витков планировать второй полет человека в космос. До полета Гагарина второй полет намечался ориентировочно на сутки (16 витков). После полета Гагарина я предложил подойти к этому вопросу с большей осторожностью и провести следующий полет на 3–4 витка. Королев все время настаивал на суточном полете, обосновывая свою позицию тем, что ручной спуск еще не освоен, а посадка по команде с Земли на 2–7 витках будет осложнена значительным разбросом по дальности из-за меньшей точности солнечной ориентации корабля. Мне казалось, что с одного витка сразу перейти на 16 не совсем логично: нет уверенности, что космонавт сохранит работоспособность в течение суток, и неизвестно, как он перенесет перегрузки при спуске после суточного пребывания в условиях невесомости. Неясно также, каким будет психическое состояние космонавта после такого полета. В результате обсуждений приняли решение: полет планировать на сутки, одновременно подготовить возможность ручной посадки на 2–7 витках. Затем Королев очень обстоятельно доложил о перспективах. Всего имеется и заказано 18 кораблей «Восток», 9-10 из них запланированы для пилотируемых полетов. Корабль «Север» будет готов к полетам в третьем квартале 1962 года. ОКБ-1 усиленно работает над проблемами маневрирования и стыковки кораблей на орбите. Договорились с Сергеем Павловичем, что за каждым из основных направлений работы по подготовке пилотируемых полетов необходимо в ближайшие дни закрепить по три космонавта.

25 мая.

Юра до 27 мая будет в Болгарии. Уже два дня идет возня с оформлением моей поездки в Париж на конференцию ФАИ вместо В.

К. Коккинаки. Решение ЦК состоялось вчера, 27 мая уже надо вылетать, а еще ничего не оформлено.

Сегодня получил письмо Гагарина Главному маршалу авиации А. А. Новикову. В нем Юра пишет: «… Очень много говорится и пишется во всем мире по этому случаю(о полете в космос — Ред.). Я не могу и не имею никакого права принять все это на себя. Если моя заслуга составляет хотя бы одну сотую долю всего сказанного, то и это было бы для меня величайшей оценкой совершенного. Я знаю, как трудно было нашим летчикам в период Великой Отечественной войны. Их заслуги и трудности, которые они перенесли, во много раз больше моих. Я просто оказался в фокусе событий, которые подготовил народ, партия и наука… Космические полеты под силу выполнять только летчикам, если другие хотят летать в космос, то прежде они должны научиться летать на самолетах. Авиация — начальная ступень космических полетов».

Май-сентябрь.

С 27 апреля по 7 августа вместе с Гагариным был в Чехословакии, Финляндии, Англии, Исландии, на Кубе, в Бразилии, Канаде и Венгрии. В июле был в Париже на заседании ФАИ, где рассматривались рекорды Гагарина и Шепарда. Впечатлений и материалов от поездок очень много, но нет времени их обработать…

14 сентября — 3 октября.

14 сентября на самолете Ил-14 вылетели на отдых в Крым. Гагарин с семьей, Титов, полковники Азбиевич, Рудный, Аристов с женой и я с Марией Михайловной разместились на бывшей даче А. М. Горького (в двух километрах от основной базы санатория «Форос»). Первая неделя отпуска прошла хорошо, все время стояла солнечная погода. 21 сентября, группой в составе 23 человек, ездили в Севастополь. Осмотрели город, побывали в Панораме и Диараме, на Сапун-горе. Обедали на крейсере «Михаил Кутузов», где нас принимал командующий флотом адмирал Касатонов. Посещение города прошло хорошо, но к концу обеда Гагарин и Титов были заметно навеселе.

Возвращались в «Форос» на двух автомобилях «ЗИМ»«и автобусе. До Диарамы Гагарин ехал в машине вместе с Валентиной Ивановной, мной и Марией Михайловной. После осмотра Диарамы Гагарин, ничего нам не сказав, пересел в автобус. Это обидело Валентину Ивановну, было по меньшей мере бестактно. Проезжая в

Золотой долине мимо ресторана, автобус остановился, из него вышли Гагарин, Масалов, Ахмеров и направились к ресторану. Желая предупредить злоупотребление спиртным, я также поднялся в ресторан. Быстро выпили по стакану вина и спустились к машинам. Я сказал Юре, что его зовет Валентина Ивановна. Гагарин подошел к машине и спросил: «Ну, что тебе нужно?» Валя настойчиво просила его сесть в машину и ехать вместе с нами. Гагарин отказался, а Валя не согласилась перейти по его просьбе в автобус. Тогда он сердито хлопнул дверью машины и пошел в автобус один. Валя заплакала, мне и Марии Михайловне было очень неудобно. На следующий день я сказал Гагарину: «Вчера мне в первый раз было стыдно за тебя, ты очень обидел Валю». Юра признал свою вину и заверил меня, что он уже извинился перед Валей и больше ничего подобного не допустит.

25 сентября были в Артеке, где пионеры показали нам очень интересную спортивную игру «Снайпер». На обратном пути обедали в ресторане «Ялта», перед обедом осмотрели завод «Массандра» и попробовали более 12 различных вин. За Гагарина пили вино выдержки с 1934 года, за Титова — 1935, за меня 1908. Обедом «дирижировали» первый секретарь Ялтинского горкома партии А. А. Куценко и его первый заместитель Н. Н. Дементьев. Оба любят крепко выпить. В этой и других встречах они спаивали Германа и Юрия. Герман зачастил в Ялту, возвращался поздно и изрядно выпившим. 26 сентября я обнаружил, что охранник Титова — Роберт Ахмеров — пьет, спаивает Германа и занимается сводничеством. Серьезно поговорил с Титовым и Гагариным, предупредил их, что они на скользком пути, объявил, что немедленно отправлю Ахмерова в Москву. Оба признали свои ошибки и очень просили не наказывать Ахмерова. Герман уверял меня, что во всем виноват только он сам. Я им поверил. Ахмеров сдержал слово и вел себя хорошо, но Масалов, Серяпин, Логинов и другие продолжали пьянки и плохо влияли на Гагарина и Титова.

4 октября.

За девять часов до назначенного отъезда из «Фороса» случилось происшествие, которое попортило очень много крови мне и многим другим людям, несущим ответственность за Гагарина. Это происшествие могло закончиться очень печально для Гагарина, меня и

нашей страны. Юрий Гагарин был на волосок от нелепой и глупейшей смерти.

В этот день (3 октября) Юра с территории дачи не отлучался, за исключением прогулочной поездки на катере. Как я позже узнал, эта прогулка была опасной. Гагарин на четырехместную моторную лодку сажал по 6–7 человек, на лодке отсутствовали средства спасения. Юрий уходил далеко в море и делал очень резкие и опасные развороты.

За день Гагарин чрезмерно «напрощался». После ужина Юра сразу лег спать. Женщины играли в карты. В 22:00 я с женой ушел отдыхать, а в 23:50 она разбудила меня криком: «Коля, вставай! Внизу что-то случилось!» Через минуту я увидел Гагарина лежащим на садовой скамейке. Лицо и рубашка Юрия были в крови, на лице — рваные раны. Валя в слезах кричала: «Что же вы все стоите, помогите ему! Он умирает!» Срочно вызвали врача и начальника санатория. Через четыре часа приехали флотские врачи, сделали на месте операцию. Заключение: пробита надбровная кость, но рана не смертельная, над левой бровью останется шрам. Порекомендовали в течение трех недель сохранять постельный режим.

Из опроса Рудного, Масалова, Азбиевича, Титова, медсестры Ани, Валентины Ивановны и других людей я установил следующее. Гагарин проснулся около 22 часов, помогал купать Галку, а потом спустился в гостиную на первый этаж, где Валентина Ивановна с другими женщинами продолжала играть в карты, а мужчины — в шахматы. Юра «болел» за шахматистов, «помогал» жене, менял пластинки на проигрывателе, танцевал и был в нормальном состоянии. В 23:47–23:48 Юра сказал Вале: «Кончай играть, пошли спать!» — и вышел из гостиной. Через 2–3 минуты Валя, закончив играть в карты, спросила: «А где Юра?» Жена Серяпина с ехидцей сказала ей, что он пошел по коридору направо и зашел в одну из комнат. В коридоре находились три комнаты, из которых отдыхающие уже уехали. В двух комнатах Валя никого не обнаружила, третья была закрыта на ключ изнутри. Валя резко постучала в закрытую дверь. Через несколько секунд она открылась, в комнате горел свет, а в дверях стояла медсестра Аня (27 лет). На вопрос Вали: «Где Юра?» — Аня ответила: «Ваш муж выпрыгнул с балкона». Балкон возвышался над уровнем земли на 2 метра, под ним была асфальтированная дорожка,

окаймленная с внешней стороны цементированной бровкой. При прыжке Гагарин зацепился ногами за виноградные лозы, потерял равновесие и упал лицом на цементную бровку. Как рассказала медсестра Аня, она после смены с дежурства зашла в комнату отдохнуть, лежала на кровати одетой и читала книгу. Гагарин вошел в комнату, закрыл дверь на ключ и со словами: «Ну что, будешь кричать?» — пытался ее поцеловать… В это время раздался стук в дверь, и Гагарин выпрыгнул с балкона.

14 октября.

Вчера Гагарина самолетом привезли из Крыма в Москву и поместили в авиагоспиталь в Сокольниках. Самочувствие его удовлетворительное. Консилиум врачей решил, что еще 10 дней Гагарин должен соблюдать постельный режим. На открытие 22-го съезда КПСС он уже не попадет. Сегодня вместе с Валей были у Юрия. Я не стал читать ему нотаций, а только сказал: «Благодари Бога, тебе еще раз повезло, а могло быть очень плохо. Надеюсь, ты не хуже меня понимаешь, какие неприятности ты доставил себе, командованию, партии и народу. Ты получил очень дорогой урок, и из него нужно сделать выводы на всю жизнь». Юра сказал: «За эти дни я многое передумал, наделанных глупостей я сам себе не прощу, необходимо менять курс поведения».

17 октября.

Сегодня открылся 22-й съезд партии. Гагарин и Титов делегаты съезда. Титов на съезде, а Гагарин в госпитале. Утром звонили Фрол Романович Козлов и маршал Захаров, оба интересовались состоянием здоровья Гагарина и тем, когда он сможет быть на съезде. Я ответил, что еще не менее недели Гагарин будет находиться в госпитале. 4 октября я написал доклад в ЦК и министру, где изложил обстоятельства происшествия и указал, что до 24–25 октября Гагарин будет соблюдать постельный режим. Все начальство, начиная с Хрущева, очень недовольны происшествием. Сегодня утром Вершинин мне сказал: «С космосом справились, а на Земле начудили». Из-за отсутствия Гагарина ни он, ни Титов не избраны в президиум съезда. Короче говоря, случившееся с Гагариным происшествие уже начинает сказываться, все наши противники будут пытаться использовать ситуацию и против ВВС, и против меня лично.

Месяца два тому назад С. П. Королев предложил с интервалом в одни сутки запустить последовательно три корабля «Восток» с продолжительностью полета первого не менее трех суток, а второго и третьего — 2–3 суток, с тем чтобы все три корабля хотя бы в течение одних суток находились в космосе одновременно. Изучив это предложение, я заявил, что оно заслуживает внимания, но полеты можно будет осуществить не в ноябре 1961 года, как предложил Королев, а в середине 1962 года. По этому вопросу мы провели совещание у Главкома ВВС, после чего Вершинин направил Устинову, Смирнову, Келдышу и Королеву письмо, в котором говорилось, что ВВС выступают за односуточный полет с возможностью его продолжения максимум до двух суток такое решение принимает комиссия по результатам первых суток полета, при этом одновременно в космосе будут находиться не три, а только два корабля. Наши предложения исходят из того, что один суточный полет Титова не дает оснований для уверенного двух-трехсуточного полета. У Титова были головокружение, рвота, боли в голове и глазах, расстройство вестибулярного аппарата, отсутствие аппетита и позывов к естественным отправлениям. Все это было вызвано невесомостью и указывает на то, что к длительным полетам в космосе нужно долго и серьезно готовиться. Все наши (военные — Ред.) ученые единогласно высказались за необходимость повторения суточных полетов. Но за время моего трехнедельного отсутствия Королев сумел склонить многих, в том числе и Яздовского, на свою сторону. Он вызывал также Горегляда, Карпова, Николаева и Поповича и уговаривал их отказаться от официальной точки зрения ВВС. Думаю, что мы сумеем отстоять свое мнение, хотя неприятностей при этом будет немало.

18 октября.

Был в ЦПК, проверил, как идут занятия у космонавтов. Николаев уже закончил трехдневную тренировку в скафандре и в корабле, приступил к тренировкам на центрифуге. Попович вчера приступил к трехдневной тренировке в корабле, а Шонин и Волынов закончили тренировки на центрифуге. Другие космонавты занимаются по общей программе. Осмотрел тренажеры — к сожалению, еще есть много недоделок. В частности, трехплоскостной тренажер до сих пор полностью не испытан. Звонил генерал-лейтенанту Волынкину и приказал ему через два дня доложить программу ввода в эксплуатацию

этого агрегата. Командование ЦПК провело большую работу по благоустройству территории городка, но до полного порядка еще далеко. Обратил внимание Карпова и Никерясова на медленное выполнение моих указаний по наведению образцового порядка в ЦПК.

Леонид Иванович Горегляд рассказал мне, какой номер отмочил Герман Титов в Румынии. Автомобильная колонна, сопровождаемая мотоциклистами, ехала из Брашова в Плоешти. Герман проезжал Брашов в открытой машине, но за городом по плану он должен был пересесть в закрытую машину. Дорога к Плоешти проходила через горный хребет, в момент остановки автоколонны (для пересадки Титова из одной машины в другую) шел мелкий дождь, вечерело, видимость была плохой. Через минуту после того, как колонна тронулась, Леониду Ивановичу показалось, что впереди на одном из мотоциклов за рулем сидит Титов. Он не поверил своим глазам, но когда его машина подъехала поближе, он окончательно убедился, что Герман вместо того, чтобы пересесть в закрытую машину, сел за руль мотоцикла. Когда я рассказал об этом случае Вершинину, то тот весь побелел и долго не мог поверить в возможность подобного легкомыслия со стороны Титова.

20 октября.

Американское радио передает, что Гагарина нет на съезде КПСС, потому что он заболел лучевой болезнью. Врачи уже разрешили Гагарину сегодня ходить по палате, завтра — по зданию госпиталя, послезавтра — выйти на прогулку. 23 или 24 числа Юрию можно будет поехать на съезд. Сегодня был у Гагарина, передал ему подарок от швейцарской часовой фирмы — золотые именные часы-хронометр. Во время нашего разговора я спросил его: «Правда ли, что в феврале этого года ты по карнизу пятого этажа перебирался из своей квартиры в квартиру Титова?» «Николай Петрович, так ведь это было давно, там и опасности-то никакой не было», — ответил Юрий.

Подготовил текст выступления Титова на 22-м съезде КПСС, но над ним придется еще поработать.

24 октября.

Сегодня Гагарин прямо из госпиталя поехал на съезд. Я рекомендовал ему побыть там до первого перерыва и вернуться в госпиталь. 22 октября Гагарина впервые сфотографировали после травмы. Фотографии Юры с искусственной левой бровью показали

Козлову, Малиновскому и Хрущеву с просьбой разрешить Гагарину появиться на съезде. Ответа пока нет, но через мандатную комиссию съезда я все оформил и выпустил Юру в «свет».

Утром звонил Герман Титов. Я ему сказал, что на съезде он получит от Вершинина два экземпляра текста своего выступления, и попросил, чтобы он немедленно подал записку в президиум с просьбой разрешить выступить.

Вчера Николаев и Быковский были в ОКБ-1, вместе с Бушуевым и другими специалистами уточняли расположение приборов и аппаратуры в кабине космического корабля. Вчера же С. П. Королев прислал письмо, в котором сообщает, что ему на 1962–1964 годы потребуются 28 летчиков-космонавтов и 22 космонавта других специальностей (инженеры, ученые, связисты), в том числе пять женщин.

После полета Гагарина я уговорил Вершинина, Королева и Келдыша дать согласие на набор небольшой группы женщин, но пока это дело продвигается с большим трудом. На мой взгляд, женщин нужно готовить к космическим полетам, главным образом, по следующим соображениям:

1. Женщины обязательно будут летать в космос, поэтому надо уже начинать готовиться к полетам женщин.

2. Нельзя допустить, чтобы первой женщиной в космосе стала американка это будет оскорблять патриотические чувства советских женщин.

3. Первая советская женщина-космонавт будет таким же великим агитатором за коммунизм, какими стали Гагарин и Титов.

25 октября.

Утром заходил Титов, передал ему два экземпляра текста его выступления на съезде. Сказал, что Главком очень недоволен его частыми отлучками с заседаний съезда. После дневного заседания на несколько минут забежал Юрий Гагарин. В газетах уже появились его новые снимки. Следы ранения на лице почти незаметны: бровь сделана очень искусно и хорошо маскирует надбровный шрам. Юра до сих пор сильно переживает случившееся, и, судя по его заверениям, он сумеет сделать правильные выводы.

28 октября.

Съезд продолжает свою работу. Вчера опубликовано выступление Титова все, кто его слушал или читал, отзываются о нем очень хорошо. Главком доволен больше всех, он говорит, что волновался за Титова больше, чем волновался бы за собственное выступление.

Королев сообщил, что в верхах принято решение в первую очередь запускать «Зениты» (спутники-фоторазведчики), а к пуску очередного «Востока» быть в месячной готовности. Таким образом, пилотируемый полет в ноябре 1961 года, как это ранее намечалось, не состоится и он будет проведен во второй половине декабря или первой половине января 1962 года. Такое решение ВВС вполне устраивает: погода будет устойчивее, земля покроется снегом, и условия для поиска будут более благоприятными.

30 октября.

Вчера полностью прочитал заключительную речь Хрущева на 22-м съезде КПСС. Речь оставляет хорошее впечатление — в сложившейся обстановке трудно сказать что-либо лучше. А вообще-то Хрущев делает много ошибок. Мне кажется, что присвоить себе в короткий срок три звезды Героя и занять четыре должности (первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР, Председатель бюро ЦК по РСФСР, Верховный главнокомандующий) — это не ленинский стиль!

28 октября умер генерал армии Маландин в возрасте 65 лет. Вся наша военная верхушка одряхлела, и это очень вредит делу. Пожалуй, было бы разумнее освободить всех, кому за 60 лет, от активной работы в армии и засадить за мемуары.

За обедом в столовой Главного штаба ВВС узнал, что съезд принял постановление о выносе праха Сталина из Мавзолея. За столом сидели генералы Брайко, Кутасин, Кувенев, Ушаков, Перцов и я. Брайко рассказал нам, как сегодня утром невестка поведала ему о том, что на лекции в МАИ один из профессоров говорил о необходимости выноса тела Сталина из Мавзолея, и что этот вопрос будет скоро решен. Я сказал, что это грубая ложь — такого решения быть не может. Через 1–2 минуты после этого по радио передали постановление съезда… Мы были ошеломлены и в душе были против него: оно никому не принесет пользы, но еще больше испортит наши отношения с Китаем и вызовет немало новых осложнений. Брайко сказал, что будет много недовольных людей, пойдут слухи вроде того,

что кто-то готовит для себя место в Мавзолее, которое сейчас занимает Сталин. Хотя съезд и принял постановление единогласно, лично я не стал бы голосовать за него.

31 октября.

Вчера Вершинин, Руденко и другие руководители ВВС осмотрели специально оборудованный глобус, предназначенный для демонстрации полета спутников. Это уникальный аппарат, сделанный всего за два месяца коллективом инженер-полковника Машкары (опытный завод ГКНИИ ВВС). Аппарат точно «вычерчивает» на глобусе трассу полета, вхождение и выход ИСЗ из тени Земли, расчетную точку посадки по включению ТДУ. Скорость вращения глобуса соответствует скорости вращения Земли, а период обращения спутника может корректироваться даже в ходе «полета». Скорости вращения глобуса и спутника могут быть увеличены в 60 раз. Главком дал отличную оценку аппарату и приказал подготовить его для показа Малиновскому. Главком несколько преувеличивает возможности глобуса, но для демонстрации публике он очень хорош.

1 ноября.

Вчера закончил работу 22-й съезд партии. Вершинин избран членом ЦК КПСС, кандидатами в ЦК избраны Руденко и Судец, членами ревизионной комиссии ЦК — Красовский и Скрипко. Сразу пять маршалов авиации вошли в состав руководящих органов КПСС, а в прошлом, в лучшем случае, одного Главкома избирали кандидатом в члены ЦК. Вершинин сказал, что для него это было совершенно неожиданным и что с ним по кандидатурам никто предварительно не советовался. Роль ВВС в системе Вооруженных Сил резко упала, а представительство в ЦК партии резко возросло. Я склонен думать, что это случайное совпадение, но Вершинин связывает этот факт с нашими успехами в космосе. Возможно, он прав, хотя, по правде говоря, Руденко, Судец, Красовский и Скрипко никакого отношения к космонавтике не имеют.

В Президиуме ЦК остались Хрущев, Микоян, Косыгин, Суслов — все это люди, на которых падает зловещая тень Сталина и которым, если уж ворошить старые дела, следовало бы за многое ответить перед народом. Мне не раз приходилось наблюдать, как они набивали себе мозоли на ладонях, аплодируя каждому «историческому» слову Сталина, и, будучи членами ЦК (а некоторые и членами Политбюро),

не проявляли ни малейших попыток воспротивиться злоупотреблениям и беззаконию. После трагических событий 1937–1939 годов на 18-м съезде партии в состав Политбюро вошли самые надежные соратники Сталина — Молотов, Калинин, Жданов, Каганович, Берия, Ворошилов, Микоян, Шверник, Хрущев, Андреев. Они не только не протестовали против сталинских злодеяний, но и всячески прикрывали их. И вот спустя 22 года «истинные ленинцы» — Хрущев, Микоян и Шверник — вновь у кормила власти. Через восемь лет после смерти Сталина, опомнившись от страха перед ним, они выбрасывают его прах из Мавзолея и приписывают только ему одному все черные дела, в которых замараны и их руки. А ведь по логике вещей эти прожженные политиканы должны были бы признать и свою долю ответственности за злодеяния «культа личности» и сделать единственно правильный шаг — отойти от руководства партией и страной.

5 ноября.

Вчера вечером заходили сестры Лида и Полина, рассказали о реакции народа на решения съезда по Сталину. Очень много людей не одобряют эти решения, многие открыто заявляют об этом в метро, трамваях, автобусах и на улице. Кроме выноса тела Сталина из Мавзолея, втихую проводятся и другие мероприятия, искореняющие память о нем. Сталинский район Москвы стал Первомайским, а станция метро «Сталинская» — «Семеновской» и т. д. Это недальновидная и даже глупая политика. Попрание авторитета Сталина приносит нам много неприятностей за рубежом, наносится громадный вред воспитанию молодежи, которая теряет веру в авторитеты. Все попытки создания новых авторитетов, и в частности Хрущева, терпят крах. Сталина называли великим, с именем Сталина тысячи людей шли на верную смерть. Сталин управлял страной 30 лет, и при нем наша Родина стала могущественной державой. Имя Сталина не затемнят жалкие потуги пигмеев, оно по праву вновь засверкает рядом с именем Ленина. А что можно сказать о Хрущеве? Мелкий, завистливый политикан, трусливый подхалим, себялюбец, мнящий себя великим поборником мира. А народ его называет «кукурузником», «хрущобой» и «главным очковтирателем по мясу и молоку». Хрущева народ не любит, все знают о его сплошных дипломатических провалах: Китай, Югославия, Албания, Венгрия, США, Франция, Англия и т. д.

А чего стоил народу его кавалерийский наскок на целину, его неудержимое стремление внедрить кукурузу в северные районы страны? Народ ропщет против «исторических» успехов, проводимой им политики, а он своей рукой награждает себя звездами Героя.

9 ноября.

Три дня ноябрьских праздников провел на даче. Много гулял с Олей, по 8-10 часов был на воздухе. На даче я чувствую себя гораздо лучше, отвлекаюсь от космических проблем и не замечаю, как за разными делами проходит время.

14 ноября.

Сегодня более четырех часов занимался с космонавтами. Присутствовали все, кроме Быковского и Беляева. Первые два часа в партийном порядке разбирали персональные дела Гагарина и Титова. У командования ВВС не было намерений заниматься разбором поведения Гагарина и Титова на курорте в Крыму, а последнего — еще и в Москве, и в Румынии. Поводом для обсуждения явилось заявление Гагарина в партийную организацию ЦПК с просьбой рассмотреть его поведение на курорте и принять соответствующие решения. Выступившие Гагарин и Титов, в основном, правильно доложили о своем поведении на курорте. Признали случаи злоупотребления спиртным, легкомысленного отношения к женщинам и другие проступки. Юра достоверно изложил обстоятельства своего ранения, но, по-видимому, заботясь о спокойствии Вали, утверждал, что, заходя в комнату, из которой выпрыгнул, он не знал, что там находится медсестра Аня и что он только хотел подшутить над женой, спрятавшись от нее. Хотя я и убежден, что мотив посещения комнаты был другой, не стал настаивать на своем. Версию Гагарина нельзя считать совсем невероятной, и она в какой-то мере смягчает само происшествие и не будет поводом для раздора в семье. Все космонавты выступили примерно в таком духе: «Гагарин и Титов вели себя легкомысленно; они забыли, кем они теперь стали и не имели права делать подобные глупости». Особенно досталось Титову. Говорили, что он зазнается, отрывается от коллектива, не доложил о поездках за границу и о работе 22-го съезда и т. д. Гагарин и Титов (последний в меньшей мере) признали критику товарищей справедливой и обещали не допускать подобных ошибок и глупостей в будущем.

Сегодня в 18:00 Гагарин выступал в МГУ, где Коккинаки вручил ему медаль ФАИ.

15 ноября.

Газеты «Правда», «Красная звезда», «Труд» и другие напечатали краткие сообщения и снимки о вручении медали ФАИ Ю. А. Гагарину. «Труд» поместил статью Барашева с ответом Гагарина на вопрос: «Почему шрам на лице?» — «На курорте в Крыму забавлялся с дочкой Галкой и споткнулся. Спасая дочь, я высоко поднял ее, а сам ударился лицом о камень. До Галкиной свадьбы заживет и даже раньше — до очередного космического полета».

20 ноября.

В субботу уже четвертый раз представлял документы Вершинину по второму набору космонавтов (доклад Малиновскому и проект его приказа). Прошло уже полтора месяца, как отработаны все документы, а Главком по непонятным причинам откладывает их подпись. Затяжка с набором, особенно женщин, может нам серьезно навредить. Главком ни разу прямо мне не сказал, что генерал-лейтенанта Клокова (сын Клокова — зять Вершинина) нужно устроить заместителем начальника Института авиационной и космической медицины. До октября этого года он работал там замполитом, но эта должность упразднена. На эту тему он говорил с Агальцовым и Бабийчуком. Я и начальник института против нового назначения Клокова, и Главком знает об этом. В связи с затяжкой оформления нового набора космонавтов у меня даже появилось подозрение: не намеренно ли маршал тянет всю эту канитель, чтобы заставить меня уступить в вопросе о назначении Клокова. Может быть, я и ошибаюсь, но другого объяснения этой волоките я не нахожу. Особенно нужно торопиться с набором женщин, чтобы наши советские женщины слетали в космос раньше американских.

23 ноября.

Сегодня день рождения Родиона Яковлевича Малиновского — ему исполнилось 63 года. Был с Гагариным у него на обеде. Кроме Раисы Яковлевны и Наташи (жена и дочь Малиновского — Ред.), на обеде были адъютант и один из сослуживцев Родиона Яковлевича. За столом сидели ровно два часа, обед прошел довольно тягуче и длинно. Гагарин преподнес Малиновскому книгу «Утро космической эры». Малиновский сказал, что скоро будем набирать новых космонавтов, в

том числе и женщин. По-видимому, он уже прочитал наши представления о новом наборе и согласен с ними.

24 ноября.

Сегодня моей маме исполнилось 83 года. Утром послал ей в Меленки приветственную телеграмму. Подготовка к поездке в Индию, Цейлон и Афганистан идет нормально, за исключением того, что врачи отказались делать мне прививки из-за высокого кровяного давления (180/120). Главком, невзирая на отсутствие прививок, приказал мне лететь, но как это уладится с пограничниками, пока не ясно. Вчера Малиновский сказал, что, возможно, прямо из Индии придется лететь в Индонезию.

Последние дни меня очень беспокоит состояние здоровья Муси — она, по-видимому, очень тяжело переносит наши разлуки. Было время, когда я с радостью собирался в Финляндию, Англию, Францию. А сейчас я с удовольствием отказался бы от поездки в Индию, но это невозможно. Не выполнить решение ЦК — значит коренным образом испортить свое служебное положение.

28 ноября.

Борт самолета Ил-18. В 22:00 специальным самолетом вылетели из Внуково в Ташкент. На аэродроме нас провожали индийский и афганский послы, сотрудники посольств, корреспонденты, друзья и родные. В составе нашей делегации девять человек: я, Гагарин Ю. А., Гагарина В. И., Смирнов Н. И., Денисов Н. Н., Барашев П. Р., Леонтьев А. П. (газета «Красная звезда»), Русяев В. И. и Беликов Ю. А. По-видимому, я старею: мне трудно было расставаться с Мусей и Олей, какая-то непонятная грусть гложет сердце. Нельзя сказать, что сердце предчувствует несчастье. Нет, я еще верю в жизнь, в успех и счастье вместе с Мусей, но былая моя уверенность уже поколеблена. Самолет сильно трясет — это мешает писать и портит настроение.

29 ноября.

В Ташкенте пробыли более двух часов — очень неприятных для меня: отсутствие прививок формально не давало мне права перелетать границу Индии. Но лететь было нужно, и мы летим. Врачи настояли, чтобы я выпил какое-то предохранительное лекарство. Самолет взлетел и набрал высоту. Примерно на час я заснул. Проснувшись, увидел яркое солнце, темно-голубое небо и пустыни юго-западного Китая. Летим через китайскую территорию в обход Пакистана. В 11:30

по местному времени произвели посадку в Дели. На аэродроме Палам нас встречали: Индира Ганди, наш посол И. А. Бенедиктов, министры, послы, члены парламента, корреспонденты. Прямо с аэродрома поехали во дворец к Неру, представились ему и немедленно выехали на пресс-конференцию, на которой присутствовало примерно 300 индийских и иностранных корреспондентов.

В 13:30 был завтрак в резиденции Неру. На нем присутствовали: Неру, Индира Ганди, Кришна Менон, министры, Бенедиктов и наша делегация. Завтрак прошел оживленно. Между 15 и 16 часами Юра и Валя выступали по индийскому радио и телевидению. Гагарин выступил хорошо, Валентина Ивановна для первого раза также справилась с этой задачей неплохо. Ужинали вшестером: Неру, Индира Ганди, Гагарины, представитель МИДа Индии и я. Неру, в основном, молчал, чувствовалось, что он утомлен, но когда зашла речь о нашествиях на Индию, он оживился, вспомнил Чингис-Хана и сказал, что в истории Индии было семь империй, семь различных династий. Разговор очень хорошо поддерживала Индира Ганди, у нее большой опыт политической деятельности.

30 ноября. Дели.

После завтрака Гагарин встречался на лужайке перед дворцом с бойскаутами президента. На встрече присутствовали господин Неру и ряд министров. В 10 часов возложили венок на могилу Ганди и выехали в аэропорт Сафдар Джанг, где размещается планерный клуб. Министр авиации и члены клуба с семьями очень тепло приветствовали Гагарина. Спортсмены продемонстрировали пилотаж на планерах. В 13:00 Неру дал ланч, на котором присутствовали почти все министры. Затем мы посетили больного президента Индии господина Прасада, пожелали ему скорейшего выздоровления и подарили книгу «Утро космической эры». В 15:00 приехали на митинг в делийский университет. В окрестностях университета и на митинге присутствовало около 10 тысяч человек. Отвечая на приветствие ректора университета, Гагарин рассказал и о новом обращении советского правительства с призывом к запрещению термоядерных испытаний в атмосфере, в космосе и под водой. Спустя два часа, мы уже были на другом митинге, который проводило Индийско-советское культурное общество (ИСКО). На митинге и на подходах к площади было около 20 тысяч человек.

Вечером были в советском посольстве, провели встречу с нашей колонией и участвовали в большом приеме. На приеме присутствовали: Неру, Индира Ганди, Кришна Менон, министры, послы и вся правящая верхушка Дели. Самые разнообразные одежды мужчин и женщин — от современных парижских мод до балахона аравийца и пледа африканца, накинутого почти на голое тело. Несколько раз беседовали с Неру, он интересовался деталями организации и подготовки космических полетов, просмотрел вместе с нами фильм «Первый рейс к звездам».

Индийское руководство принимали нас очень тепло и любезно, особенно много внимания и времени уделил нам Неру. Он, по-видимому, очень много работает, рано встает, поздно ложится и вникает во все сам (он даже на планере летал). Оба дня в Дели были заполнены до предела (с 9:00 до 23:00) из-за того, что при составлении программы визита наше посольство пошло на поводу МИДа Индии, перегрузив ее мелочами, в ущерб массовым встречам. Пресса, радио и телевидение освещают визит Гагарина хорошо, но по сравнению с Англией массовость встреч и реакция прессы — неизмеримо меньше.

1 декабря.

Вчера вечером Неру предупредил нас, что он сегодня уезжает в предвыборную поездку по стране и хотел бы утром перед отъездом попрощаться с нами. Точно в назначенное время Неру сам пришел и очень тепло попрощался. В 9:40 вылетели в Лакнау — столицу штата, место первых выступлений против англичан и опору партии Неру на выборах в парламент. На аэродроме Гагарина провожали Индира Ганди и министры. Ганди подарила мне портрет своего отца (Неру) с его автографом. Через десять минут полета пересекли священный Ганг, а еще через 45 минут произвели посадку на аэродроме Лакнау. Нанесли визит губернатору штата и разместились в его дворце. Вокруг дворца чудесный парк с вековыми вечнозелеными деревьями, фонтанами и яркой зеленью газонов английского типа. В городе есть дворцы и крепости, но основная масса домов лачуги. Чувствуется во всем вековая бедность и грязь. Ох, как много еще придется потрудиться индийскому народу, чтобы добиться сносной человеческой жизни (75 процентов населения Индии неграмотно)! Население Лакнау продемонстрировало свое глубокое уважение к Гагарину и его родине. День пребывания Гагарина в Лакнау

фактически объявлен выходным днем. Все школы, университет и многие учреждения закрыты, дети и взрослые — все вышли приветствовать советского космонавта. Можно сказать, что встреча в Лакнау напоминает наиболее теплые встречи в Бразилии. Речь Гагарина на митинге в университете приветствовалась громкими одобрениями и аплодисментами. Студенты не допустили полицию в свой городок и сами поддерживали строгий порядок во время митинга, но при посадке в машины нас все же изрядно помяли и покачали, прежде чем мы выбрались из толпы. А вообще — это лучший митинг за три дня пребывания в Индии. Вечером были на приемах у мэра, у губернатора и у Главного министра штата.

2 декабря.

В 8:10 взлетели и взяли курс на Бомбей. Пишу в самолете: здесь, вдали от людей, можно и подумать, и кое-что записать, а на земле для этого времени не остается. Население Индии составляют 430 миллионов человек. Более 85 процентов населения — крестьяне и, как однажды сказал Неру, три четверти жителей — вегетарианцы. Хотя цены на продовольствие сравнительно невысокие, покупательная способность населения еще ниже. Индийцы редко едят мясо, а по стране бродят 18 миллионов «священных» бездомных коров: их нельзя убивать и нет возможности содержать. В глаза везде и во всем бросаются ужасающая бедность и грязь, грязь и бедность. Народ, способный творить чудеса, в основной своей массе очень много и тяжело работает, но из-за примитивности средств производства, плохой организации труда и наличия большого числа людей, по существу ничего не делающих, он мало создает ценностей для удовлетворения потребностей общества. Индия производит только 4 миллиона тонн стали — это почти в 20 раз меньше, чем СССР. Чем больше узнаешь жизнь различных народов, тем больше убеждаешься в величии идей коммунизма и в бессмертии ленинизма. Наша Средняя Азия, как небо от Земли отличается теперь от соседних с ней стран по уровню жизни, культуре, промышленности, науке. 30–40 лет тому назад она была такой же, как Иран, Индия, Афганистан и другие соседи. То, что я только что написал, не фраза — я очень хорошо знаю все республики Средней Азии. За пять лет работы я видел почти все наши среднеазиатские города, тысячи колхозов, совхозов и все крупные новостройки. Для того, чтобы люди всей Земли могли

пользоваться всеми доступными благами человеческой жизни, нужно совсем немного: навсегда покончить с войной и производством вооружений, заставить всех работать и производить только то, что требуется для удовлетворения потребностей человека, то есть, говоря коротко, — необходимо построить коммунизм на нашей небольшой планете…

2 декабря. Бомбей.

Окрестности Бомбея прекрасны. Вечно теплый океан, извилистая береговая линия, небольшие горы, широкие плодородные долины, озера и вечнозеленые леса, сады и парки — все это создает идеальные условия для жизни людей. Город раскинулся вдоль побережья Индийского океана километров на 30. Центр Бомбея не уступает лучшим европейским городам, но его окраины — жуткая клоака и грязь. В городе более 5 миллионов жителей, из них около одной пятой совершенно не имеют жилья, очень много нищих. Отличные шоссе, а по сторонам в непосредственной близости нищета и грязь. Нам, советским людям, неудобно и как-то неловко видеть эти картины. Они напоминают недалекое прошлое наших юго-восточных окраин.

В 10:30 произвели посадку. На аэродроме нас встречали губернатор, мэр, министры, доктор Балига — председатель ИСКО. Прямо с аэродрома поехали в Радж Бхаван (дворец губернатора на берегу океана). В 12:00 в отеле «Тадж-Махал» провели пресс-конференцию для журналистов и ученых. Там же от имени семи местных общественных организаций был устроен ланч на 500 человек, было множество венков, приветствий и подарков. На улицах города народ встречал Гагарина восторженно, но больших толп не было. Сегодня в двух своих выступлениях Гагарин больше, чем следовало, вдавался в политику и говорил о 22-м съезде КПСС, о программе коммунизма. По-видимому, эти выступления кое-кому не понравились, и руководство города приняло соответствующие меры: во время митинга на стадионе было не более 7 тысяч человек (в основном полицейские и дети). Говорил по этому поводу с Бенедиктовым; он признал, что мы допускаем ошибку: главными темами речей Гагарина должны быть освоение космоса и миру — мир, а не 22-й съезд и коммунизм.

3 декабря.

Вчера вечером Главный министр штата дал ужин, присутствовали Кришна Менон, доктор Балига и другие. В 22 часа поехали на киностудию. Ее руководство потрудилось, чтобы эффектно встретить гостей: метров двести аллеи, ведущей к главному павильону, были устланы широким ковром, все деревья — в разноцветных лампочках, музыка, пение, пляски, транспаранты. Собрались все кинозвезды Индии. Было много очень красивых девушек. Познакомились с Раджем Капуром — говорят, что он в последнее время не совсем хорошо себя ведет в отношении нашей страны, но на встрече он был очень любезен и провожал нас до машины.

4 декабря.

Вчера до 11 часов утра отдыхали, искупались на губернаторском пляже неподалеку от дворца. После купания заехали в наше консульство, где состоялась исключительно теплая встреча.

Ближе к вечеру посетили центр йогов и океанский аквариум, в котором очень полно экспонирована жизнь океана. Особенно запомнилась рыба индейка: она нарядна, как цыганка. К 18:00 на митинг в Шиваджи-парке собралось более 300 тысяч человек, а на пути к парку было около 500 тысяч. После того, как мы убедились, что власти Бомбея страдают массобоязнью, мы дали объявления в газеты о маршруте, времени проезда и местах выступлений Гагарина. Результаты превзошли все наши ожидания. Главный министр сказал, что для приветствия Гагарина народу собралось больше, чем для приветствия английской королевы. Представители 70 организаций Бомбея преподнесли Гагарину венки и дорогие подарки (много изделий из серебра и слоновой кости), он благодарил и говорил о космосе, науке, дружбе и мире. Прямо с митинга приехали на квартиру доктора Балига, а уже через полчаса Гагарин выступал на собрании членов ИСКО. После собрания был отличный концерт, но мы настолько измотались, что мечтали только о постелях. Легли спать уже за полночь…

Сегодня в 8:30 взлетели и взяли курс на Калькутту. На аэродроме нас провожали мэр города и доктор Балига. В 11:20 произвели посадку в Калькутте, на аэродроме нас встречали мэр Калькутты, наш консул, дипломаты и жители советской колонии. С аэродрома поехали во дворец губернатора. Представились губернатору — госпоже Найду, женщине лет шестидесяти, дочери известной индийской поэтессы.

Госпожа Найду встретила нас очень приветливо и пригласила к себе на прием. С 12:30 до 13:30 провели пресс-конференцию, было более сотни журналистов и обычные вопросы, только один из корреспондентов настойчиво хотел узнать, не было ли каких физиологических и психических расстройств у Гагарина и Титова; да еще один спрашивал: «А до вашего полета были ли попытки запустить человека в космос?» Юра очень удачно отвечал и едко высмеял неверящих.

Немного перекусили в консульстве и к 15:00 поехали на митинг, который собрал более 80 тысяч человек. На всех улицах, по которым мы проезжали, было очень много людей: на тротуарах, в окнах, на балконах, крышах и деревьях. Всего за первые шесть часов пребывания в Калькутте Гагарина видели и приветствовали более миллиона человек. В Калькутте народ приветствовал Гагарина так же горячо, как его приветствовали Англия и Куба. В 16:30 начался прием у губернатора. Госпожа Найду, Гагарины и я встречали гостей пришли все дипломаты и городская знать. Через 30 минут после начала приема я ушел к себе в комнату, чтобы продолжить свои заметки.

Вечером посетили клуб прессы. У дворца, на улицах и в районе клуба продолжает стоять народ. Люди по собственной инициативе часами стоят, чтобы на минуту увидеть лицо, улыбку, жест первого гражданина Вселенной. Наблюдая миллионные толпы людей, так горячо приветствующих Гагарина, я часто вспоминал свои юношеские впечатления от одной лубочной картинки, изображающей встречу Иисуса Христа с народом. Запомнился светлый лик Божества в центре и полтора-два десятка удивленных и вопрошающих лиц на заднем плане. Да, неважно встречали сына Бога на Земле. Фантазия людей тех далеких времен не шла дальше чуда с пятью хлебами и пятью тысячами голодных, накормленных Христом этими самыми хлебами. А вот наш Гагарин одним своим появлением утоляет жажду многотысячных иноплеменных толп, и это всеми воспринимается как что-то вполне естественное. Пройдут века, человечество прочно обживет околосолнечное пространство, и на всех планетах, где будет человек, никогда не забудется имя Юрия Гагарина — первооткрывателя космоса и первого гражданина Вселенной. Это пишу я, хотя мне лучше других известно, что Гагарин — это только счастливая случайность, на его месте мог быть и другой. Помнится, 11

апреля 1961 года я записал в своем дневнике: «Завтра Гагарин будет всемирно известным человеком». Но и я не предвидел тогда всего величия свершавшегося. Да, что говорить, не предвидел — даже сейчас, через восемь месяцев после «утра космической эры» очень многие даже у нас в стране не осознают всего величия свершенного открытия. Сроки полетов человека на Луну, Марс и Венеру зависят теперь только от того, как много средств и внимания мы уделим подготовке этих полетов. Я убежден, что уже через 4–5 лет человек может побывать на Луне.

5 декабря. Калькутта.

Встал в 7 утра, отлично выспался. Дворец губернатора — это бывший дворец вице-короля Индии. Дворец великолепен, его окружает божественный парк — англичане умели жить. Для губернатора штата этот дворец великоват и не по карману, чувствуется некоторое запустение, хотя почти каждую неделю здесь останавливаются короли, королевы и президенты. Побывали здесь и Хрущев, и Ворошилов, а скоро приедет и Брежнев.

Ужинали вчера втроем — Юра, Валя и я, а обслуживали нас более десятка слуг. Они безмолвны, бесшумны, но замечают все и понимают не только по-английски, но и любое движение. Все слуги — мужчины, вернее юноши черные, как негры, в длинных красных камзолах и белых штанах и тюрбанах. Они для нас почти как неживые, сошедшие со страниц сказочных описаний Востока. На ужин подавали шесть блюд — рыбу, телятину, цыпленка, два торта и фрукты (яблоки, груши, ананасы, виноград и т. д.). В пище много специй и сладостей, но все очень питательно. Вчера, проезжая по улицам Калькутты, заполненным народом, мы наблюдали типичные для Индии картины: несколько дворцов и прекрасных зданий и тысячи хибар и «мышиных» нор. Десятки сытых, выхоленных, довольных жизнью людей и миллионы полуголодных.

До 10 утра провели молодежный митинг на стадионе, затем побывали в Ботаническом саду, проехались по улицам города. В 16:00 состоялась встреча Гагарина с членами авиаклуба. Президент клуба представил Гагарина и меня собравшимся (обо мне он сказал, что я президент ДОСААФ СССР и одновременно возглавляю космический институт). Гагарину подарили серебряный глобус со спутником, а мне — арбу с двумя волами из слоновой кости. Вручая арбу, президент

сказал: «Помогите Индии вытащить ее в космос». Потом мы встречались с членами ИСКО. После того как мы заняли места в президиуме, хор из 30 женщин и мужчин спел на русском языке «Широка страна моя родная…». Было очень приятно услышать родной напев в далекой Индии.

Да, народ Индии встречает Гагарина очень радушно, искренне и любовно. Но мы знаем, что есть люди, которые хотели бы, чтобы этих встреч, да и самого Гагарина, не существовало вовсе. К таким, в первую очередь, надо отнести Главного министра Западной Бенгалии. Он не нашел времени хоть раз встретиться с Гагариным. Это, по-видимому, злейший реакционер и мракобес. Как мне рассказывал И. А. Бенедиктов, он игнорирует центральное правительство Индии и делает что хочет. Он ездил в Америку и встречался с Кеннеди, вел с ним переговоры о займах для Калькутты, и все это делалось без согласия правительства Индии.

6 декабря.

Встал в 5:30, сегодня в 8:00 вылетаем в Хайдарабад. Вчера вечером госпожа Найду дала прощальный обед. Содержание разговора — пустое, хотя госпожа Найду многое знает о нашей стране и очень хотела бы побывать у нас.

Пишу эти строки на борту самолета Ил-18, летим из Калькутты в Хайдарабад — город, влиятельный на всем юге Индии. В нем проживает магараджа, богатства которого оцениваются в 22 миллиарда рупий (такая сумма нужна Индии для выполнения всего пятилетнего плана), и этот сверхмиллиардер еще получает «пенсию» от правительства в размере миллиона рупий в год. Такова еще одна особенность Индии — миллионы людей могут умирать с голоду, а самые богатые люди страны получают «пенсии», компенсирующие стоимость отобранных у них земельных участков…

В 10:30 мы произвели посадку на хайдарабадском аэродроме. Уже с воздуха было заметно, что город и его окрестности заметно отличаются от районов Бомбея или Калькутты. Очень много зелени, прудов, хорошо обработанные поля и более опрятные улицы и дома. На земле это впечатление полностью подтвердилось: город чище других городов Индии, меньше нищих и грязи, хотя есть и то, и другое.

Предпоследний день нашего пребывания на индийской земле (завтра в 12:00 мы вылетаем на Цейлон) снова оказался до предела перегруженным: пресс-конференция на аэродроме, визиты губернатору и Главному министру штата, многотысячные митинги в хайдарабадском университете и на одной из городских площадей. По программе, составленной в Дели, здесь не намечался прием в Индийско-советском культурном обществе (ИСКО), но местные власти не только включили этот прием в программу, но и объявили о нем в газете. Гагарин отреагировал на это изменение программы болезненно, он сказал: «Николай Петрович, меня «высосали» до предела. Я прошу не перегружать программу встреч». Я настоял перед Бенедиктовым и местными властями об исключении из программы хотя бы посещение местного аэроклуба, что дало нам возможность немного отдохнуть. Встречи Гагарина с народом в Хайдарабаде были очень теплыми; толпы людей на улицах и площадях приветствовали его не менее восторженно, чем на Кубе или в Бразилии. Правда, было меньше венков (в Бомбее 70, а здесь всего 5) и почти не было подарков: по-видимому, теплота и радость встреч не требуют подкрепления подношениями.

7 декабря.

Вчера мы все же провели встречу с членами ИСКО. Уже в самолете — по пути на Цейлон — я спросил Гагарина: «Какие недостатки в поездке по Индии?» Юра ответил: «Все хорошо, только программа перегружена до предела. Много политики и почти ничего для себя, даже слонов в Индии не видели». Да, он прав: перегрузка жуткая.

В 14:30 произвели посадку на аэродроме Ратмалана. Оказалось, что это первая посадка Ил-18 на Цейлоне, а я — первый советский генерал на этом острове. На всем 20-километровом пути от аэродрома до Коломбо стояли толпы народа. Первая, самая массовая, встреча в городе сорвалась из-за дождя, продолжавшегося с 15 до 18 часов. Программу нашего пребывания на Цейлоне также перегрузили, исходя, главным образом, из желания как можно больше показать Гагарина народу. Мы можем только приветствовать такое желание правительства Цейлона, но работать по 16–18 часов в сутки и проводить по 12–15 встреч в день — это не только утомительно, но и просто недопустимо. Гагарин недавно перенес операцию, а здесь

страшная жара и высокая влажность, да к тому же мы уже провели 8 очень напряженных дней в Индии. Когда я высказал все это генерал-губернатору и министру просвещения Цейлона, то услышал в ответ: «У нас даже королева Великобритании выполняла нашу программу визита. Если сократить программу встреч Гагарина с народом, то могут быть проявления недовольства и плохие высказывания в прессе…» Откровенно говоря, мне показалось, что генерал-губернатор был бы рад такому развитию событий. Все же удалось договориться о том, что они составят новую программу, которая будет начинаться не раньше 8:00 и кончаться не позже 20:00.

Вечером был большой прием у премьер-министра госпожи Бандаранаике. Гагарин преподнес ей книгу «Утро космической эры».

9 декабря. Коломбо.

Несмотря на духоту и высокую влажность, я чувствую себя нормально, но некоторые из членов нашей делегации скисли. Вчера в 8:00 отправились на автомашинах в самые южные районы Цейлона. С узкой, но хорошо асфальтированной дороги, часто открывались прекрасные виды на побережье и океан. В машинах было жарко, очень хотелось остановиться и полежать на прекрасном желтом прибрежном песке; бирюзовые волны с белыми барашками, голубое небо и экваториальное солнце так и манили к себе. Но нам было не до купания — по обеим сторонам дороги почти на всем пути стояли люди. Более 15 раз приходилось останавливаться, выходить из машин, подниматься на трибуны, слушать и произносить речи; все это под палящим солнцем, в разгоряченной толпе, легко возбуждаемой словом, жестом или улыбкой Гагарина. Везде были очень горячие встречи — все утверждают, что такие сборища народа впервые в истории Цейлона (вчера Гагарина приветствовало не менее одного миллиона человек).

К 22:30 мы вернулись в Коломбо в королевский дворец — «Квин хаус». В дороге я часа на три подсаживался в машину представителей МИДа Цейлона и получил очень хорошую практику в английском языке, причем удалось установить, что один из них отлично понимает по-русски, но скрывает это. Поездка была очень утомительна; Юра устал и несколько раз повторял: «Работаем на износ, так я долго не выдержу». Но наш посол Н. Я. Тараканов не хочет портить отношения с министрами и губернатором и не настаивает на сокращении программы. На обратном пути в Коломбо я сел в машину министра

просвещения и пытался убедить его сократить программу последующих дней, но он, как и генерал-губернатор, очень неохотно соглашался даже на обсуждение программы. Странно, но факт: они думают, что мы должны выполнять любую их программу, иначе чуть ли не провалится правительство Цейлона. Они делают все, чтобы выжать из Гагарина максимум возможного для поддержки правительства. Как это отразится на Гагарине, их не интересует…

На часах 8:30, через 40–50 минут отправляемся в новое турне по стране. День опять предстоит напряженный, а помощи от нашего посла ждать не приходится. Сейчас пойду посоветуюсь с Юрой, чтобы дружно обороняться и против посла, и против цейлонцев.

… Только что вернулся с приема у министра просвещения. День сегодня выдался тяжелый: работали с 9:20 до 23:00 — почти 14 часов. Утром провели встречу со студентами и преподавателями университета Видьяланкара, потом ездили в центр острова — в город Канди. По дороге до Канди четыре раза проводили митинги. Все встречи Гагарина — это очень большая поддержка для цейлонского правительства, и оно широко и умело использует ее: Гагарин в своих выступлениях упоминает Бандаранаике и ее министров. Сегодня было более 10 встреч — все они прошли отлично. Остается только удивляться, почему тысячные толпы народа часами стоят на жутком солнцепеке и не расходятся даже после проезда Гагарина, ожидая, что он поедет обратно.

10 декабря.

Вчера на приеме поблагодарил Бандаранаике за приглашение посетить Цейлон, за теплые и очень любезные встречи. Напомнил ей, что в нашей стране ждут ее приезда и встретят премьер-министра Цейлона со всем радушием, на какое способен советский народ.

Сегодня на прием мы намеренно не взяли Валентину Ивановну и жену посла, чтобы подчеркнуть, насколько они измотаны. На сегодня вместо семи запланированных встреч оставили только три, а на завтра — четыре… Только что (в 22:30) вернулся с приема в нашем посольстве, на котором были все послы, в том числе посол США — женщина лет 60. Она все время пыталась держаться поближе к Гагарину и вести с ним разговор о полетах в космос. Чтобы избавить Юру от назойливой собеседницы, пришлось тактично переключить ее внимание на чехословацких путешественников Зигмунда и Ганзелку.

11 декабря.

Девять часов вечера, за окном льет дождь. Все пять дней нашего пребывания на Цейлоне во второй половине дня идут сильные дожди. Говорят, что обычно в конце ноября дожди прекращаются, но этот год — исключение. Сегодня Юра провел встречу со студентами и профессорами университета, встречался с нашей колонией, с лигой Цейлоно-советской дружбы, с учеными Коломбо. Сейчас Юра проводит последнюю пресс-конференцию и ужин с представителями печати. Мне все эти встречи осточертели. Попросил посла Тараканова открыть пресс-конференцию и побыть на ужине.

Итак, наш визит на Цейлон закончен. Завтра рано утром мы вылетаем в Кабул. Встречи на Цейлоне были самые теплые, но генерал-губернатор, а под его влиянием и Бандаранаике, так же как и в Индии, принимали меры, чтобы сдержать проявления чувств простых людей к Гагарину и СССР. Пресса и радио очень широко освещали наш визит, но в воскресенье газеты почти молчали о Гагарине, а сегодня поместили его снимок с американским послом и написали, что он не захотел поехать в ряд пунктов, хотя там его ждали многотысячные толпы народа, и были затрачены деньги на проведение встреч. Вина этих срывов ложится не на Гагарина, а в первую очередь на генерал-губернатора Цейлона, которому мы неоднократно доказывали, что программа перегружена и будет срываться, если ее не сократить. Из-за непонятного упрямства программу не сокращали, и она неоднократно срывалась, а вину сваливали на Гагарина.

…Более трех часов провел в одиночестве. Уложил вещи, принял ванну, записал кое-что в дневник. Весь вечер настроение паршивое, что редко со мной бывает. Все чаще и чаще мыслями возвращаюсь к Москве. Написал четыре открытки — две в Меленки и две в Москву. Все эти дни был настолько занят, что ни на минуту не мог заглянуть в магазины. 300 рупий, имеющихся у меня, не истратил. Завтра раздам их многочисленной прислуге дворца и шоферам.

12 декабря.

Поднялся в 5:40, сейчас уже половина седьмого — через 30 минут уезжаем на аэродром. Цейлон — хорошая и очень интересная страна, но я собираюсь к отлету с большим облегчением; сегодня мы полетим на север, поближе к родным границам. Приятно сознавать, что

тяжелый труд в двух странах закончен, и мы начинаем приближаться к дому.

В 8:15 вылетели из Коломбо в Кабул с промежуточной посадкой в Дели. Идем вдоль западного побережья Индии. Бросается в глаза резкая разница в окраске общего фона Земли при полете над Индией и Цейлоном. Цейлон сплошное темно-зеленое пятно с изобилием влаги. Индия же выглядит, как шкура леопарда: на юге преобладают светлые пятна (поля), а на севере — темные (леса). Но на всей территории ощущается недостаток воды и возможность больших бедствий из-за засухи.

В 16 часов по местному времени произвели посадку на аэродроме Кабула. Три года назад кабульский аэродром не имел ВПП, а сегодня мы отлично приземлились на бетонную полосу. На аэродроме нас встречали министр просвещения Пополо с женой, командующий ВВС генерал-лейтенант Резак Хан и почетный караул. Юра ехал в открытой машине и, стоя, приветствовал людей. На улицы вышли практически все жители Кабула. За три прошедших года много заметных изменений к лучшему: многие женщины ходят без паранджи, появились бойскауты (ребята и девушки), много новых зданий, улучшились дороги. Наш посол С. Ф. Антонов — в отпуске в СССР, вместо него — поверенный в делах Новокрещенов Александр Андреевич. Гагарины и я разместились во дворце, все сопровождающие — в гостинице.

13 декабря. Кабул.

После Цейлона мы все в Кабуле мерзнем. Юра надел шинель, Валя — шубу. Я же натянул на себя все, что у меня было из теплой одежды, и не чувствую, чтобы оно было лишним. Вчера вечером министр Али Ахмед Пополо провел прием, во время которого я побеседовал с премьер-министром Мухаммедом Даудом, начальником Генерального штаба Сеидом Хассаном и командующим ВВС генералом Резак Ханом — моим старым знакомым. Школа летчиков, которую я осматривал в 1958 году, дала уже первый выпуск авиаторов. Начальник Генерального штаба сказал, что они уже имеют 60 хорошо подготовленных летчиков реактивных самолетов, что СССР готовит летчиков лучше Америки, и поэтому они скоро совсем откажутся от ее помощи по этой линии.

Сегодня начали свой рабочий день с девяти утра: возложили венок на гробницу Надир Шаха — основателя династии, нанесли визит

министру просвещения Пополо, провели городской митинг, были на обеде, устроенном в честь Гагарина обществом Афгано-советской дружбы. В 16:00 в своей резиденции нас принял премьер-министр Дауд. На приеме были Юра, я и Новокрещенов. Дауд выглядит крепким 50-летним мужчиной, энергичным и достаточно образованным, он ценит дружбу с Советским Союзом и верит в нее. Интересной беседы с премьер-министром не получилось, в основном она свелась к обмену взаимными любезностями.

…Только что (около 19 часов) вернулись от короля Афганистана его величества Мухаммеда Захир Шаха. Аудиенция продолжалась 35 минут. Королю около 45 лет, у него блестящая лысина, небольшие усы и солидный нос. Одет он был в гражданский черный костюм, желтые полуботинки, белую сорочку и темно-красный галстук. В отличие от премьера, король говорил очень тихо, но содержательно. По-видимому, он неплохо понимает все, что творится в мире и в его стране. Вот что он сказал, обращаясь к Гагарину: «Мы очень рады приветствовать вас, господин Гагарин, в нашей стране. Народ Афганистана приветствует вас как человека, совершившего небывалый подвиг, и как посланца дружественного нам Советского Союза. Наша страна очень бедная, мы отстали в своем развитии. К этому было много причин и главная из них в том, что мы 150 лет находились под властью англичан. Но афганцы все время боролись за независимость, и в этой борьбе нам оказал неоценимую помощь Советский Союз. И теперь отношения между СССР и Афганистаном самые дружественные. Более трех тысяч советских специалистов помогают нам строить новый Афганистан. Они работают в очень трудных условиях в районе Джелалабада, Герата и в горах Гиндукуша. Условия жизни и работы для них тяжелые, но всегда, когда я их спрашивал: «Как живете, как работаете?» — они отвечали: «Хорошо». Да, советские люди умеют преодолевать трудности. Ваш первый космический полет самое яркое тому подтверждение. Обстановка сейчас сложная, империалисты оказывают на нас чувствительный нажим, но мы верим и в силы нашего народа, и в наших друзей. Передайте привет советскому народу и советскому правительству, мы очень благодарны за помощь, которая оказывается нам. Большое спасибо за визит в нашу страну. Мы слышали, что ваша жена немного больна, передайте ей от королевы и от меня лично пожелания скорейшего выздоровления». Судя по речи короля, этот

заместитель Аллаха и неограниченный владыка на афганской земле может поучить многих политиков и дипломатов искусству вести дела своего народа…

Около десяти часов вечера вернулся с приема в кабульском университете. Ректор университета доктор Анвари произнес длиннющую речь, и Гагарин не догадался высказаться покороче. Уморили всех речами до такой степени, что я не выдержал этой комедии и уехал, не дожидаясь окончания приема.

14 декабря.

Наконец-то наше путешествие подходит к концу: завтра в 9:30 по местному времени мы вылетаем в Ташкент, но сегодня предстоит еще довольно напряженный день. Мы размещаемся в королевском дворце «Гульхана». Здесь останавливаются только самые высокопоставленные гости: короли, президенты, премьеры. Слуги говорят, что в моих апартаментах размещался Хрущев. Помещения чистые и удобные, одно плохо — в них холодновато. Сегодня — в шестнадцатый день нашего напряженного путешествия — мне хочется записать кое-что о Гагарине. Физически Юра здоров и ни на что не жалуется, но его очень нервируют дополнения и изменения в программах встреч. Его тяготят выступления, а встречи без выступлений и, особенно, встречи за столом ему нравятся и иногда он сам их затягивает. Даже после происшествия в Крыму он не отказался совсем от выпивок. За полмесяца он выпивал всего 2–3 раза, и то по 1–2 рюмки. Но неприятно то, что пьет он с видимым удовольствием и в соответствующей обстановке легко может «набраться лишнего». Я не хотел бы быть пророком, но мне кажется, что со временем он будет пить, и пить крепко. Сейчас он в зените славы, все время на виду, постоянно несет большую моральную и физическую нагрузку, чувствуя, что за каждым его шагом наблюдают. Пройдет еще 1–2 года, обстановка значительно изменится, и тогда у него появятся нотки неудовлетворенности. В его семейной жизни они уже и сейчас заметны: он не уважает жену, иногда унижает ее, а она не обладает достаточным тактом, воспитанием и другими достоинствами, чтобы влиять на него. Вчера, например, на приеме Гагарин спокойно сел за стол с министром иностранных дел Наим Ханом и его женой, оставив Валю за другим столом (хотя имелась возможность быть с ней вместе), а после отъезда Наим Хана он по непонятным причинам остановился

на полпути к выходу, болтал о пустяках и не замечал неоднократные попытки Вали увести его.

…В 9:00 приехали в военную Академию. Гагарин в течение 50 минут рассказывал о полетах в космос; выступление было хорошим и всем присутствующим очень понравилось. Перед выступлением мы осмотрели учебные классы и присутствовали на двух занятиях. Первое занятие — по тактике проводил майор с группой слушателей-курсантов; примечательно, что на картах афганцы себя изображают красным цветом, а войска противника — голубым. На втором занятии группа офицеров работала над планированием операции. Оба занятия элементарны — без применения авиации и современного оружия. После Академии осмотрели исторический музей Кабула, в котором есть памятники письменности 2000-летней давности (на каменной плите). Потом были на завтраке в новом ресторане «Карга», построенном в горах на берегу искусственного озера. Завтрак давал премьер-министр, присутствовали члены его кабинета — всего человек 40. После ланча Гагарин провел пресс-конференцию, а в 17:00 к нам приехал адъютант короля и от имени его величества вручил подарки: Гагарину — портрет короля с автографом, Валентине Ивановне — набор каракуля на шубу и ковер, а мне — шкатулку и пепельницу из цветного камня. Мы попросили передать королю нашу искреннюю благодарность за подарки и теплые дружеские встречи.

15 декабря.

Вчера вечером провели встречу с русской колонией, затем до 21:30 были на приеме у мэра Кабула. На приеме были два заместителя премьера, министры, военные, дипломаты. Все наши вели себя прилично, но был один неприятный момент: Барашев, Русяев и Беликов, не дожидаясь, когда сядут за стол «главные» гости и хозяева, уселись за один из трех столиков и оставили без мест министров и нашего посла. Пришлось их призвать к порядку, но этот инцидент не остался незамеченным. Нечто подобное произошло и вчера в ресторане «Карга», когда премьер Дауд и все высокое афганское общество пять минут стояли и ждали «королеву». Перед тем, как сесть за стол, Валентина Ивановна пошла в туалет и возилась там до неприличия долго. Вчера я в присутствии Юры сказал ей, что это очень грубая ошибка, и что такие промахи недопустимы. Юра сказал, что он также краснел за нее. Валентина Ивановна поняла свою

ошибку, но сказала, что она не думала, что без нее не будут садиться за стол.

Сейчас 7:30 утра, в 9:30 вылетаем в Ташкент. Вчера после приема у мэра мы заехали на полчаса в наше посольство. Посол показал мне неприятную телеграмму из нашего МИДа, смысл которой в том, что Рашидов просил ЦК КПСС, чтобы Гагарин на обратном пути из Афганистана на сутки остановился в Ташкенте, и ЦК дал согласие на такую остановку. Мне эта остановка, как нож к горлу, да и Гагарины с удовольствием полетели бы сразу в Москву, без посадки в Ташкенте. Дал ответ в МИД и Рашидову: «Гагарины очень устали, будем в Ташкенте в 10 часов по московскому времени, в 17 часов полетим в Москву, за время остановки возможно только 1–2 выступления». Плохо будет, если Рашидов уговорит Гагарина на более длительную остановку. Душой я уже давно в Москве.

Ровно в 8:00 произвели взлет с кабульского аэродрома и взяли курс на Ташкент. Командир самолета доложил: «В Ташкенте слабый дождь, видимость 1200 метров». Все упрашивают меня лететь прямо в Москву. Я целиком на их стороне, но нам необходимо быть в Ташкенте.

В 10:00 сели в Ташкенте и прямо с аэродрома отправились на дачу Рашидова, очень хорошо там пообедали и к 16 часам поехали в Театр Алишера Навои. Театр был окружен многотысячной толпой людей, и сотню метров до подъезда в театр мы пробивались на машинах минут пятнадцать. Милиции было много, но народ смял милицейские цепи и очень плотно окружил машины. Театр был также переполнен. Митинг открыл первый секретарь горкома Муртазаев. Выступало восемь человек с приветствиями, особенно хорошо выступил ученик второго класса Тимур Турсунов. После митинга был ужин у Рашидова, а в 19:35 мы уже взлетели. Ташкент ночью с воздуха очень красив, как сказал Гагарин, он немного напоминает Рио-де-Жанейро. Итак, идем на Москву. Кончается наше утомительное 17-дневное путешествие по Индии, Цейлону и Афганистану. Заканчиваю эти записки на борту самолета. Высота 7 тысяч метров, Земля прикрыта облачностью, а вверху Луна и звезды…

25 декабря.

Позавчера мне сообщили, что Президиум ЦК КПСС полностью одобрил наше предложение о наборе 60 новых космонавтов и в том

числе 5 женщин. Это моя большая личная победа. Мне потребовалось более шести месяцев, чтобы убедить Королева, Келдыша, Вершинина, Малиновского и многих других в необходимости набора женщин-космонавтов. Я сделаю все возможное, чтобы во второй половине 1962 года советская женщина оказалась на орбите вокруг Земли. А еще лучше, если наши женщины в 1962 году повторят полеты Гагарина и Титова. Нам предстоит очень большая работа по отбору космонавтов, из тысяч желающих нужно отобрать только шестьдесят. Был в ЦК ДОСААФ, разговаривал с Шатиловым и Скворцовым (заместители председателя ЦК ДОСААФ — Ред.). Договорились о начале отбора женщин в космонавты, уточнили требования, документацию и порядок отбора. Направим на медкомиссию человек 200 и отберем из них 4–5 самых лучших. 10 января 1962 года ДОСААФ представит нам материалы на первую группу в 40–50 человек (заявления кандидатов, автобиографии, анкеты и заключения о годности к летной работе).

Сукарно согласился с нашим предложением послать в Индонезию не Гагарина, а Титова. Решено, что 1 января Титов и Горегляд вылетят в Джакарту. Сегодня говорил с Главкомом о необходимости увеличения численности штата Института авиационной и космической медицины (необходимо дополнительно иметь 10 офицеров и 85 служащих и рабочих). Мои переговоры по этому поводу с Ушаковым и Брайко не дали результатов. Просил Вершинина принять волевое решение и приказать выделить людей. Вокруг идет пустая болтовня об освоении космоса, а когда дело доходит до выделения денег и людей, все упираются, как упрямые ослы.

27 декабря.

Сегодня говорил с Главкомом о небольшом отпуске для меня — в этом году, как и в прошлом, я отдыхал только 20 дней, вместо положенных 45. Главком разрешил мне отдыхать до 8 января, но без оформления отпускного билета.

28 декабря.

Вчера провел большое совещание по подготовке к очередному пилотируемому полету, запланированному на март 1962 года. Основные итоги совещания таковы. Шесть космонавтов, полностью закончивших программу подготовки и тренировок, уже готовы к полету. К сожалению, плохо обстоит дело с устранением дефектов в аппаратуре и оборудовании. 26 декабря в Феодосии закончились

испытания доработанной парашютной системы и скафандра, но все усовершенствования показали себя плохо, и их нельзя принимать. На сегодня у нас есть только те системы, с которыми летали Гагарин и Титов, со всеми присущими им недостатками (автоматическое открытие запасного парашюта, заполнение скафандра водой в случае приводнения, ненадежная радиоаппаратура, ложные показания газоанализатора при отрицательной температуре и др.). Терморегулятор «улучшили» так неудачно, что теперь температура в кабине корабля может подняться до 35–40 градусов и выше. Дело в том, что во время полета Титова температура в кабине понизилась до 10 градусов. Это произошло из-за того, что в кабине корабля по ошибке были включены оба вентилятора (один из них — запасной). Не зная точной причины снижения температуры, конструкторы терморегулятора уменьшили площадь радиаторов почти вдвое, и уже после этого выяснилось, что причина снижения температуры — в одновременной работе двух вентиляторов. Так же плохо обстоит дело и с «Микроном» аппаратурой контроля физиологических функций космонавта с момента катапультирования и до приземления. «Микрон» еще ни разу не работал, и пока нет надежд, что он заработает.

1962 год

Полет Николаева и Поповича снова резко увеличил разрыв между СССР и США в нашу пользу — это признают даже сами американцы. Но что мы должны делать дальше?

6 января.

Королев опять улетел на космодром на запуск второго «Зенита». Первый пуск, проведенный в первой декаде декабря прошлого года, был неудачным. Не сработала третья ступень ракеты, объект упал между Новосибирском и Якутском, и до сих пор не найден. У меня пока не было времени подробно выяснить причины этой аварии и неудачного поиска упавшего аппарата, а Кутасин, Горегляд и Аристов тоже ничего не знают.

8 января.

В 10:30 было совещание у Вершинина. Главком проверял нашу готовность к военно-научной конференции ВВС, которая начнет работу завтра в Монинской академии. На конференции я буду руководить секцией космонавтики.

13 января.

Сегодня закончила работу военно-научная конференция ВВС. На заключительном пленарном заседании присутствовали Гречко, Захаров, Баграмян. С заключительным словом выступил Вершинин. В работе секции космонавтики планировалось участие 65 генералов и офицеров, а фактически участвовало более 130 человек. Лучшие доклады на нашей секции сделали доктор наук Генин, генерал-майор Мелькумов, генерал-майор Четвериков и профессор Поспелов. Секция рекомендовала разрабатывать и создавать:

1) воздушно-космический самолет с высотой полета 60-150 км и орбитальный космический самолет с высотой полета 1000–3000 км;

2) самолет-носитель для старта с него космических летательных аппаратов и ракет классов «воздух-космос» и «космос-земля»;

3) аппаратуру навигации, наблюдения и управления для космических летательных аппаратов и аппаратуру жизнеобеспечения космонавтов для 30-суточного и более длительных полетов.

По представлению секции космонавтики в решениях конференции указано на необходимость:

— усовершенствования пуска и поиска космических летательных аппаратов;

— подготовки космонавтов из числа ученых, инженеров, врачей и других специалистов;

— совершенствования базы Института авиационной и космической медицины и Центра подготовки космонавтов.

16 января.

Уговорил Вершинина не посылать меня с Гагариным в поездку по африканским странам. Вместо меня полетит полковник Аристов, вылет намечен на 30 января. Работы так много, что мне кажется, мы не делаем и половины того, что крайне необходимо делать.

Вчера ЦК ДОСААФ представил 58 личных дел женщин, желающих быть космонавтками. Они или летчицы, или парашютистки, а во многих случаях — и то и другое сразу. Сегодня в 14:00 проведу совещание: из 58 отберем 30–40 кандидатов, которых в ближайшее время вызовем в Москву и «пропустим» через медицинские комиссии и специальные испытания. Можно считать, что работа по подготовке полета женщины в космос уже началась. Вчера маршал Малиновский подписал приказ о наборе 60 новых космонавтов, в том числе разрешено принять пять женщин.

ЦПК необходимо реорганизовать и расширить. Сейчас в штате Центра всего 250 человек, из них 17 космонавтов. Возглавляет Центр врач полковник Е. А. Карпов. Юридически ЦПК подчинен Институту авиационной и космической медицины ВВС. Необходимо штат ЦПК увеличить до 600 человек, из них 80 космонавтов. Во главе Центра поставить хорошего организатора, генерала-летчика. Следует также подчинить Центру смешанный авиационный полк для тренировки космонавтов, а сам ЦПК вывести из состава Института авиационной и космической медицины, сделав его (Центр) самостоятельной организацией, напрямую подчиненной командованию ВВС. Вчера обо всем этом я говорил с генерал-полковником Агальцовым, он поддерживает все мои предложения. Теперь передо мной стоит нелегкая задача — убедить в необходимости реорганизации ЦПК сначала Вершинина, а затем и руководство Министерства обороны.

18 января.

С. П. Королев прислал письмо с просьбой поддержать его ходатайство о постройке в 1962–1963 годах 8 новых кораблей «Восток-3А», которые должны быть на 1100–1300 килограммов тяжелее «Востока-2». Для их запуска будет использоваться носитель 11А57 (носитель спутника «Зенит-4»). Эти корабли предназначаются для проведения экспериментов по стыковке на орбите, для создания экспериментальных орбитальных станций и разработки кораблей, предназначаемых для полетов к Луне. ВВС целиком поддерживают эти предложения. Сергей Павлович считает, что на одном из стыкующихся кораблей должен быть пилот.

19 января.

Вчера впервые просмотрел личные дела женщин-космонавток. Из 58 мы отобрали 23 кандидата, которых направим на медкомиссию в первую очередь, а затем — всех остальных. Первое впечатление от просмотра личных дел разочарование и неудовлетворенность. ДОСААФ отобрало кандидатов мало, и большинство из них не отвечают нашим требованиям. Нам нужны молодые, физически крепкие девушки, уже имеющие стаж летной и парашютной подготовки, которых мы за 5–6 месяцев смогли бы подготовить к полету. Главную цель такой ускоренной подготовки я вижу в том, чтобы не дать возможности американцам опередить нас, чтобы продолжать восхищать мир нашими успехами в космосе. Кроме того, мы твердо знаем, что женщины будут летать в космос, и чем раньше мы начнем их подготовку к космическим полетам, тем меньше неожиданностей и неприятностей встретим на этом пути.

27 января.

Сегодня у меня были Гагарин и Титов. Титов вчера вернулся из поездки по Индонезии, Бирме и Вьетнаму, а Гагарин в понедельник, 29 января вылетает в Африку. По докладу генерала Горегляда, поездка Титова прошла нормально, но у него появились признаки зазнайства. Посоветовавшись с Вершининым, мы решили поговорить с Германом на эту тему. Еще до отъезда в Индонезию Титов 30 декабря был на квартире у журналиста Булушева, где выпил сам и заставил выпить своего шофера Померанцева. До Чкаловской они доехали нормально, а потом шофер с разрешения Титова поехал к своей дочери. В 2 часа ночи его остановил милиционер и за езду в нетрезвом состоянии отобрал водительские права. Померанцев, 1918 года рождения,

первоклассный шофер, семейный человек, член партии, не имевший до этого случая ни одного взыскания. Несомненно, что главный виновник этого происшествия — Титов, да он и сам признал свою вину. Главком в присутствии Рытова, меня, Горегляда и Гагарина объявил Титову выговор и очень строго предостерег его от повторения подобных проступков.

23 января собирал всех космонавтов и советовался с ними об их дальнейшей учебе в академии. Все заявили, что совмещать занятия в академии с подготовкой к космическому полету невозможно; чрезмерно большая нагрузка может сказаться на их здоровье. Все высказались за то, чтобы космическую подготовку проводить в полном объеме, а академические занятия резко сократить — оставить лишь отдельные лекции, не сдавать зачеты и не защищать дипломный проект. Я настойчиво разъяснял им ошибочность их позиции. Через 2–3 года, когда у нас будут летавшие космонавты с высшим образованием (из нового набора), роль космонавтов, не имеющих высшего образования (из первого набора), будет более чем скромной. А командованию ВВС хотелось бы, чтобы из группы первых космонавтов выросли крупные руководители в области космонавтики. Я предложил простое и, на мой взгляд, единственно правильное решение: всех космонавтов (17 человек) разделить на две группы «академическую» и «космическую». В 1962 году первая группа занимается только в академии, вторая — только космической подготовкой. В 1963 году группы поменяются местами, а начиная со второго курса (осень 1963 года), все будут заниматься только в академии (имеется в виду, что все уже слетают в космос по одному разу). Программу дальнейших полетов будут выполнять космонавты нового набора. Гагарин, Титов и другие космонавты, а также Главком одобрили это предложение.

31 января.

Вчера был на партийном собрании в Институте авиационной и космической медицины. Доклад об итогах и задачах научно-исследовательской работы сделал В. И. Яздовский. Исследования ведутся по 30 темам, основные из них начаты во второй половине 1961 года. В прениях выступили 15 сотрудников института. Было высказано много претензий к ВВС и в, первую очередь, за медлительность в создании экспериментально-производственной базы. В выступлениях

коммунистов очень часто высказывалась мысль о том, что отсутствие правительственного органа по космосу тормозит наше общее дело. Средства и усилия распыляются, нет четкой координации, возникает угроза отставания от США.

6 февраля.

Главком — в командировке, Гагарин — в Африке. Титов хандрит: у жены выкидыш, а сам он заболел гриппом. Три раза переписывали отчет Института авиационной и космической медицины в ЦК КПСС. Руководство института намерено довести до ЦК все недочеты в работе, а министр обороны заинтересован в обратном. Малиновский давно мог бы своей властью решить и вопросы численности штатов института и ЦПК, и все, что связано с созданием экспериментально-технической базы. Но эти проблемы до сих пор не решены только потому, что бюрократы не желают разобраться в существе дела сами, а докладывать в ЦК тоже не хотят.

Министром обороны создана комиссия под руководством генерала армии Лучинского с целью рассмотреть, что еще можно «отрезать» от ВВС в пользу ракетных войск. Пока, кажется, речь идет только об институте генерал-лейтенанта Иоффе и войсковой части генерал-майора Холодкова. Вредная директива министра о распределении функций в освоении космоса уже начинает портить дело. Если и дальше так пойдет, и в правительстве не будет создан специальный орган по руководству космонавтикой, то в 1962–1963 годах Америка нас обгонит. Надо признать, что сейчас мы лидируем только формально, а по сути — уже отстаем: 120 запусков спутников в Америке и 20 — у нас. США непрерывно готовят и испытывают все новую и новую технику, непрерывно получают мощный поток информации из космоса, а мы пока лишь «пульсируем»; слишком велики перерывы между полетами. В том, что мы отстаем от США в космосе, мир сможет убедиться в 1963 году, но убедить в этом наших руководителей почти невозможно.

8 февраля.

На днях я, как член редколлегии журнала «Авиация и космонавтика», выступал по радио по случаю выхода первого номера. Редактор журнала полковник Иван Федорович Шипилов развивает очень большую активность. Я помог ему установить тесные связи с Келдышем, Королевым, Глушко и другими учеными, и он умело

использует эти связи в интересах дела. Он и генерал Холодков мои самые надежные союзники. Но есть и «враги», которые «съели бы меня с потрохами», если бы представился удобный случай: это генерал-полковник Пономарев, генерал-лейтенант Кутасин, генерал-майор Белюнов и некоторые другие. Да, недоброжелателей много — они мелочно завидуют нашему шумному успеху в космосе и как-будто не подозревают, что рядом с успехами могут быть и большие провалы.

Главком Вершинин, генералы Агальцов и Брайко во всем меня решительно поддерживают. Но все может резко измениться при одном моем неверном шаге, ошибке или несчастном случае. Несмотря на мои заслуги, меня могут выставить в роли «козла отпущения» при первой же крупной неудаче. Королев, Яздовский, Клоков охотно поддержат любую акцию против меня. Пока они держатся лояльно, но «трещина», наметившаяся в отношениях между нами, не уменьшается. Хотелось бы по больше единства и сплоченности в рядах тех, кто работает над освоением космоса, но нас, к сожалению, раздирают мелкие дрязги. Вчера, например, Главный конструктор Алексеев Семен Михайлович рассказал мне о том, как начальник НИИ ПДС (парашютно-десантной службы — Ред.) Ткачев сорвал испытания парашютной подвесной системы и скафандров. Ткачев знает, что по решению ВПК (Военно-промышленная комиссия при Совете министров СССР — Ред.) мы должны закончить испытания до 13 февраля, но он приказал своим испытателям не прыгать из опасения, что парашют зацепится за РПК-10 (разъемную колодку коммуникаций скафандра). Когда ему сказали, что с этой колодкой проведено полсотни прыжков, в том числе катапультировали Гагарина и Титова, он ответил: «А я ее раньше не видел, а то бы запретил прыжки еще раньше». Вот так иногда решаются у нас важные вопросы. Алексеев от меня позвонил Кобзареву, тот от неожиданности даже растерялся, а потом сказал: «Что мне делать с этим дураком, снять его с должности?» Кобзарев срочно вызвал к себе Алексеева, Ткачева и полковника Смирнова, чтобы немедленно решить этот вопрос.

Руководство упорно молчит об очередном пуске — дай Бог, чтобы он состоялся в марте. Есть все основания опасаться, что разрыв между вторым и третьим полетами будет не меньше 8–9 месяцев.

9 февраля.

В столовых ввели постные четверги. В Москве и особенно на периферии ощущается недостаток мяса и других продуктов. Усиленно ползут слухи, что на Хрущева в Минске было совершено покушение. Удивляют не сами слухи, а то, что люди не возмущаются ими. Народ Хрущева не любит, его бесконечная болтовня и обещания всем надоели. Люди надеются на сохранение мира и улучшение своего материального благосостояния, но и то и другое может не осуществиться. И в этом будут виноваты не только Кеннеди и Аденауэр, но и наша крикливая политика, наши попытки «совать нос» во все закоулки земного шара. Мы очень неэкономно раздаем за границей то, что еще очень нужно нам самим внутри страны.

10 февраля.

Вчера партком ВВС обсуждал доклад генерал-лейтенанта Волынкина о ходе научно-исследовательских работ в Институте авиационной и космической медицины. Были предложения подчинить институт генералу Пономареву, но такое решение партком не принял. Надо признать, что имеющаяся в ВВС разобщенность усилий по освоению космоса (Каманин, Пономарев, Кутасин) наносит нам большой вред. Желательно эти усилия объединить. А пока что ГКНИИ и ИАКМ ставят друг другу подножки и тем самым дискредитируют ВВС. В частности, ГКНИИ совместно с ОКБ Воронина проводит 15-суточные испытания двух офицеров для «Севера», но без всякого участия ИАКМ.

13 февраля.

Сегодня Вершинин, Рытов, Пономарев и я были в ОКБ-124 Главного конструктора Воронина. Осмотрели завод, барокамеры и другие установки. Завтра в ОКБ заканчивается 15-суточный эксперимент с двумя испытателями, проводимый совместно с ГКНИИ. ИАКМ приглашался для участия в данном эксперименте, но отказался от него. Это большая ошибка Яздовского.

После отъезда Главкома я, Холодков и Смирнов еще около полутора часов оставались у Воронина. Я пытался выяснить причину ухудшения отношений между ОКБ-124 и ИАКМ. Она оказалась простой: Яздовский хочет поставить себя выше Воронина. Еще одна ошибка руководителей ИАКМ состоит в том, что они хотят дать ОКБ для производства уже готовые образцы аппаратуры, а не идеи и нормы для конструирования этой аппаратуры. ИАКМ настаивает на зачетных

испытаниях своей аппаратуры, а база для их проведения есть пока только в ГКНИИ. В общем, нам нужно четко разграничить обязанности двух институтов, а не сталкивать их лбами.

Сегодня Главком подписал доклад о работе ИАКМ и ЦПК в 1961 году, а также проект решения ЦК КПСС и Совмина по базе, численности штатов и строительству для этих организаций.

15 февраля.

Сегодня в 15:20 по московскому времени американцы в восьмой раз будут пытаться вывести на орбиту Джона Гленна. Судя по всему, его полет недостаточно хорошо подготовлен. Я не склонен преуменьшать успехи американцев в космосе — они есть, и они значительны. Более того, я даже опасаюсь, что американцы могут обогнать нас. Правда, не все зависит только от них. Если мы сумеем правильно оценить назревающую опасность, то сможем идти впереди США. Сегодня Герман Титов в 15:00 в Политехническом музее будет выступать перед собранием старых большевиков, а в 14:00 он будет у меня, и я подскажу ему, чтобы он в своем выступлении сравнил полет Гагарина и свой полет с бесконечными переносами первого орбитального полета американца. Оба наших полета были осуществлены с первой попытки, а американцы уже семь раз переносили старт Джона Гленна. Он уже изрядно измучился еще до полета. Сидеть четыре часа в корабле и ждать сомнительного старта — это не легче, чем сделать три витка вокруг Земли.

Вчера Гагарин из Афин перелетел в Никозию, сегодня его горячо приветствуют киприоты. Складывается опасное положение: мы занимаемся речами, а американцы — космическими полетами. Нам надо идти вперед, не переоценивая наших результатов и не умаляя усилий наших соперников.

17 февраля.

Позвонил Королев и сообщил, что Устинов объявил с сегодняшнего дня месячную готовность к полету двух космических кораблей. Я дал соответствующие указания Яздовскому и Карпову. К полету готовятся семь человек: Николаев, Попович, Шонин, Волынов, Нелюбов, Быковский и Комаров. Из этой семерки необходимо выбрать двоих. На будущей неделе такой выбор нужно будет сделать. Наиболее вероятные кандидаты — Николаев и Попович.

Вчера пришлось очень серьезно поговорить с Германом о его поведении. 15 февраля после выступлений у старых большевиков и в Высшей партийной школе он заехал к художнику Яр-Кравченко и пробыл у него всю ночь. Яр-Кравченко великий пьяница. Герман говорит, что и сам убедился в этом и больше к нему никогда не поедет. В последнее время Титов дает много обещаний, но часто не выполняет их. В тот же день — 15 февраля — между 12 и 13 часами по дороге в Москву, около Медвежьих озер, Титов, сам управлявший своей «Волгой», при попытке обогнать автобус, столкнулся с ним и помял правое крыло. У Германа это уже третье автопроисшествие за полгода. Титов оказался более трудным, своенравным и капризным по сравнению с моими представлениями о нем до полета. Придется разбираться с ним на партсобрании.

21 февраля.

Вчера американский космонавт Джон Гленн на корабле «Меркурий-6» совершил три оборота вокруг Земли и приводнился в Атлантическом океане. В полете были неполадки с ориентацией корабля, температура в кабине поднималась до 40 градусов. Точных данных о состоянии Гленна нет, но оно, по-видимому, удовлетворительное.

Вчера я был в ЦПК и отобрал четырех космонавтов для предстартовой подготовки к очередному полету: Николаева, Поповича, Нелюбова и Быковского. Сегодня получил пока неофициальное уведомление (сведения от Устинова), что пуск должен состояться 10–12 марта. По-видимому, после полета Гленна Н. С. Хрущев потребовал приблизить дату нашего очередного пилотируемого полета. Чтобы произвести пуск 10–12 числа, нужно 2–3 марта вылетать на старт. Вот стиль нашего руководства. Полгода ничего не делали, а теперь за десять дней требуют подготовить сложнейший космический полет, программа которого еще не только не утверждена, но даже и не согласована с нами. Королев настаивает на трехсуточном полете, а мы считаем, что нужно лететь на сутки, и лишь при отличном самочувствии космонавта продлить полет до двух суток.

22 февраля.

Главком утвердил программу предстоящего космического полета. Продолжительность полета — одни сутки, но при отличном состоянии космонавта решением Госкомиссии полет может быть продлен до двух

суток. Королев, конечно, будет возмущаться и требовать трехсуточного полета, но я думаю, что мы его «обломаем» и на предлагаемую им авантюру не пойдем.

Получил согласие Главкома на то, чтобы с 1 марта начать занятия с женщинами-космонавтами, только в этом случае мы сможем подготовить их к полету к середине августа. Приму все меры, чтобы советская женщина была в космосе в августе-сентябре 1962 года. На 14 часов 26 февраля назначил заседание комиссии по окончательному отбору космонавток. Сейчас в госпитале успешно проходят испытания 9 девушек, из них мы отберем лишь 4–5. Кто-то из них и станет первой космонавткой Советского Союза и, будем надеяться, мира.

24 февраля.

На торжественное заседание и прием у маршала Захарова по случаю 44-й годовщины Советской Армии не ходил: до предела надоела болтовня о том, как мы сильны и хороши. Лет пять назад усиленно кричали, что скоро мы догоним Америку по молоку и мясу. А теперь, когда у нас остро ощущается недостаток мяса, молока и масла (из Горького приезжают в Москву за мясом, из Ленинграда просят выслать масла, а на Бабьегородском рынке Москвы бывает не больше одной молочницы в день), крики на эту тему смолкли. В сельском хозяйстве дела у нас идут туго. Много очковтирательства, еще больше «ценных» указаний, противоречащих друг другу — в результате поголовье скота кое-где уже сокращается. Дает себя знать и огульное внедрение кукурузы, требующей особых климатических условий и большого количества удобрений.

Королев звонил Главкому и настаивал на трехсуточном полете. Наше руководство проявило слабину и под напором Королева согласилось с его предложением: если в течение двух суток все будет хорошо, то можно разрешить полет и на трое суток. Вершинин и Агальцов легко отступают от наших совместно принятых решений. Я буду категорически против трехсуточного полета. Посмотрим, кто окажется прав.

27 февраля.

Королев категорически настаивает на трехсуточном полете, а Яздовский, как всегда, юлит и поддакивает Королеву. Вопрос о задании на полет будет рассматриваться на Госкомиссии. Мне

предстоит нелегкая задача: доказать отсутствие научного обоснования программы полета и авантюристичность планов Королева.

28 февраля.

Вчера первый раз заседала комиссия по отбору женщин в число слушателей-космонавтов. Председатель комиссии — я, заместители — генералы Горегляд и Бабийчук, члены комиссии: академик Сисакян, генералы Волынкин, Кувенев, Лавский, Терский, Бородин и другие. Мы внимательно изучили документы кандидатов и побеседовали с Ефремовой, Квасовой, Кузнецовой, Соколовой, Соловьевой, Сололовой и Терешковой. Все они успешно заканчивают медицинские испытания. Окончательно решение о зачислении в слушатели-космонавты можно будет принять 3–5 марта, но уже сейчас ясно, что из этой семерки можно будет отобрать максимум 3–4 кандидата. Наиболее вероятными кандидатами являются Соловьева, Терешкова и Кузнецова. Некоторые шансы имеют Ефремова, Квасова и Соловова, меньше всего шансов у Соколовой. Соловьева, Терешкова и Кузнецова сильные кандидатки, и одна из них будет первой женщиной Советского Союза, поднявшейся в космос, а может быть и первой в мире.

1 марта.

Первый день весны, но зима еще не сдается. Вчера вечером позвонили из МИДа и сообщили, что 2 марта Джона Гленна будет принимать секретариат ООН в Вашингтоне. Гленна сопровождают вице-президент США Джонсон, директор НАСА, руководитель проекта «Меркурий» и другие официальные лица. Наш представитель в ООН — Зорин шифротелеграммой доложил Громыко о целесообразности 19 марта нашим космонавтам — Гагарину или Титову — прибыть в Нью-Йорк для участия в приеме в ООН. Главкома в Москве нет — он в Баку. Посоветовавшись с маршалом Руденко, мы сообщили в МИД, что в Нью-Йорк целесообразно послать Гагарина, Титова и Каманина. Правда, такая поездка, если она состоится, может совпасть с нашим очередным космическим полетом, а мне очень хотелось бы готовить этот полет до конца и быть на старте. Крайне желательно присутствовать на старте и Гагарину с Титовым. Но политика есть политика, и вряд ли нам удастся «отвертеться» от этой поездки. Как ни интересна поездка в Америку, но я с большим удовольствием остался бы дома и готовил очередной полет.

5 марта.

В субботу 3 марта провел в госпитале(ЦВНИАГ — Ред.) заседание комиссии по окончательному отбору космонавток. Комиссия единогласно решила рекомендовать в космонавты-слушатели Соловьеву, Кузнецову и Терешкову. Решение по Квасовой и Ефремовой будет принято в конце марта, одновременно с рассмотрением кандидатов второго потока. Из второго потока заслуживают внимания только Борзенкова и Еркина.

Позавчера в разговорах с Королевым и Ивановским узнал, что из-за технических задержек и необходимости пуска «Зенита» в первую очередь пуск очередного «Востока» состоится не раньше конца марта или начала апреля. Поездка в Нью-Йорк в марте, по-видимому, не состоится. Президиум ЦК КПСС решил не напрашиваться с визитом наших космонавтов в ООН. Я очень рад, что затея Зорина не осуществится, но жаль, что оттягивается пуск «Востока».

7 марта.

Звонил Королев — он считает, что пуски «Востоков» с космонавтами состоятся 5-10 апреля. Вчера встречался с космонавтами, еще раз, будем надеяться в последний, обсудили программу полета. Николаев, Попович, Нелюбов, Быковский, Гагарин, Титов, Карпов, Азбиевич и Никерясов единогласно высказались за полет на двое суток для обоих кораблей и против продления его до трех суток. Я предупредил всех, что на каждого из них будет оказываться сильное давление, и если кто-либо отступит от занятой нами позиции, то тем самым подведет других.

8 марта.

Вчера я не смог записать всего, что хотел. Нажим на ребят уже начался. Вчера Яздовский уговорил Карпова подписать задание на суточный полет с возможностью продления его до трех суток. Сегодня опять звонил Королев — он считает, что нужно планировать полет твердо на трое суток с возможностью посадки раньше срока, если космонавт будет неважно себя чувствовать или будут замечены какие-либо неполадки в технике. Королев попросил прислать к нему Яздовского, Карпова, Азбиевича, Гагарина, Титова, Николаева, Поповича, Нелюбова и Быковского. Сейчас, когда я пишу эти строки, ребята находятся под мощным «королевским прессом». Думаю, что многие не сумеют устоять.

Вчера встречался с Ветошкиным (из аппарата Устинова) и Келдышем. Готовится директива Коккинаки и Скуридину, которые 9 марта вылетают в Париж, чтобы на заседании ФАИ добиваться утверждения рекордов полета Титова. ФАИ прислала документы о невозможности утверждения рекордов Титова, поскольку он спускался на Землю не в корабле. В документах ФАИ был также и ряд других технических придирок. Я завизировал директиву и другие материалы, которые высылаются в ФАИ. Хотя возражения ФАИ и расходятся с положением о космических рекордах, мне кажется, ее руководство сделает все, чтобы не утверждать рекорды Титова, но утвердит рекорды Гленна. Бедному Коккинаки придется туговато в этой обстановке.

9 марта.

Как я и предполагал, вчера у Королева Яздовский и Титов перешли в «чужой» лагерь. Все остальные космонавты твердо держались нашего ранее согласованного решения ограничить продолжительность предстоящего космического полета двумя сутками, и не более.

Вчера у меня были руководители Института авиационной и космической медицины: генерал-лейтенант Волынкин, полковник Яздовский и секретарь парткома инженер-полковник Денисов. Все трое единогласно высказались за то, чтобы отделить от института управление авиационной медицины и передать его в ГКНИИ ВВС, а институт сделать только космическим. Такая постановка вопроса, пожалуй, немного опережает события, но ясно одно: необходимо искать пути размежевания авиационной и космической медицины. Генерал Бабийчук, узнав от меня о вчерашней беседе с Волынкиным и Яздовским, очень заволновался и пытался меня убедить, что их предложение вредное и что он будет категорически против их «козней». Генерал Холодков на мое предложение выступить на Военном Совете за объединение под одним руководством всех работ по космосу, проводимых в ВВС, высказался в принципе положительно, но защищать эту точку зрения на Военном Совете против своего шефа (А. Н. Пономарева) отказался.

16 марта.

Вчера мне звонил из ЦК КПСС Ф. Р. Козлов. В связи с тем, что Вершинин и Малиновский подняли вопрос о снижении окладов для

слушателей-космонавтов с 300–350 до 200 рублей, и предоставлении права министру обороны своим приказом устанавливать оклады космонавтам, не превышающие верхнего предела, установленного решением правительства в «Положении о космонавтах», я передал Козлову по «кремлевке» следующие данные:

Космонавт Оклад, руб. Надбавки за: Всего, руб.

выслугу лет, звание, класс,

руб. руб. руб.

Майор Гагарин 450 54 90 45 639

Майор Титов 400 49 90 40 579

Майор Комаров 350 88 90 0 528

Капитан Быковский 350 63 70 0 483

Капитан Шонин 350 63 70 0 483

Капитан Волынов 350 63 70 0 483

Как видно из этой таблицы, оклады и общее денежное содержание наших космонавтов высокие. Майор Гагарин, например, получает только на сто рублей меньше, чем я.

19 марта.

Вчера прошли выборы в Верховный Совет СССР. Гагарин и Титов стали депутатами. В субботу поздно вечером позвонил адъютант Главкома и передал, что он просит в понедельник к 9:00 доложить о приглашении Гагарина и Титова в ООН. Оказалось, что Зорин все-таки обратился в ООН с целью приглашения наших космонавтов. ОАР и Индия поддержали его, а США и Англия выступили против.

20 или 21 числа мне придется докладывать комиссии генерала армии Лучинского об организациях ВВС, занимающихся космосом. Эта комиссия изучает организационные вопросы и перспективы развития космонавтики. Ее доклад министру обороны может многое изменить в структуре и организации дела по освоению космоса в рамках Министерства обороны. Этот доклад не сулит ВВС ничего хорошего; Лучинский и 13 из 14 членов его комиссии настроены в пользу ракетных войск.

От общества «Япония-СССР» поступило приглашение Гагарину посетить Японию во второй половине апреля 1962 года (на 5–7 дней). На это же время есть и приглашение в Италию.

22 марта.

Вчера на комиссии Лучинского доложил о работах, проводимых ВВС по космосу: какие организации (институты, центры, академии, службы) над какими темами работают. Я обосновал необходимость увеличения штатной численности этих организаций ВВС более чем на 2500 человек. Вопросов было много, члены комиссии больше всего интересовались организацией генерала Холодкова. У меня сложилось впечатление, что сам Лучинский настроен не агрессивно. Видимо, предложения комиссии для министра обороны будут в духе небольших поправок к директиве Министерства обороны. На кардинальные предложения по изменению распределения функций в освоении космоса между видами Вооруженных Сил комиссия не пойдет. А жаль! Нужно было бы предложить министру объединить все военные космические организации в одном виде Вооруженных Сил: в ВВС или даже в ракетных войсках, а лучше всего непосредственно при Министерстве обороны.

24 марта.

Сегодня Вершинин подписал приказ об отчислении капитана Марса Рафикова с должности космонавта и направлении его старшим летчиком в истребительную часть. Этим же приказом объявлен выговор космонавту капитану Аникееву. Оба они 12–13 марта без разрешения уехали из гарнизона и «шлялись» по ресторанам Москвы. Рафиков, кроме того, не ладит с женой, все время поговаривает о разводе. В мае прошлого года, будучи на отдыхе в Сочи, бегал к другой женщине, а когда его жена возмутилась его поведением и стала ему выговаривать, он избил ее. За эти проступки он имеет взыскания по партийной и строевой линии. Главком, прежде чем подписать приказ, докладывал министру о поведении Титова, Рафикова и Аникеева. Министр согласился с нашим предложением об отчислении Рафикова, сказав: «Это должно быть серьезным предупреждением всем космонавтам».

27 марта.

Был в ЦПК. Всем космонавтам зачитал приказ об отчислении капитана Рафикова. Приказ был встречен гробовым молчанием, все на несколько секунд словно оцепенели. Рафиков сказал, что он признает все свои ошибки, причинившие неприятности не только ему, но и коллективу и начальству. Просил космонавтов простить и не забывать его, помочь через 1–2 года вернуться в отряд ЦПК. Мы пообещали ему

нашу помощь, но предупредили, что очень многое зависит от него самого. Беседовал с женой Рафикова. Она очень любит пятилетнего сына и мужа, и готова ехать с ним, куда угодно. Поговорил с Гагариным, Титовым и Аникеевым. Сказал им, что дурные примеры Титова и слабоволие Аникеева «помогли» Рафикову докатиться до такой жизни, и что они тоже серьезно виноваты в случившемся с ним. Разговаривал с Николаевым, Поповичем, Нелюбовым и Быковским. Они дали мне слово, что будут отстаивать наше решение о полете на двое суток. А вчера у Агальцова Николаев и Попович, под влиянием бесед с Королевым, готовы были лететь на трое суток.

29 марта.

Вчера опять был в ЦПК. Комиссия Лучинского знакомилась с состоянием и задачами Центра. Карпов обстоятельно доложил членам комиссии о том, что уже сделано в ЦПК и каковы перспективы. Было очень много вопросов, смысл которых сводился к тому, почему ЦПК в ВВС и почему все космонавты летчики. Полковник Карпов на вопросы отвечал в основном правильно, но на 2–3 наиболее острых вопроса ответил малоубедительно. Пришлось выступить мне и рассказать членам комиссии, что подготовка космонавтов в ВВС организована и проводится на основании многих решений ЦК КПСС, правительства и приказов министра обороны. Имел разговор один на один с Лучинским, он высказался за сохранение существующего разделения функций между видами Вооруженных Сил, но предложил провести некоторое организационное переустройство в ВВС и РВСН (Ракетные войска стратегического назначения — Ред.) и учредить должность заместителя министра обороны по космосу (с минимальным аппаратом).

Беседовал с Соловьевой, Кузнецовой и Терешковой. Они заявили: «Мы довольны, все хорошо. Усиленно занимаемся и сделаем все возможное, чтобы подготовиться к полету до конца августа 1962 года».

3 апреля.

Сегодня Военный Совет ВВС заслушал мой доклад о состоянии космических дел и предложениях по реорганизации ИАКМ, ЦПК и центрального аппарата. После меня докладывали генерал — лейтенант Волынкин и генерал-майор Холодков. Ко всем докладчикам было очень много вопросов. Мои предложения о выводе ЦПК из подчинения ИАКМ, создании смешанного авиационного полка для

обеспечения работ ЦПК и увеличении численности сотрудников ИАКМ, ЦПК и группы инспекторов были одобрены Военным Советом. Предложение ввести должность заместителя Главкома по космосу и подчинить ему все организации ВВС, занимающиеся космосом (ИАКМ, ЦПК, часть Холодкова и служба поиска), Военный Совет расценил как «ступеньку к полному отделению космоса от ВВС». Главком в своем выступлении особый упор сделал на более тесное взаимодействие космонавтики с авиацией: «Космос вырос из авиации, и космос — это будущее авиации». Для окончательной отработки предложений создана комиссия под руководством маршала Руденко Сергея Игнатьевича.

4 апреля.

Американские и западногерманские ученые провели эксперимент: поместили 5 человек на 5 суток в полностью изолированный противоатомный бункер. После завершения эксперимента у всех пятерых было плохое самочувствие. Цель этого опыта — определить, почему Титов начал плохо себя чувствовать после 5–6 витка космического полета. Ученые считают, что причиной плохого самочувствия Титова и пятерых испытуемых является отсутствие нормального электростатического поля Земли. Вполне вероятно, что это так, но на Титова значительное влияние оказывала еще и невесомость. Эти данные лишний раз подтверждают нашу правоту в споре с Королевым о продолжительности предстоящего космического полета. Келдыш согласился с нашим проектом летного задания.

12 апреля.

Сегодня мы впервые празднуем День космонавтики. Для того, чтобы состоялся Указ Президиума Верховного Совета СССР об установлении такого праздника, пришлось потрудиться. Более месяца тому назад я убедил Вершинина и Рытова в необходимости ходатайства перед ЦК КПСС об организации празднования 12 апреля. В проекте ходатайства я первым пунктом поставил установление «Дня космонавтики». При подписании ходатайства Ефимов (заместитель маршала Голикова) убедил Рытова и Вершинина снять это предложение. Тогда я попутно с ходатайством организовал письмо Германа Титова к Хрущеву об установлении праздника… и решение состоялось. В эти предпраздничные дни нас замучили корреспонденты: всем нужен Гагарин! 10 апреля в ЦДСА провели

праздничный вечер. После моего вступительного слова на вечере выступили: писатель Рябчиков, академик Благонравов, Гагарин и Титов. В газетах «Правда», «Известия», «Красная звезда» и «Вечерняя Москва» опубликованы мои статьи, а «Неделя» чрезмерно расхвалила готовящуюся к изданию мою книгу «Первый гражданин Вселенной».

10 апреля было окончательно сформулировано решение Военного Совета ВВС по космосу: ЦПК выводится из подчинения ИАКМ; при Центре создается смешанный авиационный полк; ИАКМ и ЦПК будут подчиняться через меня маршалу Руденко, моя группа усиливается. Вместо должности заместителя начальника боевой подготовки ВВС вводится должность заместителя начальника Главного штаба ВВС по космосу. Все эти изменения не полностью решают назревшие вопросы, но новая организационная структура должна быть несравненно лучше прежней. На последнем заседании Военного Совета мне пришлось довольно резко выступить против предложения генерал-полковника Брайко о подчинении ИАКМ Пономареву, а ЦПК — Агальцову. Мое предложение поддержал Главком и большинство членов Военного Совета.

Состоялось решение ЦК КПСС о поездке Титова в Нью-Йорк. В решении нет даты выезда. Есть опасность затяжки поездки до мая, а это было бы крайне нежелательно. Думаю, что 10–15 мая состоится очередной космический полет. Мне и Герману очень нужно быть на старте. Все четверо космонавтов (Николаев, Попович, Нелюбов и Быковский) к полету подготовлены хорошо, но хотелось бы самому проводить их в полет.

13 апреля.

Вчера во Дворце съездов состоялось торжественное собрание, посвященное первой годовщине полета человека в космос. На собрании присутствовали руководители страны во главе с Хрущевым. Выступили академик Келдыш, рабочий Викторов, Гагарин, Титов и академик Вернов. Выступление Титова сначала не планировалось; уже сидя за столом президиума, Хрущев предложил ему выступить, и Герман выступил неплохо. В президиуме было много лиц, не имеющих никакого отношения к космосу, а Королев — один из главных «виновников» наших космических триумфов — сидел в зале. Мне было обидно за Королева. Космонавтов, конечно, чествуют заслуженно, но не меньшего внимания достойны и создатели первых

космических кораблей… А Дворец съездов, между прочим, сделан неплохо и отвечает своему назначению — вот только выстроен он не на месте: рядом с древними Кремлевскими храмами он выглядит современным пижоном среди именитых бояр.

14 апреля.

Маршал Руденко приступил к руководству космосом в масштабе ВВС. Он уже четыре дня изучает состояние Института авиационной и космической медицины. Вчера сидели в институте с 14 до 21 часа. Беседовали с учеными (11 докторов наук) и руководством института. Яздовский и ученые (его поддерживают 7 из 11) доказывают, что нужен мощный государственный институт, пускай даже подчиненный ВВС, но имеющий собственную базу, средства, кадры и возможность исполнять роль головного института. По мнению Яздовского, это должен быть институт только космической биологии и медицины, без авиационной тематики и с подчинением непосредственно Министерству обороны или еще выше. Руденко же считает, что должен быть единый институт авиационной и космической медицины. Руденко поставил себе цель — изолировать Яздовского и 4–5 человек его ближайших сторонников, а основную массу офицеров перетянуть на позиции ВВС. Думаю, что своими длиннейшими беседами он пока что добился обратного: укрепил всех во мнении, что Яздовский прав, и что нужен самостоятельный космический институт.

16 апреля. Сегодня открывается 14-й съезд комсомола. Мне прислали пригласительный билет, но работы так много, что я едва ли сумею им воспользоваться. Руденко предупредил меня о возможной поездке сегодня в ЦПК. Гагарин и Титов — на съезде. Николаев, Попович, Нелюбов и Быковский — в Феодосии. Четверо других космонавтов тоже поехали на съезд, так что в Центре сейчас только девушки и 5–6 космонавтов.

После состоявшегося решения Военного Совета ВВС о том, что авиационная и космическая медицина должны быть в одном институте, мне нельзя выступать с предложениями, противоречащими этому решению. Но для меня совершенно ясно, что это разделение произойдет, и, по-видимому, чем раньше, тем лучше для космонавтики. Надо признать, что ВВС и Министерство обороны очень бюрократичны, и это сильно тормозит дело.

Академик Анатолий Аркадьевич Благонравов сообщил, что президент Международной организации по мирному освоению космического пространства (КОСПАР) — профессор Ван Де Хелст — в телеграмме от 12 апреля приглашает нашего космонавта принять участие в сессии КОСПАР в качестве члена советской делегации и предлагает, чтобы встреча советского и американского космонавтов и их выступления состоялись 3 мая в Нью-Йорке во время обзорных докладов по проблеме «Человек в космосе». Решением ЦК КПСС на сессию КОСПАР поедет Г. С. Титов. Только что обсуждали с Германом, как и когда лететь. Можно лететь рейсовым самолетом через Париж или Копенгаген, но можно попросить ЦК КПСС выделить специальный самолет Ил-18. Герману нравится больше первый вариант, но он не учитывает всех преимуществ спецсамолета, особенно если придется летать по Америке.

17 апреля.

Руденко собирается поехать к генералу армии Иванову, он надеется обрести в нем союзника в борьбе за сохранение в ВВС Института авиационной и космической медицины. Думаю, что Иванов плохой союзник. Руденко и здесь допускает ошибку — хотя он и перечитал все основные бумаги об институте, но далеко не все понял. Главное его заблуждение в том, что на события двухлетней давности он смотрит с позиций сегодняшнего времени. То, что совершенно ясно сегодня, было в полном тумане два года тому назад. В 14:00 Руденко вернулся от Иванова, ничего не сказал мне о результатах переговоров. Очевидно, что дело с возможным разделом (или полным переподчинением) института осложняется. Бабийчук настаивает на необходимости письма Гагарина и Титова Ф. Р. Козлову с протестом против разделения ИАКМ. В такой обстановке трудно решиться на какое-либо определенное решение. Необходимо выждать несколько дней, выяснить обстановку в Генштабе и уточнить позицию Вершинина.

18 апреля.

Разговаривал по телефону со Смирновым и его замом Зверевым о задании на предстоящий космический полет. Оба отказались рассматривать задание без Королева. Королев 2–3 дня будет в командировке, после его возвращения Смирнов собирается обсудить с ним этот вопрос. А Зверев поступил еще проще он прислал

официальную бумагу с просьбой рассмотреть проект задания, ранее присланный нам Королевым, и утвердить его. Итак, Сергей Павлович продолжает упорно отстаивать свою точку зрения: трое суток полета для первого корабля и двое суток — для второго. Оба корабля должны одновременно летать в космосе двое суток и произвести посадку почти одновременно. Нелепость подобного задания очевидна всем, но мало кто решается спорить с Королевым. Мы выступаем не только за трехсуточный полет, но и за десятисуточный и более длительные полеты, но к их осуществлению нужно подходить постепенно и с учетом опыта уже совершенных полетов. Короче, необходимо чаще летать, а не скакать семимильными прыжками, делая по одному прыжку через 7–8 месяцев. Да, предстоит серьезная борьба. Должно победить благоразумие, а не авантюризм.

19 апреля.

Набор космонавтов идет туго. Желающих быть космонавтами сколько угодно, но людей с абсолютным здоровьем, с законченным высшим образованием, имеющих летную и парашютную практику — маловато. Невзирая на трудности, отступать от намеченного плана — набора космонавтов только с высшим образованием — мы не будем. Если потребуется, можно будет оттянуть набор на более поздний срок. Все документы по обеспечению набора и подготовки новых космонавтов вот уже три месяца лежат в канцелярии министра обороны, так же, как и новое штатное расписание Центра. Не решены вопросы создания смешанного авиационного полка и строительства. Назревает опасность, что наши предложения по увеличению численности штатов ИАКМ и ЦПК, не будут приняты до конца этого года. В такой обстановке закончить набор новых космонавтов до 1 сентября сего года невозможно. Королев пытается добиться для гражданских лиц снижения медицинских требований и выступает против того, чтобы они стали военными. Он предлагает проводить подготовку гражданских космонавтов без отрыва их от производства. Идея дикая, но это не первый и, наверное, не последний заскок в планах Сергея Павловича.

Сегодня маршал Руденко был у Келдыша и говорил с ним о состоянии дел и задачах Института авиационной и космической медицины. По словам Руденко, Келдыш полностью согласен с его предложениями и считает, что никакого нового космического

института создавать не нужно. Существующие институты работают над проблемами длительных полетов и будут решать задачи создания замкнутых экологических систем вместе с промышленностью. Наш институт должен остаться ведомственным и работать над военной космической тематикой, связанной с жизнеобеспечением человека в космосе. Такая позиция нас устраивает, но Келдыш есть Келдыш, он мягковат и едва ли будет стойко защищать высказанную точку зрения. Достаточно Козлову или Устинову немного нажать, как он очень легко сдаст свои позиции. Смирнов и Королев, наверняка, поддержат Яздовского, тем более, что они очень хорошо знают резолюции Козлова и Устинова. Обе резолюции соответствуют намерениям Яздовского. Нам рано праздновать победу над Яздовским, а маршал Руденко торопится: «Я его зажму и поставлю работать рядовым доктором!»;

Я никогда не восхищался В. И. Яздовским. Он неправдив, недисциплинирован, но у него большой и очень ценный опыт — более десяти лет работы над космическими проблемами. Не использовать этот опыт было бы глупо. В последние месяцы, подгоняемый тщеславием («Я создал новую науку космическую медицину»;), корыстью и оскорбленным самолюбием, Яздовский просил себе звания Героя, генерала и члена-корреспондента АН СССР. Он развернул организаторскую работу и сумел быстро сколотить вокруг себя очень дружный коллектив своих сторонников. Волынкин, Денисов, Генин и десятки других — это все исполнители его воли. Институт и даже партийный комитет института на 80 процентов за Яздовского и против ВВС. В такой обстановке выгнать Яздовского, как об этом мечтает Руденко, дело не только трудное, но и не умное. Потребуется значительное время, чтобы поставить институт на правильный путь, а Яздовского и всех его подхалимов утихомирить.

20 апреля.

Гагарин попросил разрешения взять с собой в поездки по Австрии и Японии Валентину Ивановну. Эта просьба несколько запоздала: все документы уже в ЦК КПСС. Пришлось уговорить маршала Руденко позвонить прямо Ф. Р. Козлову. Козлов дал согласие. Сегодня буду окончательно редактировать доклад Титова, который он будет делать 3 мая в Вашингтоне на Конгрессе международной организации по освоению космического пространства. Доклад необходимо показать

еще Вершинину, Келдышу и Королеву, а затем перевести на английский язык.

Вчера на 14-м съезде комсомола выступал Хрущев, а сегодня съезд закончил свою работу. Я хотя и имел пригласительный билет на заседания съезда, но не сумел вырваться ни на одно из них: необходимо было тщательно подготовить поездку Гагарина в Австрию и Японию, а Титова — в Америку. Кроме того, очень много текущих дел. Вчера отправили все необходимое в Феодосию для проведения там парашютных прыжков в скафандрах Николаева, Поповича, Нелюбова и Быковского.

21 апреля. Муся чувствует себя немного лучше, но иногда жалуется на угнетенное настроение. Особенно плохо на нее влияют мои заграничные поездки. В связи с этим и у меня пропал всякий интерес к таким поездкам. 30 апреля нужно будет лететь в Америку. В другое время и в другой обстановке я бы очень радовался возможности посмотреть Америку, а сейчас это не радует, и, если бы было возможно, я с удовольствием отказался бы от предстоящей поездки. Добрынин, наш посол в США, сообщил, что вполне вероятны поездки в Нью-Йорк, Сан-Франциско, Сиэтл и другие города. Возможен прием у вице — президента США Джонсона, который непосредственно занимается космосом. Наш приезд в Америку по времени совпадает с предстоящими испытаниями серии американских водородных бомб на острове Рождества. Эти взрывы — очень плохой аккомпанемент для выступлений на темы мирного использования космоса. Взрывы наверняка состоятся, а это испортит не только нашу поездку, но и очень серьезно осложнит всю международную обстановку. Добрынин принимает все меры, чтобы максимально использовать «эффект Титова»; в пользу СССР и не ограничиваться лишь сессией КОСПАР.

Только что позвонил Новиков из МИДа: «Из Нью-Йорка сообщили, что У Тан хочет принять Титова в ООН 30 апреля или 1 мая, так как после 1 мая он уезжает в командировку».

23 апреля.

Вчера провел отличный выходной день на даче. Много работал: обрезал и подвязывал малину, собирал и сжигал мусор. Посадил две березки и два куста сирени. Учил Олю кататься на трехколесном велосипеде. Пока ей трудновато: ноги не достают до педалей.

Только что забегал Герман Титов. Как заметно он изменился после полета! До этого он производил впечатление стойкого, очень выдержанного человека, а сейчас какой-то мятущийся, все время спешит, все делает на ходу. Его нервная возбужденность бросается всем в глаза. Сегодня в 16:00 открывается первая сессия Верховного Совета СССР шестого созыва, а в 12:00 собирается партгруппа сессии. Герман приехал доложить, что он не сможет быть на партгруппе, а будет только на сессии. Я дал ему проект его доклада на сессии КОСПАР в Вашингтоне и кое-какие материалы, с которыми ему необходимо ознакомиться до поездки. Он просил разрешения взять с собой в Америку жену. Я объяснил ему, что до нашего отлета осталось только пять суток, и за это время невозможно оформить выездные документы и получить американскую визу. Да, до вылета остается только пять дней, а решения, как лететь — рейсовым или специальным самолетом — еще нет. Генерал-лейтенант Цыбин уже несколько раз звонил: он опасается, что не хватит времени на оформление полета.

25 апреля.

Вместе с Благонравовым и Скуридиным вчера были у Келдыша: редактировали директивы для нашей делегации в КОСПАР, а также для Германа Титова. Ничего нового и полезного в этих директивах нет, они составляются по инерции и поддерживаются перестраховщиками. В решении ЦК КПСС поручено Малиновскому, Громыко и Келдышу утвердить директивы для Титова. Директивы пишу я, фактически для самого себя.

Только что был у Главкома и узнал от него о следующих перемещениях. Маршал Москаленко назначается генерал-инспектором Вооруженных Сил вместо Рокоссовского. На место Москаленко — Главкомом Ракетных войск — назначается Бирюзов, Главкомом ПВО — маршал авиации Судец, командующим дальней авиацией назначается генерал-полковник Агальцов, заместителем Главкома ВВС по боевой подготовке назначается генерал-полковник Миронов. Место Миронова генерал-инспектора ВВС — Главком предложил мне. Он сказал: «Мне некем заменить вас на космосе и очень жаль отпускать с этой должности, но у вас штатная категория генерал-лейтенант, а вам надо расти — подумайте и скажите ваше мнение». Я уже 18 лет в звании генерал-лейтенанта. Сейчас моя работа меня вполне устраивает, кроме оклада и штатной категории: и то и другое здесь

ниже, чем у генерал-инспектора. Я не против очередного воинского звания и более высокого оклада, но променять любимое дело на эти блага едва ли будет разумно.

Получили сообщение нашего посла из Мексики, что есть вероятность приглашения Титова в Мексику. Судя по всему, наш полет в Америку продлится до 15–20 мая. Американская печать довольно широко пишет о предстоящем прибытии Титова в Нью-Йорк и Вашингтон. Общий тон благоприятный, но газета «Дейли ньюс»; в редакционной статье под заголовком «Были ли вы там, Герман?»; пишет: «Майор Герман Титов, который, по заявлению русских, облетел вокруг Земли 17 раз, хочет присутствовать на международном совещании по космосу, открывающемуся в Вашингтоне 30 апреля. Мы надеемся, что он немедленно получит визу. Миллионы американцев хотели бы узнать, что действительно произошло в том, до странности секретном, русском полете. Лично мы были бы рады посмотреть, как несравненная Мей Крейг бросит ему на пресс-конференции несколько вопросов».

26 апреля.

Американцы начали серию атомных и водородных взрывов на Тихом океане. Это значительно осложнит наше пребывание в Америке. Было бы лучше ограничиться посещением ООН в Нью-Йорке и докладом на симпозиуме КОСПАР в Вашингтоне, а все другие приглашения американцев, кроме встречи с Гленном, отклонить. Сегодня я говорил с Келдышем и Новиковым (из МИДа) о проекте директивы Титову. Оба они не предложили никаких изменений в подготовленном мною документе. Это говорит или о негибкости дипломатического мышления наших МИДовцев, или о высоком уровне документа. Состоялось решение ЦК о включении в состав делегации жены Титова — Тамары Васильевны. Кроме того, корреспондент АПН Павел Барашев упорно добивается разрешения лететь вместе с нами.

27 апреля.

Вчера на орбиту был выведен «Зенит»; («Космос-4»). Все его характеристики близки к «Востоку», но главная цель «Зенита»; фотографирование земной поверхности. Через четверо суток он должен приземлиться в районе восточнее Акмолинска. Интересно, как будут реагировать на этот запуск американцы и что они знают о действительном назначении «Космоса-4». Второй запуск «Зенита»;

состоится, по-видимому, после 5-10 мая, а пуск двух пилотируемых кораблей «Восток», если с «Зенитами»; все будет отлично, может состояться не раньше 20–30 мая. Сегодня Николаев, Нелюбов, Попович и Быковский возвращаются из Феодосии. Там они провели парашютные прыжки в скафандрах на сушу и на море с тем снаряжением подвесной системы, которая будет в космическом корабле. Прыжки прошли удачно. Главный конструктор Алексеев звонил мне из Феодосии и доложил об удовлетворительных результатах испытаний и тренировок.

28 апреля.

Вчера узнал ошеломляющую новость: генерал-майора Епишева одним росчерком пера Хрущева сделали генералом армии и начальником Главного политического управления (Голиков очень серьезно болен и больше уже не вернется к своей работе). С Епишевым мы старые знакомые. В 1938-39 годах он также был внезапно выдвинут из рядовых армейских инженеров на должность первого секретаря Харьковского обкома. Вместе с ним мы были делегатами 18-го съезда партии. На фронте он был членом Военного Совета одной из армий 1-го Украинского Фронта, мы встречались с ним на Букринском плацдарме. После войны он был послом в Румынии, а последние годы — в Югославии. Головокружительная карьера!

К нашему отлету в Америку все готово. Вчера получил телеграмму из США: информационные агентства просят разрешения послать в Москву 3–4 корреспондентов и операторов, чтобы заснять отлет Титова и делать съемки в пути. Только наши аналогичные организации проявляют полное равнодушие к событию, которое войдет в историю — ведь это первая встреча советского и американского космонавтов!

Маршал Руденко быстро «скис», в последние пять дней он забыл о космосе и не проявляет к нашим делам ни малейшего внимания.

29 апреля.

Сегодня встал в 3:30. Оля больна и ночью часто просыпалась. Муся много раз вставала к ней и почти не спала, но, несмотря на головную боль, она поднялась и, как всегда, приготовила мне завтрак. На даче утро было чудесным, а во Внуково — небольшой дождь. Провожающих немного, причем нет ни одного американца. В состав

нашей делегации, кроме меня, входят 16 человек Титов Г. С., Титова Т. В., Барашев П. Р., Беликов Ю. А., Белов Ю. Н., Шкляр И. К., в том числе 9 ученых: Кондратьев К. Я., Имшенецкий А. А., Мандельштам С. Л., Воробьев А. И., Щепотин А. Н., Калинин Ю. Д., Полосков С. М., Зернов С. Н., Парин В. В., а также переводчик Сташевский Г. С.

Наш Ил-18 взлетел в 7:05 по московскому времени. Через пять часов полета произвели промежуточную посадку в аэропорту Прествик (Шотландия). Нас встретили два представителя нашего посольства, администрация аэропорта и десятка два корреспондентов. Публику на аэродром не допустили. Герман провел небольшую пресс-конференцию и ответил на вопросы представителя Би-Би-Си о цели поездки и содержании своего доклада. Были вопросы и к Тамаре: Что хотите посмотреть в Америке? Будете ли в магазинах? Оба отвечали довольно удачно, но Тамара зря подчеркнула, что она в магазины не пойдет. Вновь взлетели в 13:15 и взяли курс через Атлантику прямо на Гандеру (Канада). На аэродроме Гандеры нас встретили начальник аэропорта и несколько корреспондентов. Погода была настолько плохой, что никто не верил, что наш самолет сядет в Гандере. Наш посол в Канаде Арутюнян пытался добраться до Гандеры, но из-за сильных снежных заносов застрял на противоположном берегу острова Ньюфаундленд. Побеседовали с корреспондентами, выпили по чашке кофе и — опять в воздух. Мы уже 14 часов в пути. В Нью-Йорке будем в 17:40 по местному времени, а по московскому — в 00:40 (уже 30 апреля).

30 апреля. Нью-Йорк.

Представительство СССР в ООН. Титовы и я разместились у Зорина (Зорин в Женеве, его замещает Морозов Платон Дмитриевич). Вчера в 17 часов по местному времени произвели посадку на аэродроме Айдлуайлд, где нас встречали посол Добрынин, наш авиационный атташе генерал Костюк, Морозов и еще 300–400 советских граждан. Америка была представлена администрацией аэропорта, полицией и заместителем мэра города. Сайрус Итон и его жена тоже были среди встречающих. С аэродрома отправились в Представительство и после небольшого ужина поехали осматривать ночной Нью-Йорк: Бродвей, Уолл-стрит, Бруклинский мост, Шестидесятые авеню. Поднимались на 102-й этаж знаменитого небоскреба «Эмпайр Стэйт Билдинг». Ночью город очень красив: море

реклам и уличных огней. Осмотр закончили в полночь по местному времени и с большим удовольствием отправились отдыхать. Наш рабочий день 29 апреля продолжался 27 часов.

Сегодня утром Герман минут 20 рассказывал о своем полете работникам нашего Постпредства. Ровно в 11:00 мы прибыли в ООН, где нас встретил У Тан. Были члены Совета безопасности, администрации ООН и космического комитета ООН (Эдлай Стивенсон, Менон и другие). Около часа оживленно беседовали. Было очень много фото-, кино- и телерепортеров. Кроме официальных лиц в ООН было более двух тысяч американцев. Работники ООН встречали нас очень радушно, а американцы — сдержанно. Титов преподнес У Тану книгу «Утро космической эры», с надписью: «Господину У Тану, исполняющему обязанности генерального секретаря ООН. Космонавты Советского Союза надеются, что ООН сделает все возможное, чтобы космос был мирным, его освоение шло в интересах мира, дружбы, в интересах всего человечества. Гагарин, Титов». Выступление Германа о достижениях СССР в космосе было правильным, без ошибок и без бумажки, все восприняли его хорошо.

После возвращения из здания ООН Морозов устроил завтрак. С 15 до 17 часов заместитель мэра Нью-Йорка О'Брайен возил нас по городу и рассказывал о его достопримечательностях. Первые впечатления от города: самые высокие здания мира, очень много высоких длинных мостов и туннелей, отличные дороги и бешеное автодвижение, маловато зелени, много рекламы и круглосуточный шум. Такие города, как Нью-Йорк, — это несчастье человечества: они угнетают человека и превращают его в муравья.

Вечером были в мюзик-холле Радио-сити, смотрели фильм «Полет человека на Луну»; и пасхальную постановку. Газеты, радио и телевидение широко и благоприятно освещают все посещения и выступления Титова.

1 мая. Нью-Йорк.

Первый раз в жизни встречаю 1 Мая за пределами Родины. В Америке все очень интересно, но сейчас я хотел бы быть дома. Сегодня с 9:30 до 11:00 Герман и Тамара выступали по телевидению, вел передачу один из опытнейших телеведущих Нью-Йорка, вопросов было много: «Будете ли на мысе Канаверал? Могут ли СССР и Америка совместно работать в космосе? Пригласите ли Гленна в

СССР?» Герман отвечал хорошо, но излишне часто дотрагивался руками до лица, зря сказал, что едва ли он сможет увидеть что-либо интересное на мысе Канаверал, и не совсем удачно сравнил народы США и СССР с двумя людьми, стоящими друг против друга с пистолетами. С 13:00 до 14:45 провели пресс-конференцию в клубе журналистов (одна из реакционнейших организаций Нью-Йорка, членами которой могут быть только журналисты, работавшие за границей). Вопросы, в основном, те же, что и на телевидении, общая обстановка благожелательная. Удачные ответы Титова несколько раз встречались аплодисментами. Вернувшись в посольство, просмотрели кинофильм о полете Гленна — в фильме нет ничего для нас нового. В 18:00 в здании Постпредства начался большой прием: приехали Эдлай Стивенсон с сыном, Сайрус Итон с женой, послы и почти все дипломаты Нью-Йорка. Из Вашингтона сообщили, что Джон Кеннеди примет Титова 3 мая. Кроме того, поступило приглашение слетать в Сан-Франциско и Сиэтл, но только на американских самолетах.

2 мая. Вашингтон.

В 11:05 на Ил-18 взлетели с аэродрома Айдлуайлд. К нашему прилету на авиабазу Эндрюс обещали небольшое улучшение погоды, но она, наоборот, ухудшилась. Вместо 50 минут мы пробыли в воздухе 2 часа и произвели посадку на гражданском аэродроме Вашингтона. Оттуда поехали прямо в наше посольство.

Посол Добрынин Анатолий Федорович и его жена — очень приятные люди (оба окончили МАИ и в прошлом работали в КБ у Яковлева). После завтрака, здесь же в посольстве, провели пресс-конференцию. Было около 150 корреспондентов, интерес к Титову со стороны присутствующих был очень высоким. Задавались такие вопросы: «Почему не поедете на мыс Канаверал? Какой вы использовали способ приземления? Когда состоится очередной полет русского космонавта? Полетите ли вы еще раз в космос? Когда русские собираются лететь на Луну? Сколько космонавтов готовят в СССР и есть ли среди них женщины? Каково было ваше самочувствие в полете? О чем будете беседовать с Гленном?» Поначалу аудитория встретила Титова довольно сдержанно, но удачные ответы Германа оживили собравшихся и растопили лед отчужденности. У некоторых журналистов замечалось стремление сбить, поставить Титова в тупик или заставить его проговориться. Но у всех присутствующих явно не

хватало конкретных знаний, и Герман сравнительно легко уходил от острых моментов. Вечером по телевизору передавали сообщения о прилете Титова в Вашингтон и о проведенной пресс-конференции. Комментаторы освещали не все, о чем говорил Титов, но общий тон сообщений был довольно доброжелательный. Приглашений в Сан-Франциско, Сиэтл и Мексику пока нет. Программа дальнейшего пребывания не ясна, есть план только на 3 и 4 мая.

3 мая.

Около 9 часов утра при регистрации членов делегаций КОСПАР произошла первая встреча Титова с Гленном. Он высокий, рыжий, волосы редкие, весь в веснушках. Ему 41 год, но выглядит он моложе и производит приятное впечатление. Его жена примерно одного с ним возраста, очень скромная женщина — чувствуется, что она не была баловнем судьбы. Миссис Гленн настойчиво приглашала Титовых к себе.

Вместе с Гленном мы поездили по Вашингтону, осмотрели памятник Линкольну, поднимались на лифте на вершину «Карандаша» Вашингтона, осмотрели Капитолий — залы заседаний Сената и Конгресса. В Капитолии познакомились с сенаторами Мансфилдом, Мак-Кормиком и другими. Затем осмотрели музей авиации, в котором находятся первые спущенные из космоса аппараты, кабина корабля Шепарда, ракеты «Редстоун» и «Атлас». Кабина «Меркурия» очень тесная, но имеет все необходимое для полета на несколько витков. Астронавт не надевает на себя парашют, который укладывается рядом. Из-за тесноты кабины воспользоваться парашютом практически невозможно, что понимают и сами американцы. Гленн, например, не брал с собой парашют, заявив, что в случае надобности им все равно нельзя воспользоваться.

В 12:45 перед завтраком Титов и Гленн были приняты президентом США Джоном Кеннеди. Он сказал, что рад приветствовать Титова и гордится тем, что американский народ хорошо встречает знаменитого космонавта. В 13:00 позавтракали у заместителя Генерального секретаря ООН — Джонсона в здании Государственного департамента (Джонсон, Гленн, Титов и Добрынин — все с женами — я и еще три человека из Госдепартамента). В 14:30 в том же здании приняли участие в заседании КОСПАР. Француз демонстрировал дохлую крысу, американец — облеванную обезьяну.

Более содержательными были доклады Парина, Титова, Гленна и американца Мэтьюза. Президент КОСПАР Ван де Хелст, закрывая заседание, преподнес Титову и Гленну большие деревянные голландские башмаки. При этом он сказал: «Господин Титов, господин Гленн, эти башмаки сделаны из одного дерева, и было бы очень хорошо, чтобы они всегда ходили вместе». Титову достался левый башмак, а Гленну — правый.

Вечером был большой прием у вице-президента США Линдона Джонсона, который уделил нам много внимания, проводил нас до автомашин и сказал, что скоро будет в Москве и с удовольствием посетит Титова. Жена Джонсона говорила Тамаре: «Вот как хорошо и дружно беседуют наши мужчины, им нужно чаще встречаться, и тогда они наверняка обо всем договорятся». Джонсон в прошлом наговорил немало пакостей в адрес СССР, а сейчас он, по-видимому, готовит почву для поездки в нашу страну.

4 мая.

Сегодня в Балтиморе мы осмотрели один из самых мощных металлургических заводов США. Администрация завода встречала нас очень любезно, но рабочим не объявлялось о нашем визите, и они с полным равнодушием смотрели на нашу кавалькаду. Но стоило остановиться на минуту, назвать Титова, как все оживали, и лица рабочих загорались неподдельным интересом. В 17:00 в советском посольстве в Вашингтоне начался большой прием в честь майора Титова, на котором присутствовало много дипломатов, сенаторов, конгрессменов, бизнесменов, ученых и корреспондентов, в том числе и Дрю Пирсон, который в свое время утверждал, что до полета Гагарина в СССР погибло пять космонавтов. На приеме присутствовали американские астронавты Джон Гленн и Алан Шепард. Среди гостей был и Вернер фон Браун — известный немецкий специалист по ракетам.

Джон Гленн и его жена пригласили Титовых и меня посетить их дом в штате Вирджиния. Мы приняли их приглашение и после приема в посольстве в одной машине с Шепардом выехали к Гленну. Его дом расположен в живописнейшем месте в 60–70 километрах от Вашингтона. Небольшой каменный двухэтажный дом, который обставлен просто и без малейших претензий на богатство. У Гленнов дочь и сын. Когда мы подъехали, вся семья работала: сам Гленн в

фартуке помогал жене жарить большие куски мяса. Более часа мы пробыли у Гленнов. Семья Гленна и Шепард с женой произвели на нас очень хорошее впечатление. Это скромные, миролюбивые и очень душевные люди. Титов пригласил Гленна и Шепарда с женами побывать в СССР. Все были очень довольны встречей. В результате бесед с Гленном и Шепардом удалось установить некоторые интересные для нас сведения:

1. Гленн не брал с собой в полет парашют, так как из-за малого объема капсулы и малых размеров люка для покидания капсулы, воспользоваться парашютом астронавт фактически не может.

2. Продолжительность работы тормозных двигателей всего 20 секунд. Это говорит о более высоких перегрузках при торможении капсулы по сравнению с перегрузками на «Востоках».

3. Астронавты США при тренировках доводили перегрузки до 16 единиц (наши космонавты — до 12).

4. В ближайшие дни астронавты США переезжают в Техас. Основные работы по запускам пилотируемых кораблей будут проводиться с базы в Техасе.

5. В США пока не ведутся работы по приземлению космических кораблей: все они рассчитаны только на приводнение. Катапультирование астронавтов из кораблей не предусматривается.

6. Ведутся работы по модернизации корабля «Меркурий» с целью подготовить его к суточному полету. Такой полет запланирован на конец 1962 года.

7. Несколько женщин приступили к практической подготовке к космическим полетам. Полет американской женщины на три витка возможен во второй половине 1962 года.

В 22:00 Титов, Гленн, академик Благонравов и один из американских ученых выступали по телевидению. Кроме обычных вопросов о задачах и результатах уже совершенных полетов, задавались вопросы о ближайших перспективах. Гленн спросил Титова: «Были ли какие-либо недостатки в подготовке полета человека в космос в СССР?» Корреспондент ТАСС задал вопрос Гленну: «Известно, что Гагарин и Титов располагали возможностью использовать любой из двух способов приземления: либо в корабле, либо с парашютом отдельно от корабля(на самом деле в полетах кораблей «Восток» штатная посадка космонавтов предполагала

единственный вариант — катапультирование из спускаемого аппарата — Ред.). Какими способами приводнения располагали вы в своем полете?» Джон Гленн ответил, что в его распоряжении был один-единственный способ приводнения — только в капсуле. Американцы своими вопросами пытались выяснить наши планы и трудности, а также перспективы американо-советского сотрудничества в космосе. Дискуссия была полезной и очень интересной.

6 мая.

Вчера рано утром из Вашингтона выехали на аэродром «Дружба», расположенный недалеко от Балтиморы. Полет на советском самолете американские власти не разрешили. В Госдепартаменте работникам нашего посольства намекнули, что если наш посол или Титов обратятся к высоким американским властям с просьбой о разрешении полета в Сиэтл и Сан-Франциско на самолете Ил-18, то такое разрешение, по-видимому, будет дано. Посоветовавшись с Добрыниным, мы решили с такой просьбой не обращаться, а лететь на американском коммерческом самолете. Вылетели на реактивном пассажирском «Дугласе» и через полтора часа произвели посадку в Чикаго. Из Чикаго через 4 часа полета прибыли в Сиэтл, разместились в гостинице «Камлин» и поехали на Всемирную сиэтлскую выставку, посвященную освоению космоса. В выставке принимали участие 32 страны. Осмотр выставки мы начали вечером 5 мая и продолжали весь день 6 мая. В павильоне США среди натурных экспонатов выставлены скафандр, капсула «Меркурий», ракета «Атлас», макет ракеты «Сатурн», командный пункт управления полетами спутников. Осмотрели павильоны Англии, Франции, Японии, Бразилии, ОАР и Канады. Везде, где появлялся Титов, его очень приветливо встречали руководители павильонов и сопровождали сотни людей. По сообщению руководства выставки, в день ее открытия было 57 тысяч посетителей, в среднем в день ее посещают 25–27 тысяч человек, а в день приезда на выставку Титова ее посетили 75 тысяч человек.

7 мая. Сан-Франциско.

Герман вчера немного простудился, у него разболелась голова, и появился насморк. Купили ему таблетки и уговорили его принять их. С полицейскими сиренами мы вчера за полчаса добрались до сиэтлского аэродрома и в 19:00 взяли курс на Сан-Франциско. Обеспечение приема нашей делегации в Сан-Франциско взял на себя один из

виднейших тузов города — господин Магнин. Пока все идет хорошо, встречи Титова с народом становятся все более теплыми и массовыми. В стране очень много интересного, но официальные встречи и сотни корреспондентов не дают никакой возможности по-настоящему посмотреть Америку. Все чаще вспоминаю дом, Мусю и Олю — мне явно не хватает их.

Сейчас 7 часов утра по местному времени. Я только что любовался красотами утреннего Сан-Франциско с 15-го этажа гостиницы. Рядом в соседнем номере еще отдыхают Титовы. После небольшого завтрака с Кириллом Магниным поехали на прием к мэру города, а после этого — в Калифорнийский университет. Встреча со студентами была очень теплой. Господин Магнин два часа возил нас по городу, а потом Титов выступил по телевидению. Вечером был очень большой прием (присутствовало более 800 человек) в честь Титова в отеле «Фейрмонт», а затем Магнин устроил ужин в лучшем ресторане города «Эрни», который прошел в очень теплой обстановке.

8 мая.

После завтрака с Магниным около двух часов катались по океанскому заливу на яхте. После прогулки поехали в клуб крупнейших бизнесменов города, где присутствовало более 700 человек. Герман произнес неплохую речь, его ответы были очень удачными, было много аплодисментов. Жаль, что переводчик И. К. Шкляр смазал некоторые очень остроумные ответы. Потом мы были на собрании членов Американо-советского общества, где собралось более 500 человек. После окончания собрания еле-еле выбрались из зала. Это был самый теплый, самый дружественный прием в США. Ужинали на квартире у дочери Магнина. В 22:00 на самолете «Боинг-707» вылетели из Сан-Франциско в Нью-Йорк.

9 мая. Нью-Йорк.

До полудня отдыхали. С 14 до 15 часов Герман выступал в женском Хантер-колледже. Вечером были на приеме у чехословаков: 9 мая — День победы и освобождения Чехословакии. Затем Герман выступал для чехословацкого радио, дал интервью кубинскому журналисту и закончил день беседой с американской журналисткой из молодежного журнала «Севентин».

10 мая.

С утра наша делегация посетила сборочный автозавод Форда в штате Нью-Джерси. Затем мы побывали в Принстонском университете, в котором готовят дипломатов. Все прошло хорошо, хотя студенты этого университета считаются довольно реакционными. Здесь готовят дипломатов. У входа в зал два студента стояли с плакатами «Титов — да!», «СССР — нет!». С 16 до 19 часов осматривали город. Вечером до 23:00 провели большой митинг в Американо-советском обществе. Среди выступавших был генерал в отставке Хестер, который сказал: «Я был в СССР, они не хотят войны, они строят и построят прекрасное общество».

12 мая.

Вчера в 8:00 по местному времени вылетели в Канаду. Через 1,5 часа произвели посадку в Галифаксе. Были на приеме у губернатора и премьер-министра провинции. Провели встречу в университете и пресс-конференцию, Титов выступил по телевидению. Вечером руководство военной авиации дало обед в честь нашей делегации. Сегодня в 9:30 по московскому времени вылетели из Галифакса и после часовой остановки в Гандере, взяли курс на Англию в Прествик, а оттуда, наконец-то, полетим на родину.

За 12 дней пребывания в Америке Титов провел более 20 пресс-конференций и выступлений по радио и телевидению, 8 раз выступал с докладом о своем полете. В своих выступлениях и ответах на многочисленные вопросы Титов правильно, а иногда и остроумно рассказывал о достижениях Советского Союза в освоении космоса и о результатах своего полета. Американская печать и телевидение очень широко и объективно освещали пребывание Титова в США. Телевизионные выступления Титова передавались по несколько раз в день и не прерывались рекламными объявлениями, что совершенно необычно для американских телепередач. Американские власти были корректны, оказывали Титову знаки уважения и внимания, но одновременно прилагали усилия, чтобы ограничить его контакты с простыми людьми. Тем не менее, массовые встречи с американцами произошли в Сиэтле и Сан-Франциско, а также в последние дни пребывания в Нью-Йорке. Многочисленные теплые встречи Титова и членов нашей делегации с американцами являются ярким доказательством того, что американский народ желает жить в мире и дружбе с советским народом. Поездка Титова в США, формально

проводившаяся по приглашению международной организации по мирному освоению космического пространства (КОСПАР) и Генерального секретаря ООН, во второй части визита фактически превратилась в массовые встречи советского космонавта с американскими гражданами, которые, невзирая на преграды, чинимые властями, выражали свое теплое и дружественное отношение к Титову и Советскому Союзу.

22 июня.

Сегодня поспорил с инженер-полковником В. А. Смирновым. Он считает, что американцам до конца 1962 года удастся совершить 17–18 витковый полет в космосе. Я уверен, что до конца 1962 года они больше 7–8 витков не сделают, а суточный полет они освоят не раньше второй половины 1963 года. Если все будет так, как я предполагаю, то и в этом мало утешительного. Все дело в том, что мы топчемся на месте, и за год, после полета Титова, к нашим успехам в космосе почти ничего не прибавилось. За 1962 год мы запустили пять спутников «Космос»: четыре из них небольшого веса и запущены из района Астрахани(Капустин Яр — Ред.), они не имеют значительной ценности. А вот «Космос-4» или «Зенит» — это спутник, созданный на основе корабля «Восток» и оборудованный разведывательной аппаратурой. Он удачно приземлился и хорошо выполнил свое задание. Но не все попытки запустить «Зениты» увенчались успехом. При первом пуске — не сработала третья ступень ракеты, и спутник не вышел на орбиту. При третьем пуске — отказала первая ступень, и ракета упала в 300-х метрах от старта. Одна из четырех боковушек осталась на старте и сгорела. В результате пожара сильно пострадала стартовая установка, и ее восстановление займет около месяца. В связи с этими авариями пуск космонавтов переносится на конец июля, а может быть, и на более поздний срок.

Главком 18 июня улетел в Индонезию, за него остался маршал Руденко. Все наши космические дела и проекты значительно затормозились. На десятки моих докладов и обращений я получал только обещания, решения и приказы, которые не выполняются. Главком при мне приказал Брайко сформировать смешанную эскадрилью для подготовки космонавтов; прошло более месяца, а приказ до сих пор не выполнен. Приказ Главкома Пономареву — обеспечить самолет Ту-104А запчастями для ремонта, также не

выполняется. Я уже не говорю о штатах Центра, полка и института — все эти наши предложения «крепко завязли» в канцелярии министра обороны.

Вчера генерал-лейтенант ИТС (инженерно-технического снабжения — Ред.) Мишук, генерал-майор Бабийчук и полковник Смирнов были у Королева. Попытка завизировать документ о передаче роли головной организации от Института авиационной и космической медицины одному из ОКБ комитета по авиационной технике пока не удалась, но Королев согласился с этим в принципе. Я против умаления роли нашего института, но Руденко твердо настаивает на этом и убедил в необходимости этого Вершинина и Келдыша. Сейчас трудно что-либо сделать для укрепления роли института, но не все еще потеряно. Как мне докладывали Бабийчук и Смирнов, Королев несколько раз высказывал свои обиды на ВВС, меня и космонавтов. Говорил, что мы плохо готовим космонавтов, плохо с дисциплиной (травма Гагарина и автопроисшествия Титова), высказал недовольство заграничными поездками («Гагарин и Титов пропали для космоса») и тем, что якобы космонавты оторвались от ОКБ-1. В этих претензиях Королева сквозит горькая обида за замалчивание его роли в освоении космоса: «сливки снимают молокососы». Но надо признать, что главная причина этих недоразумений — в злостных нашептываниях Яздовского и в том, что после полета Гагарина я делал далеко не все, чтобы поддерживать хороший личный контакт с Королевым, который уже не раз пугал ВВС, что пожалуется на нас Хрущеву и будет готовить космонавтов у себя.

23 июня.

В связи с отпусками космонавтов (Гагарин с 14 июня — в Гурзуфе; Титов до 6 июля будет отдыхать при части, а потом поедет в Саки; все остальные отдыхают в Сочи в санатории имени 17-го партсъезда) в ЦПК сейчас проходят тренировку только Комаров, Шонин, Волынов и пятерка женщин. Перегрузки на меня несколько уменьшились. Отпустил в отпуск генерала Горегляда, полковника Аристова и почти всех начальников командных пунктов. Появилась возможность подумать и кое-что записать. Я не брался за дневник более 40 дней. После возвращения из Америки написал три статьи в «Красную Звезду» и закончил книгу о Гагарине — «Первый гражданин Вселенной». Книгой я недоволен, можно было бы написать и лучше и больше. Интересных материалов много, но приходится

писать минутами там, где требуются часы упорного труда. Заграничные поездки (13 стран за год) и напряженная работа не дали возможности поработать над книгой более основательно. Голова все время забита мыслями о путях более успешного и более быстрого освоения космоса. Америка быстро догоняет нас, а во многом (особенно по разведывательным ИСЗ) уже обогнала. У нас есть все возможности уже в 1962 году совершить несколько многосуточных космических полетов человека, продолжительностью до 8-10 суток. Об этом 11 июня я делал доклад на научной конференции ВВС «О военном значении космоса и ближайших перспективах». Но из-за плохого общего руководства космосом и многочисленных ведомственных тяжб, а также споров, успехи нашей страны в космосе за 1962 год очень скромные. Опасность того, что Америка в 1963–1964 годах обгонит нас в космосе, все возрастает, а мы пока ничего не предпринимаем, чтобы вновь оторваться от наседающего конкурента. На днях получили послание Кеннеди Конгрессу о достижениях США по авиации и космосу за 1961 год. На этом документе есть резолюция Малиновского: «Товарищу Вершинину. Изучить. Коротко изложить существо вопроса, доложить Ваши выводы и предложения». Вершинин поручил мне подготовить этот материал. Буду пытаться использовать этот повод, чтобы убедить Руденко, Вершинина, а главное, Малиновского в срочной необходимости укрепления военного космоса и особенно программы пилотируемых космических полетов. Америка правильно решила: не жалеть средств на космос, централизовать работы по космосу в стране (НАСА) и в военных ведомствах (ВВС), а главное внимание в программе освоения космоса сосредоточить на пилотируемых полетах и на планах освоения Луны. Если Америка с ее более высокоразвитой электроникой и радиотехникой отдает пальму первенства в космосе не автомату, а человеку, то нам, имеющим пока более слабую автоматику, сам Бог велел отстаивать решающую роль человека в космических полетах. Но вопреки здравому смыслу у нас многие выступают за автоматику и против человека. Это может показаться и странным и глупым, но, к сожалению, это так. Это результат того, что военным космосом руководят люди, ничего не знающие о космосе. Звонил из Гурзуфа Юрий Гагарин, отдыхом он доволен. В нашем штабе необычное затишье: Руденко работой особенно себя не утруждает. Сейчас 12

часов, а его еще нет — проходит медицинские обследования. Вчера он также отсутствовал целый день: был у маршала Ротмистрова.

25 июня.

Сегодня подписал документы на Гагарина о присвоении ему звания подполковник. По положению о космонавтах в звании майора нужно быть 1 год и 3 месяца. У Гагарина срок выслуги в звании майора истекает 12 июля. Звание майор, благодаря Гагарину и Титову — теперь самое известное воинское звание в мире. Подполковник Гагарин — совсем не звучит. Пожалуй, это первый случай в истории, когда будет как-то грустновато расставаться со старым воинским званием.

В субботу, 23 июня у меня были Главный конструктор Алексеев, генерал Холодков и инженер-полковник Смирнов. Главной темой нашего разговора были женские космические скафандры. Я предупреждал Алексеева о необходимости начала работ по этим скафандрам еще в прошлом году. В марте этого года мы дали ему все необходимые размеры пяти отобранных женщин. Нам известно, что Алексеев уже многое сделал, но, ссылаясь на большую загрузку и отсутствие специального решения Правительства по скафандрам и по сроку пуска женщины-космонавта, он утверждает, что может изготовить скафандры для них не раньше первого квартала 1963 года. Алексеев этими заявлениями набивает себе цену и пытается получить за эту работу дополнительные блага. Нет никаких сомнений, что в сентябре 1962 года можно было бы осуществить полет женщины в космос, но, к сожалению, решения Правительства о дате женского полета нет, а также нет и распоряжения об изготовлении скафандров. Устинов и Королев, зная о решении ЦК КПСС о наборе женщин-космонавтов, пока ничего не предпринимают для осуществления этого полета. В ближайшие дни надо бить тревогу — и здесь назревает опасность, что нас обгонят американцы. Алексеев, Холодков и Смирнов уговаривали меня уступить Королеву и согласиться с его программой трехсуточного полета. Получается так, что все высказываются за трехсуточный полет и только один Каманин — против. Никто (Вершинин, Келдыш, Руденко и другие) не хочет принципиально поспорить с Королевым и попытаться показать ошибочность его позиции: «кораблей «Восток» мало, поэтому летать можно редко, но с большей продолжительностью». Наша позиция

(ВВС): «летать чаще, повторить суточные полеты и постепенно, последовательно подходить к полетам с продолжительностью 3, 5, 10 и более суток». В сложившейся обстановке Королев может сделать из меня «козла отпущения» при любом исходе полета. При благополучном трехсуточном полете я буду выглядеть как перестраховщик и трус, а в случае несчастья меня обвинят в плохой подготовке космонавтов (Королев уже ведет разговоры на эту тему) и в отсутствии принципиальности в том, что не сумел доказать и убедить в правильности своей позиции. Только что заходил полковник Карпов. Он также боится разногласий с Королевым и уговаривал меня найти пути сближения с Сергеем Павловичем. Девушки-космонавтки уже приступили к парашютным прыжкам, их подготовка пока идет по плану. Если произойдет задержка первого полета женщины, то в этом виноваты будут не ВВС, а ВПК (Устинов, Смирнов, Королев, Алексеев).

26 июня.

Вчера на партсобрании медицинской службы ВВС генерал Бабийчук сделал доклад о выводах комиссии, изучавшей работу Института авиационной и космической медицины. Акт комиссии утвержден Вершининым. Основные выводы комиссии:

1. Институт взял на себя много, не свойственных ему как военному институту, задач.

2. В институте нет базы для решения этих проблем.

3. Ряд научных работ выполняются поверхностно.

4. Много параллельных научных работ.

5. Много управленческого и обслуживающего персонала.

6. Необходимо ликвидировать управления авиационной медицины и космической медицины, и построить работу института по проблемам. Например: невесомость, кабины, скафандры, ускорения, питание, жизнеобеспечение и т. д.

Вся эта ломка и реорганизация института преследует одну цель освободиться от Яздовского. Яздовский нечестный, двуличный и склочный человек, но он не дурак, с ним еще много будет возни. Я против организационной ломки института, но я твердо за освобождение от Яздовского. Сегодня у меня часа два был генерал Волынкин. Поговорить с ним об институтских делах не удалось — мешали звонки и посетители. Полковник Карпов сегодня заезжал в

Киржач для проверки организации парашютных прыжков космонавток.

27 июня.

Звонил Карпов и доложил, что Герман Титов собирается поехать на автомашине в Луганск. С ним едет его отец и сестра Тамары с детьми. На предложение взять с собой шофера, Герман обиделся: «Что, я не имею права распоряжаться собой, находясь в отпуске? Поездки для меня — отдых, я не чувствую усталости за рулем». Приказать ему не ездить я не имею права (Правительство подарило машину, он в отпуске, депутат Верховного Совета СССР и т. д.), но его решение изображать из себя шофера мне не нравится. Перед выездом Титова в Горький я пытался поговорить с ним о его планах на будущее (в разговорах с Карповым, Шипиловым и другими он высказывал желание пойти летчиком-испытателем к Микояну, и нелестно отзывался о своей учебе в академии), но он уклонился от разговора и попросил продолжить его после возвращения. Вчера в 9 часов утра он приезжал и ждал меня, но я пришел в кабинет в одиннадцатом часу, и Германа уже не было. Он вечно куда-то спешит и везде опаздывает — это становится его дурной привычкой.

30 июня.

Вчера и сегодня тщательно изучал «Послание Президента США Конгрессу о проводимых в США мероприятиях в области авиации и космонавтики в 1961 году». В секретной тетради я коротко изложил текст послания, выводы и наши предложения.

Выводы:

1. США поставили цель — догнать и перегнать СССР в космосе — и не жалеют средств для ее достижения.

2. По состоянию на 1.06.1962 года они вывели на орбиту 86 ИСЗ (мы 21).

3. Они обогнали нас по военным спутникам и скоро (в 1963 году) обгонят по количеству и продолжительности полетов космонавтов.

4. США делают упор на пилотируемые полеты и на освоение околоземного и окололунного космического пространства.

Наши предложения:

1) построить в 1963 году 10–12 кораблей «Восток»;

2) решить организационные вопросы — планирование и управление полетами космических кораблей возложить на

Министерству обороны, передав ВВС право заказов на их строительство;

3) пересмотреть наши планы и взять курс на дальнейшее развитие пилотируемых полетов и освоение Луны.

6 июля.

Сегодня Гагарин прилетает из Крыма, а Титов — из Киева. Пришлось обоих вызвать для участия в Московском всемирном конгрессе «За мир и разоружение». Титов будет выступать на пленарном заседании конгресса, а Гагарин — на одной из комиссий. Сегодня к вечеру подготовим их выступления, а завтра согласуем в ЦК КПСС. От делегации СССР запланировано выступление Хрущева, Келдыша и Титова. Только что звонил Титов. Он в гражданской форме, без пропуска прямо с аэродрома приехал в штаб ВВС. Он доехал на своей «Волге» до Киева через Харьков-Луганск-Харьков, машину оставил в Киеве, а сам прилетел самолетом. Герман поездкой доволен, выглядит посвежевшим, настроение хорошее. Договорились, что Тамара в июле вылетит в Саки, а он после окончания работы конгресса вылетит в Киев и дальше в Крым поедет на своей «Волге». 4 августа Титову, Гагарину и их женам предстоит полет в Финляндию, так что хорошего отпуска у них не будет и в этом году. Я с удовольствием еще раз побывал бы в Финляндии, но неясность со сроками очередного полета путает все карты. В Финляндию пошлю Горегляда, а 27 августа в Японию, наверное, придется послать Аристова. 4 июля Вершинин вернулся из Индонезии и второй день отдыхает на даче. Руденко молчит, сам ничего не делает и связывает мою инициативу.

13 июля.

Гагарин и Титов выступали на конгрессе, их речи напечатаны в «Правде». Главком мне позвонил и одобрительно отозвался о тексте их речей. Сегодня состоялось решение Президиума ЦК КПСС о поездке Гагарина и Титова на фестиваль в Финляндию 4–9 августа 1962 года.

Яздовский, Карпов и я около двух часов беседовали с Королевым и Бушуевым. Как всегда, Сергей Павлович начал с запугивания: «13 июня я был у Хрущева, он за трехсуточный полет… «Востоки» больше строить не будем… контакты с ВВС прерываем, на «Союз» будем готовить своих людей из промышленности» и т. д. Короче говоря, Королев всячески будет добиваться того, чтобы космос «отобрать» у ВВС. Он заявил: «ВВС занимаются саморекламой, международными

делами, а Гагарин и Титов потеряны для космоса…ВВС сами отходят от космоса». По вопросу о продолжительности очередного полета Королев заявил: «Полет на трое суток». На 16 июля назначено заседание комиссии по пуску. На нем 15 членов комиссии из 16 будут против ВВС, и вот в такой обстановке мне придется отстаивать точку зрения ВВС: полет на сутки, и если все будет отлично, то продлить его на вторые, а затем — на третьи сутки. Был у маршала Руденко, он настроен по-боевому, но в бой сам не пойдет, а пошлет меня.

Только что позвонили и сообщили, что умер генерал Казьмин, с которым я семь лет работал в ДОСАВ-ДОСААФ. Хороший был человек и рано умер, не дотянул до 60 лет.

14 июля.

Приходил Гагарин, официально представился мне в новом звании подполковник. Юра молодец, он не посрамит любое звание. Гагарин с честью выдержал 15-ти месячное испытание такой лавины приветствий и восторгов, какой на долю одного человека еще никогда не выпадало. Свою маленькую форосскую ошибку он оценил правильно, и я верю ему, из него выйдет хороший руководитель в борьбе за освоение космоса. Хуже с Титовым. Позавчера в 4 часа ночи Герман возвращался домой на машине Докучаева (управлял якобы Докучаев), уже в Чкаловской наскочили на столбики и очутились в канаве. Герман имел мое разрешение после конгресса уехать отдыхать, и он уехал вчера в Киев, не зайдя и не позвонив мне.

16 июля.

Сегодня, наконец-то, состоялось заседание комиссии по пуску двух очередных «Востоков». Председательствовал Л. В. Смирнов. Присутствовали: Келдыш, Королев, Калмыков, Кобзарев, Бушуев, Вершинин, Руденко, Кутасин, Гагарин, Волынкин, Яздовский и еще 25–30 человек. С удовольствием признаюсь, что я ошибся в оценке возможных действий Вершинина и Руденко при обсуждении главного вопроса совещания — о продолжительности полета. В 9:20 я был у Вершинина. Он еще раз рассмотрел все данные о полете, внимательно прослушал мои аргументы в защиту нашей позиции, согласился, что занятая нами позиция правильна и что ее нужно защищать. К Смирнову поехали на машине Главкома. На комиссии сначала заслушали сообщение Вернова о продолжительности и степени радиации в космосе над Тихим океаном по результатам американского

атомного взрыва в космосе. Пришли к выводу, что через 3–5 дней после взрыва полет космонавтов будет безопасен. С 10:30 до 13:50 продолжалось основное заседание комиссии. С докладами о готовности кораблей и носителей выступил Королев и все главные конструкторы: «Пуск двух кораблей «Восток» можно осуществить в период 5-10 августа. Интервал между запусками кораблей — одни сутки, продолжительность полета каждого корабля — трое суток». Я и Яздовский доложили о готовности к полету пяти космонавтов, которые готовились по программе трехсуточного полета. Вопрос о продолжительности полета было решено обсудить отдельно. В перерыве между заседаниями в кабинете у Смирнова собрались: Королев, Келдыш, Калмыков, Кобзарев, Ивашутин, Вершинин, Руденко и я. Смирнов пытался уговорить нас согласиться с программой трехсуточного полета. Оба маршала стойко оборонялись. Келдыш, уступивший нажиму Смирнова и Королева, сказал: «Мы спорим только о форме, а по существу все согласны с трехсуточным полетом». Отвечая Смирнову и Келдышу, пришлось зачитать протокол совещания ученых медиков и биологов от 23.09.1961 года: «В настоящее время нет никаких оснований планировать очередной космический полет больше, чем на одни сутки. При осуществлении суточного полета и при отличном самочувствии космонавта, полет может быть продлен, но не более, чем на двое суток». Достигнуть общей договоренности нам так и не удалось. Госкомиссия поручила Королеву и ВВС еще раз рассмотреть этот вопрос и доложить согласованные предложения на очередном заседании в конце июля. На комиссии было много и других разногласий, но по ним довольно быстро были приняты согласованные решения. Таким образом, главный вопрос — о длительности полета — остался нерешенным.

19 июля.

Вчера Главком подписал доклад маршалу Малиновскому, который готовил я, о послании президента США Кеннеди Конгрессу по итогам работы за 1961 год по освоению космоса. Главный вывод: США не жалеют средств на космос, на каждый наш спутник они запускают пять спутников. Из 86 ИСЗ, выведенных на орбиту, 3/4 имеют военное значение. По военным спутникам США уже обогнали нас, и нарастает опасность нашего отставания по количеству и продолжительности полетов космонавтов. Главные предложения ВВС: не увлекаться

Венерой и Марсом, особое внимание уделить Луне и полетам космонавтов. Заказать на 1963 год 10 кораблей «Восток». Взять дело планирования полетов и руководство пуском в руки военных.

Вчера у маршала Руденко были С. П. Королев и К. Д. Бушуев. До и после этой встречи мы с Руденко долго обсуждали все наши спорные вопросы. Руденко согласился с компромиссным предложением Королева — «Продолжительность полета до трех суток». По форме в этой формулировке есть видимость некоторой уступки ВВС, а по существу, Королев остался на позициях трехсуточного полета. Итак свершилось! ВВС в лице Руденко, вопреки здравому смыслу и данным науки (правда, Яздовский и Парин под нажимом Королева также отступили), дали согласие на трехсуточный полет. Я уверен, что это грубейшая ошибка, но сделать что-либо через голову Руденко, Вершинина, Госкомиссии и Академии наук СССР я не могу. Успех трехсуточного полета полностью не исключается, но у нас нет данных для уверенности в его гарантийности. Теперь многое будет зависеть только от самих космонавтов. Сумеют ли они правильно оценить обстановку и свое самочувствие, примут ли решение своевременно запросить посадку или не сумеют сделать этого? От решения космонавтов теперь будет зависеть многое. Необходимо обстоятельно поговорить по этим вопросам с Николаевым и Поповичем.

Только что звонил Яздовский и рассказал о вчерашнем заседании биологической секции, на котором он делал доклад. Председательствовал академик Сисакян, присутствовали: Парин, Генин, Газенко, Руденко. Только один Парин высказался в духе решения от 23.09.1961 года: сутки — максимум двое! Руденко высказал мысль, что психологически для космонавтов лучше дать большее задание (трое суток), и уменьшить его, если оно окажется непосильным. Секция приняла решение: «Считать возможным трехсуточный полет». Вот вам и вся «наука». После полета Титова пока ничего не изменилось; нет абсолютно никаких новых данных для увеличения срока полета более суток, и все же ученые под нажимом Королева, а в последнем случае и Руденко, приняли решение противоположное тому, которое они сами принимали девять месяцев тому назад. Руденко плохо начинает свою космическую деятельность — согласился на трехсуточный полет и намерен исковеркать институт (ИАКМ — Ред.) — это пока все его «достижения». Я высказал свои

сомнения в возможности трехсуточного полета всем: космонавтам, Руденко, Вершинину, Королеву, Смирнову, Келдышу и другим. Я твердо убежден, что к многодневным полетам надо продвигаться не скачками, а последовательно в соответствии с имеющимся опытом и накопленными знаниями о факторах космического полета. Пока наш имеющийся опыт и знания могут рекомендовать только суточный полет. «Полет на трое суток — это чистейшая авантюра», — так несколько месяцев тому назад сказал академик Келдыш. Смирнов, Келдыш, Руденко, Вершинин и многие другие уступили давлению Королева. Дай бог, чтобы я ошибся в своих сомнениях!

21 июля.

Вчера с маршалом Руденко весь день были в Центре подготовки космонавтов. Руденко интересовался программами, методикой и практикой подготовки космонавтов. По разделу медико-биологической подготовки он требовал научных обоснований Института авиационной и космической медицины под каждый вид тренировок и испытаний. Например, в годовой программе записано, что каждому космонавту необходимо выполнить 4–6 упражнений на центрифуге, 3 упражнения в сурдобарокамере и т. д. Но чем обоснованы эти цифры и сроки? В программах и планах тренировки и испытания записаны в одной рубрике и дается оценка — переносимость. Переносимость тренировок — это плохо звучит. Руденко дал указание к 1.10.1962 года написать научнообоснованную программу по медико-биологическому разделу. Какие и сколько испытаний должен пройти космонавт за полный цикл подготовки? Какие и сколько тренировок он должен получать перед каждым испытанием? После испытания дать оценку: хорошо, отлично, лучше, хуже и т. д., и по результатам оценки определить, правильно ли готовили и тренировали космонавта. Маршал побеседовал с космонавтами и руководящим составом Центра о длительности предстоящего полета. Гагарин, Николаев, Попович, Быковский, Волынов и Комаров заявили: «Мы за суточный полет и, если все будет отлично, продлить его на вторые, а затем и на третьи сутки». Руденко заявил, что спор между ВВС и ОКБ-1 идет не по существу, а по форме (слова Келдыша). Келдыш и Руденко уступили Королеву в большом и очень принципиальном вопросе. Спор идет о том, летать ли в космос с научнообоснованной уверенностью или

брать «космические крепости» кавалерийскими наскоками. Обидно и стыдно и за «науку», и за «квалифицированное руководство».

24 июля.

Весь день вместе с Руденко были в институте. Обсуждались те же вопросы по программе медико-биологической подготовки космонавтов, что и в ЦПК. Руденко дал задание Волынкину и Яздовскому к 1.10.1962 года доложить программу. В конце совещания Волынкин попросил совета у Руденко, как быть с партактивом: проводить или не проводить его до Военного Совета ВВС. По решениям ЦК КПСС и Правительства институт является головным в стране по медико-биологическим вопросам освоения космоса. Акт комиссии Мишука и Бабийчука, утвержденный Вершининым, пытается свести роль института до узких ведомственных рамок ВВС (как обоснованно готовить космонавтов и требования ВВС к технике). Получив такой акт, институт оказался на распутьи: или не выполнять решения ЦК КПСС, или наплевать на акт и решения Главкома. Вот в такой обстановке Руденко порекомендовал проводить актив. Думаю, что на активе очень крепко достанется ВВС и особенно — Бабийчуку.

26 июля.

Провели совещание в ОКБ-1. Присутствовали: Бушуев, Ишлинский, Гагарин, Карпов, Раушенбах, пять космонавтов и другие. Обсудили возможности космонавта, находящегося на первом корабле, наблюдать за вторым кораблем и третьей ступенью ракеты. Решили доложить Госкомиссии, что средства и возможности наблюдения очень ограничены (обзор — 7 градусов, запас рабочего тела на 2–3 часа ориентации корабля). Рекомендовали космонавтам: наблюдать за третьей ступенью, кораблем соседа и за пуском второго корабля, а также за наиболее характерными объектами на Земле.

27 июля.

Сегодня вместе с Гагариным, Волыновым и Комаровым на самолете ЛИИ Ту-104 летал на невесомость. Ощущение невесомости очень приятное, я с удовольствием ожидал очередного сеанса, а их было 6 по 25 секунд каждый, и сожалел, что слишком быстро возвращается привычный вес. Целью полета была проверка возможности выхода и входа космонавтов в свое летное кресло. В результате двух полетов и 12 горок пришли к выводу: время невесомости в 25 секунд позволяет космонавту выйти из кресла за

одну горку, а на обратный вход требуется 4–5 горок. В условиях реального космического полета время на выход и вход в кресло у космонавта не будет ничем ограничиваться, важно, чтобы все десять операций по освобождению от подвесной системы и по выходу из кресла осуществлялись точно и последовательно, а сколько секунд или минут на это будет затрачено — это не имеет никакого значения. Наоборот, тренировки с большими ограничениями по времени на исполнение операций могут привить космонавтам вредные навыки. Решили тренировки в воздухе больше не проводить, а заменить их тренировками на земле без ограничений по времени, с задачей добиваться точности и последовательности исполнения всех операций.

Вчера Карпов возил пять космонавток, Николаева, Поповича и Быковского к Королеву. Сергей Павлович беседой с космонавтами остался доволен и дал согласие на поездку женщин на старт. Из восьми инженеров, которых мы начали готовить к роли бортовых инженеров и инженеров кораблей, Сергей Павлович дал согласие допустить на старт только четырех. Тут же во время беседы Королев утвердил задание на полет, ранее согласованное с маршалом Руденко: «Продолжительность полета до трех суток». Даже после моих вчерашних приятных ощущений невесомости я остаюсь при прежней убежденности, что нужно чаще летать в космос, и каждое очередное увеличение длительности полета космонавтов должно быть научно и экспериментально обосновано (более длительными полетами животных и полетами людей с медленным и последовательным наращиванием продолжительности). Решение по полету принято Госкомиссией, мне приказали его подписать — я подписал. Теперь мне, врачам и космонавтам при подготовке полета придется о многом договориться, чтобы в ходе полета до возникновения опасных моментов в состоянии космонавтов своевременно прекратить полет. Трудностей в этом деле будет очень много, нужны большие силы, чтобы их преодолеть. Буду делать все, чтобы 3-й и 4-й полеты советских космонавтов закончились благополучно и без заметных неприятностей для здоровья ребят.

30 июля. Сегодня заседала Государственная комиссия по пуску «Востоков» (присутствовало около 70 человек). Решили вылетать на старт 2–3 августа. Пуски назначили на 9 и 10 августа. Комиссия рассмотрела много текущих вопросов и утвердила состав оперативной

группы для руководства полетом. От ВВС в состав группы вошли Руденко, я, Яздовский и Карпов. На комиссии я докладывал о готовности задания на полет, о тренировке космонавтов по выходу из кресла и плавании в кабине корабля и проект инструкции космонавту о его поведении после приземления. Госкомиссия приняла мое предложение о направлении оперативных групп на Камчатку, в Якутск, Львов, Ленинград и другие пункты. Королев в своем докладе отвергал необходимость этих групп, но после моего выступления снял свои возражения, и комиссия приняла единогласное решение. Кутасин сделал очень неудачный доклад о поисковых командах и средствах их доставки. Председатель комиссии остался недоволен его докладом и бросил несколько нелестных замечаний в адрес генерала Кутасина. Неожиданно положение поправил Королев, вызвавшись вместе с ВВС доработать этот вопрос.

31 июля.

Вершинин сегодня уходит в отпуск, он едет с семьей отдыхать в Румынию. В последний час его работы мне удалось довольно легко уговорить его подписать доклад в ЦК КПСС об итогах работы Института авиационной и космической медицины и Центра подготовки космонавтов с приложением проекта решения о выделении дополнительной численности, денег и разрешении строительства ряда объектов. Маршал Руденко был против этого документа. Он предлагал написать в ЦК КПСС от имени министра обороны: «Министерство обороны выделило необходимую штатную численность, средства и в 1963 году построит…» и т. д.

1 августа.

Сегодня прохладно, хотя и яркий солнечный день. Лето кончилось, так и не начавшись. Сегодня мы в паре с Мусей опять обыграли в теннис полковника Смирнова и полковника Шестакова. Завтра я с группой космонавтов, врачей и инженеров на трех самолетах Ил-14 вылетаю на старт. Нам предстоит очень напряженная работа, а у меня нет уверенности в успехе полетов. Два корабля будут стартовать через сутки, и каждый будет летать до трех суток. Это очень громоздко и плохо аргументировано. На старте я договорюсь с Николаевым и Поповичем и другими ребятами о том, как понимать нормальное (удовлетворительное) состояние космонавта в полете. Нормальный, освежающий сон, удовлетворительное питание и

отсутствие боли, тошноты и головокружения — вот что можно считать удовлетворительным состоянием.

2 августа.

Сегодня с аэродрома Чкаловская в Тюра-Там вылетели три Ил-14, на которых разместилось около 50 человек. Первый самолет взлетел в 7:30, второй — в 7:45, наш самолет взлетел последним в 8:00. На Чкаловском аэродроме нас провожали пятерка космонавток, Гагарин, Рябчиков, Гостев и другие. В моем самолете летят: Герман Титов, Карпов, Яздовский, Николаев и другие. Попович полетел на первом самолете. Я, Николаев, Смирнов и майор Пятыхин сели играть в преферанс. Я уже давно потерял интерес к преферансу и большого желания играть не имел, но мне хотелось сыграть с Андрияном Николаевым и понаблюдать за ним. Играет он хорошо, очень спокойно, быстро и верно принимает решения. Тряска самолета на него не оказывает никакого влияния, а его сверстник Пятыхин был очень бледен и играл неважно. Я предложил прекратить игру. Все поддержали мое предложение. Николаев играл с интересом. На его реплику, что играя мы и не заметим, как прилетим на старт, я сказал, что хорошо бы ему в трехсуточном полете иметь такую компанию. Николаев ответил: «Там удобств будет меньше, в условиях невесомости преферанс еще не освоили». Все легли спать, Николаев ушел в кабину пилотов, а я пишу эти строчки. В Николаеве мы, пожалуй, не ошиблись, у него хватит спокойствия, выдержки и воли на длительный полет. Все будет зависеть от того, как он будет переносить длительную невесомость. Николаев и Попович пока остаются первыми кандидатами на полет, но несколько предстартовых дней могут и изменить наши планы. С нами летят и три запасных космонавта: Быковский, Комаров, Волынов.

Мы без промежуточной посадки прилетели в Тюра-Там. Два других самолета садились для дозаправки в Актюбинске. В Тюра-Таме стоит сухая и очень жаркая погода. Местный аэродром не изменился, бетонная ВПП так и осталась длиной в 1200 метров. Мы садились на грунтовую полосу длиной более двух километров. Городок гарнизона на берегу реки Сырдарья значительно изменился к лучшему, за год прибавилось более десятка четырехэтажных домов, больше стало зелени и цветов. Последний раз я здесь был в апреле 1961 года. Прошел только год и четыре месяца, а здесь значительная перемена.

На аэродроме, в городке, в столовой — все новые и незнакомые лица. Никерясов молодец, он встретил нас на аэродроме и доложил, что все указания по организации встречи и размещению личного состава ВВС он выполнил.

3 августа. Тюра-Там.

Проснулся в 6 утра, в открытое окно врывается прохладный воздух с реки. Часов до 12 ночи было душно, спал не более пяти часов. Вчера вечером провел совещание, утвердил распорядок дня и программы работ. Перед сном Карпов рассказал мне, что два дня тому назад Герман Титов на своей машине увез к себе из ЦПК Пономареву и Кузнецову. Обе они провели всю ночь в квартире Германа. Девчонки поступили глупо, а еще неразумнее действия Титова. Его влияние на космонавток скорее принесет им вред. Здесь, на старте, не время заниматься Титовым, но заняться им нужно, и очень серьезно.

Начинается первый день подготовки к старту, космонавты уже встали и проводят физзарядку. В 9:ОО мы приехали на вторую площадку (в трех километрах от старта). Я приказал Карпову возить всех космонавтов в автобусе «Львов». От десятой до второй площадки 40 километров. Дорога недавно отремонтирована, и «Волга» за 30 минут, а «Львов» за 55 пробегают это расстояние.

Сегодня утром прилетел Королев и кое-кто из главных конструкторов. Осмотрев возможности размещения для работы всех специалистов ВВС и космонавтов, я отказался от помещений в домике ОКБ-124 и разместил всех в шести комнатах в домике рядом со сборочным цехом. Носители и оба корабля «Восток» уже давно находятся в цехе. Пятый корабль(имеется в виду заводской № 5 — Ред.)уже прошел комплексные испытания, и работы на нем осталось немного, но есть опасения, что шестой корабль(заводской № 6 — Ред.)на 1–2 дня может задержать пуск. Группа наших инженеров (полковник Шубралов и другие) и космонавты ознакомились с носителями и кораблями, а также с руководящим составом. Ведущим инженером от Королева по «Востокам» работает молодой инженер Фролов. Нам хорошо помогают Раушенбах, Феоктистов, Алексеев и другие. До 13 часов на второй площадке проводил занятия с космонавтами (Титов, Николаев, Попович, Быковский, Комаров, Волынов) по полетному заданию и по главным инструкциям. Мы договорились о том, как понимать доклад космонавта: «Чувствую себя

нормально» — это значит, что космонавт ест и усваивает пищу; что он спит, и сон восстанавливает силы; и что нет заметных ухудшений в состоянии здоровья. Все ребята относятся к работе с большим вниманием. Николаев и Попович спокойны, рассудительны и верят в успех. Я им задавал много контрольных вопросов и по технике, и по полету. Оба отвечали отлично.

Вечером играл с Поповичем в пинг-понг, играет он хорошо, реакция быстрая, удары точные. Все вместе купались в Сырдарье, река сильно обмелела, но есть опасные ямы. В этом году утонуло уже восемь человек, поэтому я запретил космонавтам одиночные купания.

4 августа.

Редкое для Тюра-Тама утро: все небо затянуто облаками — погода резко меняется. 3О минут занимался зарядкой, в 6:3О на реке еще никого нет, а наши только поднимаются. В 9:00 все собрались на второй площадке и начали занятия. Каждый космонавт надевал свой «боевой» скафандр, подгонял подвесную парашютную систему и производил посадку в корабль. В корабле провели полную предстартовую подготовку. На «Заре» каждый космонавт записал на магнитофон свои передачи телефоном и телеграфом. С 11 до 13 часов Б. В. Раушенбах проводил занятия по методике наблюдения за своим носителем и за соседним кораблем. Во время занятий уточнили скорости вращения корабля. Остаточная угловая скорость после прекращения ориентации — 0,06 градуса в секунду или один оборот за 1,8 часа. После окончания ориентации космонавт, как правило, дает раскрутку кораблю с угловой скоростью 0,5 градуса в секунду, что соответствует одному обороту за 12 минут. Задача раскрутки — равномерный нагрев корабля Солнцем в целях рационального соблюдения теплового баланса. Но заботы о тепловом балансе, а следовательно, и заданное вращение корабля оказались излишней перестраховкой: «Космос-7» («Зенит») все четверо суток стабилизированного полета «держал» температуру 17 градусов. Стабилизация «Зенита» осуществлялась на принципе инфракрасной вертикали. Хотя угловое вращение корабля и незначительно, есть основания опасаться, что оно может оказать отрицательное влияние на самочувствие космонавта.

В 14:00 к нам пришел Королев. Он разрешил не пользоваться раскруткой корабля, согласился допустить 8 специалистов

(бортинженеров) ВВС на оба корабля, рассмотрел и утвердил несколько инструкций. После беседы Королев, Титов и я пошли к личному составу воинской части, обслуживающему пуск. Офицеры и солдаты очень тепло приветствовали Титова и Королева. Герман рассказал собравшимся о своем полете и о поездках за границу. Наши взаимоотношения с Сергеем Павловичем заметно улучшаются. Королев рассказал о полете «Зенита». Все сработало отлично: на фото заснято много аэродромов и военных объектов. На аэродромах хорошо распознаются типы самолетов, на море и в океане по размерам и форме кораблей легко устанавливается их тоннаж и предназначение. На людях Сергей Павлович держится хорошо и часто шутит, но, оставаясь со мной один на один, резко меняется — заметно спадает его наигранный оптимизм. Он очень переживает, что его держат в тени, высказывает недовольство слабостью руководителей (Устинов, Смирнов) и распрями в промышленности и в Вооруженных Силах. Он считает необходимой централизацию управления космонавтикой и в стране, и в Вооруженных Силах.

Каждый день я внимательно наблюдаю за Николаевым и Поповичем: они спокойны и серьезно, по-деловому, готовятся к полету.

5 августа. Воскресенье.

Сегодня с 8:00 до 15:00, как в обычный рабочий день, провели занятия по парашютной системе, НАЗу и радиосредствам. Занятия проводили главные конструкторы и инженеры ОКБ (Алексеев, Феоктистов, Быков и другие). Сегодня шестой корабль третий раз проходил комплексные испытания. Завтра, по-видимому, окончательно определится готовность обоих кораблей к старту.

После обеда мы на трех катерах совершили замечательную прогулку вниз по Сырдарье. Река сильно обмелела, в трех местах катера с большим трудом преодолевали перекаты. Раза четыре забрасывали бредень, все с большой охотой лезли в воду. Николаева и Поповича пришлось даже немного попридерживать: было бы глупо из-за пореза ноги или другой мелкой неприятности отстранять одного из них от космического полета. Все космонавты очень хорошо отдохнули на реке и остались довольны поездкой. Основные вопросы программы предстартовой подготовки за прошедшие три дня ребята вновь повторили, и теперь их готовность к полету лучше, чем когда-либо раньше.

Мое время здесь заполнено до предела, и все же я часто ловлю себя на мыслях, возвращающих меня в Москву. Мне не хватает Муси и Оленьки, особенно часто я их вспоминал сегодня. Нужно будет все же выбраться с ними на курорт. Муся никогда раньше не просила меня об отдыхе на курортах, а в этом году она, ради Оли, говорила со мной на эту тему уже несколько раз.

7 августа.

Очень перегруженным оказался вчерашний день, и мне не удалось записать ни одного слова. На завтраке, в присутствии Николаева, Поповича, Комарова, Быковского, Волынова, Карпова и двух Никитиных (полковник Н. К. Никитин парашютист и подполковник А. В. Никитин — врач, непосредственно наблюдающий за космонавтами), поздравил Германа Титова с годовщиной его суточного космического полета и пожелал ему успехов в работе и жизни. В 10:30 на второй площадке в МИКе мы организовали встречу космонавтов с Королевым. Я поздравил Королева с годовщиной исторического полета, главным «виновником» которого он был, пожелал ему новых успехов в освоении космоса и счастья в жизни. Титов и Николаев тоже поздравили Сергея Павловича и вручили ему цветы. Выпили за здоровье нашего Главного конструктора по рюмке шампанского. Сергей Павлович был очень доволен встречей, благодарил и ребят, и меня. Наши с ним отношения сейчас можно назвать хорошими.

В 15:00 я, Королев, Яздовский и Титов встречали на аэродроме председателя Госкомиссии Л. В. Смирнова, маршала Руденко, Гагарина и других. Руденко и я разместились в одной квартире маршальского домика, а все космонавты с генералом Гореглядом — в соседнем доме. С 18:00 до 22:00 Королев провел техническое совещание, на котором присутствовали Смирнов, Руденко, все главные конструкторы, космонавты и офицеры полигона. Все докладчики и главные конструкторы доложили о проведенных доработках и комплексных проверках. Вывод: Носители и оба корабля готовы к пуску 10 и 11 августа. После совещания технического руководства в кабинете Королева остались Смирнов, Руденко, Королев, Румянцев (начальник Главка) и я. Мы рассмотрели график пуска обоих кораблей. Он напряженный — двое суток все подразделения будут работать без отдыха. Рассмотрели повестку дня Госкомиссии на 7 августа и приняли решение по вопросу, который поднял Николаев на совещании

технического руководства. Николаев просил Королева предоставить возможность командирам кораблей посидеть в боевом скафандре по одному часу в корабле. Королеву очень не хотелось ломать установившуюся традицию: после общей комплексной проверки до посадки космонавта для полета никого не допускать к кораблю. Сергею Павловичу было трудно отказать ребятам в законном желании «обсидеть» корабль, но и рисковать ему тоже не хотелось. Я понял его затруднение, подмигнул Карпову, Николаеву и Поповичу, и они не стали настаивать… Решили: в боевых скафандрах в корабль не садиться до старта, а в предстартовый день дать космонавтам возможность по часу посидеть в кораблях, но без скафандров.

До полпервого ночи Смирнов, Руденко, Керимов, Богомолов и я гуляли в сквере. Смирнов рассказывал о своей работе в Днепропетровске (были у него, оказывается, и забастовки рабочих), а мы «почтительно» слушали. Прямо скажу: министр и маршал мешают нам работать.

8 августа.

Вчера встали в 6:00, вместе с Руденко провели на берегу физзарядку и с удовольствием искупались. На второй площадке маршал и я беседовали с главными конструкторами, агитировали их поддержать наше ходатайство о заказе еще 1О кораблей «Восток». Алексеев, Воронин, Косберг и Ткачев обещали поддержать нас. В результате бесед с главными конструкторами мы еще раз убедились в нереальности прогнозов Королева о готовности первого «Союза» к полету в мае 1963 года. «Союз» пока существует только на бумаге, и дай Бог, чтобы он начал летать в 1964 году. Если мы не добьемся заказа «Востоков», то в полетах космонавтов в 1963–1964 годах будет длительный перерыв, и американцы смогут догнать и перегнать нас по количеству и продолжительности полетов.

С 13:00 до 14:00 одевали Николаева в боевой скафандр и производили его посадку в кресло. Кроме регулировки и подгонки скафандра и подвесной системы, Николаев потренировался в «выходе» из кресла и «входе» в него. Маршал Руденко наблюдал эти операции впервые, а я видел это уже много раз, впечатление и вывод у нас общий: выход космонавта из кресла в космическом полете, «плавание» в корабле и возвращение в кресло — сложное и рискованное дело. Не исключается возможность ошибок при возвращении в кресло, а это

может повлечь за собой отказ некоторых агрегатов жизнеобеспечения и неприятности при катапультировании и спуске на парашюте.

В 17:00 по поручению Госкомиссии Гагарин, Титов и я участвовали в митинге личного состава гарнизона. Митинг проводили на площади перед зданием штаба полигона. На встречу с космонавтами пришло все население города. Встреча была очень теплой, но недостаточно хорошо организованной (давка, плохая трансляция выступлений). Гагарин и Титов поблагодарили всех, кто обеспечивал их полеты, и рассказали и о полетах, и о заграничных поездках. Прямо с митинга Гагарин, Титов и я поехали на вторую площадку на заседание Госкомиссии.

В 19:00 в конференц-зале МИКа Л. В. Смирнов открыл заседание Госкомиссии. На повестке дня два вопроса: 1) доклад Королева о готовности кораблей; 2) доклад Каманина о готовности космонавтов.

Комиссия утвердила командиром «Востока-3» капитана Николаева Андрияна Григорьевича и его заместителем — капитана Быковского Валерия Федоровича. Командиром «Востока-4» назначен майор Попович Павел Романович, а его дублером — инженер-майор Комаров Владимир Михайлович. «Запасным» космонавтом для обоих кораблей назначен капитан Волынов Борис Валентинович. Николаев и Попович выступили, поблагодарили за доверие и заверили комиссию, что сделают все возможное для выполнения задания. С приветствием и пожеланиями успехов в полетах Николаеву и Поповичу выступили Келдыш, Смирнов и Руденко. Последний в двухминутной речи дважды назвал Поповича Поповым — эта грубейшая ошибка была для всех очень неприятной. Предвидя возможность такого срама, я еще утром дал маршалу список пятерых с киносъемкой проверок на «Востоке-4», но это не помогло. Все заседание синхронно записывалось на пленку. Досадно, но «Попова» придется вырезать из речи маршала. За вчерашний день это была уже вторая ошибка Руденко: по его приказанию я в 13:00 собрал всех офицеров ВВС, около 30 минут 50 человек сидели и ждали маршала, а он ушел гулять и забыл о назначенном совещании…

Сегодня мы встали в 5:00. Руденко со Смирновым собирались в 7:30 поехать на пуск ракеты Янгеля, приглашали и меня, но из-за занятости я отказался от приглашения. Утро началось обычно, мы с маршалом уже заканчивали зарядку, когда в 6:00 Гагарин вывел на

зарядку космонавтов. Во время завтрака узнали, что пуск ракеты Янгеля перенесен на вторую половину дня. В 8:30 мы были уже в МИКе. Полковник Кириллов доложил, что третий комплекс проверок на «Востоке-4» закончен успешно, визуально замечаний нет, а пленки будут готовы к 14–15 часам. Кресло этого корабля, которое обещали передать Алексееву вчера в 23 часа, сегодня в 9:00 еще было в корабле. Таким образом, намечавшаяся тренировка Поповича в скафандре и кресле, сегодня не состоится. В 9:15 при выходе из МИКа встретились с Келдышем и Королевым. Сергей Павлович сказал, что пуск первого корабля состоится не раньше 11 августа. Келдыш молчал и улыбался. Королев попросил Руденко разобраться с ВПП аэродрома Тюра-Там. ВПП имеет длину только 1200 метров, а до зарезу нужно иметь 3000 — метровую полосу.

Сейчас я пишу дневник в кабинете Воронина, а рядом за стеной занимаются Николаев и Попович. Они заполняют бортжурналы — это очень трудоемкая и важная работа. В бортжурнале должны быть все данные, которые могут потребоваться в полете, и порядок выполнения задания. Попович работает быстрее, сидит прямо, чуть наклонившись вперед. Николаев, когда пишет, сильно наклоняет голову и корпус влево и делает все записи неторопливо. Слышатся звуки пилы, топора и узбекская песня — это рабочие огораживают домик Воронина. Воронин отвел нам две хорошие тихие комнаты. Здесь и работать лучше, и нет того количества любопытных, которыми так богат МИК.

С 15:00 до 20:30 опять совершили прогулку на трех катерах вниз по Сырдарье. На этот раз с нами были Руденко, Гагарин и Горегляд. В отличие от первой поездки в этот раз больше и успешнее ловили рыбу бреднем. Наловили около десяти килограммов рыбы; Николаев и Попович активно помогали рыбакам советами, загоняли и выбирали рыбу. На обратном пути на одном из островов решили сварить уху. Разожгли костер, начали чистить рыбу, но… не учли время. Солнце садилось, и быстро темнело — пришлось отказаться от ухи и попытаться до полной темноты добраться до гарнизона. Поездкой все были довольны.

9 августа.

Встали в 6 часов утра, а на вторую площадку попали только к одиннадцати часам. Всю жизнь я, как заведенная машина, делаю все с расчетом не терять даром ни одной минуты. Может быть, кое-кому это

кажется скучным и серым, но я убежден, что каждый культурный человек обязан планировать свое рабочее и личное время и уметь использовать его наиболее рационально. Маршал Руденко надоел мне своими бесконечными разговорами и длиннотами, он живет и работает по принципу: «Секунды — на работу, часы — на баланду и чепуху». Мы долго сидим за столом (обычно я завтракаю 5-10 минут, сидеть за завтраком час для меня пытка), больше часа тратим на физзарядку и купанье, и еще больше времени уходит на пустую болтовню.

Когда мы приехали в МИК, Попович в скафандре уже выполнял в кресле упражнение по отвязыванию и «плаванию». Все еще лишний раз убедились, что космонавты отлично знают материальную часть и хорошо подготовлены. В 11:30 к нам пришли Смирнов, Королев и Келдыш. Они осмотрели медицинское оборудование, приборную доску, разработанную Даревским, попробовали новую космическую пищу (натуральное мясо, овощи, фрукты, соки, пирожки и пр.) и нашли ее очень вкусной. Королев и Келдыш минут 15 побеседовали с космонавтами. Королев сказал: «Подготовка идет нормально, люди стараются все подготовить так, чтобы не было ни малейших сомнений в технике». Потом он, как обычно, начал развивать свои идеи о будущих полетах на «Союзе». Сергей Павлович, в частности, сказал, что он за создание макетной комиссии по «Союзу». К сожалению, его куда-то срочно вызвали, и беседа была прервана.

Обедали все на второй площадке; Николаев, Карпов, Азбиевич и я сидели за одним столом. Николаев выпил стакан виноградного сока, съел полтарелки борща и жареную рыбу. Аппетит у него умеренный. «Когда ехали в столовую, чувствовал голод, а выпил сок, съел борщ и уже набрался», — сказал Николаев. После обеда я забрал к себе в «Волгу» Николаева и Поповича и поехал с ними в МИК. Сейчас они оба работают для кино, надели скафандры и садятся в пилотское кресло. Я дал задание операторам заснять их отдельно и вместе в скафандрах у кресла. У нас это будет первый кадр с двумя космонавтами в скафандрах у кресла. Перед началом этой работы мы минут двадцать поговорили о предстоящем полете. Я пытался им внушить, что успех полета теперь в их руках. Успешный полет — это выход на орбиту и благополучный спуск, продолжительность полета — не решающий фактор. Очень важно вернуться на Землю не только живым, но и не инвалидом. Трехсуточный полет и неприятность в

конце полета — это провал, а суточный или двухсуточный полет и хорошее приземление — это большая победа. Николаев и Попович сказали, что они хорошо меня поняли и полностью согласны с высказанными мной соображениями. Мы договорились, что кроме кодированных сообщений о своем самочувствии, они будут в открытой передаче употреблять только две оценки: «самочувствие отличное» — это значит, что все идет нормально, никаких заметных неприятностей нет и полет можно продолжать. «Самочувствие хорошее» — это значит, что работоспособность и состояние космонавта понижены и потребуется досрочная посадка. В случае необходимости досрочной посадки космонавт передает: «Буря», «Квадрат» и, возможно, номер витка, на котором будет садиться.

В 16 часов состоялось заседание Госкомиссии, на котором все главные конструкторы (Королев, Кузнецов, Косберг, Исаев, Пилюгин, Алексеев, Воронин, Богомолов, Гусев, Даревский и другие) доложили: «Все проверено и готово к пуску, в надежности работы систем — уверены.» Вторым рассматривался вопрос о составе и работе оперативных групп. Опергруппа была утверждена в составе 15 человек: Смирнов, Королев, Келдыш, Руденко, Каманин, Горегляд, Яздовский, Карпов и другие. Утвердили и состав групп на периферии (Камчатка, Якутск, Ленинград, Львов, Тбилиси и др.). Затем узким составом прослушали наши вчерашние выступления на «парадном» заседании Госкомиссии. Все выступления нормальные, только на («Попове» вместо Поповича) все еще раз поморщились, когда слушали речь Руденко.

10 августа. Тюра-Там. 10-я площадка.

Вчера в 21 час носитель и корабль «Восток-3» доставлены на старт. Вывозка задержалась на два часа по вине Алексеева. В комплекте запасных деталей кресла часов в 17 обнаружили небольшую шайбу, которая ранее была забракована и заменена на шайбу большего размера. После обнаружения некондиционной шайбы возникло сомнение: какие же шайбы поставлены на боевых креслах? Кресло «Востока-4» было еще в работе, а кресло «Востока-3» было уже установлено в корабле. Для того, чтобы проверить, какая шайба поставлена на «Востоке-3», потребовалось выдвигать кресло из корабля — это задержало работы на два часа. Вместо того, чтобы установить сборку кресла по технологическому расписанию и за

каждую операцию дважды расписываться (исполняющему и контролирующему), у Алексеева сборку проводили «толпой».

Встали сегодня в 6 часов и через 30 минут отправились на зарядку. Надо признать, что Сергей Игнатьевич проводит зарядку основательно: 40 минут он упорно и последовательно выполняет комплекс упражнений и 20 минут плавает. Пожалуй, это полезно для здоровья, но я стеснялся до сих пор тратить так много времени на свою персону. Все космонавты, как обычно, провели физзарядку, Николаев и Попович (сегодня они живут по распорядку предстартового дня) бегали, выполняли упражнения, играли в пинг-понг. Сегодня на старт прибыла группа корреспондентов: ТАСС — Романов, «Правда» Денисов, «Известия» — Остроумов, «Красная звезда» — Мельников. В 12:00 Николаев и Попович провели с ними первую «пресс-конференцию» продолжительностью 10 минут.

В 13:15 на старте состоялся митинг стартовой команды. С приветствиями к командиру «Востока-3» обратились два сержанта, один офицер и командир части. Подполковник Беляев — начальник космической стартовой команды — заверил Николаева, что корабль подготовлен хорошо; он уверен в отличном полете и желает благополучного возвращения на родную Землю. Солдаты преподнесли Николаеву и Быковскому много цветов и очень тепло приветствовали. Николаев без бумажки неторопливо и удачно поблагодарил собравшихся за труд, за доверие и заверил, что сделает все, чтобы выполнить задание. После митинга Николаев, Быковский, Королев и Смирнов поднялись на лифте к кораблю. Николаев занял в корабле место пилота, а Сергей Павлович тридцать минут консультировал его по выполненным переделкам. Все имевшие место переделки давно известны Николаеву — Королев просто поддержал уже ставшие традицией предстартовые занятия космонавта в своем корабле. В 14:00 Николаев и Попович отправились на медосмотр, а Гагарин и Титов — на 10-ю площадку.

Сейчас 15:30, я один в маршальском домике на 2-й площадке, сижу в комнате космонавтов и пишу. Комната уже стала исторической, в ней провели предстартовую ночь Гагарин и Титов, а сегодня здесь будут ночевать Николаев и его дублер Быковский. Маршальский домик — это дом, в котором любил останавливаться маршал Неделин (теперь его называют домиком космонавтов). Это деревянный финский домик

из трех комнат, самая большая комната (около 22 квадратных метров) — комната космонавтов. Голубые обои, белый фанерный потолок с двумя небольшими люстрами. Два светлых окна, выходящие на юг, завешены тюлевыми занавесками. В левом ближнем (от входа) углу — кровать Гагарина, в правом — кровать Титова. Большие полутораспальные металлические кровати покрыты зелено-белыми шерстяными одеялами, сверху одеял лежат по две подушки. Над кроватями — большие фотопортреты космонавтов. Посреди комнаты небольшой круглый стол, на нем — две вазы с цветами, фрукты и томик стихов Лермонтова; два мягких кресла, четыре стула. В левом углу — зеркало; на стене, противоположной окнам, в большой позолоченной раме — цветное фото Гагарина и Титова (в Куйбышеве читают первые газеты и первые письма о полете Титова), под ним на небольшом столике — радиоприемник «Октава». От стола к двери на полу расстелена зеленая дорожка с красными полосами, около окон столик с вентиляторами и тумбочка между зеркалом и кроватью Гагарина. Вот и все нехитрое убранство этой исторической комнаты…

Обедал с Николаевым, Быковским и Карповым «по-космически» — в меню были пирожки с мясом и рыбой, мясо, яблоки и сок из крыжовника в тубе — пища вкусная и питательная. С 17 до 19 часов К. П. Феоктистов проводил с ребятами занятия по возможным отклонениям в параметрах полета. К 19 часам наша маленькая квартира переполнилась — приехали Гагарин, Титов, Попович и Комаров, а вскоре к нам пришли Л. В. Смирнов и С. П. Королев и около часа беседовали с космонавтами. Ужинали вместе с Королевым и Яздовским. Николаев с аппетитом поужинал, а Быковский съел даже два ужина. Королев рассказал о «Союзе», о 16- и 75-тонном космических кораблях, идеи создания которых уже вынашивает ОКБ-1. Сергей Павлович был очень доволен встречей, сидел с нами больше часа и ушел с хорошим настроением, а это не часто бывает в последнее время…

На небе почти полная луна, дует прохладный ветерок, прекрасный вечер обещает на завтра отличный день. Хотя на стартах и бывают происшествия с ракетами, я твердо верю, что техника нас не подведет, но в человеческих возможностях у меня такой уверенности нет. Королев посоветовал мне не держать у ракеты одновременно Гагарина и Титова и несколько сократить переговоры с космонавтами на Земле.

Сергей Павлович держится бодро и верит в успех первого группового полета. Он очень много работает и не бережет свои силы. В августе предстоят еще три пуска на Венеру, а в октябре — на Луну и Марс. Королев высказал пожелание побывать за границей, хотя бы в Чехословакии. Он болезненно переживает свою бессмысленную изоляцию, зная, что за границей им интересуются, и многое о нем уже известно.

12 августа. Тюра-Там. 2-я площадка. Домик космонавтов.

«Отгремели» еще два исторических дня. Вчера Николаев, а сегодня Попович взмыли в космос — впервые в мире сразу два пилотируемых корабля бороздят околоземное космическое пространство. Сейчас 9 часов вечера, наш домик опустел. Двое из его жильцов — в космосе, двое дежурят на командном пункте, а трое отдыхают после дежурства. Полчаса назад я, очень уставший, прямо с дежурства заехал сюда. Попытаюсь, насколько это возможно в моем состоянии (40 часов без сна, на 35-градусной жаре и в предельном нервном напряжении), описать последовательно оба дня пуска.

11 августа я проснулся без четверти шесть — мне показалось, что доктор Никитин слишком шумит, рискуя разбудить ребят. Я встал, вышел в коридор и у двери комнаты космонавтов почти столкнулся с Сергеем Павловичем: он пришел взглянуть, как спят Николаев и Быковский. Приоткрыв дверь в их комнату и убедившись, что они еще крепко спят, он умчался на старт к ракете. За последние дни я убедился, что Сергей Павлович совершенно не жалеет себя и работает с большой перегрузкой и в очень тяжелых условиях. Среди его ближайших помощников много прекрасных людей и специалистов (Бушуев, Феоктистов, Раушенбах, Фролов, Шабаров и другие), но нет ни одного хорошего организатора, и поэтому ему лично приходится решать тысячи мелких вопросов.

В 7:30 на старте, в новом помещении по соседству с бункером, состоялось заседание Госкомиссии по пуску. Первым о готовности носителя и «Востока-3» доложил инженер-полковник Кириллов. Затем все главные конструкторы (Бармин, Косберг, Исаев, Гусев, Алексеев, Кузнецов, Воронин, Ткачев, Богомолов и другие) и последним Королев коротко доложили: «Все проверено, в надежности работы систем — уверены».

Все члены Госкомиссии подписали задание на полет. Комиссия заслушала и приняла к сведению доклад метеоролога (антициклон, ясно, скорость ветра 6–7 метров в секунду) и доклад Яздовского о состоянии космонавта. Когда после заседания Госкомиссии я вернулся в домик космонавтов, Николаев и Быковский уже встали. После завтрака мы, по старому русскому обычаю, на минутку присели, пожелали Андрияну успешного полета и благополучного возвращения. Карпов точно по расписанию в 8:50 усадил Николаева и Быковского в «Волгу» и повез их в МИК. Процедура медосмотра и надевания скафандров была выполнена без замечаний. Посмотреть всю процедуру одевания космонавтов приезжали Смирнов, Королев и Руденко. Убедившись в отличных медицинских показаниях Николаева и нормальном ходе облачения его в скафандр, я вместе с Гагариным и Титовым поехал на старт. Наши отношения с Королевым в эти предстартовые часы и минуты были вполне нормальными. Мы заключили неподписанный мир ради большой и ответственной цели: одновременного полета двух кораблей, и дружно работали рядом (в 10 метрах от ракеты расположен небольшой бетонированный козырек — здесь КП Королева и все средства связи). На КП только Королев, Гагарин, Смирнов, Бармин, Кириллов и я. На мне лежала вся ответственность за предстартовую подготовку космонавта и за связь с ним.

В 11:30 подъехал специальный автобус с двумя космонавтами, одетыми в скафандры. Николаев с помощью Карпова вышел из автобуса и доложил Смирнову: «Товарищ председатель Государственной комиссии, космонавт Николаев к полету готов». Смирнов, Королев, Келдыш и Руденко поцеловались с Николаевым, желающих целоваться было еще больше десятка, пришлось их немного потеснить. Николаев поднялся к лифту и, обернувшись к присутствующим, поблагодарил всех за подготовку к полету. На минуту голос у него дрогнул, и последние его слова мало кто разобрал — дверь закрылась, и лифт медленно пополз вверх к «Востоку-3»…

13 августа.

Слушали переговоры по КВ Николаева с Поповичем. Сейчас я дежурю на КП, на часах 7:30 по московскому времени. Полет проходит нормально: Николаев пошел на 31-й, а Попович — на 16-й виток.

Николаев проснулся сам в 4:40, а Поповича разбудили в 4:53, семичасовой сон космонавтов был хорошим.

Вчера я так сильно устал, что не смог закончить записи за 11 августа, попробую сейчас дополнить их. Перед стартом Николаев больше, чем положено, затратил времени на осмотр оборудования кабины и проверку агрегатов. Зная его олимпийское спокойствие и методичность в работе, я не мешал ему навязыванием радиопереговоров, но Королев нетерпеливо ждал связи и за 10 минут до программного установления связи потребовал от Быкова — заместителя Главного конструктора Гусева — объяснений, почему нет связи с космонавтом. Я объяснил Сергею Павловичу, что Николаев занят проверкой оборудования и через 8 минут выйдет на связь, как положено. Королев удовлетворился объяснениями. Точно в положенное время мы услышали голос Николаева. Он доложил: «Проверку оборудования кабины и средств связи закончил; температура в кабине — 26 градусов, влажность — 50 процентов, к полету готов, самочувствие отличное». В первых радиопереговорах Андриян немного спешил, но после напоминания — не торопиться — его дикция стала лучше. Радиопереговоры с Николаевым вел, в основном, Гагарин, кроме него говорили Королев, Смирнов и я…

Сейчас 22:30, я только что добрался до домика космонавта. Было бурное заседание Госкомиссии и еще более бурное совещание у Смирнова. На Госкомиссии обсуждался вопрос о возможностях продления полета на срок более трех суток по техническому состоянию кораблей и по физическому состоянию космонавтов. На «Востоке-3» беспокоило понижение температуры до 13 градусов. При старте температура была 27 градусов, но за 29 витков полета она снизилась до 13 градусов и держалась такой до 36 витка. Николаев доложил, что он намеренно поддерживает такую низкую температуру. По техническому состоянию корабля «Восток-3» было отмечено, что в течение десяти ночных витков не работал бортовой «Трал», и не записывались телеметрические данные. Решили, что по техническому состоянию кораблей можно продлить полет и на четвертые сутки. У меня нет никаких сомнений в технике — она выдержит и обеспечит и более длительный полет. Вопрос в том, как такое решение может отразиться на здоровье космонавтов. Яздовский, Парин и Королев твердо высказались за полет на четверо суток. После них выступили

Богомолов, Воронин, Кузнецов, Пилюгин, Алексеев и другие главные конструкторы. Все они поддержали Королева.

Я выступил против продления полета на 4-е сутки, хотя и признал, что прогнозы врачей и космонавтов по влиянию невесомости на организм человека, основанные на суточном полете Титова, оказались неправильными: Николаев и Попович чувствуют себя хорошо. Есть полная уверенность, что трехсуточные полеты будут выполнены успешно, но не надо забывать, что вход в атмосферу и спуск с парашютом потребуют максимального напряжения от космонавтов (по прогнозу в районе приземления будет ветер с порывами до 15–18 метров в секунду). Космонавты должны иметь достаточно сил, чтобы благополучно закончить полет. Продление полета еще на одни сутки — цель желательная, но она не может оправдать риска потерять или покалечить ослабленного космонавта.

Все присутствующие очень внимательно меня выслушали. Королев и Смирнов сказали, что мотивы, высказанные мной, заслуживают внимания и их нужно обсудить. После меня выступали Келдыш, Титов, Гагарин и Руденко. Все они высказались примерно в таком духе: «Я — за, но…» Руденко и Королев устроили перепалку: Смирнов сказал, что и того и другого нужно бы ударить булавой, но ее нет в его распоряжении. Решили поручить Королеву, Каманину и Гагарину переговорить с Николаевым, узнать его состояние, намерения и потом доложить Смирнову согласованное предложение. Всей комиссией пошли вызывать на связь «Сокола». Николаев не все понял из наших вопросов, но главное он уловил и сразу же доложил: «Чувствую себя отлично, могу продолжить полет еще на одни сутки». Мы пытались узнать, не устал ли он, но на этот прямой вопрос он не ответил и ушел из зоны слышимости. Через две минуты мы установили связь с «Беркутом» и дали ему задание спросить «Сокола» об усталости. Попович, если судить по голосу, чувствует себя хорошо, а Николаев — утомлен.

Полчаса назад заходил Сергей Павлович — он очень недоволен поведением Руденко, похвалил меня за прямоту и откровенность, сказав, что для него мое выступление самое ценное, а все остальное — болтовня. Я еще раз посоветовал ему подумать и не перетягивать очень уж напряженные струны. Договорились, что завтра в 7 утра соберемся и окончательно решим, когда заканчивать полет Николаева. В знак

восстановления наших хороших отношений Сергей Павлович забежал в свой домик и подарил мне бутылку холодного пива. Пиво я выпил с большим удовольствием. В два часа ночи я должен быть на КП, сейчас уже 23:50. Четвертую ночь подряд сплю меньше 3–4 часов. Давно я так не уставал чертовски хочется спать, но хочется и побольше записать об этих исторических событиях.

14 августа. Домик космонавта.

13:30 по местному времени, опять я один. В комнате необычная тишина, а за окном слышны резкие порывы ветра. С 2 до 8 часов я дежурил на КП. Николаев и Попович сегодня проснулись около 4:00 по московскому времени. Через Хабаровск по КВ передали доклад Николаева: «Спал хорошо, просыпался один раз. Самочувствие прекрасное, продолжаю полет по программе. Температура — 12 градусов, давление — 1,1, влажность — 70 процентов, все другие параметры кабины в норме». Аналогичное сообщение поступило и от Поповича. В 7 часов утра началось заседание Госкомиссии, на котором единогласно решили сажать оба корабля 15 августа: «Восток-3» на 65-м витке, а «Восток-4» — на 49-м. Я не возражал против продления полета Николаева еще на одни сутки по следующим мотивам: он вчера сам дал согласие на продление полета; его самочувствие отличное, некоторая вчерашняя усталость снижена хорошим сном; сегодня очень сильный ветер в районе приземления — до 20 метров в секунду.

Члены комиссии поручили мне передать Николаеву через Елизово: «Ваш доклад получили. Желаем вам успеха. Полет «Соколу» продлен на одни сутки, посадка будет произведена на 65-м витке». Николаев телеграмму принял и ответил: «Благодарю, все ясно». Долго совещались о порядке работы с космонавтами после их приземления. Москва уже планирует встречу «Сокола» и «Беркута» на субботу — 18 августа. Наши планы о трехсуточном медосмотре космонавтов и обстоятельном разборе полета на Госкомиссии, по-видимому, будут скомканы. Пока предполагается посадка в районе Караганды, доставка космонавтов в Куйбышев и вылет в Москву из Куйбышева после проведения медосмотра и заседания Госкомиссии.

Сейчас 15:00 по местному времени, я немного отдохнул и пообедал, до очередного заседания комиссии еще два часа, а до дежурства на КП — пять часов. Попытаюсь продолжить заметки о старте Николаева.

…Николаев долго и обстоятельно усаживался в корабле, внимательно проверил всю аппаратуру и только после этого вышел на радиосвязь с КП. Подготовка ракеты и корабля к старту шла ритмично и размеренно, все операции выполнялись точно по графику. После объявления двадцатиминутной готовности я передал Николаеву, что мы с Гагариным переходим в бункер и через 2–3 минуты будем вести связь оттуда. Гагарин был в бункере первый раз, я — второй (не считая посещений бункера в учебных целях). Установив связь с Николаевым и предупредив его о необходимости надеть перчатки и закрыть гермошлем, я передал микрофон Гагарину. Через 2–3 минуты в рубке появился Королев, боевой расчет замер — слышались лишь короткие четкие команды и доклады исполнителей. Кроме Королева, Гагарина и меня в рубке были Келдыш, Пилюгин, Шабаров и полковник Кириллов. Командовал пуском Кириллов. В эти томительные минуты ожидания старта больше всех волновался Сергей Павлович: он лучше всех знал и достоинства и недостатки своего детища. Он весь был — воплощение напряженного внимания, в руках держал телефонную трубку с красной полоской, чтобы в случае аварии успеть вовремя прокричать, как он говорит, «петушиные слова» — условную команду на катапультирование космонавта. После команды «Старт» и начала отсчета секунд: 10, 20, 30… 100, 110, 120… 500… 600… все ждали отсчета 687… Нормальная работа всех агрегатов ракеты до 687-й секунды означала выход третьей ступени и корабля на орбиту. На 720-й секунде произошло отделение корабля от носителя и «Восток-3», расправив свои антенны, возвестил миру о новой большой победе советского народа на пути освоения космоса. Через 2 часа после старта, когда были уточнены данные орбиты, «Востока-3», мы доложили о полете Хрущеву, Козлову и Устинову. Из разговора с Козловым мы все поняли, что Николаеву присвоено звание подполковника, но услышав наши дружные аплодисменты, он стал уточнять решение и через несколько минут передал, что Николаеву присвоено звание майора.

Подготовка к старту и пуск «Востока-4» мало чем отличались от подготовки и пуска «Востока-3», только все работали в еще более жестких условиях по времени, и на лицах каждого было больше признаков переутомления. Можно гордиться высокой точностью стартов по времени: за трое суток до пусков было принято решение:

старт Николаева — 11 августа в 11:30 по московскому времени, старт Поповича — 12 августа в 11:08, и назначенные сроки пусков были выдержаны с точностью до 0,5 секунды.

15 августа. Борт самолета Ил-14 — Оренбург.

Через два часа после получения достоверных сведений о благополучной посадке Николаева и Поповича я с группой товарищей (Яздовский, Гагарин, Горегляд, Парин и другие) вылетел в Куйбышев, чтобы организовать там встречу и размещение космонавтов, прилетающих туда на Ил-18 из Сары-Шаган. На аэродроме Тюра-Там оперативный дежурный неожиданно доложил: «В Куйбышев лететь нельзя, там сильная гроза». Мы все же взлетели, надеясь, что гроза пройдет за время нашего полета до Актюбинска, но, к сожалению, грозовой фронт оказался настолько мощным, что нам пришлось сесть в Актюбинске. Ознакомившись с мете00бстановкой и переговорив с КП ВВС Куйбышева, я решил лететь в Оренбург.

Сегодня большой день не только для нас — советских людей, — но и для всего мира: после четырехсуточного космического полета майор Николаев произвел отличную посадку, а через шесть минут недалеко от него приземлился после трехсуточного полета подполковник Попович. Для меня это был день напряженной борьбы, предельного нервного напряжения и большой победы. Позже я обязательно восстановлю подробнее весь ход подготовки к посадке двух космических кораблей.

Сегодня моей внучке Оленьке исполнилось три года. Я уже две недели не видел ее и очень скучаю — хотелось из Куйбышева позвонить в Москву и поздравить своих с днем рождения Оли. Правда, позвонить можно и из Оренбурга, но это потребует много времени, а мне так хочется спать, что я чувствую, как иногда меня покачивает…

В Оренбурге мы все разместились на ночь в профилактории летного состава истребительного училища. На аэродроме нас встретили руководители училища, накормили хорошим ужином и привезли сюда на отдых. Надо бы продолжить записи в дневнике, но нет ни сил, ни настроения. На завтра, на 5 часов по московскому времени, я назначил вылет в Куйбышев; не позже 3:30 придется подниматься, так что больше 5–6 часов не поспишь. Иду спать…

16 августа.

Всю ночь была гроза и шел дождь — прогноз и запрещение полета в Куйбышев полностью оправдались. Проснулся в 2 часа и спать уже больше не мог. Поднял всех наших, готовимся к отъезду на аэродром. Гагарину я вчера разрешил ночевать у родственников — в семье сестры его жены, и он приедет прямо на аэродром. Кстати, вчера перед вылетом из Тюра-Тама на самолет опоздали полковники Азбиевич и Смирнов. Когда самолет уже выруливал, они подъехали на газике и замахали руками. Гагарин и другие просили взять опоздавших, но я решил хорошенько их проучить, особенно Азбиевича, которому я уже я десятки раз указывал на его неорганизованность.

По размокшим и грязным дорогам с трудом добрались до аэродрома. На аэродроме нет ВПП, взлетали прямо с грунта. В районе Оренбурга погода плохая, продолжается дождь, видимость плохая, но штурман доложил об улучшении погоды в Куйбышеве. Перед взлетом начальник летного училища сообщил мне, что ему приказали подготовиться к приему самолета Ил-18 с Николаевым и Поповичем в Оренбурге. Я подтвердил необходимость готовиться к приему самолета с космонавтами на случай ухудшения погоды в Куйбышеве.

В 8:30 произвели посадку на аэродроме Кряж. Нас встретили командующий ВВС округа генерал-лейтенант Цедрик, генерал-лейтенант Шевченко, секретари обкома. Прямо с аэродрома поехали к первому секретарю обкома А. С. Мурысеву. Со мной были Гагарин, Горегляд и Яздовский, всех остальных направили для размещения в военный санаторий.

В 9:40 на самолете Ил-18 прилетели из Сары-Шагана Николаев и Попович. Я поднялся в салон самолета и крепко их поцеловал. Оба выглядят отлично, и я сказал им, что не ожидал увидеть их такими бодрыми.

На нескольких обкомовских машинах быстро домчались до обкомовской дачи. Целая орава врачей во главе с Яздовским набросилась на ребят и будет исследовать их состояние до 18 августа. Прежде чем передать ребят в руки врачей, я пригласил Гагарина, Титова, Николаева, Поповича и договорился с ними о форме доклада на Госкомиссии и о выводах из анализа полета. Главные выводы: человек может сохранять хорошую работоспособность в длительном космическом полете; главное «действующее лицо» в космосе —

человек, а не автоматы; необходимо построить в 1963 году 5-10 «Востоков», чтобы чаще летать в космос; надо существенно усовершенствовать аппаратуру наблюдения.

В 16:40 на заводском аэродроме мы с руководством области и округа встречали самолет Ан-10, на котором прилетели члены Госкомиссии. В 17:30 на обкомовской даче состоялось заседание Госкомиссии с заслушиванием отчетов Николаева и Поповича. Отчеты были записаны на пленку, кроме того, основное содержание отчетов я записал сам(ниже даны лишь некоторые фрагменты докладов Николаева и Поповича-Ред.).

Доклад Николаева: «Отрыв ракеты плавный, перегрузки нарастают плавно, вибрации небольшие, но они усиливаются в конце работы 2-й ступени носителя. Максимальные перегрузки достигали 6–7 единиц. Отделение ступеней заметно по спаду перегрузок. Слышно окончание работы 3-й ступени и отделение (толчком) от носителя. Наблюдение за Землей не состоялось, и было обидно, что полет начал с невыполнения упражнения. Провел ориентацию, выполнение которой усложнилось тем, что я в кресле сидел выше нормального… За 15 минут до старта Поповича я сориентировал корабль, и в 11:03 угол наклона корабля составил 73 градуса. Смотрел, но взлета корабля не видел… Связь с «Зарей» в течение первых суток полета была плохой (много шумов, сильные помехи), на 4-м витке я половину разговора с Хрущевым не слышал, но в течение 2-х, 3-х и 4-х суток полета связь была уже лучше… С «Глобусом» работать легко и полезно (спасибо Даревскому). Производил 4 отвязывания, первое — очень осторожно, — после освобождения тянет вверх и вперед. Передвижение легкое, в отвязанном положении вел связь и киносъемку. Координация движений хорошая, «плавать» приятно… Выполнял физические упражнения, делать можно все, но мало пространства. После выполнения физических упражнений самочувствие бодрое. На четвертые сутки резко поворачивал голову влево и вправо — ничего плохого. За все время полета неприятных ощущений не было. Тренировки вестибулярного аппарата были очень полезны…

Пролетая над Турцией, видел аэродром, отлично видны ночью города и ВПП. Видел много морских кораблей, на побережье видны дороги и пирсы… При включении ТДУ ощущался толчок и была

слышна в течение 42-х секунд ее работа. В плотных слоях атмосферы корабль вращался с разными угловыми скоростями. Перегрузки порядка 8–9 единиц я переносил лучше, чем на Земле. В районе посадки оказалось много камней, но я приземлился на ровную площадку 2 х 2 метра…»

Доклад Поповича: «Задание выполнил, готов снова лететь. Следует несколько сократить медицинский осмотр перед стартом. На старте связь иногда пропадала… Провел ориентацию в тени Земли. Очень хорошо виден «бег» Земли, особенно при редкой облачности. Ориентировать корабль по звездам и земным целям можно, если расширить возможности ручной ориентации… УКВ-режим не нужно включать автоматически (очень много шума до начала связи). Когда сам включаешь УКВ, шума меньше. Связь с «Соколом» была очень хорошей, особенно за экватором… Все медицинские тесты и вестибулярные пробы выполнял. При резком движении головой вперед и назад ощущались некоторые ненормальности. Пульс в космосе был 54–60 ударов в минуту, полный и ритмичный. Сон хороший за ночь просыпался один раз. На ночь выключал вентилятор скафандра… Катапультирование было плавное. После открытия основного парашюта зачековал запасной, как и Николаев. Через 20 минут появился поисковый самолет. Отстрела антенн НАЗа не было (как и у Николаева)…»

После заседания вся комиссия собиралась улететь в Москву, но там испортилась погода, и вылет отложили до утра. Сейчас 23:15, вся компания вместе с областными руководителями уже изрядно напилась. Я посидел с ними минут тридцать и, почувствовав отвращение к этой братии, ушел к себе в комнату. Карпову я поручил увести Николаева и Поповича — им время спать.

17 августа. Куйбышев.

Вчера пьяные разговоры и поцелуи продолжались до двух часов ночи. Попович и Николаев легли спать около полуночи, а Гагарин, Титов и другие ребята еще долго общались с захмелевшей «руководящей» компанией. Королев и Келдыш пили мало и раньше других ушли спать. Смирнов и Мурысев «гуляли» дольше других, им «помогал» Горегляд. Правда, Смирнов держался хорошо.

Сегодня я проснулся в 6 утра — все еще крепко спали, — через несколько минут появились Смирнов и Руденко. В 9 часов все члены

Госкомиссии на самолете Ан-10 вылетели в Москву. Председатель Куйбышевского совнархоза Литвинов просил меня организовать встречу рабочих 1-го и 18-го куйбышевских заводов с Гагариным и Титовым. Гагарин и Титов с генералом Гореглядом уже уехали на завод, а мне приходится отбивать дерзкие атаки представителей прессы, кино, радио и телевидения. Из-за вчерашнего нарушения режима Николаев и Попович сегодня спали хуже, чем в космосе. Все специалисты-врачи доложили, что общее их состояние хорошее, но есть признаки небольшого утомления.

Сейчас 21:00, все улетели в Москву — на даче остались только Николаев, Попович, доктор Никитин, подполковник Титов С. М. и я. Перед вылетом группы Горегляда все космонавты, врачи и другие офицеры ВВС отобедали вместе с областными руководителями. Председатель облисполкома Дегтярев и генерал Горегляд «перебрали» лишнего и вели себя плохо. Я увидел Горегляда в тот момент, когда он в комнате отдыха отчитывал Николаева за нескромность. Николаев очень скромный человек, и только Горегляду могла померещиться его «нескромность», выразившаяся в том, что он попросил направить в Москву на встречу космонавтов мужа своей сестры Ильина, находящегося в Чебоксарах. Руденко из Москвы приказал Цедрику доставить Ильина в Куйбышев, а из Куйбышева на Ил-18 — в Москву. Это распоряжение Руденко нельзя считать разумным: задерживать на 8 часов вылет пяти космонавтов и большой группы офицеров из-за одного человека едва ли целесообразно. Вместо того, чтобы исправить ошибку Руденко, Горегляд не нашел ничего более умного, как совершенно незаслуженно обидеть Николаева. Пришлось резко оборвать эту пьяную и неумную выходку Горегляда.

Перед обедом мы (Гагарин, Титов, Карпов, Яздовский, я и другие) на трех катерах совершили замечательную поездку по Волге, а после обеда повторили эту прогулку для Николаева и Поповича. Люди на берегу, рыбаки и пассажиры судов немедленно узнавали новых героев космоса и горячо их приветствовали. Вся четверка побывавших в космосе — Гагарин, Титов, Николаев и Попович подписала вместе со мной приветствие моей внучке Оленьке в день ее рождения — 15 августа. После прогулки занимался с Николаевым и Поповичем готовил их к рапорту Хрущеву. Вместе с ними просмотрел и поправил тексты их речей на Красной площади.

18 августа.

Сегодня страна празднует День авиации, и по счастливому совпадению Москва в этот день встречает Николаева и Поповича. Встреча назначена на 14 часов, на самолете Ил-18 мы будем взлетать в 11:5О. Сейчас 6 часов утра, ребята еще спят, и у меня есть время, чтобы хоть как-то отразить в дневнике все то, что происходило на заседаниях Госкомиссии перед посадкой «Сокола» и «Беркута».

14 августа в 17:00 на Госкомиссии обсуждался вопрос о продлении полета Поповича на четвертые сутки. Перед заседанием Смирнов и Королев разговаривали с Н. С. Хрущевым и Ф. Р. Козловым. Хрущев высказал мысль, что если по технике корабля и по состоянию здоровья Поповича нет никаких замечаний, то почему мы будем его обижать, — нужно запросить Поповича и, если он желает и может летать больше трех суток, разрешить ему продолжить полет на четвертые сутки. Руденко переговорил с маршалом Гречко, который также поддержал это предложение. Таким образом, когда перед заседанием Госкомиссии мы собрались в узком кругу (Смирнов, Королев, Келдыш, Руденко, Пилюгин и я), все мои партнеры по переговорам, кроме Королева, заняли твердую позицию продолжить полет Поповича на четвертые сутки. Сергей Павлович занял двойственную позицию: «Задание полностью выполнено, мы уже продлили полет до четырех суток Николаеву, пойдя на это с некоторым риском. Для прекращения полета Поповича нет технических и медицинских причин, но я не вижу большой цели в продлении полета, хотя и не буду голосовать против такого решения».

Я высказался твердо против продления по следующим мотивам:

1. Условия посадки Поповича на 65-м витке будут неблагоприятны по местности и метеоусловиям во всех трех заданных районах.

2. Попович ведет себя в полете излишне активно, он не экономит свои силы, как это делает Николаев, — есть основания опасаться, что Поповича «не хватит» на четвертые сутки полета.

3. В корабле Поповича температура 12–11 градусов и имеет тенденцию понижаться, влажность в корабле также снижается к нижнему пределу — малая влажность и низкая температура могут затруднить обеспечение космонавта кислородом.

Все очень внимательно меня выслушали, но не согласились с моими доводами. На заседании Госкомиссии все (Келдыш, Смирнов, Руденко, Пилюгин, Богомолов, Воронин и другие) единодушно высказывались за продление полета Поповича. Пришлось выступить против всех и повторно изложить свою позицию в этом вопросе. Я сказал: «Вчера мы продлили полет Николаеву, и теперь он будет совершать посадку в трудных условиях — на каменистый грунт и при сильном ветре. Если была цель в продлении полета Николаева, то в данном случае такой цели нет. Следует учитывать и то, что состояние техники и космонавта на «Востоке-3» значительно лучше, чем на «Востоке-4». Меня поддержали Гагарин, Бушуев, Феоктистов, Белоусов, после чего многие заколебались. Решили полет Поповичу продлить, если он выскажет такое желание. Комиссия поручила Королеву, мне и Гагарину провести переговоры с Поповичем и всем составом тронулась за нами на КП, чтобы услышать решение «Беркута». На вопрос Королева: «Беркут», как вы себя чувствуете? Ваш полет подходит к концу, каковы Ваши планы?» Попович немедленно ответил, что он планирует садиться на 65-м витке, поскольку самочувствие у него превосходное — «перьвий сорт» (любимое выражение Королева). После такого ответа комиссия подтвердила свое решение. Смирнов связался по телефону с Козловым и Хрущевым и доложил им о принятом решении и о том, что против него высказались Каманин, Гагарин и еще несколько человек. Хрущев, убедившись, что Попович за продление полета, дал свое согласие на то, чтобы продолжить полет.

Всю ночь с 14 на 15 августа я был на командном пункте, изучал метеообстановку и условия посадки во всех трех районах приземления, консультировался со специалистами и врачами по состоянию здоровья Поповича и разбирался с Ворониным, к чему может привести дальнейшее падение температуры и влажности. В 7 часов утра Госкомиссия снова собралась на заседание. К этому времени к нам начали поступать тревожные сведения. Температура в корабле «Восток-4» понизилась до +10 градусов — нижнего предела нормы, влажность снизилась до 35 процентов. Попович, проснувшись в 4 часа утра, доложил, что самочувствие у него отличное, но падение температуры и влажности начинают его беспокоить. Он сообщил: «Температура и влажность продолжают снижаться, мною приняты все

необходимые меры, но падение продолжается». Всем стало ясно, что нормальное обеспечение кислородом Поповича находится под угрозой. Келдыш, я, Руденко высказались за немедленную посадку «Востока-4» на своей территории (как раз подходил 49-й расчетный для посадки виток), но Смирнов и другие еще упорствовали. В это время принесли радиограмму от Поповича: «Наблюдаю грозу»…

«Гроза» — это условный код, означающий рвоту. Вся комиссия заволновалась, все стали требовать немедленной посадки. В нашем распоряжении для принятия решения было 40 минут. Смирнов и Королев решили еще раз запросить Поповича о его самочувствии и получили такой ответ: «Чувствую себя отлично, наблюдал метеорологическую грозу и молнию». У меня и у Гагарина возникли сомнения в правдивости последней радиограммы Поповича. Возможно, он испытал небольшой приступ тошноты, который быстро прошел, и он, устыдившись своей минутной слабости и поспешности сообщения о «грозе» (по инструкции докладывать о «грозе» космонавт обязан немедленно), забил отбой. Выяснить, какую грозу наблюдал Попович, будет нелегко, но выяснять будем обязательно.

…В 11:35 на Ил-18 вылетели из Куйбышева в Москву, кроме меня и космонавтов в самолете: доктор Никитин, особист Титов и около дюжины представителей прессы и кино (Романов, Денисов, Борзенко, Остроумов, Мельников, Песков, Гасюк, Афанасьев и другие). Ребята сегодня хорошо выспались, до завтрака я с ними по два раза прорепетировал рапорты Хрущеву и их выступления на Красной площади. Попович читает текст хорошо, а Николаев запинается на некоторых трудных словах — пришлось слов пять выбросить, а некоторые фразы укоротить. Завтракали небольшой компанией: председатель облисполкома, два секретаря обкома, командующий округом, Николаев, Попович и я. После завтрака Мурысев вручил Николаеву и Поповичу подарки. Поблагодарив за теплую встречу, подарки и гостеприимство, ребята вручили руководителям области фотографии четверки космонавтов с автографами. После взлета я разрешил прессе с полчаса «поиздеваться» над «небесными братьями», а затем увел их в салон и категорически запретил приставать к ним. В Куйбышеве с утра был дождь, но перед вылетом погода улучшилась. В Москве обещают приличную погоду.

19 августа. Москва.

Вчера в самолете я еще несколько раз прослушал рапорты Николаева и Поповича Хрущеву и их выступления на Красной площади. В 13:20 к нашему самолету подстроились семь истребителей — почетный эскорт, в сопровождении которого мы несколько раз прошли над различными районами Москвы. На улицах и площадях было очень много народу. Ровно в 14 часов открылась дверь нашего самолета, и ребята пошли на новое испытание. Николаев признался, что встреча, рапорт и выступления волнуют его больше, чем полет в космос. Я остался в самолете и не пожалел об этом; через иллюминатор самолета весь процесс встречи был виден лучше, чем с любого места на земле. С рапортами Хрущеву ребята справились хорошо. Никита Сергеевич, а за ним все члены президиума ЦК и родственники космонавтов обнимали и целовали Николаева и Поповича; пионеры преподнесли им цветы. Потом Хрущев, Николаев и Попович, отвечая на приветствия собравшихся, прошлись вдоль ограды. В первую открытую машину, обвитую гирляндами цветов, сели Николаев и Попович с родителями, Мариной и Наташей (жена и дочь Поповича — Ред.). Во вторую машину сели Хрущев, Жак Дюкло и другие иностранные товарищи. Хрущев только что прилетел из Крыма, и с ним, по-видимому, прилетели отдыхающие у нас иностранцы. После того, как первые правительственные машины уехали, я вышел из самолета. Меня встречали Муся и Оленька. Встречу с женой и внучкой я не променял бы ни на какую другую самую «высокую» встречу. С аэродрома мы направились прямо домой. Когда мы подъехали к Малому Каменному мосту, митинг на Красной площади уже начался; все улицы и мосты были забиты демонстрантами — пришлось сойти с машины и добираться до дому пешком.

Вечером мы с Мусей пошли на прием в Георгиевский зал Кремля. На приеме были все космонавты с женами, пятерка космонавток, Карпов, Масленников, Яздовский, Волынкин, Горегляд и Аристов. От ВВС были также Руденко, Рытов, Пономарев и Кутасин. Промышленность на приеме была представлена очень широко, а ВВС — ограниченно. В ответ на вручение звезд Героев ребята выступили коротко, но вполне нормально. Выступая на приеме, Хрущев подчеркнул связь космонавтики с авиацией, он сказал: «Не было бы авиации, не было бы и полетов в космос… Авиация хорошо

подготовила летчиков-космонавтов, которые блестяще справились с возложенными на них задачами…»

20 августа.

В 8:00 я был уже в Главном штабе ВВС. Только что говорил по «кремлевке» с Николаевым. Ребята вместе с родственниками гостят в правительственных особняках на Воробьевых горах. Минут через сорок Николаев и Попович приедут ко мне, и мы поедем к Сергею Павловичу Королеву. Он хочет поддерживать традицию: после кремлевских торжеств космонавты едут на митинг к строителям космических кораблей и носителей и в торжественной обстановке передают Главному конструктору свои бортжурналы.

В 8:45 на двух «Чайках» приехали Николаев и Попович, и мы отправились к Королеву. Там мы узнали печальную весть. Сергей Павлович заболел, и его отправили в больницу. На митинге было 5–6 тысяч человек. Выступали Николаев, Попович, Гагарин, Титов, Бушуев, Мишин, Келдыш, Смирнов и другие. Митинг по содержанию был хороший, но настроение всем портил непрерывный дождь. Ребята на митинге и в узком кругу (с бокалами) выступали удовлетворительно.

С 16:00 до 18:30 был у Келдыша; при участии Тюлина, Волынкина, Яздовского, Феоктистова и других товарищей готовились к пресс-конференции, которая должна состояться 21 августа. Тексты выступлений Николаева и Поповича почти не требовали исправлений.

21 августа.

К девяти утра Николаев, Попович, Гагарин и Титов приехали ко мне в Главный штаб ВВС. Около двух часов все вместе готовили Николаева и Поповича к пресс-конференции, потом поехали в Академию наук к Келдышу. Была теплая короткая встреча без речей, присутствовали виднейшие ученые страны. В 12 часов в актовом зале МГУ Келдыш открыл пресс-конференцию, выступили Яздовский, Благонравов, Николаев и Попович. Все речи показались мне очень длинными, особенно долго и медленно читал свой доклад Николаев. Ошибок в выступлениях не было, но было бы лучше сделать их покороче, и побольше времени оставить для ответов на вопросы. На все заданные им вопросы Попович и Николаев отвечали хорошо.

Сегодня в полночь мне нужно будет вместе с членами Госкомиссии вылетать на «Зарю», поэтому я решил собраться,

помыться, отогнать на дачу автомашину и прямо с дачи ехать на Чкаловский аэродром.

22 августа. Борт самолета Ан-10. Тюра-Там.

До аэродрома добрался с небольшим приключением. В пути я немного подремал и был за это наказан; шофер прозевал поворот с бетонки на Щелково и повез меня к Ярославскому шоссе — пришлось возвращаться назад… Когда я приехал на аэродром, там уже были Келдыш, Рязанский, Кузнецов, Богомолов, Ишлинский, Керимов и другие члены Госкомиссии. Через несколько минут подъехал Смирнов, и точно в 24 часа мы взлетели и взяли курс на восток. С нами на старт летят пять девушек-космонавток, их сопровождают двое Никитиных: врач — подполковник А. В. Никитин и парашютист — полковник Н. К. Никитин.

В 6:10 по местному времени произвели посадку на аэродроме Тюра-Там. Нас встретил генерал Войтенко, с ним мы доехали до десятой площадки. И вот я опять в нулевом (маршальском) корпусе в квартире № 1, где я жил несколько дней перед полетом Николаева и Поповича. Здесь все по-старому, ничего не изменилось, только стало попрохладней и поменьше людей.

Пуск на Венеру перенесен с 22 на 24 августа. Сейчас у меня нет тех больших забот и ответственности, которые были в дни подготовки и полетов Николаева и Поповича. Мне предстоит ознакомиться с автоматической межпланетной станцией, участвовать в заседаниях Госкомиссии, подписывать полетное задание, но все это меня совершенно не волнует. Я не убежден в целесообразности предстоящих пусков. Как и пуски на Венеру в 1960 году, эти пуски будут стоить очень дорого, а их целесообразность и эффективность сомнительны; было бы разумнее в ближайшие 2–3 года все наши усилия сосредоточить на освоении Луны и околоземного космического пространства, а не распылять средства на путях к Венере и Марсу. К тому же еще в 1960 году я довольно основательно ознакомился и с ракетой, и с АМС и при этих пусках едва ли увижу много нового.

Говорил с Аристовым по «ВЧ», просил его через ракетные войска ускорить разрешение на выдачу пропусков космонавткам. Пока они еще не получили пропусков, и мы не можем организовать с ними занятия на носителе, старте, измерительном пункте и на других объектах. У меня сейчас много свободного времени — это непривычно

и потому неприятно. Неделю тому назад я едва выкраивал 2–3 часа в сутки на отдых, в Москве также было и осталось очень много работы, а здесь мне практически нечего делать. Придется набраться терпения и выполнять глупый приказ Руденко. Буду надеяться, что 25 августа я выберусь отсюда, а за эти дни познакомлюсь с техникой и расчетами траекторий полета АМС и… отдохну.

23 августа. Тюра-Там.

Вчера на 2-й площадке в здании МИКа состоялось заседание Госкомиссии под председательством Смирнова. О готовности ракеты и АМС доложил инженер-полковник Кириллов, после него выступали главные конструкторы систем — Рязанский, Белоусов, Богомолов, Кузнецов и другие. Черток доложил о полной готовности АМС, а Шабаров подтвердил доклад Кириллова о готовности носителей. Комиссия решила разрешить вывоз ракеты на старт в 5 часов 23 августа и готовить пуск на 6 часов по московскому времени 25 августа. Затем был заслушан доклад полковника Левина о готовности измерительного комплекса и утверждены оперативные группы на старте, в Москве и Симферополе для наблюдения за полетом АМС. После окончания заседания Смирнов, Келдыш, Черток, Кириллов и я наметили план дальнейших работ и рассмотрели варианты и сроки повторных пусков на Венеру. Решили, что утром 25 августа группа членов Госкомиссии вылетит в Евпаторию и примет участие в 10-часовом сеансе связи с АМС. Решили также второй пуск на Венеру провести обязательно 31 августа, если два пуска будут удачными, то третий пуск не проводить. Смирнов и Келдыш согласились с программой занятий космонавток, включающей ознакомление с носителем и АМС, изучение стартовой установки, измерительного пункта, системы связи «Заря» и расчетов вывода АМС на орбиту вокруг Земли и на траекторию полета к Венере.

Сегодня хорошее, солнечное утро, температура не выше 20 градусов, в открытые окна дует прохладный ветерок. Мимо моего окна пробежали космонавтки — они занимаются утренней зарядкой. Вся пятерка: Соловьева, Терешкова, Еркина, Кузнецова и Пономарева сейчас в хорошей спортивной форме. Нога у Еркиной поправилась (у нее было повреждение связок при парашютном прыжке), и она почти ни в чем не отстает от своих подруг. Кто из них полетит первой? Этого не могу сказать даже я, но наиболее вероятными кандидатами будут,

по-видимому, Пономарева, Соловьева и Терешкова. Вчера вместе с Никитиным беседовали с ними о продолжительности предстоящего женского полета. Все они считают, что полет должен быть многосуточным («Почему мы должны отставать от ребят?»)…

Только что (около 13:00) вернулся со второй площадки. Из-за неполадок с антенными устройствами АМС стыковка станции с носителем еще не начиналась. Таким образом, вывоз на старт задерживается как минимум на 12 часов. Если не произойдет других длительных задержек, то пуск может состояться в намеченное время — 25 августа в 8 часов.

С 10 до 12 часов девушки в МИКе изучали носитель и знакомились с устройством автоматической межпланетной станции. Все на 2-й площадке проявляют к ним повышенный интерес. В один из перерывов между занятиями с ними побеседовал Келдыш. Беседовал он неумело, робко и стеснялся больше, чем девушки; приходилось очень часто ему помогать. Всем хорош у нас президент Академии наук, но он еще долго не будет «походить» на президента. После занятий в МИКе девушки поехали изучать стартовое оборудование. Здесь занятия с ними проводит инженер Хлебников, со старта они поедут на измерительный пункт. Для руководства их занятиями я оставил полковника Никитина.

Вчера вечером, после того как я ушел спать, с космонавтками беседовал Леонид Васильевич Смирнов. Он сказал, что первый космический полет женщины, продолжительностью до 3 суток, возможен в конце октября этого года. Кроме того, Смирнов пообещал, что он и Королев поддержат ходатайство о постройке в 1963 году еще пяти «Востоков». Я считаю, что полет женщины в конце 1962 года возможен, но, учитывая результаты полетов Николаева и Поповича, было бы правильнее перенести его на март-апрель 1963 года и выполнить совместно с мужчинами на 2–3 кораблях, продолжительностью до трех суток для женщины и до 7–8 суток для мужчин. По моим наблюдениям за эти два дня и с учетом того, что я знаю о космонавтках с февраля этого года, наиболее вероятными кандидатами для полета будут Пономарева, Терешкова и Соловьева. Кузнецова наиболее впечатлительная из всей пятерки, ее характер еще не установился. Еркина недооценивает режим питания: ест много пирожных и шоколада, чаще, чем это необходимо, пьет воду; ее нога

после травмы еще недостаточно окрепла. По возвращении в Москву необходимо будет как можно быстрее «пропустить» их через полеты на невесомость и тренировки на центрифуге. По результатам этих испытаний отобрать трех из пяти и только с ними вести специальную подготовку к полету.

…Четыре часа полного отдыха — и это в рабочий день! — такого у меня еще не бывало. После обеда я целый час купался в Сырдарье. Река за последние десять дней еще больше обмелела, но прохладная вода в сравнении с раскаленным воздухом доставляет огромное удовольствие. Сейчас у меня остается часа два свободного времени, хочется записать некоторые мысли о наших перспективах в освоении космоса.

Полет Николаева и Поповича опять резко увеличил разрыв между СССР и США в нашу пользу — это признают даже сами американцы. Но что мы должны делать дальше? Сейчас мы готовим пуски двух АМС на Венеру: первая станция должна сесть на планету, а вторая — облететь ее, сфотографировать и вернуться к Земле. В октябре мы будем производить пуски и в сторону Марса, но пока не ясно, когда состоятся новые полеты космонавтов. Для пилотируемых полетов у нас осталось только два «Востока». Новый корабль «Союз», над которым работает Королев, в 1963 году едва ли будет летать, хотя Королев и обещает, что первый беспилотный «Союз» полетит в мае 1963 года. Полеты космонавтов принесли нашей Родине небывалый триумф, а пуски на Марс и Венеру остались почти незамеченными, хотя каждый из них стоил значительно дороже. К тому же пуски на Марс и Венеру не имеют никакого военного значения. Учитывая все это, было бы целесообразно все наши усилия сосредоточить на дальнейшем развитии пилотируемых полетов, на создании орбитальных станций и освоении Луны.

Я пробовал говорить на эту тему со Смирновым и Келдышем, они оба, как мне показалось, правильно мыслят, но их сковывает багаж ранее принятых планов и одобренных предложений. Они осторожно высказывают свои соображения, но я доволен уже тем, что Королев, Смирнов и Келдыш согласились с точкой зрения ВВС о необходимости построить еще несколько кораблей «Восток». Главный наш противник в этом деле — министр обороны маршал Малиновский. Переубедить его — дело трудное. Перед вылетом из Москвы я узнал, что маршал

Гречко вернул наш заказ на строительство десяти «Востоков» с резолюцией «Отложить». Оба маршала тормозят развитие космонавтики, они уверены в своей правоте. Их высокие воинские звания и военная бюрократия мешают близкому общению с ними и лишают нас возможности воздействовать на них. Руднев, Смирнов, Келдыш и Королев лучше понимают военное значение космоса, чем наши самые высокие военные руководители. Обидно за них. По возвращении в Москву нужно будет подготовить письмо Хрущеву за подписью космонавтов. Может быть этот шаг хоть немного расшевелит Генштаб и нашего министра.

24 августа.

7:50 утра, только что закончил физзарядку и искупался в Сырдарье. Кроме меня купающихся не было, только космонавтки, когда я уходил, встретились мне — они дружной стайкой тоже бежали купаться.

Вчера начальник политотдела полигона полковник Пахомов рассказал мне об очень тяжелых жилищных условиях офицеров. Даже здесь, на десятой площадке «столица» полигона — многие бесквартирные офицеры живут без семей в общежитии. А офицеры боевого ракетного полка более года размещены в палатках, многие из них по 3–5 лет живут в отрыве от семей. Когда 8 офицеров самовольно уехали к семьям, их решили судить судом офицерской чести. На суде ни один офицер не выступил против «дезертиров». Со строительством жилья очень плохо, а Бирюзов, когда приезжал сюда, снял всех рабочих со строительства жилых домов и направил их на объекты. Большое начальство выслуживается за счет подчиненных; вместо того, чтобы доложить о нетерпимых в мирное время условиях жизни военнослужащих, Бирюзов, как и раньше, «втирает очки» министру обороны и правительству…

До обеда был на второй площадке. Ракета уже на старте, подготовка к пуску идет нормально. Капитан Калинин провел полуторачасовые занятия с девушками по баллистическим расчетам полета на Венеру. Привожу наиболее интересные данные этих расчетов. Лучшее время пуска — 20 августа 1962 года плюс-минус месяц, после 7 сентября пуск уже нецелесообразен. Полет до Венеры при пуске в указанное время будет продолжаться от 90 до 120 суток. При пуске 25 августа полет будет продолжаться 109 суток. Для

штатной ракеты «семерки» — подготовлена более мощная третья ступень и совершенно новая четвертая ступень. Ракета-носитель для пусков АМС в общей сложности длиннее на 7 метров, чем при пуске «Востоков». Третья ступень выводит четвертую ступень и АМС на орбиту вокруг Земли; над Средиземным морем включается четвертая ступень, которая разгоняет АМС до 2-й космической скорости с направлением полета на Венеру. В период между 30–70 сутками полета на борт АМС будет выдана команда для включения корректирующего движка (при полете на Венеру проводится одна коррекция, а на Марс — две). После коррекции АМС продолжает полет прямо к Венере со скоростью 8 километров в секунду. При подходе к атмосфере планеты скорость АМС будет около 2 километров в секунду. Спускаемый аппарат должен привенериться на парашютах. Наземный комплекс связи в Евпатории и Симферополе располагает сантиметровой, дециметровой и метровой радиоаппаратурой. Дальняя связь будет осуществляться на дециметровых узконаправленных волнах (необходима высокая точность ориентировки АМС и определения ее местонахождения). Расчетная дальность наземной и бортовой дециметровой радиоаппаратуры — 5оо миллионов километров. В момент встречи АМС с Венерой ее удаление от Земли будет достигать 64 миллионов километров. На борту станции имеется оборудование, которое может сообщить на Землю данные о составе, давлении и температуре атмосферы Венеры. Радиосвязь возможна и после спуска АМС на поверхность Венеры. При входе АМС в атмосферу Венеры и при спуске перегрузки могут достигать 400 единиц — вся аппаратура рассчитана на такие перегрузки. В целях экономии энергии на борту сеансы связи с АМС будут редкими. Первый сеанс связи через 10 часов после старта, а все последующие через 5-10 суток.

С 11 до 12 часов занятия с космонавтками проводил Раушенбах, он рассказал им об основных принципах схемы ручного управления ориентацией корабля и подробно разобрал метод форсированного управления, при котором полный оборот корабля совершается за 12 минут, а также метод, основанный на использовании остаточных угловых скоростей (полный оборот — за два часа). С 12 до 13 часов мы побывали на старте, где я ознакомил девушек со схемой аварийного катапультирования космонавта на старте, рассказал о порядке работы

космонавта после его посадки в корабль и о правилах ведения радиосвязи. Я показал им маленькую бетонную будку в 7–8 метрах от ракеты, из которой я и Королев вели все предстартовые переговоры с Гагариным, Николаевым и Поповичем.

25 августа.

6 часов утра, взошло красно-багровое солнце, дует сильный ветер. До пуска остается менее двух часов. Еду на ИП(измерительный пункт — Ред.), оттуда будет интереснее наблюдать полет ракеты.

Сегодня ночью состоялось заседание Госкомиссии — это первое заседание и первый пуск в отсутствии С. П. Королева. После приема в Кремле он серьезно заболел, и в воскресенье его увезли в больницу. До этого, еще в Куйбышеве, а затем и в Москве, он жаловался на сердце и желудок. Врачи уверяют, что ничего опасного пока нет и через 2–3 недели Сергей Павлович вернется на работу. Будем надеяться на лучший исход, а пока что приходится обходиться без него. На заседании Госкомиссии рассматривались вопросы готовности ракеты, АМС и всех служб обеспечения. Все доложили коротко: «К полету все готово, сомнений в исправности систем и их надежной работе нет».

7:00 по местному времени, до пуска осталось еще 56 минут. Я нахожусь на ИПе; сегодня у меня нет конкретных обязанностей по пуску, после подписания полетного задания я просто наблюдатель. Несколько последних пусков я находился в бункере, но оттуда ничего не видно…

7:45 по московскому времени, борт самолета Ил-14. Только что взлетели и взяли курс на Москву. На борту самолета 15 пассажиров: пять космонавток, двое Никитиных, семь офицеров и служащих полигона.

С веранды ИПа старт и ракета были видны как на ладони. На веранде собралось человек 40: главные конструкторы, члены Госкомиссии, руководство и офицеры полигона, космонавтки. Утро солнечное, но прохладное, а девушки довольно легко одеты. Врач Никитин уговаривает их сойти вниз — там теплее, но видно хуже. Они жмутся друг к другу от холода и все же остаются наверху. Я уже десятки раз наблюдал пуски ракет. Эта ракета значительно тяжелее обычной Р-7, но она, как и штатная «семерка», очень плавно отделяется от старта, постепенно набирает скорость и склоняется на курс полета. Через две минуты уже не видно языков пламени, только

узкий инверсионный след некоторое время держится там, где скрылась ракета.

Через 15 минут получили данные о выходе АМС и четвертой ступени на орбиту вокруг Земли. Итак, тяжелый спутник (7 тонн) на орбите, через полтора часа узнаем, как сработает четвертая ступень. От этого теперь зависит, пойдет ли АМС к Венере или останется на несколько дней спутником Земли. Нам нечего уже больше ждать, договорившись о дальнейших работах с Леонидом Васильевичем Смирновым, я сажусь в «Волгу» и отправляюсь на аэродром. Очень хорошо, что пуск прошел отлично и что его наблюдали девушки. Теперь у них будет больше уверенности в надежности и точности пусков ракет.

В Уральске, где мы садились для дозаправки, я узнал о вылете Ан-10 с «Зари» в Крым — это значит, что четвертая ступень сработала нормально и АМС уже пошла на Венеру. Сообщения ТАСС о пуске еще нет, оно будет вечером, после первого сеанса связи с АМС.

26 августа. Дача «Заборье».

Оленька очень радовалась моему возвращению и все говорила: «Зачем ты так много летаешь, ты больше не улетай». Вчера в Москве весь день шел дождь, но к нашему прилету погода несколько улучшилась, появились разрывы в тучах. С воздуха было видно, что все окрестности Москвы обильно залиты водой. Лето 1962 года — самое дождливое на моей памяти, а может быть и за последнюю сотню лет. Ночью опять прошел сильнейший грозовой дождь. Утром мы с Оленькой надели резиновые сапоги и ходили гулять на пруд и в лес; собирали грибы, но их очень мало — нет даже шампиньонов, которых обычно в это время так много на лужайке перед дачей.

Вчера и сегодня я все ждал сообщения ТАСС о запуске АМС на Венеру, но его так и не было. По-видимому, с АМС нет связи, а может быть плохо сработала четвертая ступень. Завтра я узнаю все подробности. Но уже и теперь ясно, что запуск в целом неудачен, хотя отличные результаты вывода на орбиту вокруг Земли тяжелого спутника массой 7 тонн — это все-таки шаг вперед. Правда, такой результат мы уже дважды имели в 1960 году.

27 августа. Москва.

Звонил генералу Карасю. Он сообщил, что с АМС, летящей на Венеру, есть телевизионная связь, но нет радиосвязи. Сообщения

ТАСС пока нет, и неясно, будет ли оно вообще. Только что звонил Воскресенский (заместитель Королева по пускам), он болен гипертонией и не присутствовал при стартах Николаева и Поповича, просил передать им привет и просьбу навестить его.

Иосип Броз Тито прислал приглашение всей четверке космонавтов посетить Югославию. Решили послать только Титова. 5 сентября 1962 года Гагарин вылетает в Данию. Других заграничных поездок космонавтов в ближайшее время не планируется. Алексеев сообщил, что три скафандра (для Терешковой, Пономаревой и Соловьевой) он изготовит только к ноябрю этого года. Таким образом, полет женщины в октябре совершенно не реален. Сейчас ЦПК и весь мой аппарат заняты отработкой их докладов и обработкой результатов первого группового полета. Состоялось решение Генштаба об увеличении численности Центра на 145 человек, кроме того, дали еще 89 единиц на организацию эскадрильи для летной и парашютной подготовки космонавтов. В ближайшие дни нужно будет поработать над штатами Центра и уточнением программы подготовки женщин-космонавтов.

28 августа.

Окончательно выяснил, что АМС не ушла к Венере, а осталась на земной орбите; четвертая ступень не сработала, радиосвязи со станцией нет. 27 июля американцы запустили к Венере АМС «Маринер-2» массой менее 200 килограммов. Ракета при пуске отклонилась от заданного курса, в результате чего АМС пройдет не в 10 тысячах километров от Венеры, а на расстоянии 600 тысяч километров. По сообщениям печати, американцы попытаются скорректировать полет «Маринера-2»: это намек на то, что у них есть двигатели для коррекции курса.

Вчера весь день занимался бумагами, совещаниями и отбивался от корреспондентов и организаций, желающих «заполучить» хотя бы одного космонавта. Убедил Руденко никого не посылать на полигон для участия в пусках на Венеру. Звонил Ивановский (от Устинова) и убедительно просил не добиваться заказа на строительство «Востоков», уверяя, что это минимум на год затормозит готовность «Союза». Маршал Гречко, как я уже писал, также отказался ходатайствовать за нас в этом деле. Сопротивление заказу «Востоков» очень сильное, но все равно нужно ломать это сопротивление, иначе

мы рискуем в 1963–1964 годах вообще не иметь полетов космонавтов. Ивановский подтвердил, что женских скафандров раньше конца 1962 года не будет. Пуск двух «Востоков» наиболее вероятен в марте-апреле 1963 года.

Телефоны трещат непрерывно и мешают работать. Хотелось бы сказать пару «теплых слов» и положить трубку, но надо соблюдать вежливость и тысячу раз объяснять, что космонавты очень заняты и не могут удовлетворить и сотой доли заявок на встречи с ними. ТАСС, «Правда», «Известия», «Труд», «Красная звезда», «Огонек», «Крокодил», «Комсомольская правда» и десятки других газет и журналов — все хотят хоть строчку получить от Николаева и Поповича. Сотни организаций хотят видеть у себя космонавтов. ЦК и МИД, Союз обществ дружбы с зарубежными странами и АПН добиваются возможности организовать встречи и приемы с участием «небесных братьев». Я и мои помощники всем даем один ответ: «До 1 сентября они будут в госпитале, с 1 по 6 сентября у них запланированы поездки на родину (Попович — в Киев и Узин, Николаев — в Чебоксары и село Шершеры); а потом на месяц они едут на курорт». Такой ответ никого не устраивает, и кто может, тот жмет на нас через ЦК и маршалов, но мы упорно сопротивляемся и отстаиваем интересы космонавтов — больше заниматься своим делом и поменьше отрываться на встречи, приемы и т. д.

29 августа.

Был у меня генерал-майор авиации Костюк Михаил Николаевич. Он вернулся из США, где несколько лет работал авиационным атташе. Когда мы с Титовым в мае этого года летали и ездили по Америке, нашим постоянным спутником и хорошим гидом был Михаил Николаевич. У меня возникла мысль предложить ему должность начальника Центра подготовки космонавтов. Костюк завтра уезжает на курорт, он обещал обдумать мое предложение и по возвращении дать ответ. Предложение его явно заинтересовало. Но он получает 340 рублей и специальные надбавки — всего 400 рублей, а мы можем ему предложить не больше 240 рублей и штатную категорию генерал-майора, но он хотел бы иметь перспективу получения очередного воинского звания. Костюк очень подходящий кандидат для роли начальника ЦПК, но едва ли Главком сумеет уломать Генштаб и

министра сохранить ему оклад и дать штатную категорию генерал-лейтенанта.

Позвонили от С. П. Королева и передали, что он хотел бы сегодня в 17 часов встретиться с Гагариным, Титовым, Николаевым и Поповичем. Дал задание Карпову собрать всю четверку и навестить Сергея Павловича в больнице.

30 августа.

Вчера звонил генерал-майор авиации Молотков — первый заместитель начальника ГКНИИ ВВС. Он просил иметь в виду его кандидатуру на должность начальника ЦПК ВВС. Молотков толковый генерал, он еще сравнительно молод (ему чуть больше 40), и его кандидатура, пожалуй, одна из наиболее подходящих. Беседовал с генералом Гореглядом, очень серьезно предупредил его об имевших место случаях выпивки в заграничных командировках и в Куйбышеве. Его поведение в Куйбышеве заметили Смирнов и Мурысев, да и я сам был свидетелем его сильного опьянения.

В воскресенье Попович полетит в Киев, а Николаев — в Чебоксары; надо будет завтра выкроить часа два и хорошо подготовить их к предстоящим поездкам и выступлениям. Вчера вся четверка героев-космонавтов посетила Сергея Павловича Королева. Он лежит в Кремлевской больнице на улице Грановского. Состояние здоровья у Сергея Павловича неважное, и раньше, чем через два месяца, едва ли он сможет выйти на работу. Как рассказали ребята, Королев интересовался планами ВВС по заказам «Востоков» и проектами заданий на очередные космические полеты. Он рекомендовал принять «Востоки» на вооружение ВВС, заказать их целую серию и начать силами ВВС регулярные учебные и исследовательские полеты в космос. Королев тысячу раз прав. Я уже год тому назад говорил Вершинину и Малиновскому о необходимости создания в ВВС учебных космических эскадр и оснащения их техникой. По возвращении Главкома из отпуска (3 сентября) попробую еще раз «подогреть» его на активную борьбу за более целеустремленное освоение космоса. Десятки наших официальных предложений в этом направлении пропадают, как в бездонной яме, в недрах канцелярии министра. Я еще лишний раз убедился, что без личного вмешательства Хрущева в космические дела, едва ли будет возможно повести их в желательном для нас направлении, а именно: сконцентрировать

управление и сосредоточить все силы и средства на главном — освоении космоса человеком, осуществлении пилотируемых полетов на Луну, создании орбитальных станций. Многие из наших высоких руководителей забывают, что достижения в космосе это — успехи в науке, технике, обороне и потому это — самая большая политика.

Сегодня побывал в издательстве «Молодая гвардия», беседовал с редактором моей книги «Первый гражданин Вселенной» Г. Я. Короткевичем. Замечаний по книге немного, и я обещал рассмотреть их до 3 сентября. Я не в восторге от книги, ее можно было бы написать более интересно и красочно. У меня множество различных материалов, но нет времени для работы над ними, нет времени даже перечитать наспех написанные строчки. Редакция торопит, намереваясь выпустить книгу в сентябре.

31 августа.

Кончается август, кончается лето — можно сказать, что для Москвы в 1962 году оно и не начиналось: непрерывные дожди, ни одного жаркого дня. Вот и сегодня идет дождь…

Вчера, в конце рабочего дня, у меня был Гагарин и еще раз подробно рассказал о встрече в больнице с Сергеем Павловичем. Королев уверял, что если ВВС примут «Востоки» на вооружение и сами будут проводить их пуски, то он поддержит наше ходатайство о заказе на 1963 год еще 10 «Востоков». Он советовал ребятам решать эти вопросы не через Малиновского, а прямо обращаться к Хрущеву. Королев так же, как и я, не верит, что Вершинин, Гречко, Захаров и Малиновский способны отрешиться от присущей им недооценки космоса и по-настоящему взяться за его военное освоение. Вершинин многое понимает правильно, но он после неоднократных «избиений» не может идти в бой против заскорузлости начальника Генштаба и министра обороны. Я бы мог попытаться «повоевать» против застоя мысли в военной верхушке, но мне не хочется подводить Вершинина — он твердо верит, что я не буду «бунтовать».

1 сентября.

Беседовал вчера с Германом Титовым об учебе в академии и работе в Центре, о его поведении и о предстоящей поездке в Югославию. При встречах со мной Герман обычно высказывает неплохие мысли и признает свои ошибки, но, к сожалению, я слишком хорошо знаю, что он быстро забывает свои обещания и часто делает

противоположное тому, о чем сам недавно говорил. В этот раз Герман сказал: «Меня неправильно поняли, я за учебу в академии, только я хотел бы поменьше отрываться от учебы». Целый год руководители Центра твердили: «Титов не хочет учиться в академии», и он действительно не учился. Поговорили мы и о его планах на отпуск. Сначала Герман высказал пожелание вместо поездки на курорт поехать на юг на автомашине, но потом дал согласие вместе с Тамарой поехать в Форос. Такое быстрое изменение решения, по-видимому, объясняется стремлением Титова не быть на отдыхе в одном месте с Гагариными. Сперва Герман не захотел поехать вместе с ними в Гурзуф, мотивируя свой отказ желанием попутешествовать на машине; но когда узнал, что может состояться поездка группы космонавтов в Форос и что в ней не будет Гагариных, он легко отказался от своего первоначального намерения.

Несколько позже в моем кабинете собралась вся четверка летавших космонавтов. Николаев и Попович приехали прямо из госпиталя; они только что закончили пятидневное медицинское обследование. Никаких отклонений в состоянии их здоровья не обнаружено. После того, как мы договорились по всем организационным вопросам, я в присутствии всей четверки доложил о них маршалу Руденко. Все уже отданные мной распоряжения по организации и срокам предстоящих заграничных и внутренних поездок маршал утвердил.

Вернулся из отпуска Вершинин. Сейчас в его кабинете уже больше часа сидят Рытов и Руденко. Один вернулся из отпуска, другой уходит в отпуск передают дела. Руденко собирается 8 сентября уехать на Кавказ. С удовольствием пожелаю ему попутного ветра, в надежде, что Вершинин в его отсутствие будет меньше говорить и больше делать. За прошедший месяц я изрядно устал от словоизлияний Руденко — они, как правило, не помогают, а мешают делу.

Вчера и сегодня генерал Холодков настойчиво доказывал мне необходимость объединения его организации с Центром подготовки космонавтов. Это предложение в принципе правильное: нужно всю космонавтику объединять под одним руководством, но органически связывать Центр подготовки космонавтов и Центр по разработке и заказам космической техники едва ли целесообразно. Я понимаю Холодкова, ему крайне трудно работать под руководством Пономарева,

и уход из-под его начала был бы полезным для дела и приятным для большинства офицеров части Холодкова, не говоря уже о нем самом. Холодков юридически мне не подчинен, но контакты у нас с ним значительно крепче, чем между ним и его непосредственным начальником генерал-полковником Пономаревым.

3 сентября.

Мои орлы разлетелись по родным местам: Гагарин — в Гжатск, Попович — в Узин, а Николаев — в Чебоксары.

Вчера я весь день провел на даче. Ласковое солнце пыталось загладить предыдущие неприятности с дождями. Часов в 15 снова прошел короткий, но очень сильный дождь, наливший воды больше, чем за целый день моросящий дождь. Начал разбирать сплошной деревянный забор, отделяющий наш дачный участок от участка генерала Лешукова, он служил в годы войны главным инженером моего авиакорпуса. «Это первый шаг генералов в коммунизм», сказал я, шутя, Григорию Петровичу. После того, как я разобрал часть забора, все с удовольствием убедились, что виды с обеих сторон стали красивее, а соседи — ближе друг к другу.

Приходил вчера к нам на дачу Саша Магид (бывший правдист, писатель, ему в декабре этого года исполнится уже 60 лет). Как всегда, он уморил меня потоком «новостей» и самолюбованием. В одном ему можно позавидовать — он очень энергичен, много пишет и много разъезжает по стране.

Сегодня заходил генерал-лейтенант С. Ф. Ушаков, он сейчас временно на должности начальника Главного штаба ВВС. Ушаков просил, чтобы я и Титов завтра были на завтраке, который он дает в честь нового авиационного атташе США в СССР. Эта церемония вызвана тем, что приехавший в США вместо генерала Костюка наш новый авиационный атташе был неожиданно принят начальником штаба ВВС США. Генштаб решил не отставать от американцев и приказал такой же прием оказать их представителю.

Генерал А. Г. Карась сообщил по телефону, что вторая наша попытка запустить АМС на Венеру также закончилась неудачей. Первые три ступени, как и при пуске 25 августа, сработали отлично и вывели четвертую ступень с АМС на околоземную орбиту; но четвертая ступень вновь не сработала, и АМС на несколько дней останется спутником Земли. Итак, две ракеты из трех,

предназначенных для пусков на Венеру, не выполнили задания. Мало надежд на отличный результат и при третьем пуске. Я не хочу злорадствовать; неудача Родины — это и моя неудача. Но нельзя не видеть, что эти неудачи закономерны. Я был прав, когда предлагал не увлекаться Марсом и Венерой, а осваивать глубже то, что по плечу современному состоянию нашей космической техники. Путь к планетам лежит через Луну и орбитальные станции. Все попытки стартовать к планетам прямо с Земли в ближайшие 5-1О лет не принесут большого успеха, да и в более далеком будущем успех таких стартов проблематичен. Американцы уже кричат на весь мир о советских неудачных запусках АМС на Венеру: «Наши радары в Турции засекли гигантскую советскую ракету, развалившуюся в космосе на три части, обломки которой сейчас носятся вокруг Земли». В этом сообщении есть доля правды: третья и четвертая ступени действительно при выходе на орбиту разделились; правда и то, что четвертая ступень не смогла послать АМС по направлению к Венере и станция осталась на околоземной орбите. В обоих пусках АМС есть и большая удача — вывод на орбиту спутника весом более семи тонн, и большой провал — отказ четвертой ступени и средств связи. Наша излишняя засекреченность пусков сейчас бьет по нас. В обоих случаях можно было бы сообщить о выводе на орбиту семитонных спутников в экспериментальных целях.

4 сентября.

Вчера в конце рабочего дня был у Вершинина. Мы понимаем друг друга с полуслова. Вот и на этот раз Главком легко согласился с моими предложениями по заказу «Востоков», одобрил проекты новых штатов, кандидатуру генерала Костюка на должность начальника ЦПК и другие организационные мероприятия.

Утром был Гагарин, говорили с ним о его поездке в Данию и последующей поездке всей семьей в Гурзуф. Несколько позже забежал Титов, подробно обсудил с ним предложения космонавтов о том, что в организации занятий в предстартовые дни нужно предоставить больше инициативы командирам космических кораблей.

Днем в кабинете генерал-полковника Брайко принимали нового американского авиационного атташе полковника Скотта. Перед самым приемом Главком внезапно почувствовал себя плохо, и к нему срочно вызвали врачей. Это первый случай резкого ухудшения самочувствия

Вершинина. Я не хочу быть пророком, но маршал много не проработает, а его уход от дел — это плохая перспектива и для ВВС, и для меня лично. Вершинин работает на износ. Он совершенно не жалеет себя, и я бы сказал, слишком варварски относится к своему здоровью. Много сил отдает работе, курит, пьет и все очень близко принимает к сердцу. Кандидат в Главкомы ВВС — маршал Руденко — совершенно другой человек. Он очень много заботится о своей персоне, излишне болтлив и редко делает что-либо полезное. Зато он большой мастер поучать, тут он, как говорится, «собаку съел». Генерал Ушаков мне прямо заявил: «Если бы мне предложили должность начальника Главного штаба при Руденко, я отказался бы категорически». Руденко, Брайко, Пономарев и Кутасин — это очень тяжелые люди, их в ВВС никто не любит и не уважает.

Звонил генерал Керимов. Он, Смирнов, Келдыш и другие члены Госкомиссии прилетели в Москву с полигона. Два дня они будут разбираться со специалистами в причинах двух наших «венерических» неудач и выработают план наилучшего обеспечения третьего пуска на Венеру, который должен состояться на днях.

5 сентября.

Заявок на выступления космонавтов и встречи с ними так много, что мы уже привыкли не принимать их всерьез. Из-за этого вчера получилось большое недоразумение. Генерал Горегляд обещал парткому аппарата Совета Министров СССР организовать 10 сентября встречу с Николаевым и Поповичем и забыл доложить мне об этом. Я, не зная о данном им обещании, отказал в организации встречи. О моем отказе было доложено в ЦК КПСС, после чего на нас крепко нажали и обязали провести встречу.

Два раза был у Главкома. Уговорил его подписать письмо Малиновскому и Устинову о заказе на 1963 год 10 «Востоков». Прежде чем представить на подпись документ, я пытался убедить Вершинина в необходимости его личной встречи с министром, чтобы доказать настоятельную необходимость заказа кораблей. Главком ответил: «Я имею в виду сделать это во время учений на Дальнем Востоке, куда я и министр вылетаем 10 сентября. На эти разговоры потребуется несколько заходов. Ты не знаешь министра: когда он занят, из него слова не вытянешь, а когда свободен — все время играет в шахматы. Трудный человек наш министр». Я сказал, что с удовольствием

поставил бы несколько матов министру. «И не обобрался бы неприятностей; он очень злится, когда проигрывает», — заключил Главком.

Вершинин сказал, что сам он никогда не играл ни в шахматы, ни в преферанс. Когда в 1921 году он был командиром маршевой роты, а взводными командирами были бывшие офицеры — люди с образованием и жизненным опытом, он был однажды приглашен сыграть с ними вечерком в преферанс. Не зная, что такое преферанс, Вершинин дал им уклончивый ответ. А после того, как от ротного писаря узнал, что преферанс — это карточная игра, категорически отказался от приглашения и вот уже более 40 лет не пытался освоить эту игру.

Горький осадок остался у меня на душе от этого разговора. Неприятно было сознавать, что «старческая военная верхушка» уже давно выдохлась; она не способна на серьезную борьбу за интересы дела, а приспосабливается к обстоятельствам и мнениям начальства.

6 сентября.

Утром получил письмо от брата Александра, надолго испортившее мне настроение. Брат пишет, что маме (она уже больше двух лет лежит без движения) нужно создать уют, а еще лучше забрать ее в Москву. Я давно и не раз просил маму переехать ко мне в Москву, но она всегда отвечала: «Где прожила жизнь, там и умру». В положении больной ее мнение, возможно, изменилось, особенно под влиянием разговоров Александра. Если удастся найти женщину, которая за большую плату согласится жить на даче и ухаживать за мамой, я с радостью заберу ее к себе. Если она захочет ко мне поехать, то, как только удастся найти домашнюю работницу, я перевезу маму в Москву. Вопрос о переезде можно решить только в Меленках после переговоров с мамой, сестрой Марусей и братом Александром. Нужно будет на днях выбраться в Меленки.

Сегодня Военный совет ВВС рассматривал вопрос о кадровых перемещениях. Маршал Красовский (65 лет), генерал-полковник Волков (62 года), генерал-лейтенант Бондаренко и другие «старички» остались на своих должностях, а офицеры в возрасте 4О-45 лет увольняются из-за отсутствия вакансий. Вершинину 63 года, Агальцову — 64, Брайко — 60, Гудкову — 61; у них руки не

подымаются на своих сверстников, но они легко расправляются с «молодежью».

Звонили из нового Дворца пионеров, просили принять делегацию пионеров для вручения мне как «большому другу космонавтов» официального приглашения на открытие Дворца 9 сентября. Им, конечно, нужны космонавты, а не я, но сказать об этом прямо посчитали неудобным.

Были сегодня у меня генералы Грядунов и Молотков. Первый просил помочь устроиться в ГВФ, а второй — в Центр подготовки космонавтов. Первому помочь невозможно (55 лет, в отставке, больной, пострадал в автокатастрофе); за второго есть смысл повоевать с маршалом Руденко — он настроен категорически против кандидатуры Молоткова.

8 сентября.

Маршал Руденко более двух часов знакомил меня вчера с проектом реорганизации Института авиационной и космической медицины. Проект составили генералы Бабийчук и Мишук. Смысл реорганизации сводится к тому, чтобы вместо двух управлений (авиационной медицины и космической медицины) создать четыре-пять комплексных направлений, в которых одновременно работали бы специалисты как авиационной, так и космической медицины. Основной принцип не отделять космическую медицину от авиационной, а еще плотнее их соединить. Маршал добивался одобрения мной этого проекта. Я не спешил с одобрением и сказал, что успех дела будет зависеть не столько от реорганизации, сколько от людей, которых мы поставим во главе института. Я дал ему понять, что едва ли разумно убирать из института сразу Волынкина, Яздовского, Генина, Денисова и еще десяток других специалистов. Я сказал маршалу: «В ближайшие 5 лет ведущими фигурами в космонавтике будут Королев и Келдыш, а они поддерживают Яздовского. Мы не должны из-за Яздовского портить наши отношения с Королевым, Келдышем и Смирновым. Яздовского можно «обломать» и заставить хорошо работать на ВВС. Яздовскому нужно дать генеральские лампасы и должность заместителя начальника института по науке, и он будет работать лучше и успешнее, чем любой другой кандидат». Маршал серьезно задумался над моими предложениями и обещал посоветоваться с Вершининым.

Вчера Николаев вернулся из Чебоксар, а Попович — из Киева. Сегодня они оба были у меня и у Главкома, с удовольствием рассказывали о теплых встречах с земляками. Вершинин обнял и расцеловал ребят, очень разволновался, плакал и долго не мог начать говорить: «Весь мир взволновали ваши полеты. Я был в отпуске в Румынии, но внимательно читал сообщения ТАСС, слушал радио и поддерживал связь с Москвой. В дни вашего полета все люди Земли жили надеждами на успех вашего дерзкого и длительного проникновения в глубины Вселенной». Ребята вручили Главному маршалу свои фото, на которых они во время космического полета написали Главкому теплые приветствия.

После приема у Вершинина мы договорились о плане работ до 15 сентября и около часа готовились к выступлениям на встрече с офицерами Московского гарнизона в театре Советской Армии. Встречу открыл генерал армии Епишев. Я рассказал о значении первого группового космического полета, а Николаев и Попович поделились своими впечатлениями о полете. Вечер прошел хорошо, было очень много записок с вопросами. Николаев говорил спокойно, отвечал на вопросы правильно, но суховато. Попович выступал лучше и, главное, живее. Оба выступали без конспектов.

Сегодня бешеный день: сотни звонков, десятки людей и даже три делегации — всем нужны космонавты. Более часа беседовал с Яздовским. Он обещал не идти в лобовую атаку против Руденко и попридержать своих подчиненных.

10 сентября.

Сегодня вечером Николаев и Попович выступят перед сотрудниками аппарата Совета Министров в Кремлевском театре, а затем поедут к А. И. Аджубею. Несмотря на настоятельные приглашения, я с ними не смогу поехать. Ночью мне придется выехать в Меленки и попытаться договориться с Марусей и Александром об уходе за мамой.

11 сентября. Меленки. Я приехал в Меленки поездом, никого не предупредив о приезде, так что мое пребывание в городе остается незамеченным…

…Поезд вышел из Москвы в 22:35 10 сентября, а в 3:37 11 сентября я был уже на станции Бутылицы. 4О лет тому назад я впервые в жизни увидел на этой станции «живые» вагоны и паровозы.

Бутылицы стали больше, вместо тусклых керосиновых фонарей много электрического света, есть радио, но культура людей, служб и помещений, пожалуй, даже хуже, чем 40 лет назад. От Бутылиц до Меленок проложена узкоколейка, ее построили в конце тридцатых годов с моей помощью (ездил к Кагановичу и выпросил средства на строительство и рельсы). Меленковский поезд состоит из трех небольших, но чистеньких пассажирских вагончиков. Из Бутылиц поезд вышел почти пустым, но в Вероунже и Злобине в вагоны набилось несколько десятков крестьянских девушек, едущих в Меленки на текстильную фабрику. Сорок лет назад город Меленки на западе кончался фабричным забором, за ним были поля и недалекий Брантовский лес. Постепенно лес вырубили, и он отступил дальше на запад, а пространство между ним и фабрикой полностью застроили. Было пять часов утра; с реки Унжи поднимался реденький туман. Я с удовольствием прошелся по асфальтированному тротуару (раньше был деревянный), постоял над рекой на фабричном мосту. Тысячи воспоминаний детства нахлынули на меня…

Мама с апреля 1959 года серьезно больна. Она не может передвигаться, ей уже 84 года, она немного отяжелела, но общее самочувствие у нее хорошее. Я всегда восхищался маминым спокойствием. Она и сейчас держится стоически. У нее крепкие нервы, хорошие аппетит и сон, и только ноги и сердце ослабли. Сегодня утром я с помощью сестры Маруси вывел маму в столовую, и она вместе с нами позавтракала. Сейчас, когда я пишу эти строки, мама прилегла отдохнуть. Для нее сегодня большой день: собрались два сына, дочь, сноха, двое внуков и внучка. Все вместе с мамой обсуждали, как лучше ухаживать за ней, и где она сама хотела бы жить — в Москве, у Маруси или оставаться в своем доме. Мама пожелала никуда не переезжать, мы все согласились с ее желанием. Я предлагал для постоянного ухода за мамой нанять одну или двух женщин. Все, в том числе и мама, высказались против моего предложения решили ничего не менять в сложившейся обстановке. Побывал у Маруси — у нее, как всегда, идеальная чистота. Маруся, ее сын Виктор и я вместе пообедали, я пожурил племянника за то, что он долго (ему уже 34 года) не женится.

Вечером на «Волге» (в Меленках уже пять такси «Волга») я за 40 минут доехал до Мурома (дорога теперь полностью вымощена

булыжником) и в 00:25 выехал на поезде в Москву.

12 сентября. Москва.

Весь день был на работе. Передавал дела генералу Горегляду и готовил Николаева и Поповича к их завтрашнему выступлению с докладами о полете в Научно-техническом комитете Генерального штаба. Как всегда, было много посетителей. Звонили от Королева, просили 13 сентября приехать к нему, а 14 сентября прислать Николаева и Поповича в ОКБ-1.

13 сентября. С 10 до 13:15 проходило заседание НТК Генерального штаба. Николаев докладывал полтора часа, а Попович — 30 минут. Присутствовали генералы и офицеры от всех видов Вооруженных Сил. Николаев и Попович обстоятельно доложили о возможностях космонавта решать военные задачи на корабле «Восток». Выводы, вытекающие из их докладов: человек способен выполнять в космосе все военные задачи, аналогичные задачам авиации (разведка, перехват, удар); корабли «Восток» можно приспособить к разведке, а для перехвата и удара необходимо срочно создавать новые, более совершенные космические корабли.

После совещания в НТК Николаев, Попович, Гагарин и я были приняты начальником Генерального штаба маршалом Захаровым. Кроме Захарова были Иванов С. П. и Алексеев Н. Н., беседа длилась ЗО минут. Захаров задавал глупейшие вопросы о возможностях человека и «Востока» решать военные задачи в космосе. Космонавты пытались убедить его, что настало время по-настоящему заняться космосом в целях обороны страны. По всему чувствовалось, что Захаров не знает и недооценивает космос, но он должен был хотя бы из приличия сказать Алексееву, что НТК необходимо изучить опыт полетов и обсудить возможности создания пилотируемого разведчика. Захаров эаверил нас, что Министерство обороны закажет на 1963 год 4 корабля «Восток».

Через час, возвратясь в штаб ВВС, я лишний раз убедился в непроходимой заскорузлости нашего военного руководства. Гречко, а затем и Малиновский дважды отказались заказывать «Востоки». Вершинин просил заказать 10 «Востоков». НТК Генерального штаба и Захаров, переделав наш документ, просили министра заказать 4 «Востока». Малиновский отказал, заявив буквально следующее: «Корабли «Восток» не имеют военного значения, принимать их на

вооружение и заказывать их мы не будем, пускай этим занимается Военно-промышленная комиссия». История повторяется: ровно 50 лет тому назад примерно так же царские генералы оценивали военное значение самолетов. Малиновский, Гречко и Захаров упускают наши возможности для создания первыми военной космической мощи — я бы даже сказал, абсолютной военной мощи, которая могла бы содействовать утверждению господства коммунизма на Земле.

Сейчас в Москве нет никого из военных руководителей (Малиновского, Епишева, Вершинина, Бирюзова, Руденко), придется после возвращения из отпуска пробивать заказ на строительство космических пилотируемых кораблей в обход Малиновского. Я отдаю себе отчет во всех трудностях этого дела, но нужно будет решительно воевать за него даже против Вершинина (наперекор его осторожности) и Малиновского (против его недальновидности).

14 сентября.

Муся ночевала в Москве. Готовила все к нашему отъезду на курорт. Я с Олей был на даче. С 10 до 12 часов вместе с Боголеповым и Рябчиковым просматривали киноматериалы о Николаеве и Поповиче — материал богатый, но кинокартины еще нет. Предстоит большая работа, нужно кое-какие кадры взять из секретного фильма, который готовит Косенко. Дома весь вечер готовились к отлету в Крым; завтра в 8 часов на Ил-14 вылетаем в Симферополь. Со мной летят Муся и Оля. Гагарин и Попович летят с семьями; Николаев — один, а Карпов — с женой и дочерью.

31 октября.

Главком вчера позвонил и вызвал меня из отпуска. Недогулял я всего три дня, а не три-четыре недели, как это было в 1960 и 1961 годах. Причина вызова: сегодня Президиум ЦК рассматривает вопрос о нескромном поведении космонавтов (Гагарина, Титова, Поповича, Николаева и других), о «плохой» их учебе в академии, о «прилипании» кое-кого из журналистов к славе космонавтов и т. д. Все это по донесениям работника КГБ подполковника Титова. Ни одного нового, неизвестного нам факта в донесениях нет — на все это мы уже реагировали (выговор Герману Титову, предупреждение Павлу Поповичу). Я был готов вместе с Главкомом поехать на заседание Президиума, но позвонил Сербин и сказал, что мне там быть не нужно. Откровенно говоря, это меня обрадовало: мало удовольствия разбирать

кляузы на Президиуме ЦК — я с большой охотой выступил бы там по нашему общему плану освоения космоса, но этот вопрос не стоит на повестке дня. ЦК не находит времени для рассмотрения больших, принципиальных вопросов развития космонавтики и считает уместным обсуждать сомнительные донесения о поведении космонавтов.

Только что просмотрели кинофильм «Небесные братья» о полете Николаева и Поповича. На просмотре присутствовали Вершинин, Руденко, Агальцов, Боголепов, Рябчиков, Гостев и другие. Фильм получил хорошую оценку, и выпускается в свет. Это уже третий фильм о космонавтах, в нем есть, конечно, некоторые повторения и общие места, но сейчас, когда самое интересное в нашей космонавтике строго засекречено, трудно создать что-либо более значимое.

1 ноября.

Вершинин вернулся вчера из ЦК уже после 17 часов и сразу же вызвал меня с партийного собрания. На заседании Президиума Главком не был; пока он проходил в зал заседаний, вопрос уже был решен, точнее снят с обсуждения. Никакого решения о поведении космонавтов не принято. Не отменены и решения ЦК о поездках корреспондентов за границу вместе с космонавтами. Я надеялся, что появится хоть какая-то ясность с порядком организации встреч космонавтов с различными коллективами и иностранцами, но теперь этот вопрос еще больше осложнился. Жалобы на нескромное поведение космонавтов, на длительные их отрывы от учебы есть, а решения, как устранить причины этих недостатков, нет и не будет. Придется мне и дальше регулировать заграничные поездки и выступления космонавтов внутри страны, увязывая все это с их учебой в академии и подготовкой к новым космическим полетам.

За полтора месяца моего отпуска ни один из важнейших вопросов по космосу не решен. Набор новых слушателей-космонавтов, реорганизация ИАКМ, новые штаты ЦПК, заказ «Востоков» и другие вопросы ждут своего решения.

2 ноября.

Сегодня в «Правде» опубликовано письмо Б. И. Россинского. «Дедушка русской авиации» обращается к Н. С. Хрущеву с просьбой принять его в партию.

В 1909 году Россинский совершил трехминутный полет на планере собственной конструкции (перелет через реку Клязьму), затем во Франции он научился летать на самолетах и с 1912 по 1917 год работал летчиком-испытателем на заводе «Дукс». Бесспорно, что он один из старейших летчиков России, но его претензии на особые заслуги перед советской авиацией чрезмерно преувеличены. Россинский в своем письме упоминает и мою фамилию, и фамилии космонавтов и безапелляционно заявляет, что в успехах космонавтики есть доля и его труда. В «Правде» опубликовано решение ЦК КПСС о приеме Россинского в члены партии. Эти два документа закрепят за Россинским почетное место в истории отечественной авиации. На днях я узнал, что другой наш «первооткрыватель», профессор Анощенко, сфотографировался в Крыму с Гагариным и протащил в «Экономической жизни» заметку, смысл которой состоит в том, что Гагарин открыл путь в космос, а Анощенко был одним из первых в освоении атмосферы.

За время работы в ДОСААФ я сотни раз встречался с Россинским и Анощенко и могу утверждать, что они не сделали и сотой доли того, на что претендуют. Оба старика проявляют назойливую заботу о защите своих мнимых заслуг перед авиацией. Оба они имеют одну бесспорную заслугу — они уже 60 лет в авиации и рядом с авиацией. Они многое видели и знают немало интересного из истории авиации; у них много интересных и важных документов — все это можно и нужно использовать, деликатно обойдя субъективное освещение ими событий и фактов.

Хочется написать хоть несколько слов о «победе» Хрущева на Кубе. Большинство генералов молчат об этом событии, а генерал-лейтенант Ушаков прямо заявил, что это очередное отступление. Кубинский кризис показал не мудрость и дальновидность нашей внешней политики, а отсутствие у нас твердой и обдуманной линии в ее проведении (как и по Берлину).

Вчера космический аппарат «Марс-1» вышел на траекторию полета к планете Марс. На сегодня он прошел уже более 250 тысяч километров, вся аппаратура работает хорошо. Будем надеяться, что эта попытка даст нам больше, чем все предыдущие пуски на Марс и Венеру, а их, если мне не изменяет память, было уже не менее девяти.

4 ноября.

Вместе с Гагариным вчера был у Вершинина. Он интересовался делами в ЦПК, настроениями космонавтов, ходом их учебы в академии и другими вопросами. Потом мы с Юрой ездили в Московский городской комитет партии, где Демичев вручал партбилет Россинскому. На этой встрече я познакомился с одним из самых старых членов партии Ф. Н. Петровым. Ему 87 лет (он в партии с 1896 года), а выглядит он лет на 65–70, не больше. Он сказал 78-летнему Россинскому: «Поздравляю вас, молодой человек. Желаю вам хорошо и много поработать. Мне вот уже 87 лет, а я еще не на пенсии». (Россинский на пенсии уже много лет.) «Молодого коммуниста» поздравляли Гагарин, пионеры и работники аппарата МГК. Россинский говорил больше всех, нес околесицу, плакал, благодарил за внимание к нему и уверял, что еще поработает. Вреда от этой комедии не будет, но обиженных будет много. Есть тысячи людей, сделавших для Родины в сотни раз больше и не получивших ни одного слова благодарности.

Более двух часов беседовал сегодня с полковником Карповым, разобрали с ним десятки служебных вопросов, касающихся Центра подготовки космонавтов. В связи с расширением ЦПК командование ВВС считает необходимым поставить во главе Центра генерала с опытом летной и строевой работы, а Карпова, как врача, оставить в роли заместителя начальника ЦПК. Естественно, что подобную передвижку Карпов переживает и уже жаловался на это Королеву. Позавчера Королев дважды звонил мне по этому поводу. Сергей Павлович излишне горячился и, защищая Яздовского и Карпова от нападок ВВС, грозился, что вместе с Келдышем поедет в ЦК и добьется создания своего Центра подготовки космонавтов. Я просил его не волноваться, не портить себе кровь и здоровье по пустякам и заверил его, что при очередной нашей деловой встрече мы сумеем многое согласовать.

9 ноября.

Три дня праздновали 45-летие Октября. Я имел пригласительные билеты во Дворец съездов, на Красную площадь и на прием в Кремле, но нигде не был из-за болезни Муси.

Сегодня я, генерал-лейтенант Мишук и генерал-майор Холодков около двух часов докладывали Вершинину предложения ВВС по военному применению «Востоков». Маршал Захаров сообщил, что

НТК Генштаба в декабре будет рассматривать вопрос об использовании пилотируемых космических кораблей в военных целях, и просил Главнокомандующих видами Вооруженных Сил дать свои предложения. 4 ноября мы в таком же составе докладывали наши предложения маршалу Руденко. Он прочитал наш доклад, ничего не сказал и отправил нас к Главкому. Вершинин разбирался в предложениях ВВС очень внимательно и активно. Главное в предложениях ВВС сводится к следующему:

1) заказать 10 кораблей «Восток»;

2) дооборудовать «Востоки» так, чтобы можно было отрабатывать элементы боевого применения (разведка, перехват, удар);

3) довести в 1963 году продолжительность пребывания в космосе человека до 11–12 суток, а животных — до 30;

4) вывести корабли с животными на более высокие орбиты;

5) провести ряд специальных экспериментов (посадка вручную, приземление в корабле, разгерметизация корабля в космосе и др.).

Главком одобрил все эти предложения и согласился с моим советом не согласовывать наш доклад с Королевым, а немедленно отослать его Бирюзову и Захарову.

12 ноября.

В субботу был в ЦПК, рассмотрел с Карповым вопросы аттестации офицеров и программу дальнейшей подготовки космонавток. 27–29 ноября проведем госэкзамены, с 1 декабря по 1 января 1963 года они будут в отпуске, а затем начнут конкретную подготовку к первому женскому космическому полету. Полет женщины состоится в марте или апреле 1963 года. Пока не решено, будет ли это одиночный или групповой полет, но полет женщины будет продолжительностью до 3 суток, а, если в паре с ней будет летать мужчина, то его полет может продолжаться 5–7 суток. Обдумывается предложение послать в полет два корабля с женщинами на борту.

Беседовал с Гагариным, Титовым, Николаевым и Поповичем. Все они настойчиво просили поменьше отрывать их на выступления и встречи, дать им возможность подготовиться и сдать экзамены в академии за 1-й семестр 1-го курса. Экзамены будут проходить с 15 ноября до 31 декабря. Ребята просят на этот период не планировать им больше одной встречи в две недели. Просьба понятна и законна, но при всех наших самых больших усилиях она невыполнима. Заявок на

встречи тысячи, и будет хорошо, если мы сумеем не загружать каждого из космонавтов больше одного раза в неделю.

Только что заходил Попович — просил устроить свою жену Марину на летную работу. Летчик она хороший, и я попытаюсь уговорить Главкома взять ее в кадры.

13 ноября.

Вчера более часа беседовал с Вершининым о перспективах освоения космоса. Главком правильно понимает направления нашей работы и охотно подписывает многие наши ходатайства; но все наши попытки добиться решения ряда практических вопросов, как в стенку, упираются в Малиновского. Уже год мы просим оформить заказ промышленности на постройку еще десяти «Востоков», сумели уговорить промышленников, но не можем добиться согласия министра дать такой заказ. Сегодня по этому вопросу я говорил с Руденко и Ивановским решили еще раз послать письмо Устинову за подписью Вершинина. Эта попытка едва ли будет успешней всех предшествующих, но не будем терять надежду.

Наш посол Михайлов сообщил, что Сукарно собирается пригласить в Индонезию Николаева и Поповича. Главком запросил мнение Руденко и мое. Руденко ответил: «Я — против, им надо учиться», — а я сказал, что такую поездку желательно осуществить в январе 1963 года. Главком согласился с моим мнением.

Имел вчера малоприятную встречу с генерал-полковником Пономаревым. Я пожаловался Руденко, что ГКНИИ не собирается летать на невесомость на самолетах Ту-104 и плохо раскачивается с формированием эскадрильи для тренировки космонавтов. Пономареву эти обвинения показались необоснованными, и он пытался оправдать свою позицию в этом вопросе. Этого «сухаря» в ВВС очень не любят, а он ведет себя как барчук-белоручка, снисходящий до разговоров с плебеями. Я никогда не уважал его, а теперь, когда он как брат секретаря ЦК КПСС стал особенно задирать нос, я и в грош его не ценю. Пономарев почувствовал мое отношение к нему, да и не забыл мое выступление против него на Военном Совете. По-видимому, еще не один раз нам придется скрестить с ним шпаги.

15 ноября.

В сегодняшнем номере «Правды» опубликовано сообщение о смерти А. С. Мурысева — первого секретаря Куйбышевского обкома

партии. Последний раз я с ним встречался в Крыму, в Тесселях 5 октября этого года, в день рождения Поповича. Он не отдыхал, а «мотался» по всему Крыму, очень много пил и неумеренно ел. 8 октября он по приглашению Предсовмина Украины вылетал в Киев, там, по-видимому, еще больше «перебрал» и, вернувшись в Крым, получил инфаркт. 13 ноября он скончался на 47-м году жизни.

Почти 5 часов просидел вчера на партийном активе Министерства обороны. Доклад сделал Р. Я. Малиновский, выступили 8 человек, в том числе А. А. Епишев. Все выступления и доклад — серенькие. Общая болтовня о высокой боеспособности, преданности партии, больших достижениях в боевой подготовке за год и легкое прикосновение к «некоторым недостаткам». Аллилуйщина и нежелание сказать всю правду о недостатках, а главное — боязнь вскрыть истинные причины имеющихся безобразий связывают языки. В заключительном слове Малиновский отвечал на несколько язвительных записок (Почему 5 лет не было партактива? Встречался ли министр с секретарями парткомов видов Вооруженных Сил? — и другие подобные вопросы.) Общее настроение присутствующих пассивное — лишь бы отсидеться и отмолчаться. Средний возраст «активистов» около 60 лет. Я более 25 лет наблюдаю нашу военную верхушку: сильно она постарела за эти годы, и это большой, может быть, даже решающий наш минус.

16 ноября.

Вчера Николаеву и Поповичу во вьетнамском посольстве вручили звезды «Героев труда ДРВ». На приеме присутствовал и Герман Титов. Прием был назначен на 16 часов, мне несколько раз звонили из отдела внешних сношений и просили приехать на прием, но у меня не было ни малейшего желания быть там. В 16:05 ко мне зашел, прихрамывая, Титов и попросил совета — ехать или не ехать ему на прием. Оказывается, два часа тому назад он, играя в волейбол, вывихнул ногу и теперь сильно прихрамывает. Я посоветовал ему ехать. В связи с большим количеством слухов и разговоров о мнимой болезни Титова, я посоветовал ему 19 ноября выступить на заводе «Станколит» и в выступлении сказать несколько слов о состоянии своего здоровья.

Физически Титов так же здоров, как и перед полетом, но в его поведении много нового: он все время куда-то спешит, везде опаздывает, высказывает свое суждение по любому вопросу, а потом

легко от него отказывается. Он настойчиво просил разрешить ему поездку на «Волге» в Крым и на Кавказ. Такую поездку я ему запретил (мал шоферский стаж и увлекается скоростью) — на курорты и обратно он ездил поездом. 12 ноября истек срок его пребывания в звании майора, но, учитывая все его выкрутасы, я предложил, а Главком согласился задержать присвоение ему очередного звания на 6 месяцев.

Только что позвонил Карпов и доложил, что вчера Титов, Николаев и Попович отлично сдали зачеты в академии по курсу истории партии, а сейчас все усиленно занимаются, готовясь к сдаче экзамена по физике.

Вчера я был в Совете Министров у Ивановского и Семенова, завизировал проект решения о создании большой отечественной центрифуги. В проекте ряд комитетов и организаций обязываются отработать всю документацию по центрифуге в 1963 году и ввести ее в эксплуатацию в 1967 году. По вопросу о заказе десяти «Востоков» Ивановский еще раз пытался убедить меня не связываться с «Востоками» и все надежды возложить на «Союз», хотя сам признал, что «Союз» в 1963 году едва ли полетит. Между полетами «Востоков» и «Союзов» может образоваться «дыра» в 1,5–2 года. У нас — «дыра», а у США период очень большой активности. Американцы вполне могут нас догнать в период нашего затишья. Они уже объявили, что в апреле 1963 года Гордон Купер полетит на сутки. У нас есть все основания надеяться, что до 1964 года они не смогут догнать нас по продолжительности полета человека в космосе, даже если мы за 1963–1964 годы не проведем ни одного полета; но в 1965 году они могут обогнать нас, если мы не примем решительных мер по недопущению сокращения дистанции между нами и США.

17 ноября.

На вчерашнем заседании Военного Совета ВВС более трех часов обсуждали проекты новой структуры Института авиационной и космической медицины. По существующей структуре институт имеет два управления (1-е — авиационной медицины и 2-е — космической медицины), которые все время «дерутся» между собой. Руководство института (Волынкин, Яздовский, Денисов), в основном, против новой структуры, но сейчас группа лиц в институте, отстаивающих космическое направление, ослабла. Секретарь парткома Денисов

заменен полковником Крышкевичем, поднял голову генерал-лейтенант Клоков, активизируются Сергеев и начальник 1-го управления. Короче говоря, начался распад сильной космической группы. Маршал Руденко, генералы Бабийчук и Мишук пытаются «запеленать» космонавтику в пеленки авиационной медицины так, чтобы и писка ее не было слышно. На заседании решено создать вместо двух три управления, количество отделов не увеличивать, а число лабораторий не ограничивать. Решено также наименования управлений определить после написания положения об управлениях и отделах.

19 ноября.

Был в Центре подготовки космонавтов. Дал согласие на начало строительства жилого городка рядом с Центром. Рассмотрел все документы по подготовке слушателей-космонавток к сдаче экзаменов на космонавтов.

Терешкова, Соловьева, Пономарева и Еркина, по-видимому, могут быть зачислены в космонавты, а вот Кузнецова, едва ли (у нее идет белок в сурдокамере и после центрифуги). Пономарева всю подготовку прошла очень ровно с оценкой «хорошо», а по теории у нее все пятерки, кроме одной четверки. По здоровью и подготовленности Пономарева могла бы быть первым кандидатом на полет, но ее поведение и разговоры дают основание сделать вывод, что в моральном плане она неустойчива. Пономарева часто повторяет: «Я хочу брать от жизни все». Терешковой она заявила: «Тебя безвозвратно испортили комсомол и партия», — это в ответ на попытки Терешковой (как старшей в группе) посоветовать ей вести себя поскромнее. Она злоупотребляет именем Келдыша: «У меня сильная рука, первой полечу я». Пономарева покуривает: «Каждая приличная дама должна курить». В Феодосии она несколько раз самовольно уезжала в город.

Впечатления от Терешковой у всех очень хорошие — она образец в поведении и воспитанности. Терешкова и Пономарева чувствуют, что они могут быть первыми кандидатами на полет, и между ними уже заметно кое-какое соперничество.

20 ноября.

Идет пленум ЦК КПСС. Читал сегодня доклад Хрущева о новой перестройке партийного руководства промышленностью и сельским хозяйством. Вместо райкомов создаются парткомы при сельскохозяйственных управлениях, объединяющих по три-четыре

района. В каждой области будет теперь два обкома — один по промышленности, другой — по сельскому хозяйству. Эта новая ломка сложившейся управленческой структуры пользы не даст: она приведет только к еще большей путанице и затруднит руководство и промышленностью, и сельским хозяйством. Будем надеяться, что этот эксперимент не принесет нам очень большого вреда и что от него через 2–3 года откажутся.

21 ноября.

Вчера вечером, перед поездкой на встречу с писателями Москвы, заезжал ко мне Павел Попович. Он привез все документы (летную книжку, характеристики, заявление и др.) Марины, необходимые для ходатайства о зачислении ее в кадры армии и назначении вторым пилотом на Ил-14. Я поддержу ходатайство, но в этом деле окончательное слово за министром обороны, а у меня нет уверенности, что он согласится с нами.

Пленум ЦК продолжает работу. Все, что там говорится Подгорным, Демичевым, Мазуровым и другими, противоречит здравому смыслу и истинному положению дел. Вранье, очковтирательство и подхалимство — вот главное содержание почти всех выступлений. Все, с кем я встречаюсь, понимают, что говорится на пленуме совсем не то, что нужно было бы сказать: «Пора кончать валить все недостатки на Сталина». За десять лет после смерти Сталина в сельском хозяйстве ничего не достигнуто — молока, мяса, фруктов, овощей и других продуктов сейчас не больше, чем в 1952 году. Нужны не новые перестройки бюрократического аппарата, а свобода для крестьян. Надо дать возможность всем желающим разводить коров, овец, свиней, кур, и через 2–3 года у нас будет в достатке и мяса и молока. ЦК должен перестать считать еще не снесенные яйца и не высиженных цыплят и обеспечить свободу и инициативу тем, кто своим трудом создает сельскохозяйственные продукты.

Только что позвонила жена, она сегодня отстояла на рынке больше двух часов в большой очереди за молоком, но его так и не привезли. Это «хорошая» иллюстрация к разговорам на пленуме.

В подмосковной деревне Заборье (близ Домодедова) до войны было 160 коров и много лошадей, и все это поголовье содержалось за счет местных кормов. Теперь в Заборье 9 коров и ни одной лошади. В

деревне совершенно невозможно купить молока даже для детей, и жители Заборья ездят в Москву за порошковым молоком. Могут сказать, что это не типично. Но вот другой пример. В 1919 году в стране был большой голод. На моей родине, в городе Меленки Владимирской области, хлеба не было, но никто не умирал от голода: была картошка и было много молока. А сейчас в Муроме, Меленках, Елатьме, Касимове, Гусь-Хрустальном положение такое же, как в Заборье. Поголовье коров и надои молока сейчас почти всюду значительно ниже официальных данных. Это знает и чувствует народ, но этого не хочет видеть руководство.

Хрущев оскомину набил на выступлениях против культа личности Сталина, а сам пытается создать вокруг своей личности такой культ, которого, пожалуй, не было и при Сталине. У нас нет откровенных высказываний, нет обсуждений и истинно коллегиальных решений. Хрущев готовит для себя плохое место в истории. После его смерти ему уготованы ярлыки: «кукурузник», «хрущоба», «великий очковтиратель», «турист» и «неудавшийся дипломат». В такой стране, как наша, глава государства может и должен быть великим, но к Хрущеву величие не пристает, он просто мелкий склочник у большого дела. Кукуруза, мясо, молоко и другие внутренние проблемы — это, в конце концов еще терпимо, а вот наши военные дела и вопросы сохранения мира вызывают большую тревогу. Более пяти лет болтали мы о Берлине, много лишнего наобещали Кубе, много и неумно грозимся, и далеко не все делаем для поднятия боеспособности и готовности своих Вооруженных Сил. По-видимому, Хрущев не верит в возможность сохранения мира, но и к войне по-настоящему не готовится. В армии — засилье стариков и очень много устаревшей техники. Нужны тщательная чистка и перевооружение всей армии; необходимо резко сократить число пехотных, артиллерийских и танковых частей, а также частей ВВС и ВМФ, но зато усилить ракетные войска, противовоздушную и противоракетную оборону.

22 ноября.

В сегодняшних газетах опубликованы сообщения о мероприятиях США по прекращению морской блокады Кубы и об ответных решениях СССР по снятию полной боевой готовности Вооруженных Сил, увольнению из армии военнослужащих старших возрастов и переходу к обычной учебно-боевой подготовке. Итак, мы вывозим

обратно с Кубы все ракеты, самолеты Ил-28 и офицеров-инструкторов и кричим на весь мир о нашей победе, хотя это всего лишь разумное и своевременное отступление. Но спрашивается: зачем нужно было завозить на Кубу такое оружие и дразнить США возможностью ударов с Кубы?

Пленум ЦК продолжает работу. С кем ни побеседуешь о материалах пленума, каждый говорит примерно следующее: «Или я круглый дурак и отстал от жизни, или в намечаемых реформах мало умного». Если бы у людей была возможность открыто выразить свое мнение, то 95 процентов из них, а может быть и более, сказали бы «нет» этим непрерывным и малопродуманным перестройкам.

23 ноября.

Был у меня генерал В. Ф. Бенюк. Я хорошо его знаю с 1941 года; мы работали вместе в Ташкенте, а с 1943 года и до конца войны он был начальником оперативного отдела корпуса, которым я командовал. Бенюк — очень умный, скромный и хорошо подготовленный генерал, — скучает без дела. Ему 57 лет, и он уже два года в отставке. Я предложил ему вместе писать историю корпуса, но он отказался: «Не вижу цели, не поднимусь». У него явно надломлены моральные устои, его раздражает бесконечная болтовня в верхах. Я прямо спросил его: «Сейчас работает пленум ЦК, идут прения по докладу Хрущева. Ты ведь читаешь материалы пленума? Как ты к ним относишься?» Не задумываясь, Бенюк ответил: «Много непонятного, не могу согласиться с мотивами перестройки аппарата. Не могу убедить себя в правильности нашей позиции в кубинском кризисе». При наличии свободного времени для размышлений ему, наверное, тяжеловато. Хорошо, что у меня есть работа, которая почти не оставляет времени для раздумий, но из-за чего иногда не спишь ночами.

24 ноября.

Сегодня день рождения моей матери, ей уже 84 года. Два дня назад я послал в Меленки с племянником Димой Анисимовым поздравление, подарки и переключатель телевизионных каналов, чтобы можно было наладить телевизор «Темп-1», который я в октябре отвез маме.

Только что говорил с Хабаровском. Там первым заместителем командующего воздушной армией работает генерал Одинцов (дважды Герой, в 1942 году он служил командиром эскадрильи в дивизии,

которой я командовал на Калининском фронте в Андреаполе). Пригласил Одинцова на должность начальника Центра подготовки космонавтов. Одинцов, не задумываясь, согласился, хотя я его предупредил, что оклад здесь будет меньше получаемого им на 50 рублей (получает 330, а здесь 280 рублей).

В газетах опубликованы решения пленума, утверждающие предложения Хрущева. По существу ответственность за всю промышленность возложена теперь на одного человека, то же самое и по сельскому хозяйству. ЦК во главе с Хрущевым не справился с руководством народным хозяйством, а В. И. Поляков и А. П. Рудаков должны все наладить. Мне жаль этих товарищей — через полтора-два года их будут избивать за «неспособность руководить», «неумение организовать» и прочие грехи.

Мне кажется, что перестройка партийного и советского руководства (так, как она намечена) приведет только к увеличению числа начальствующих лиц и к еще большей путанице в управлении хозяйством страны. Пока не будет полностью развязана инициатива и заинтересованность низов в развитии производства и поднятии производительности труда, пока верхи будут подсчитывать, сколько яиц снесут куры, сколько и где каких гаек сделать, — трудно ожидать заметного улучшения дел и в сельском хозяйстве, и в промышленности. Хотя нужно признать, что выступавшие в прениях предлагали и много полезного в смысле объединения руководства по направлениям экономической деятельности (строительства, энергетики и др.), но эти дельные предложения как раз и останутся нереализованными. Опыт работы министерств и комитетов оправдал себя, и централизация руководства родственными предприятиями и отраслями народного хозяйства была бы целесообразной.

Звонил в Меленки, поздравил маму с днем рождения.

25 ноября. Дача «Заборье».

Всю ночь с субботы на воскресенье и в воскресенье шел мелкий осенний дождь, температура +5 градусов. Но даже в такую погоду на даче лучше, чем в Москве. Много гулял, пилил и колол дрова, сгребал опавшие листья. На даче я непрерывно занят физическим трудом, и это мне нравится больше, чем писанина и разговоры.

В восемь часов вечера неожиданно из Калуги приехал Борис Бастанжиев(летчик из авиационного отряда Н. П. Каманина, который в

1934 году был направлен в Арктику для спасения челюскинцев — Ред.)со своим сыном Игорем. Тридцать лет тому назад я держал Игоря на руках, а теперь передо мной сидел солидный инженер-майор ВВС. Он работал радиоинженером на базе сборки атомных снарядов и бомб, но по состоянию здоровья (болезнь сердца) переводится на другую работу. Борис просил присмотреть, чтобы «дяди из кадров» не обидели его мальчика. Да, все мы очень изменились, причем, не в лучшую сторону: в 20–30 лет всякую протекцию я воспринял бы как оскорбление, а современная молодежь без зазрения совести пользуется связями своих родителей и их знакомых.

26 ноября.

Был у Главкома, он подписал письмо Устинову с просьбой изготовить в 1963 году десять «Востоков». Ни я, ни Вершинин не верим, что это письмо пробьет брешь в бюрократической крепости ВПК, но оно лишний раз напомнит руководству о нуждах космонавтики. К. Д. Бушуев сообщил мне по секрету, что С. П. Королев дал согласие строить еще 4 «Востока» в 1963 году и завод уже приступил к их изготовлению. Но все это делается по инициативе снизу, без соответствующих решений в верхах. Конечно, 4 корабля — не то, что 10, но это уже полупобеда. Вершинин подписал и другое письмо, адресованное в ЦК, которое касается возможной поездки Николаева и Поповича в Индонезию. Мы не возражаем против такой поездки, но не раньше января 1963 года. Вершинин, Рытов и многие другие одолевают меня вопросами о характере взаимоотношений Николаева с дочерью Вертинского. Вся Москва переполнена слухами о якобы предстоящей их свадьбе. Звонят из редакций, радиокомитета, телевидения — все спрашивают, когда будет свадьба; поступает много телеграмм, поздравляющих с бракосочетанием. Николаев только один раз в официальной обстановке встречался с Вертинской во время телевизионной передачи и не имеет никакого желания повторить встречу, а ему приписывают уже намерение жениться на актрисе.

29 ноября.

Два дня работал в Центре подготовки космонавтов — принимали экзамены у женщин-космонавтов по знанию «Востока», снаряжения космонавта, условий космического полета и по пройденным теоретическим дисциплинам. Экзамен не сдавала Кузнецова из-за неясности в состоянии ее здоровья. Помимо приема экзаменов, члены

комиссии очень внимательно ознакомились со всеми материалами и документами, характеризующими слушателей и объем проведенной подготовки. Терешкова, Соловьева, Пономарева и Еркина получили общие отличные оценки за все экзамены, и комиссия рекомендовала зачислить их в постоянный состав ЦПК с присвоением воинского звания «младший лейтенант». Из всех четверых только Терешкова не имеет высшего образования, поэтому она больше других волновалась на экзаменах.

Любая из космонавток может выполнить полет на корабле «Восток», но между ними есть и значительные различия. Пономарева имеет более основательную теоретическую подготовку и способнее других — она схватывает все на лету, — но в ее поведении многое нужно исправлять. Она заносчива, себялюбива, преувеличивает свои возможности и не прочь выпить, покурить и погулять (хотя у нее есть муж и пятилетний сын). Соловьева, по всем объективным данным, наиболее физически и морально выносliва, но она несколько замкнута и недостаточно активна в общественной работе. Терешкова активная общественница, способна хорошо выступить, пользуется большим авторитетом у всех, кто ее знает. У Еркиной подготовленность по технике и физические возможности несколько ниже, чем у ее подруг, но она настойчиво улучшает их и, несомненно, будет неплохим космонавтом. Первой в космический полет нужно послать Терешкову, ее дублером может быть Соловьева, а кто будет космонавткой номер 3 — Пономарева или Еркина, — это решит будущее. Терешкова — это Гагарин в юбке, Соловьева же по своему характеру очень близка к натуре Николаева.

После экзаменов я поздравил девушек с отличным завершением курса обучения. Все они выразили согласие на зачисление в офицеры. С 30 ноября по 10 января 1963 года они будут в отпуске. Трое поедут на курорт, а Соловьева попросила разрешение провести отпуск на Урале — на своей родине. Я сказал им, что для полета будем готовить всю четверку, и только за 2–3 дня до старта окончательно определится, кто полетит первой. Напомнил им, чтобы в отпуске не распускались и поддерживали приобретенную спортивную форму.

30 ноября.

Получил материалы научной военно-теоретической конференции, намеченной на конец января 1963 года. Внимательно прочитал

доклады Захарова и Вершинина, бегло просмотрел доклады Бирюзова, Чуйкова, Судца и Горшкова. Доклад Захарова меня обрадовал, в нем есть мысли, которые я высказывал более двух лет тому назад: «… Будущая война будет короткой, решающая сила ракетно-ядерное оружие, не будет фронтовых операций, характерных для Великой Отечественной войны». Но в докладе нет предложений о резком сокращении всех (кроме ракетных) видов Вооруженных Сил, нет предложений и о перестройке управления войсками, главным образом управления первыми ударами ракетно-ядерного оружия. Доклад Вершинина подготовлен плохо. В нем нет и намека борьбы за космос. Захаров и Бирюзов неоднократно говорили о космосе как о вероятном театре военных действий ближайшего будущего. Но ни в одном докладе нет никаких конкретных предложений, как осваивать космос в интересах обороны сейчас, сегодня. Космическое оружие фигурирует во всех докладах (кроме доклада Чуйкова), но никто не предлагает главного — объединить всю военную космонавтику, закрепив ее за Министерством обороны.

1 декабря.

Прекрасный первый зимний день. Перед началом работы минут 10 с удовольствием прошелся пешком.

Был у Главкома и за 15–20 минут решил пять важных вопросов и подписал два приказа и два доклада министру. Главком меня понимает с полуслова, доверяет и уже почти не читает подготовленные мной на подпись документы. Когда я сидел у Вершинина, к нему вошли Миронов, Пономарев и Ушаков. Главком не пригласил их сесть и руки им не подал. Все они стояли, как столбы, а я и Главком сидели. Пришлось и мне встать, сделав вид, что и я соблюдаю субординацию. Со всеми заместителями Главкома и членами Военного Совета ВВС (кроме Рытова, Кобликова и Скрипко) у меня явно плохие отношения. Все они «обижаются» на меня за то, что Главком часто и хорошо меня принимает, а некоторых из них он с трудом переносит.

Только я зашел от Главкома в свой кабинет, как зазвонила «кремлевка» маршал Руденко пытался разнести меня за «самоуправство». Он узнал от Королева, что на 3 декабря я назначил заседание мандатной комиссии по приему слушателей-космонавтов. Руденко я не докладывал о назначении заседания комиссии, потому что это мое право как председателя комиссии. Комиссия будет заседать

уже пятый раз, и ни разу я не спрашивал ни Руденко, ни Вершинина о том, когда заседать и что рассматривать. Есть приказ Главкома, которым мне предоставлено такое право, но Руденко «забыл» о наличии такого приказа и хочет, чтобы я ходил у него «на веревочке». Я зашел к нему и прямо сказал, что обвинение в самоуправстве отвергаю и держать ответ за его «забывчивость» не намерен. Это у нас с ним уже второй крупный разговор. Маршал злопамятен, он мне еще припомнит мою самостоятельность. Руденко не столько руководитель, сколько надутый вельможа. Он не решает ни одного самого мелкого вопроса, все решаю я или Главком. Я решаю без Руденко сотни вопросов ежедневно, но он хочет, чтобы я ему докладывал каждую мелочь, а он, надувая щеки, отсылал бы меня с каждой мелочью к Главкому. Я перестал бы уважать себя и потерял бы уважение со стороны Главкома, если бы позволил себе превратиться в подобие маршала Руденко.

После полета Гагарина я со всеми космонавтами был на даче у секретарей ЦК ВЛКСМ. 8 ноября этого года ребята вторично были там и пригласили на 8 декабря всех секретарей с женами к себе. Гагарин, Титов, Николаев и Попович от имени всех космонавтов просили меня разрешить им провести эту встречу на территории ЦПК. Я запретил проведение такой встречи и доложил о своем решении Руденко, а он, как всегда, отослал меня к Вершинину. Главком позвонил в ЦК Миронову, и они решили встречу отменить. Ребята, конечно, обидятся на меня, но пора их всех крепче прибирать к рукам. Это очень трудная, щекотливая и, я бы сказал, малоприятная задача. Высшие руководители страны носятся с ними как с «писаной торбой» и как из рога изобилия сыплют им всяческие похвалы, звания и приглашения; а Каманин должен держать их в узде и быть готовым отвечать за то, что они перепьются на правительственном приеме и в хмельном угаре наговорят или наделают что-нибудь несуразное. Я должен объявлять космонавтам выговоры, задерживать присвоение званий и делать массу других неприятных для них вещей. Вместо того, чтобы все свое время отдавать делу, приходится заниматься глупостями и «сверху» и «снизу».

2 декабря, воскресенье. Дача «Заборье».

После вчерашней перепалки с Руденко я, по-видимому, очень сильно переволновался — не спал всю ночь. Да, здоровье начинает

сдавать: усиливаются боли в сердце, начинает болеть голова, появилась раздражительность, быстро утомляется зрение.

Много думал о перспективах освоения космоса и о своей работе. Я убежден, что мог бы прожить еще 15–20 лет, если бы ушел сейчас в запас и поселился на даче. Но мне очень хочется самому проводить космонавта в полет на Луну. Осуществление такого полета станет реальным через 4–5 лет, думаю, что на этот срок меня хватит. Хватило бы и на большее время, но уж слишком много глупостей делает начальство (Руденко, Малиновский), а каждая глупость вредит любимому делу и портит мою, уже порядком испорченную, кровь.

В субботу перед концом работы еще раз заходил к Руденко и пытался уговорить его не тормозить ход приема в космонавты. Он не смог доказать мне разумность своего вмешательства в работу комиссии, но, как упрямый осел, остался при своем мнении. Я понял, что маршал обещал Королеву «навести порядок в работе комиссии», а Вершинину доложил, что он своевременно пресек «самоуправство» Каманина. Вершинин забыл, что он письменно доложил министру обороны 1 августа 1962 года: «Заканчиваем набор 20 космонавтов», а Руденко не помнит даже приказа министра о наборе в 1962 году шестидесяти космонавтов. Вот так у нас решаются большие дела.

3 декабря.

Вчера был в авиационном госпитале, беседовал с кандидатами в слушатели-космонавты. Полностью прошли медицинский отбор пока только десять человек. Все кандидаты с высшим образованием, шестеро из них летчики и четверо — инженеры. Короткову 39 лет, Сидоренко — 37, все остальные моложе 35 лет. Минут по 20–30 беседовал с каждым кандидатом. Ребята хорошие, и 8 из 10 могут быть приняты, а о Короткове и Сидоренко придется специально докладывать Главкому.

4 ноября.

Весь день просидел на партийном активе Министерства обороны, посвященном ноябрьскому пленуму ЦК. Малиновский выступил с докладом, мало чем отличавшимся от его же доклада на предыдущем активе. Предложений о перестройке Вооруженных Сил в докладе нет, и нет ни звука о космосе, есть лишь общие призывы усилить борьбу с ворами, взяточниками и укреплять дисциплину, повышать боеготовность. Актив проходил в Театре Советской Армии,

присутствовало более 2 тысяч человек. Прения по докладу прошли очень вяло, выступило 14 человек (от ВВС — Кобликов). Ни один из выступавших не внес ни одного предложения. Была слабая попытка покритиковать Генштаб за мелкую опеку и параллелизм в работе с Главным штабом сухопутных войск. Маршал Ротмистров предложил объединить танковое и автотракторное управления. Приняли длиннющее постановление.

6 декабря.

Сегодня с 15 до 19 часов заседал президиум межведомственного Совета АН СССР по исследованию космоса. Я впервые участвовал в заседании как член Совета. Вел заседание Келдыш, присутствовали: Королев, Челомей, Янгель, Бушуев, Богомолов, Кузнецов, Ишлинский, Благонравов, Сисакян, другие главные конструкторы и академики, представители комитетов Совета Министров. От ВВС был я, от РВСН (Ракетные войска стратегического назначения — Ред.) — генералы Соколов и Керимов и от Генерального штаба — генерал Алексеев (начальник НТК Генштаба).

С докладом по первому вопросу повестки дня — о плане космических исследований на 1963–1964 годы — выступил Келдыш. Намечается 5–6 полетов на Луну с мягкой посадкой АМС, массой 100 килограммов, создание искусственного спутника Луны с целью — фототелепередачи на Землю полной карты Луны. Будут продолжены попытки облета и посадки АМС на Марс и Венеру. Планируются пуски двух космических зондов на 20 миллионов километров с возвращением их на Землю, запуски 10 «Зенитов», 10–12 «Востоков», 4–6 «Союзов», а также 10–12 спутников типа «Космос» — метеорологических, связных, телевизионных, гелиои геофизических. Программа большая, но она пока не обеспечена полигоном (один старт) и получением информации одновременно с нескольких спутников. Программа военных запусков не рассматривалась. Решили согласиться с представленным планом и добиваться его исполнения после рассмотрения в Военно-промышленной комиссии.

Потом были заслушаны четыре доклада о результатах полетов «Космосов». Собран очень богатый материал, определились методы исследований и необходимое приборное оборудование. Установлено, в частности, что искусственная радиация, возникающая в результате ядерных взрывов в космосе, уменьшается на порядок за 4 месяца, то

есть в тысячу раз за год. Зафиксирована вспышка на Солнце 17 августа 1962 года (через два дня после посадки Николаева и Поповича).

Совет решил создать экспертную комиссию по «Союзу». Келдыш и Королев поддержали мое предложение: включить в состав четырех секций комиссии по одному космонавту и по одному инженеру от ВВС. Келдыш проинформировал собравшихся о том, что состоялось решение правительства о создании института АН СССР по космическим проблемам(Институт космических исследований — ИКИ Ред.)и особо подчеркнул, что главное направление его деятельности физические проблемы космоса, а не биология или конструирование.

Из разговора с Ивановским я узнал, что Смирнов и Королев готовят письмо Устинову о заказе 8 «Востоков». Только что у меня был полковник Боков из НТК РВСН и показал письмо за подписью Бирюзова, Вершинина, Судца и Горшкова. Четыре Главкома пишут, что на ближайшие 2–3 года потребуется 60 новых космонавтов. Они уже в десятый раз пересказывают мое предложение осуществить этот набор в две очереди. В письме указывается, что до 1965 года будет осуществлено 8-10 пусков одноместных и 7–8 пусков многоместных кораблей. Подводя итоги почти годовой борьбы за осуществление дополнительного заказа 10 «Востоков», я могу с удовлетворением отметить, что моя настойчивость побеждает упрямство министра обороны. Малиновский несколько раз отказывал в заказе «Востоков» Вершинину, он может еще раз отказать четырем Главкомам, и тем не менее 8-10 «Востоков» будут заказаны, и длительного перерыва в полетах пилотируемых кораблей не будет.

8 декабря.

Вчера и сегодня беседовал с генерал-майором авиации Одинцовым Михаилом Петровичем и представлял его маршалу Руденко и Главкому, как кандидата на должность начальника Центра подготовки космонавтов. Одинцов — дважды Герой Советского Союза, первый заместитель командующего Воздушной армией в Хабаровске. Я знаю его с лейтенантов, в 1942 году он служил в моей дивизии. Руденко и Вершинин согласились с кандидатурой Одинцова и приказали генералу Гудкову оформить его перевод, но Гудков и Миронов (из ЦК) против назначения Одинцова на новую должность из-за короткого срока его службы в Хабаровске, они могут сорвать этот перевод.

Новому начальнику ЦПК будет трудно заменить Карпова. Карпов создавал Центр, подбирал и сколачивал коллектив, готовил первых космонавтов. В Центре его все уважают и любят. Но дальнейшие перспективы развития пилотируемых космических полетов, создание орбитальных и воздушно-космических самолетов требуют резкого увеличения объема летной подготовки космонавтов, что вызывает необходимость иметь во главе Центра опытного организатора летной работы.

10 декабря.

Весь день провел в Центре подготовки космонавтов. Гагарин и Титов на сессии Верховного Совета, а Николаев и Попович сдавали сегодня высшую математику. Титов сдавал математику раньше них и получил оценку «отлично», а Николаев и Попович получили по тройке. Николаев говорит: «Все шло на четверку, но с последней задачей немного запарился». Приятно, что все ребята всерьез взялись за штурм академической программы, радуются успехам в учебе и переживают за свои промахи.

Занимался вместе с Карповым расстановкой офицеров Центра на должности по новому штату. Много новых должностей с категорией «капитан-майор» и окладом 100–130 рублей, но для 7–8 офицеров, которые получали по 200 рублей и имели штатные категории полковников, должностей нет. Примерно десять офицеров теряют в окладе от 10 до 30 рублей, причем, некоторые полковники будут на майорских должностях. В таком положении, в частности, оказался Герой Советского Союза Б. Б. Глинка.

11 декабря.

Проводил совещание по вопросам строительства жилых домов для космонавтов; в совещании участвовали генерал Строганов, полковник Хотимский, генерал Горегляд, строители, архитекторы. Решали, где строить, — в Чкаловской или строить новый городок рядом с ЦПК. Маршал Руденко против нового городка, а я — за новый городок. Совещание высказалось за строительство нового городока для космонавтов. Опять у нас с Руденко противоположные позиции, а затягивать решение этого вопроса нельзя: строительство восьмидесятиквартирного дома должно быть начато в 1963 году.

12 декабря. На сессии Верховного Совета сегодня выступил Хрущев с докладом о международном положении. Он много хорошего

говорил о Югославии (маршал Тито был в Москве и слушал его доклад), беспощадно ругал Албанию и в сотый раз грозился подписать договор с восточными немцами. Нового в его выступлении ничего нет — сплошной крик души за мир и за коммунизм. Думаю, что оно будет воспринято с удовлетворением на Западе и плохо — в Албании и Китае. Хрущев умеет произносить речи, но жаль, что он не помнит их содержания. Лет 5–6 тому назад он десятки раз грозился догнать и обогнать Америку, а сейчас по сельскому хозяйству мы отстаем от США не меньше, чем тогда. Заклинаниями и речами не выращиваются злаки и не откармливается скот. Главный наш недостаток в сельском хозяйстве — отсутствие личной экономической заинтересованности у крестьян и связанная законами, постановлениями, бюрократией инициатива народных масс.

13-14 декабря.

Два дня провел на военно-научной конференции в академии Жуковского, посвященной вопросам военного использования космических летательных аппаратов. С докладами выступали маршал Красовский, генералы Покровский, Пугачев, Болховитинов, Микоян и другие. С заключительным словом выступил маршал Руденко. Было много интересных выступлений в прениях с предложениями по разработке квантовых генераторов, орбитальных самолетов, воздушного старта ракет и др. Болховитинов, в частности, утверждал, что расчетами доказано большое экономическое и военное преимущество орбитальных самолетов перед баллистическими ракетами при действии по стратегическим малоразмерным целям (подлодки, стратегические ракеты в шахтах и др.). Для поражения каждой из таких целей вместо 9 ракет потребуется лишь два орбитальных самолета. Конференция, в целом, прошла удовлетворительно, но в прозвучавших на ней докладах и выступлениях было много агитации за «военизацию» космоса и мало обсуждалось конкретных мероприятий. Необходимо уже теперь обсуждать и решать конкретные вопросы назначения, применения и оборудования различных космических летательных аппаратов.

16 декабря. Дача «Заборье».

Необычно теплый декабрь — за прошедшую неделю весь снег растаял. Сегодня три градуса мороза, приятный, солнечный воскресный день. Много гулял с Олей, ходили с ней на пруд смотреть,

как мальчишки самодельными клюшками гоняют шайбу, следили за проходящими вдали электричками. Оля несколько раз просила: «Давай пойдем туда, где горизонт…» Я терпеливо разъяснял ей, что до горизонта не дойдешь и даже не долетишь, но она не слушала мои объяснения, больше доверяя своим глазам, и все твердила: «Дойдем! Вон он горизонт, около тех домиков…»

17 декабря.

Утром мы с Мусей возвращались с дачи автобусом и электричкой. Народу многовато, тесно, но мне эти поездки нравятся больше, чем в машине. Интересно, затерявшись в толпе, наблюдать за окружающими тебя людьми, слушать их разговоры. В штатском меня принимают за сельского интеллигента, и это никого из окружающих не связывает — будь я в генеральской форме, такого не было бы. В военном костюме я и сам чувствую себя как-то скованно, да и окружающие гражданские держатся с генералом несколько отчужденно и холодно.

До войны я всегда и везде гордился своей военной формой, а сейчас в форме генерал-лейтенанта авиации со звездой Героя Советского Союза и 22-мя орденскими ленточками я почему-то не ощущаю былой гордости за принадлежность к ВВС и за знаки высоких наград. Дело, по-видимому, не только в том, что я старею и мне надоело внимание и знаки уважения со стороны окружающих. Главное — в изменении отношения народа к нам, военным, и особенно к старшим офицерам и генералам. Основная масса советских граждан уже не считает нас «своими» людьми, вышедшими из народа и составляющими его гордость. На нас смотрят как на людей, стоящих где-то в стороне от народа или даже над народом. Что же произошло за 15–17 послевоенных лет, и почему так изменилось за это время отношение к офицерам и генералам?

Причина в том, что рядом указов правительства нас фактически «выделили» из народа. Высокие пенсии, наделение участками для дач, высокие оклады и другие привилегии сделали свое вредное дело. Многие из нас, военных, очень бездарно воспользовались предоставленными нам правами и преимуществами, «реализовав» их в пьянке, спекуляции, безделье… (дачи, машины и т. д.). Продаст яблоки из своего сада колхозник или рабочий — этого никто не заметит; сделает то же самое семья генерала — об этом будут говорить и писать как о разложении (и правильно!). Было несколько случаев, когда

офицеры и генералы на своих машинах сбивали взрослых и детей. Случись такое с рядовым шофером — это только печальное происшествие, — но когда то же самое совершает офицер, оно получает другую оценку: «Разжирели, пьянствуют, завели свои машины и т. д.». Такие отдельные факты несколько раз смаковались газетами, и это сформировало соответствующее общественное мнение.

19 декабря.

Получил вчера шифр-телеграмму от нашего посла Михайлова. Он передает официальное приглашение от Сукарно Николаеву и Поповичу посетить Индонезию в январе 1963 года. Руденко против этой поездки, сейчас он за Главкома (Вершинин в отпуске) и может попортить мне нервы, но поездка все равно состоится.

Пришло сообщение от Келдыша: меня и генерала Холодкова включили в состав экспертной комиссии по «Союзу». Кроме нас, от ВВС в состав четырех секций этой комиссии вошли восемь космонавтов и четыре инженера. Будем надеяться, что нам удастся кое-что подправить в конструкции и оборудовании этого нового космического корабля.

20 декабря.

Два часа позировал скульптору Григорию Николаевичу Постникову, с которым я познакомился в Крыму, в Тесселях, где он лепил бюсты Николаева и Поповича. Последний ему не удался, а первый получился хорошо. Еще в Крыму Кербель и Постников несколько раз приставали ко мне, чтобы я согласился дать им несколько сеансов. Там, в Крыму, мне показалось, что они это делают не столько из интереса ко мне, сколько для того, чтобы «подмаслить» меня, и я категорически отказался позировать. Несколько позже, в Москве, Постников сообщил мне о решении Главпура организовать выставку к 45-й годовщине Вооруженных Сил и о полученном им задании сделать для выставки мой бюст как одного из первых Героев Советского Союза и первого Героя среди военных. Кербель также звонил несколько раз и просил заехать к нему, но я предпочел Постникова. Работа над бюстом идет успешно, сходство большое, а сам скульптор очень приятный человек. Постников был и остался влюбленным в Сталина, он болезненно переживает все упреки в его адрес. Он говорит: «Я не понимаю и никогда не пойму, как можно неполадки в сельском хозяйстве валить на Сталина, ведь прошло уже

десять лет, как он умер. За эти десять лет нашего топтания на месте должны отвечать современные руководители».

Постников рассказал много интересного о посещении Хрущевым художественной выставки и о его последней встрече с литераторами. На выставке Хрущев, приближаясь к «творениям» абстракционистов, спросил: «Где эти педерасты?», а в заключение осмотра сказал: «Советскому народу такая мазня не нужна. Я с удовольствием посодействую авторам этих произведений в переезде на Запад, там их сумеют оценить». На встрече с литераторами очень смело выступил поэт Евтушенко. Обращаясь к Хрущеву, он сказал: «Меня очень удивляет, что вы на выставке спокойно отнеслись к культу вашей личности в ряде представленных там работ». Хрущев терпеливо выслушал это обвинение и не ответил на него. Он призвал литераторов изгонять абстракционизм и бороться за советский реализм.

Только что звонил Гостев из ЦК ВЛКСМ. Комсомол уже реализует последние указания вождя о борьбе с абстракционизмом: Гостев разыскивает Гагарина и Титова — он хочет, чтобы они вместе с большой группой известных комсомольцев подписали письмо в газеты с протестом молодежи против попыток извратить в искусстве и литературе советский реализм, скатывания некоторых авторов на позиции абстракционизма.

21 декабря.

Был у меня Попович, больше часа беседовали с ним о делах Центра, об учебе космонавтов и семейных делах. Марина добивается, чтобы ее взяли в кадры ВВС и дали возможность летать. Главком возбудил ходатайство о присвоении ей звания лейтенанта, но Главное управление кадров настроено отрицательно, да и командир полка, в который предназначается Марина, категорически возражает. Я пытался убедить Павла, что затея Марины с полетами едва ли разумна. В 32 года быть лейтенантом и вторым пилотом на Ил-14 — вообще незавидная участь для женщины, а для жены космонавта Поповича — тем более. Кроме того, Марине нужно было бы побольше уделять внимание семье и, особенно, дочери Наташе. Наташа очень развитая девочка, но у нее есть уже немало вредных привычек. Мне показалось, что Павел в душе согласен со мной, но ему трудно переубедить Марину — придется попробовать переговорить с ней.

Уже несколько дней Валентина Ивановна Гагарина лежит в клинике Вишневского, где ей вырезали аппендикс. Муся собирается сегодня или завтра ее навестить.

Сегодня мы с Мусей прошли в «Кремлевке» диспансеризацию. Все врачи существенных изъянов в моем организме пока не обнаружили. Сам я лучше врачей знаю, что на работе больше чем до 60 лет мне не дотянуть, а уходить в запас еще рано.

22 декабря.

Руденко «отмочил» очередной трюк. Два дня назад я заготовил письмо в ЦК КПСС за подписью Громыко (МИД), Ивашутина (КГБ) и Руденко (МО) по вопросу направления Николаева и Поповича в Индонезию по приглашению Сукарно. Подобных писем в ЦК Вершинин подписал несколько десятков, зная об этом, Руденко подписал и это письмо. Чистяков и Пушкин (МИД), докладывая письмо на подпись Громыко, по-видимому, забыли его предупредить, что есть решение ЦК о поездках космонавтов за границу, согласно которому ходатайство в ЦК представляют одновременно Министерство иностранных дел, Комитет государственной безопасности и Министерство обороны. Громыко, позабыв об имеющемся решении (или не зная о нем вообще — и такое бывает!), прочитал письмо, согласился с его содержанием, но подписывать не стал. Так же поступил и Ивашутин. Узнав об этом, Руденко отказался один подписывать письмо в ЦК и снял свою подпись на коллективном письме.

Итак, есть приглашение Сукарно, есть рекомендация ЦК — послать космонавтов в Индонезию, — есть согласие самих космонавтов, но нет человека, который взял бы на себя ответственность за представление в ЦК материалов, необходимых для поездки за границу. Вот настоящее лицо Руденко — трус и перестраховщик. В этой обстановке, чтобы не сорвать сроки поездки (а она обязательно состоится), мне приходится, вопреки воле начальства, заказывать ребятам костюмы и паспорта, давать указания по прививкам и проводить всю подготовку к их поездке. Узнает об этом Руденко — опять будет большой скандал. Но я уже начинаю привыкать смотреть на Руденко, как на пустое место, — нет, хуже: пустое место не мешало бы работать, а маршал мешает работать.

25 декабря.

Неожиданно позвонил секретарь ЦК КПСС Андропов и сообщил, что секретариат ЦК решил включить Поповича в состав делегации, вылетающей на Кубу 26 декабря. Руководитель делегации — вице-президент АН СССР Федосеев. В ее состав входят обозреватель «Правды» Юрий Жуков, спортсмен Юрий Власов и другие (всего 13 человек). Вызвал Поповича, рассказал ему о Кубе и проинструктировал по выступлениям и связям.

Забегали Гагарин и Титов, сегодня они сдали начертательную геометрию и очень довольны. Гагарин вечером будет выступать во Внуково, а к 18 часам должен заехать в больницу за Валей. Титов несколько присмирел. Я ему рекомендовал дать возможность Г. Н. Постникову вылепить для выставки его бюст. Герман задумался, а затем выпалил: «Николай Петрович, хватит с меня Яр-Кравченко — прорабатывали… учили… надоело!» Он просил разрешить ему в начале января слетать на неделю к избирателям на Алтай.

27 декабря.

Вчера доложил Руденко, что назначенный срок (15 декабря) формирования эскадрильи для подготовки космонавтов прошел, а эскадрилья не сформирована. Руденко при мне позвонил Брайко и Гудкову и очень крепко их отругал. Брайко и Гудков забегали, подгоняя своих подчиненных, заходили и ко мне — пытались свалить часть вины на генерала Горегляда. В результате всей этой суматохи выяснилось, что главная причина задержки укомплектования эскадрильи офицерским составом в том, что ГКНИИ ВВС связал эту задачу с нуждами своих подразделений, в которых ожидается появление «лишних» офицеров, желающих устроиться в эскадрилью.

Только что звонил в Центр и наговорил кучу неприятностей Карпову и Гагарину. Всем космонавтам не раз объявлялось, что при выезде в Москву надо обязательно звонить в Главный штаб ВВС и сообщать свой маршрут. Вчера Попович был целый день в Москве, но к нам не зашел, и отыскать его не смогли. Сегодня повторяется то же самое — рано утром Попович с Мариной выехали в Москву, никому не сообщив маршрута поездки.

Заходил генерал-лейтенант Волынкин, его вызвал к себе маршал Руденко на «последний разговор», мотивом для которого послужил следующий эпизод. Королев обратился в ИАКМ с просьбой решить ряд проблем по теме «Союз». Волынкин поступил очень осторожно:

он написал Руденко, что часть вопросов решается уже утвержденными планами, а на решение новых вопросов он просит визы Главкома (эту бумагу он предварительно завизировал у Холодкова, Бабийчука и Мишука). Королев и Волынкин поступили абсолютно правильно, а Руденко ведет себя неумно — его обидело, что Королев обращается прямо в институт, а не к нему, он закусил удила и сейчас один на один разносит Волынкина. Волынкин волевой генерал, и сегодня его разговор с маршалом наверняка закончится большим скандалом.

Генерал Горегляд разговаривал с полковником Жуковым из управления генерала Ловкова в Генштабе, у которого уже три недели лежит письмо за подписями четырех Главкомов (Бирюзова, Судца, Вершинина и Горшкова) с докладом о плане запусков ИСЗ на 1963–1964 годы и просьбой разрешить в 1962 году набрать не 60, как это записано в приказе министра обороны, а только 20 слушателей-космонавтов, с тем чтобы остальных 40 набрать в 1963 году. Данный документ, адресованный министру, до сих пор ему даже не доложен — это рекорд для военных бюрократов! Итак, Руденко подвел Вершинина, который еще 1 августа писал министру: «Пять женщин набраны в слушатели-космонавты и приступили к занятиям, а остальные 15 слушателей-космонавтов прибывают в ближайшее время». А оба они не выполнили приказ министра о наборе в 1962 году 60 космонавтов и тем самым затормозили дело освоения космоса. Может получиться так, что многоместные космические корабли будут готовы к полетам раньше (в 1964 году), чем мы подготовим для них экипажи (в 1965 году). Конечно, экипажи можно подготовить и быстрее, но только за счет снижения качества их подготовки.

28 декабря.

В 23:15 мне на квартиру позвонил секретарь ЦК КПСС Андропов и сообщил, что принято решение о вылете Поповича на Кубу через 2–2,5 часа. Сегодня днем мне официально сообщили, что делегация на Кубу вылетает в час ночи, но Попович полетит только 30 декабря. Но ночью все вдруг изменилось, и пришлось Поповича по тревоге отправлять на аэродром.

30 декабря.

Последний рабочий день 1962 года. Вчера весь день провел в Центре, рассмотрел и утвердил расстановку офицеров по новым штатам. Беседовал с Гагариным, он от имени всех космонавтов

настаивает включить в план 1963 года 50 часов налета для каждого космонавта (из них 25 часов на истребителях). Программа на 1963 год получается очень напряженной: учеба в академии, 50 часов налета, подготовка и осуществление космических полетов, заграничные поездки и большая общественная деятельность — это в 2–3 раза больше нормальной загрузки офицеров. Беседовал я и с заместителем начальника Центра по летной подготовке инженер-полковником Азбиевичем. Он сильно обленился и ничего не понял из наших неоднократных разговоров. Сам Азбиевич ничего не делает, он может только перекладывать работу на других и бесконечно оправдываться. Пришлось освободить его от должности.

27 декабря генерал Волынкин «исповедовался» у Руденко ровно три часа. Они наговорили друг другу много «любезностей» и разошлись еще дальше, чем были до этой встречи. Руденко уделил три часа разносу начальника ИАКМ и не находит одного часа, чтобы рассмотреть и утвердить годовой план работы института.

31 декабря. Дача «Заборье».

Новый год всей семьей встречали на даче. К Леве(сын Н. П. Каманина Ред.)приехал в гости его близкий друг с женой. Для Оли устроили хорошую елку. Оба предновогодних дня стояли сильные морозы (до -25 градусов). На лыжах ходил только я, да и то не больше 30 минут.

1963 год.

Дорога в космос трудна, на пути будет много осложнений и неприятностей, но нужно делать все возможное для расчистки этого пути. Он нужен человечеству на века, а все наши возможные потери и неприятности легко забудутся, хотя для нас, еще живущих, они не безразличны.

1 января.

Новый год для нас начался с большой неприятности: объявилась «дочь генерала Каманина». Около часа дня к нам на дачу приехала молодая симпатичная женщина лет 23–25 и сказала, что хочет видеть меня и желает со мной поговорить наедине. Незнакомка назвалась Аллой Щукиной из Иванова. Ее мать, по словам Щукиной, очень хорошо меня знает по Борисоглебску. Есть, как она сказала, и карточка, на которой ее мать сфотографирована вместе со мной. На мой вопрос: «Где эта фотокарточка?» — Щукина ответила, что она находится в чемодане, который она оставила в подъезде нашего дома в Москве. На мой вопрос о фамилии ее матери, девушка назвала какую-то ничего не говорящую мне фамилию.

В Борисоглебске в 1929 году я был знаком только с Тосей Масловской. Мы дружили, встречались по воскресеньям, но дело не доходило даже до поцелуев. У моих товарищей по училищу тоже были знакомые девушки. Несколько раз мы всей компанией ходили гулять в городской сад, но я не помню, а может быть и не знал, их имен и фамилий. Я подумал, что может быть одна из этих девушек принимает меня за своего знакомого. Из разговора и ответов на мои вопросы я понял, что Алла Щукина хотела бы видеть во мне своего отца. Правда, она не решилась сказать об этом прямо, а делала туманные намеки на «хорошее» знакомство ее мамы со мной. Тогда я задал ей несколько вопросов. На вопрос: «Когда вы родились?» последовал ответ: «В 1937 году». А на вопрос: «Кто Ваша мать и где она сейчас?» — «Мама в городе Иванове, она замужем за командиром авиационного полка Кузнецовым, но он не родной мне отец. Я замужем, мой муж летчик, у меня есть сын». Я попросил Щукину показать паспорт — паспорта не

оказалось. Спросил, есть ли у нее деньги на обратный проезд в Иваново, денег тоже не оказалось.

Было ясно, что передо мной сидит не совсем нормальный человек, хотя она производила в общем неплохое впечатление и никаких заметных отклонений от общепринятых норм поведения не обнаруживала. Я спросил ее: «Какая же все-таки цель вашего приезда в Москву — в такой большой праздник вы бросили мать, мужа, сына и поехали искать встречи с незнакомым вам человеком, — для этого должны быть какие-то веские причины?» «Я хотела посмотреть на вас, вы мало изменились. А разве нельзя посмотреть на Героя?» — ответила она. Я понял, что дальнейший наш разговор бессмыслен. Предложенные мной на дорогу десять рублей она охотно взяла, поблагодарила и обещала выслать деньги на мой служебный адрес.

На всех членов нашей семьи (особенно на Мусю и Леву) это посещение Щукиной произвело очень неприятное впечатление. Муся лучше других знает, что я уехал из Борисоглебска в 1929 году, а в 1934 году я там был всего несколько часов. Еще 30 лет тому назад я говорил ей, что в Борисоглебске у меня была единственная знакомая Тося Масловская, которой в то время было 16, а мне 20 лет, и что мои отношения с ней нельзя назвать иначе как неокрепшее знакомство. И тем не менее Мусю смутило появление Щукиной. Она бросила мне: «Почему ты всегда святой — со всеми все случается, а ты безгрешен?» Скажу откровенно, что меня больше всего укололо это сомнение жены. Муся знает меня 32 года, мы прожили хорошую и дружную жизнь, и при первой же серьезной проверке она все же усомнилась во мне. Я не удержался и сказал ей: «Я был бы очень рад встретить свою дочь или сына, но это, к сожалению, невозможно, так как, кроме Льва, у меня нет и не будет детей».

2 января.

Позвонил в Иваново, к телефону подошел подполковник Кузнецов. Я спросил его, знает ли он Аллу Щукину. Он ответил, что Щукина работает в батальоне аэродромного обслуживания, она жена офицера. Я спросил Кузнецова, каковы отношения между его женой и Щукиной. Щукина сказала мне, что ее мать замужем за Кузнецовым. Подполковник ответил, что, его жена Щукину совершенно не знает, и быть ее матерью не может, поскольку ей 34 года, а Щукиной 25 лет. Я рассказал Кузнецову о появлении Щукиной 1 января у меня на даче.

Выслушав меня, подполковник сказал, что несколько дней тому назад Щукина обращалась к замполиту полка с просьбой выделить ей лучшую квартиру и назвалась «дочерью генерала Каманина».

Итак, Алла Щукина вовсе не больная шизофренией, а просто начинающая аферистка. Я попросил командира полка разобраться со всей этой историей и сообщить мне письменно результаты расследования.

4 января.

Маршал Руденко до 20 января ушел в отпуск. Вчера я был у Вершинина и легко его уговорил снять «вето» Руденко на набор космонавтов. 8 января проведу заседание мандатной комиссии и отберу пятнадцать новых космонавтов, а с февраля начнем с ними плановые занятия. Я доложил Вершинину, что письмо за подписью четырех Главкомов, адресованное Малиновскому, 20 дней лежало у полковника Жукова и министру не докладывалось. Только после моего звонка Ловкову письмо было доложено генералу армии Иванову, который дал на него совершенно невразумительный ответ. Главком уже не раз, по-видимому, получал от министра подобные «пилюли» и не особенно возмутился моим сообщением. Вершинин согласился с моим предложением написать в ЦК письмо за подписью Малиновского, Келдыша, Смирнова и Дементьева с просьбой разрешить набрать для обучения в ЦПК гражданских лиц (ученых, конструкторов и других специалистов) без призыва их в армию и с сохранением связей с производством или местом научной работы.

Горегляд сообщил мне, что сегодня Военный Совет ВВС будет рассматривать мою аттестацию на предмет представления к званию генерал-полковника. 23 февраля, в день 45-летия армии многие получат новые звания, но я думаю, что меня в этих списках не будет. Штатная категория моей должности «генерал-лейтенант», и кому какое дело, что я в течение 18 лет в звании генерал-лейтенанта занимал сначала должность с правами министра (председатель ЦК ДОСАВ), а затем должности командующего Воздушной армией и первого заместителя начальника Главного штаба ВВС (все эти должности имеют штатную категорию генерал-полковника — маршала), и только в 1960 году, когда я стал заниматься космосом, мне срезали штатную категорию и одновременно снизили на 70 рублей мой оклад. Не скрою, мне было бы приятно получить очередное воинское звание — я давно

его заслужил. Я уже не удивляюсь головокружительному росту в званиях и назначениях многих наших военачальников (Епишев, Агальцов, Судец, Бирюзов и другие) и теперь с философским спокойствием встречу и новое звание, и отказ в его присвоении.

5 января.

Гагарин внезапно заболел — аппендицит. Вчера в клинике Вишневского ему сделали операцию, и Юрий чувствует себя вполне удовлетворительно. Николаев после укола (2 января ему делали профилактические прививки перед поездкой в Индонезию) тоже расхворался и 3 января не смог быть на встрече в Москворецком райкоме партии. Вместо него пришлось выступать мне и профессору Яздовскому.

7 января.

Беседовал с Вершининым по основным проблемам космонавтики. Я доложил Главкому, что 5 кораблей «Восток» в 1963 году будут построены (все распоряжения даны Устиновым, и Королев уже приступил к их постройке). От нас потребуется уточненный план использования всех семи кораблей (двух существующих и пяти строящихся). Такой план будут готовить Горегляд, Мишук и Бабийчук.

Рассказал я Вершинину и о наших расхождениях с маршалом Руденко в вопросе о роли и назначении Института авиационной и космической медицины. Руденко хочет сузить роль ИАКМ рамками узковедомственной организации, а я за то, чтобы институт решал не только задачи ВВС и МО, но и государственные задачи. Фактически институт рядом решений ЦК и правительства уже нацелен на такой объем задач, и сейчас тащить его назад было бы неумно и неэкономно (созданное растаскивать, а где-то вновь создавать), да нам никто этого и не разрешит. Сейчас в аппарате Устинова будет отрабатываться программа медико-биологических исследований в космосе на 5–7 ближайших лет. Предполагается создать межведомственную комиссию для руководства и координации работ в этом направлении, одновременно будут уточнены задачи ведомств и организаций. Пришло время сказать наше твердое слово: будем мы брать экологию или мы будем продолжать отпихиваться от нее. Главкому этот разговор явно не понравился. Он сказал, что доверяет Руденко и верит мне, но сам твердого мнения по этому вопросу не имеет и хотел бы в присутствии Руденко еще раз посоветоваться со специалистами.

8 января.

Более четырех часов заседали по отбору космонавтов, рассмотрели 25 кандидатов, признанных медицинской экспертизой годными для работы в качестве космонавтов. Из 25 признали неподходящими четверых: Короткова и Сидоренко (по возрастным ограничениям), Белоусова (из-за особенностей в состоянии его позвоночника) и Суворова (из-за склочного характера и погони за материальными благами). 15 человек приняли: летчики Г. Т. Добровольский, В. А. Шаталов, А. А. Губарев, А. П. Куклин, Л. В. Воробьев, А. В. Филипченко; штурман А. Ф. Воронов; инженеры А. Н. Матинченко, В. М. Жолобов, В. И. Гуляев, П. И. Колодин, Ю. П. Артюхин, Э. И. Буйновский, Л. С. Демин, Э. П. Кугно. Шесть человек зачислены кандидатами для очередного приема осенью 1963 года. Их можно было бы и принять, но Главком решил проявить осторожность — он помнит, что мы несколько раз докладывали о необходимости набрать в этом году не более 20 человек. Большинство из принятых слушателей имеют возраст 30–35 лет, у всех высшее образование.

9 января.

Можно кричать «Ура!»; 7–8 месяцев борьбы за заказ новой партии кораблей «Восток» закончились полной победой. Постепенно Королев, Смирнов, Келдыш, Малиновский и Устинов переходили на нашу сторону. Особенно долго сопротивлялся Малиновский (по должности он должен воевать за нас, за космос, а он упорно воевал против). Только что позвонили из Генерального штаба и потребовали планы полетов на пяти кораблях «Восток» для обоснования заказа на их постройку. Планы эти я рассмотрел, завтра согласую их с Королевым и доложу Главкому. Вершинин передал мне по телефону, что ему позвонил Гречко и сообщил об утверждении генерала Одинцова начальником Центра подготовки космонавтов.

Договорился с С. П. Королевым о нашей очередной встрече. Я хочу согласовать с ним:

1) план и дату женского космического полета в марте-апреле 1963 года;

2) планы полетов «Востоков» на 1963–1964 годы (4–5 полетов в 1963 году и 2–3 — в 1964 году);

3) проект письма в ЦК КПСС за подписью Малиновского, Келдыша, Смирнова и Дементьева о приеме на обучение в ЦПК ВВС

гражданских лиц из числа ученых и крупных специалистов без зачисления их в кадры армии и обучении без отрыва от научной работы.

Против направления такого письма в ЦК возражают Руденко и Рытов, но мне удалось убедить Вершинина в необходимости этого мероприятия, и надо быстро провести его, пока Руденко не вернулся из отпуска.

11 января.

Рано утром минут 40 беседовал с Вершининым. Главком подписал приказ о зачислении в ЦПК 15 слушателей-космонавтов, из них: один — из ВМФ, двое — из ПВО, четверо — из РВСН и восемь — из ВВС. Подписал Главком и письмо министру обороны с приложением проекта письма в ЦК КПСС о наборе гражданских лиц в ЦПК. Он хочет, чтобы я лично доложил письмо маршалу Гречко и рассказал ему поподробнее о наших космических задачах. Насколько я понял Вершинина, он хочет, чтобы Гречко мог поближе узнать меня и объем моих обязанностей — это будет иметь определенное значение при рассмотрении материалов на присвоение мне звания генерал-полковника. Маршал Гречко — председатель Высшей аттестационной комиссии, — и от его мнения, конечно, будет зависеть многое. Я на этой встрече не настаивал и не искал ее, хотя, постоянно хочется «просвещать» больших начальников в космических делах. Я знаю Гречко с 1943 года: под Житомиром мой штурмовой корпус более месяца помогал армии генерал-лейтенанта Гречко отбивать контрудар большой группы немецких танков. За 20 лет Гречко вырос в должности и в звании. Чувствуя поддержку со стороны Хрущева, он держится уверенно и авторитетно, но для меня он был и остался «пехотой», которая так много сделала в прошлой войне и так много портит в деле обороны в возможной новой войне.

Сегодня был в Подлипках у С. П. Королева. Выглядит он плоховато: усталый и вялый — неудача с лунником сильно его «потрепала». Завтра он собирается на 7-10 дней в Барвиху. Встретились мы с ним очень хорошо, и разговор наш один на один был на редкость продуктивным. Сергей Павлович одобрил и охотно завизировал письмо в ЦК по набору гражданских лиц, назвал отличной нашу программу на семь очередных полетов кораблей «Восток». Договорились о сроке предстоящего космического полета (апрель-

май), о конкретной программе полета и его продолжительности. Сергей Павлович проявил готовность поддержать любой из трех наших вариантов:

1) полет одного корабля с женщиной на 1–3 суток;

2) групповой полет двух кораблей с женщинами на каждом с той же продолжительностью, суточный интервал между пусками, посадка парой;

3) смешанный вариант: первый корабль с космонавткой летает до трех суток, а второй — с космонавтом — стартует вслед за первым, спустя сутки-двое, и летает 5–7 суток.

Так как главная цель очередного полета — выведение на орбиту корабля с женщиной, есть смысл готовить и отстаивать второй вариант. Третий вариант наиболее сложен по подготовке, а первый прост и мало эффективен. Буду отстаивать необходимость одновременного полета двух женщин на двух кораблях.

12 января.

Вчера на парткоме ВВС я выступал с докладом о работе ЦПК и о нашей деятельности по освоению космоса. Присутствовали члены бюро парткома, секретари парткомов институтов, генералы Клоков, Волынкин, Мишук, Федоров, Горегляд и другие. За 30 минут я доложил о состоянии ЦПК, перспективах его развития и о работе аппарата ВВС по подготовке и осуществлению пилотируемых космических полетов. В прениях выступили девять человек, в заключительном слове я предложил в феврале-марте этого года заслушать и обсудить доклад на тему «Космос-ВВС» на пленуме парткома с задачей: добиться объединения и более эффективного использования усилий ВВС в освоении космоса. Партком принял решение о подготовке такого пленума.

Более часа беседовал с заместителем Главкома по боевой подготовке генерал-полковником С. И. Мироновым. Сергей Иванович — милейший человек, формально он мой начальник, но фактически, минуя его, я подчиняюсь маршалу Руденко и Главкому. В свое время Миронов хотел сохранить хотя бы видимость своего участия в руководстве работами ВВС в области космонавтики, но оба маршала «отжали» его от космоса, и он занимается только фронтовой авиацией. Миронов, как и большинство офицеров и генералов ВВС, не любит Руденко, Брайко и Пономарева — эта троица приносит мало пользы

авиации. Миронов высказывается за пересмотр кадрового состава центрального аппарата ВВС и Министерства обороны.

15 января.

Говорил по телефону с Одинцовым, сообщил ему о решении ЦК КПСС и о приказе министра обороны по назначению его на должность начальника Центра подготовки космонавтов ВВС. Этим же решением ЦК эта должность введена в номенклатуру ЦК. Обстановка в семье у Одинцова сейчас очень сложная: жена только что легла в больницу рожать. Я посоветовал Одинцову не торопиться с отъездом из Хабаровска до выяснения положения с женой. Он решил до конца января задержаться в Хабаровске и использовать это время на прохождение летной медицинской комиссии.

Вчера и сегодня беседовал с генералом Бабийчуком по поводу присвоения генеральского звания полковникам медицинской службы Карпову, Яздовскому и Исакову. Бабийчук за Карпова и Исакова, но категорически против Яздовского. Сегодня он говорил с Главкомом, и тот ему сказал: «Военный Совет все представления на генеральские звания рассмотрел и в ближайшее время этим вопросом заниматься не будет». Несколько дней назад, беседуя с Вершининым, я убедил его в необходимости рассмотреть материалы на Карпова и Яздовского, но прошло несколько дней, и решение изменилось. Очень хорошо известно, что решение начальства зависит от того, как и кто ему доложит. Думаю, что своим докладом Главкому Бабийчук подложил «большую свинью» своим подопечным полковникам. По этому вопросу, кроме Главкома, я говорил и с Мироновым, который согласился утвердить представление полковников-медиков на генеральские звания; но сейчас, после отказа Главкома, рассмотрение этого вопроса на Военном Совете, даже при поддержке Миронова, не будет иметь практической ценности.

Заходил подполковник Попович, 13 января он прилетел с Кубы на Ту-114 рейсом Гавана-Москва без промежуточной посадки (14 часов полета). Попович рассказал о встречах на Кубе много интересного. Сегодня в «Красной звезде» есть его статья об этой поездке. Я сообщил ему о решении ЦК КПСС — послать в Индонезию одного Николаева. Павел высказал мнение, что лучше было бы поехать вдвоем, но на поездку в Индонезию он не претендует. Из его рассказа о пребывании на Кубе в составе большой советской делегации я понял,

что космонавтам следует ездить за рубеж самостоятельно — это лучше в смысле пропаганды космонавтики, и избавляет от многих организационных недоразумений. На Кубе везде встречающие приветствовали Поповича и забывали о других членах и даже руководителе делегации. 18 января Ленинград празднует двадцатую годовщину прорыва блокады, и обком просит прислать туда хоть одного космонавта. Решил направить в Ленинград на 3–4 дня Поповича. Дал ему задание побывать у писателей, в школе-интернате, на заводах и в воинских частях.

Звонил Постников, он сообщил, что мой бюст в гипсе уже готов, и просил заехать и посмотреть. Несколько раз звонил Л. Е. Кербель, он тоже хочет сделать мой скульптурный портрет. Я отказал ему из-за большой занятости. Только что позвонил Александр Иванович Тодорский, он собирается выступать по радио в день столетия К. С. Станиславского и хочет упомянуть о нашей встрече с Константином Сергеевичем в 1937 году у него на квартире (я тогда был слушателем, а Тодорский начальником академии имени Жуковского). О нашей встрече со Станиславским написана картина; она была на выставках, о ней писали в газетах (речь идет о картине В. П. Ефанова «Встреча слушателей Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского с артистами Театра имени К. С. Станиславского» — Ред.).

17 января.

Более часа инструктировал Николаева по его предстоящей поездке в Индонезию. Рассказал ему о повадках и приемах западных обозревателей и фотокорреспондентов. Обсудили с ним около полусотни наиболее вероятных вопросов на пресс-конференциях и возможные варианты ответов на них, объяснил ему ошибки Поповича на Кубе (" Мы будем помогать Кубе не только на Земле, но и из космоса», «Мир скоро узнает имя первой космонавтки»), которые ловко используют американские корреспонденты.

Вершинин рассказал мне о своем разговоре с маршалом Гречко по поводу набора в космонавты ученых из числа гражданских лиц. Гречко отказался подписать письмо в ЦК и сказал: «Мы будем набирать в космонавты только молодых крепышей из военных, нам не нужны хлюпики из гражданских ученых». Вот так понимает задачи освоения космоса первый кандидат в министры обороны. Захаров и Малиновский могут подкрепить эти доводы только матом. Итак,

руководство Министерства обороны против допуска ученых и конструкторов в космос — предстоит опять (в который уж раз!) упорная и длительная борьба. Впрочем, я глубоко убежден, что глупость руководства МО в этом вопросе настолько очевидна, что ему и без борьбы через некоторое время придется отказаться от своих «идей», — жаль только терять впустую много времени. Осенью этого года мы все равно примем в число космонавтов 10–12 гражданских ученых и специалистов.

18 января.

Е. А. Карпов и В. А. Смирнов доложили о своем участии в работах экспертной комиссии по «Союзу». Смирнов предлагает настаивать на следующем:

1) обязательно иметь скафандр на каждого члена экипажа;

2) хотя бы как-то обозначить попытку использовать аэродинамические силы для управления кораблем при спуске;

3) предусмотреть возможность катапультирования экипажа в аварийной ситуации.

Королев и все его помощники категорически возражают по всем трем позициям. Обсудив с космонавтами и членами НТК ВВС эти вопросы, мы решили настаивать только на наличии скафандров, а от использования аэродинамических сил, требующего наличия у корабля небольших крыльев, и от обеспечения аварийного катапультирования сочли возможным отказаться. Споры по двум последним позициям только затянут осуществление проекта, да и в ОКБ Королева на данной стадии развития космонавтики эти предложения просто не осуществимы. Два-три дня назад представители ЦПК и офицеры части генерала Холодкова были у Челомея и знакомились с ходом проектирования ракетоплана; пока ничего нет даже на бумаге, кроме заверений дать в феврале эскизный проект. Челомей уже больше двух лет работает над этой тематикой, в январе 1961 года мы с Главкомом были у него — тогда он обещал нам многое, — но ничего из обещанного не выполнил. Реальными космическими кораблями на ближайшие 3–5 лет будут корабли Королева, и только его — все остальное вряд ли продвинется за рамки эксперимента.

19 января.

Был у Главкома, доложил ему о том, что сегодня в 22:00 на специальном самолете Ил-18 майор Николаев и сопровождающие его

лица вылетят в Индонезию. Заходил ко мне Яздовский и рассказал о настроениях в институте и о комиссии маршала Москаленко, проверяющей его деятельность. Комиссия собирается записать в акте проверки, что институт не выполняет решений партии и правительства и недостаточно твердо отстаивает свои программные позиции перед руководством ВВС.

21 января.

Более трех часов вместе с генералами Мишуком, Холодковым и группой офицеров ВВС работали в ОКБ-1. Константин Петрович Феоктистов и другие инженеры и конструкторы доложили нам основные данные, назначение и принципы использования космического корабля «Союз». Главная идея «Союза» осуществление стыковки на орбите с целью обеспечения длительных полетов научного и военного назначения. В комплекс «Союз» входят три составные части:

1) трехместный космический корабль 7К (массой 5,5 тонн) с бытовым отсеком и спускаемым аппаратом;

2) ракета 9К (общей массой 18 тонн) с двигателями и запасом топлива для маневрирования корабля на орбите и доразгона его до второй космической скорости (тяга основного двигателя — 0,45 тонны, а двигателей ориентации от одного до десяти килограммов; масса топлива при полной заправке баков ракеты составляет 14 тонн; для полной заправки необходимы четыре стыковки с танкерами;

3) танкер 11К (массой 5 тонн) для доставки на орбиту двухкомпонентного топлива.

Проектом предусматривается, что комплекс «Союз» должен функционировать на круговой околоземной орбите высотой 250 километров в течение трех лет со сменой экипажей, дозаправкой, проведением профилактического ремонта и заменой агрегатов. Ресурсы корабля 7К позволяют осуществить полет на удаление до 400 тысяч километров (пилотируемый облет Луны). Разрабатываются и военные варианты корабля: «Союз-П» (перехватчик) и «Союз-Р» (разведчик).

Установленные на корабле бортовые средства поиска, обнаружения и сближения (массой 400 килограммов) обеспечивают полностью автоматическую без участия экипажа — стыковку на орбите, но предусматривается и ручное (визуальное) управление

процессом стыковки с расстояния 300 метров. Спуск корабля с орбиты — неуправляемый; ОКБ-1 категорически отвергает использование на «Союзе» каких-либо крыльев. Чтобы не задерживать решение главной проблемы — стыковки в космосе, — ВВС вынуждены снять свои предложения об установке на корабле «крылышек». Посадка спускаемого аппарата осуществляется с помощью парашютно-реактивной системы, при этом скорость спуска на парашюте не превышает 10 метров в секунду, а скорость в момент приземления при нормальной работе тормозных двигателей равна нулю. Индивидуальные парашюты и скафандры для членов экипажа не предусматриваются: рекомендации ВВС о необходимости иметь на «Союзе» скафандры остались нереализованными.

В целом проект производит хорошее впечатление, но его разработка затягивается, и первый одиночный (без стыковки) полет корабля 7К может состояться не раньше второй половины 1964 года. Мы оказались тысячу раз правы, упорно настаивая на продолжении строительства «Востоков». Космонавты, инженеры, врачи и другие специалисты ВВС активно участвуют в работах по созданию «Союза». Это участие положительно оценивается С. П. Королевым, и его необходимо еще больше активизировать.

22 января.

Весь день провел в Центре подготовки космонавтов. Разобрал с Карповым и его ближайшими помощниками (Яковлев, Никерясов, Никитин, Глинка, Черкасов и другие) все вопросы учебного процесса на 1963 год. В этом году в Центре будут работать четыре группы космонавтов и две группы слушателей-космонавтов (у каждой группы своя особая программа).

Первую группу, космическую, образуют космонавты-женщины: Соловьева, Пономарева, Терешкова и Еркина. Главная задача группы: подготовить и осуществить групповой женский полет на двух кораблях «Восток» продолжительностью до трех суток.

Во вторую группу, космическую, входят космонавты-мужчины: Комаров, Быковский, Волынов. Главная задача группы: подготовить и осуществить на «Востоках» 2–3 одиночных длительных полета (на 5 и более суток) во второй половине 1963 года.

Третья и четвертая группы, академические, в одну входят Гагарин, Николаев, Титов, Попович, а в другую — все остальные нелетавшие

космонавты: Нелюбов, Шонин, Хрунов, Заикин, Горбатко, Филатьев и другие.

Пятую и шестую группы образуют слушатели-космонавты: 7 летчиков и 8 инженеров.

Таким образом, на 1 февраля 1963 года в ЦПК будут готовиться к космическим полетам 20 космонавтов и 15 слушателей-космонавтов.

Рассмотрели с руководством Центра и многие другие вопросы. Долго совещались по вопросу строительства квартир для слушателей и постоянного состава, многое еще нужно сделать для улучшения размещения солдат.

23 января.

Около четырех часов обсуждали наши замечания по «Союзу». Присутствовали генералы Мишук, Иоффе, Бабийчук, Горегляд, Холодков, полковники Яздовский, Карпов, Терентьев, Момзяков и другие — всего более 20 человек. Пришли к единогласному решению: настаивать на необходимости иметь на борту корабля скафандры (или легкие защитные костюмы) и создании условий для наблюдения за куполом парашюта и Землей при спуске в атмосфере. Решили не настаивать на установке катапультных устройств и применении крыльев для управляемого спуска.

Более часа беседовал с маршалом Руденко, подробно рассказал ему о проделанном за время его отпуска. Руденко опять оказался на «высоте»: в вопросе о наборе в космонавты ученых он поддержал отрицательную позицию Гречко и очень прохладно встретил мое предложение о необходимости срочно сформировать бригаду для приемки, испытаний и пуска космических кораблей численностью до 200 человек.

25 января.

Центр подготовки космонавтов праздновал сегодня трехлетие своего существования (приказ о формировании ЦПК вышел 11 января 1960 года). Торжественное собрание провели в клубе Чкаловского гарнизона. Открыл вечер полковник Карпов, короткий доклад о работе Центра сделал майор Никерясов. Выступали Гагарин, Титов, Попович, Яздовский, Денисов («Правда») и другие. Гагарин и Титов выступили хорошо, Юра поблагодарил весь коллектив Центра и части гарнизона за помощь в подготовке и осуществлении космических полетов. Попович рассказал о своей поездке на Кубу. Выступал неудачно, много

«якал» и путался. Собравшихся приветствовали пионеры; отличный концерт дали студенты театрального института.

На празднике был и маршал Руденко. Выступить и поблагодарить коллектив Центра от имени командования ВВС он отказался (и это, пожалуй, благо), но очередную глупость все-таки «отмочил». Когда за 10–15 минут до начала вечера человек 20 генералов и офицеров собрались в комнате президиума, маршал заметил, что Гагарин и Титов пришли не в казенных форменных ушанках, а в шапках из серого каракуля. Руденко не придумал ничего лучшего, как поставить Карпова и Гагарина по стойке «смирно» (а сам сидел) и при всех учинить им разнос за «недисциплинированность». Гагарин выслушал упреки начальства внешне спокойно и заявил, что им сшили зимнее обмундирование в военном пошивочном комбинате и что там знают уставные требования по форме одежды лучше всех нас. Маршал упрямо настаивал на своем и требовал дисциплинированности. Я сидел и краснел за маршала; его выходка и по форме, и по существу была просто глупой. В пункте 35 приказа МО № 70 записано: «Офицерам разрешается носить шапку-ушанку из серого каракуля при повседневной форме одежды вне строя». Карпов и Гагарин чувствовали всю неправоту и бестактность Руденко, но не хотели при всех «сажать его в лужу».

27 января.

Ознакомился со сценарием Н. Н. Денисова и А. С. Борзенко о полете на Луну. Сценарий слабый, главные герои — два космонавта, корреспондент «Правды» и Главный конструктор — ведут себя не лучшим образом и не создают впечатления о большом ответственном полете.

28 января.

Представил маршалу Руденко и генерал-полковнику Миронову прибывшего из Хабаровска генерал-майора авиации М. П. Одинцова.

В 15 часов в ЦПК собрали весь офицерский состав. Я представил Одинцова как нового начальника Центра, объяснил необходимость этого назначения. От имени командования ВВС поблагодарил Карпова за его труды и выразил удовлетворение его согласием остаться в Центре и работать первым заместителем начальника ЦПК. Одинцов очень коротко доложил о себе: летает с 1938 года, закончил войну в должности заместителя командира полка, после окончания Военно-

политической академии и Академии Генерального штаба командовал полком, затем дивизией, служил заместителем командующего 48-й Воздушной армии по боевой подготовке, в ЦПК прибыл с должности первого заместителя командующего Воздушной армией.

Мне показалось, что общее впечатление, произведенное первым появлением Одинцова, благоприятное. Будем надеяться, что Центр будет работать под новым руководством не хуже, а лучше. А вообще-то было немного грустно, больно и обидно за Карпова. В тысячу раз было бы правильней присвоить Карпову звание генерала, официально назначить его на должность первого заместителя ЦПК, а уже затем представлять коллективу Центра его нового начальника, но сделать это не удалось из-за близорукости и мелочности Генштаба и беззубости руководства ВВС.

30 января.

Руденко вчера сказал мне, что опытно-экспериментальный завод Института авиационной и космической медицины берется построить к концу 1963 года центрифугу, и спросил, почему мы не заказываем такую центрифугу для подготовки космонавтов. Я сказал ему, что готовность завода взяться за строительство центрифуги для меня полная неожиданность и что я совсем не уверен, осуществимо ли это благое намерение. В 1960–1961 годах вся подготовка космонавтов осуществлялась на одной-единственной в стране центрифуге в авиагоспитале в Сокольниках (радиус — 3,5 метра, перегрузки до 10 единиц, сделана немцами более 20 лет тому назад). В 1961 году закуплена в ФРГ и установлена на заводе № 918 у Алексеева центрифуга радиусом 8 метров. В 1962 году закуплена в Швеции и установлена в ИАКМ центрифуга радиусом 7,5 метров. Мы уже три года через ЦК КПСС и Совет Министров добиваемся, чтобы они обязали ГКАТ построить центрифугу радиусом 16 метров (на днях вышло постановление Совета Министров о постройке такой центрифуги в 1967 году). В сложившейся обстановке смелое предложение завода показалось мне легкомысленным.

Сегодня я вместе с Одинцовым, Яздовским и Ребровым был в институте и на заводе. Выяснилось, что завод до конца этого года может изготовить центрифугу радиусом 4,2 метра для проведения испытаний на животных с перегрузками до 40 единиц. Завод имеет конструкторское бюро, состоящее из 90 человек; конструкторы

закончили отработку всех чертежей центрифуги для животных и со второй половины этого года могут приступить к разработке новой центрифуги для тренировки космонавтов. Завод берется сделать центрифугу радиусом 7 метров и закончить ее изготовление в 1964 году. Я поставил перед коллективом завода задачу: сделать советскую центрифугу лучше немецкой и шведской. Радиус центрифуги можно уменьшить до 5 метров, но при этом перегрузки не должны быть меньше 20 единиц. Руководство завода и конструкторы обещали справиться с этой задачей.

31 января.

Вчера от Устинова позвонил Олег Генрихович Ивановский и задал мне вопрос: «К какому полету вы готовите девушек-космонавтов?» На мой ответ: «К групповому женскому космическому полету» — он расхохотался и сказал, что у него сидит представитель от Л. В. Смирнова — председателя Государственной комиссии по пуску космических кораблей с бумагой, в которой изложено предложение Смирнова: из двух имеющихся «Востоков» один использовать для полета женщины, а другой поставить в музей. Ивановский добавил, что вопрос о постройке в этом году еще четырех кораблей «Восток» не решен по вине Королева. На последнем заседании ВПК он увязал заказ на строительство кораблей с принятием их на вооружение ВВС, и это задержало принятие решения. Ивановский опасается, что «начинка» для четырех кораблей, которые уже строит Королев, будет готова не раньше августа этого года. Я сказал Ивановскому, что вся эта волокита — последние вспышки уходящей грозы и корабли «Восток» будут построены. Плохо, конечно, что из-за волокиты и бюрократизма (прежде всего Малиновского и Генштаба) мы потеряем еще несколько месяцев, но это не может иметь решающего значения. Я обещал Ивановскому послать Устинову письмо Вершинина с докладом о готовности к первому космическому полету женщины к 20 марта 1963 года и с предложением ВВС готовить групповой женский полет продолжительностью до трех суток. Сегодня же мы отослали это письмо Устинову.

Вершинин и Фурцева подписали сегодня письмо в ЦК КПСС с просьбой разрешить начать съемки фильма, посвященного первому женскому космическому полету. Я дважды говорил с Екатериной Алексеевной Фурцевой по этому вопросу, она делает все возможное,

чтобы устранить бюрократические рогатки на пути создания кинофильмов о космосе.

1 февраля.

Вчера восемь часов отсидел на отчетно-выборном партийном собрании в ЦПК. На собрании было более 80 коммунистов, в том числе: Гагарин, Титов, Одинцов, Бабийчук, Яздовский, Крышкевич, представители парткома ВВС и Главного политического управления.

Отчетный доклад полковника Антощенко был розоватым и длинноватым, без критики недостатков в работе. В прениях выступили 12 человек. Как всегда, хорошо выступил Карпов, который хотя и переживает свое смещение на вторую роль в Центре, но держится и работает, как подобает коммунисту. Гагарин в своем выступлении обратил внимание на серьезные недостатки в воспитательной работе с солдатами и сержантами, рекомендовал отказаться от практики засылки в Центр солдат-штрафников, не оправдавших себя в работе испытателями в ИАКМ. Яздовский рассказал о перспективах биологических экспериментов в космосе и указал на необходимость глубже и энергичнее работать над экологическими проблемами. Были выступления с предложениями о строительстве гидробассейна, о закупке и установке шведской центрифуги, о строительстве специального жилого городка для космонавтов рядом со служебными помещениями Центра. Правильно был поднят и вопрос о необходимости иметь твердый государственный план космических полетов. Я объявил собранию о решении командования ВВС не закупать шведскую центрифугу для Центра, а силами экспериментального завода построить к концу 1964 года свою, советскую. Согласились, что отсутствие государственного плана полетов — большая для нас неприятность, — и что руководители ВВС должны всеми мерами добиваться утверждения такого плана (в ВВС есть план на десять полетов в 1963–1964 годах).

Я поставил перед коммунистами ЦПК три главные (кроме высокого качества подготовки космонавтов к полетам) задачи:

1) осваивать стыковку на орбите;

2) участвовать в создании космических кораблей с управляемым спуском;

3) глубоко изучать возможности военного применения космических аппаратов и внедрять в практику каждого полета

элементы боевого применения.

30 января Герман Титов выступал на Краснопресненском металлургическом заводе. При поездке на завод у него была неприятность с милицией. Титов нарушил правила рядности машин, милиционер ему свистел, но Герман продолжал движение. Возмущенный «неповиновением» Титова милиционер остановил его машину и потребовал, чтобы он следовал с ним в милицию. Секретарь парткома завода, ехавший с Титовым, пытался объяснить милиционеру обстановку: огромный коллектив завода ждет Титова — не может он сейчас идти в милицию. Но представитель власти настаивал на своем — пришлось Титову оставить машину и пойти на завод пешком. Правда, пока он выступал, приехал начальник районной милиции, извинился за грубость милиционера и пригнал машину. Титов тоже виноват в этом недоразумении; не соблюдал рядность, не обратил внимание на свистки милиционера, не имел при себе документов или не захотел их показывать.

2 февраля.

Иногда, по дороге на работу, я хожу пешком от Академии Фрунзе до Главного штаба ВВС: 15-минутная прогулка хорошо освежает. Сегодня на такой прогулке я встретил генерала Г. И. Яроцкого, бывшего начальника штаба пятого штурмового авиакорпуса во время войны. Он работает преподавателем Академии Генерального штаба и пишет докторскую диссертацию на тему «Авиация в локальной войне». После разговора с ним у меня возникла мысль о написании книги «Война и космос». Пожалуй, из всех наших военных я располагаю самыми большими возможностями для работы над такой темой, и было бы глупо не использовать их. Тяга к перу у меня есть, но столько больших практических дел, что времени на «теоретические забавы» не остается. Вот и сейчас часы уже бьют девять, и через минуту-другую завертится чертово колесо текучки десятки людей, сотни звонков и поток бумаг ни на минуту не отпустят до конца рабочего дня.

3 февраля.

Вчера ВВС, ЦК ВЛКСМ и ДОСААФ провели в Политехническом музее встречу ветеранов авиации с молодежью, зал был переполнен, у подъездов были толпы народа. На встречу прибыли маршалы: Астахов, Скрипко, Савицкий, генералы: Байдуков, Покрышкин, Коккинаки,

Беляков, Таран, Полынин, Одинцов и многие другие. Из космонавтов был только Попович. Титов — в Киржаче на парашютных прыжках, а Гагарину я разрешил не приезжать на эту встречу. Я выступил первым и после выступлений Покрышкина и Марины Чечневой незаметно ушел. Одинцов мне рассказал, что Попович опять выступил не очень удачно. Он заявил: «Николаеву теперь трудно будет жениться», — не пояснив, что именно он имеет в виду (могут подумать о неблагоприятном влиянии на Николаева условий космического полета).

Весь день готовился к военно-теоретической конференции Министерства обороны, которая состоится 5–6 февраля. Внимательно прочитал доклады Захарова, Вершинина, Судца, Горшкова, Чуйкова, Баграмяна.

5 февраля.

На военно-научную конференцию я не поехал. Руденко и Вершинин приказали мне с генералом Мишуком ехать к 12 часам в аппарат Устинова и попытаться там добиться согласованности по заказу «Востоков» и принятии их на вооружение ВВС.

Заходил майор Николаев, доложил о поездке в Индонезию. Подробности о ней я уже знал из доклада полковника Аристова и из шифровок посла Михайлова. Я сказал Николаеву, что Сукарно, Михайлов и командование ВВС довольны результатами его визита в Индонезию, и предложил ему готовиться к поездке в Бразилию. Сегодня майора Николаева приглашает на ужин маршал Малиновский: формально это приглашение министра, а фактически — его жены Раисы Яковлевны. Малиновские в марте собираются поехать в Индонезию, и встреча устраивается под предлогом ознакомиться с этой страной по рассказам Николаева. Но я думаю, что у Раисы Яковлевны есть и другие мотивы для встречи: Николаев холостяк, а у министра взрослая дочь Наташа, которая очень благосклонно относится к космонавтам. Вообще такой брак мог бы быть полезным для космонавтики, о чем я дал понять Николаеву в шутливой форме.

7 февраля.

Вторую половину дня 5 февраля и весь день вчера слушал доклады и выступления на военно-научной конференции Министерства обороны. Присутствовали все маршалы, командующие округами, армиями и генералы, им равные, из Генштаба и Главных

штабов видов Вооруженных Сил. Маршал Захаров прочитал хороший доклад «О характере и первоначальном периоде термоядерной войны». Главное в докладе — решающее значение термоядерного оружия и стратегических ракет, война не будет затяжной, особое значение первых мощных ударов. Основное содержание доклада правильное, но нет решительных рекомендаций по организационному оформлению новых идей. Было бы логичным такое решение: неуклонно усиливать ракетные войска и постепенно (по мере наращивания количества и мощи ракет), сокращать другие виды вооружения. Чуйков, Крылов и Лучинский яростно защищали пехоту.

8 февраля.

Вчера во второй половине дня на конференции выступил маршал Малиновский. Чего-либо нового в нашу военную доктрину и военное искусство министр своим выступлением не внес, он лишь подтвердил основной тезис доклада Захарова о решающем значении первых массированных ракетно-ядерных ударов. Учитывая возможности возникновения локальных войн без применения ядерного оружия (Южный Вьетнам), а также необходимость и в термоядерной войне добивать остатки войск противника и закрепляться на занятой территории, Малиновский высказался за сохранение и развитие всех видов Вооруженных Сил.

Сегодня Главный маршал авиации Вершинин сделал доклад об итогах боевой подготовки ВВС за 1962 год и задачах на 1963 год на сборах командующих воздушными армиями и ВВС округов. Доклад продолжался два часа, Вершинин дал подробный анализ состояния боевой подготовки, боеготовности и аварийности в ВВС. 1962 год был годом дальнейшего усиления ВВС (в частях стало больше МиГ-21, Су-7, Як-27 и другой новой техники) и снижения аварийности на 20 процентов по сравнению с 1961 годом. Впервые в отчетно-итоговом докладе Главкома фигурировали космонавты: Главком упомянул о первом групповом полете Николаева и Поповича, о первых экспериментах по боевому применению космических кораблей и завершении нового набора космонавтов. Завтра будут выступления с мест, а сегодня все руководство ВВС и командующие армий уехали на Главный военный совет, который проводит уже третье заседание.

Гагарин сегодня рано утром уехал на автомашине в Горький. Я ему разрешил ехать только с шофером и не больше, чем на два дня.

Гагарин хочет помочь своим землякам-избирателям в ремонте автотранспорта и получении автозапчастей. Я посоветовал Юре не превращать себя в толкача, но у него очень большое желание помочь землякам, и он настоял на поездке. С просьбой разрешить поездку в Харьков обращался и подполковник Попович, но я ее не разрешил. Просьбу Поповича (он хотел поехать на свадьбу друга) Главком охарактеризовал как большую нескромность.

11 февраля.

Более часа был у Руденко. Пытался установить с ним «контакт», но только лишний раз убедился, что это бесполезное занятие. Руденко не решал и не решает ни одного вопроса — он может только запрещать, да и то не всегда. Был Титов, он собирается слетать на родину, и я разрешил, а Руденко запретил этот полет. Сегодня Главкома целый день нет на месте, но завтра он наверняка одобрит мое решение: Титов летит к избирателям, и у нас нет никаких оснований его задерживать, однако, Руденко до этого нет никакого дела. Я сегодня докладывал ему шесть вопросов и ни на один из них не получил решения. Его стандартный ответ: «Докладывай Главкому», — обеспечивает ему спокойствие, здоровье и долголетие. Я иногда завидую такому спокойствию, но чаще я глубоко возмущаюсь им и горжусь тем, что меня «зажигают» не только большие, но и мелкие повседневные дела.

12 февраля.

Руденко опять остался «с носом». Главком разрешил отпустить Титова к избирателям, хотя я и доложил ему о несогласии Руденко с моим решением. Итак, еще одна победа над Руденко, таких побед уже много, но это пирровы победы. Я знаю, что маршал все больше и больше озлобляется на меня и хотя сейчас он вынужденно терпит мое «самовольство», может в подходящих условиях крепко «насолить» мне. Сегодня я прочитал свою аттестацию за 1962 год. Генерал-полковник Миронов написал очень хорошую аттестацию с выводом: должности вполне соответствует, достоин присвоения звания «генерал-полковник». Аттестационная комиссия во главе с Руденко, а затем и Главком утвердили аттестацию. Спасибо за благие намерения, но я уверен, что «генерал-полковника» мне не дадут.

Провел совещание с представителями промышленности, ГКНИИ, ЦПК и Института авиационной и космической медицины по вопросу о

комплексной трехсуточной тренировке женщин-космонавтов в тепловом макете корабля «Восток». Алексеев и Воронин изъявили согласие принять участие в проведении тренировки и обещали помочь институту в оборудовании кораблей.

Главком вчера был у Челомея и встречался там с Н. С. Хрущевым. Ссылаясь на слова Хрущева, он сказал мне: «Как дела с заказом «Востоков»? Если этот вопрос еще не решен, будем писать в ЦК». Я ответил, что «Востоки» будут строиться, но не решаются вопросы организации эксплуатации кораблей. Для того, чтобы ВВС взяли на себя приемку, испытания и организацию пуска кораблей, требуется создать подразделение с численностью 180–200 офицеров. После такого заявления Главком сразу «скис». Меня поддержал генерал-полковник Рытов, но и его выступление не убедило Вершинина в необходимости срочных и решительных мероприятий.

13 февраля.

Сегодня получил очень хорошее решение ВПК. Почти год боролся я с дюжиной министров (в том числе и с Малиновским), категорически возражавших против постройки «Востоков». Приятно победить целую кучу «больших и высоких» бюрократов и получить, наконец, документ следующего содержания.

«Решение ВПК при Совете Министров СССР.

№ 24 от 8 февраля 1963 года.

«Об изготовлении объектов «Восток».

Комиссия Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам, рассмотрев предложения Вершинина, Смирнова и Келдыша о продолжении медико-биологических исследований в условиях космического пространства с помощью космических кораблей «Восток», решила:

1. Считать целесообразным продолжение в 1963 году медико-биологических исследований в условиях космического пространства с помощью космических кораблей «Восток».

2. Обязать ГКОТ совместно с Государственными комитетами по авиационной технике, радиоэлектронике, автоматизации и машиностроению, Министерством обороны, Всероссийским и Украинским совнархозами в двухнедельный срок разработать и представить на утверждение согласованный план-график изготовления

в первом полугодии 1963 года четырех кораблей «Восток» и носителей к ним.

3. Поручить ГКОТ, ГКАТ, Государственному комитету по радиоэлектронике, МО СССР, АН СССР и Академии медицинских наук в двухнедельный срок проработать вопрос о возможности увеличения длительности полетов пилотируемых космических кораблей «Восток», предусмотренных настоящим постановлением, до 10 суток и в варианте с животными до 30 суток. Заключение представить в ВПК.

4. Поручить ГКОТ, Совету обороны, СО, АН СССР с привлечением заинтересованных ведомств в месячный срок разработать и представить в ВПК программу работ по освоению космического пространства с помощью пилотируемых космических объектов на ближайшие два года, обеспечивающую безусловное преимущественное положение СССР в данном направлении.

Д. Устинов».

На документе имеются резолюции:

«Руденко. Организовать исполнение, лично руководить и контролировать. Вершинин. 12.2.1963 г.»

«Каманину, Бабийчуку, Холодкову. Совместно с институтом и ЦПК подготовить соображения по пункту № 3. Срок 3 дня. Руденко. 13.2.1963 г.

Каманину, Мишуку, Бабийчуку (совместно с институтом и ЦПК), Холодкову. Подготовить соображения по пункту № 4. Срок 7 дней».

14 февраля.

Утром позвонил Л. Е. Кербелю и сказал ему, что в феврале я не смогу у него быть. Договорились о переносе сеансов на март, но откровенно говоря, мне совсем не хочется облекаться в мрамор или бронзу, главным образом из-за возможных разговоров на тему культа и желания оставить след в истории. Слава никогда не кружила мне голову, а теперь я совершенно равнодушен к ней.

Вчера долго и обстоятельно говорил с Вершининым по ряду принципиальных вопросов дальнейшего участия ВВС в развитии космонавтики. Пока что все пуски космических объектов осуществляет промышленность под руководством Государственной комиссии. Десятки главных конструкторов (Королев, Глушко, Кузнецов, Пилюгин и другие) месяцами живут на полигоне и не имеют

возможности работать над усовершенствованием своих систем. Корабли типа «Восток» летали десятки раз, и давно назрело время взять их пуски в руки военных. Но Малиновский, Гречко, а за ними и Вершинин с Руденко боятся взять на себя всю ответственность за пуски и хотят на неопределенно долгое время сохранить старый порядок. Я убеждал Главкома, что нам нужно пуски кораблей и управление космическими полетами брать на себя; сформировать для этой цели специальные подразделения (200–220 офицеров), подготовить их у Королева; и на старте за 2–3 месяца уже в 1964 году полностью отвечать за подготовку и организацию космических полетов. Когда-то Вершинин очень хотел этого, а сейчас упирается и не решается сделать твердый шаг вперед. Можно и нужно сократить любой авиационный полк или любое другое авиационное подразделение, и за счет такого сокращения создавать космические части. Но старикам уже не подняться, они, как черт от ладана, бегут от всего нового и рискованного. А космос — это не только великие победы, но и риск, ответственность и возможные большие неприятности.

15 февраля.

Гагарин выступал вчера перед рабочими завода «Красный пролетарий», а Титов произнес речь на барнаульской краевой конференции ВЛКСМ. Попович в феврале выступал уже 5 раз, а 17 февраля ему предстоит лететь в Ташкент на сбор хлопкоробов. В Ташкент летит секретарь ЦК КПСС Поляков, вчера он настоятельно просил послать с ним одного из космонавтов. В конце февраля Попович полетит в Узин, а Николаев — в Чебоксары для встречи с избирателями. Отрыв космонавтов от работы и учебы очень большой, академия жалуется на низкую посещаемость занятий и затяжки со сдачей зачетов и экзаменов.

Вчера долго обсуждали с Руденко «Положение о космонавтах», утвержденное правительством 30.8.1960 года (№ 866–361). «Положение» сейчас явно устарело, оно дает космонавтам так много всяких материальных благ и привилегий, что даже не создает стимула для желания лететь в космос, особенно лететь повторно. Космонавты еще до первого полета получают 350 рублей в месяц, год службы им засчитывается за три, срок выслуги в очередном звании сокращен для них в 2–3 раза. «Положение» переработаем и представим на

утверждение в правительство. Разговор о «Положении» возник в связи с представлением Титова к званию «подполковник». По существующему «Положению» Титову нужно было присвоить звание подполковника 12 ноября 1962 года. В связи с нарушениями им правил уличного движения присвоение звания было задержано. Этот факт положительно сказался на поведении всех космонавтов и самого Титова, но Руденко все же выразил сомнение, нужно ли давать сейчас новое звание Титову. Я высказался за то, чтобы дать звание подполковника Титову и Николаеву, используя существующее «Положение», а затем пересмотреть его.

Сегодня провел большое совещание представителей ИАКМ, ЦПК, части Холодкова и НТК ВВС по вопросу использования шести новых кораблей «Восток». Решили: два корабля использовать для женского группового полета, три — для полетов космонавтов-мужчин (с постепенным увеличением продолжительности полета до 10 суток), один — для тридцатисуточного полета животных. Разработали программу медико-биологических исследований и исследований по отработке элементов военного применения. Работа шла дружно, только по вопросу тренировки космонавтов в тепловом макете корабля в скафандре с 10-суточным режимом представители ЦПК (полковник Целикин, майор Комаров, подполковник Ващенко) высказались против. Они считают, что космонавтам достаточно пробыть в скафандрах трое суток. Пришлось напомнить им основное правило военных: «Тяжело в учебе — легко в бою». Придется по этому вопросу поработать еще и с самими космонавтами.

16 февраля.

Говорил с Главным конструктором Ворониным о его участии в оборудовании теплового макета «Востока» в ИАКМ и подготовке тренировок женщин-космонавтов в трехдневном пребывании в корабле. Воронин ворчал, сопротивлялся, мотивируя свои возражения нехваткой времени. В частности, он сказал: «Одновременно для «Союза», «Востока» и изделий Челомея мы делать оборудование не можем, если будем делать для «Союза», будет стоять «Восток», а если заставят работать над «Востоком», не сможем продвигать «Союз»…» В связи с этим разговором мне вспомнился недавний звонок из ЦК КПСС. Три-четыре дня тому назад звонил Строганов (отдел Сербина) и сообщил, что Калмыков и Дементьев, возражая против решения ВПК

построить четыре корабля «Восток» в первом полугодии 1963 года, предлагают более поздние сроки и просят снять другие важные заказы. Борьба за «Востоки» будет еще продолжаться, но это уже не борьба, а «добивание уцелевших группировок противника»…

С участием Мосфильма мы создали уже восемь «космических» кинокартин. Еще за полгода до полета Гагарина мы начали готовить кинофильм «Путь к звездам», и он был выпущен в свет через три недели после полета и через две недели после решения ЦК КПСС о выпуске такого фильма. Так же создавались и другие картины, повести, рассказы, книги — все готовилось до полета; приходилось брать на себя большую ответственность за возможное разглашение секретных сведений. В подготовке картин участвовали Рябчиков Е. И., Гостев И. А., Боголепов А. Д. и многие другие. За два года такой оперативной работы в ЦК КПСС накопилось много материалов, присланных по линии КГБ (Семичастный) и обобщающих все наши грехи в смысле нарушения бдительности, секретности и т. д. Из ЦК последовали серьезные предупреждения, нужно было перестраиваться, и тогда мы сочинили письмо в ЦК за подписью Фурцевой и Вершинина с просьбой разрешить киносъемки для будущей кинокартины о женщинах-космонавтах. Получили решение секретариата ЦК за подписью Ф. Р. Козлова: «Отложить». Прямо скажем, решение недальновидное и очень перестраховочное. Готовить важный полет и не накапливать параллельно материал для широкого освещения этого полета после его выполнения — это значит заранее идти на сознательное урезывание возможностей пропаганды первого в мире космического полета женщины. Дал команды прекратить допуск в ИАКМ и ЦПК кинооператоров, журналистов, фоторепортеров. Одновременно приказал собственными силами готовить все материалы (фото, кино, очерки) для широкого освещения в будущем (по разрешению) результатов полета. До моего просмотра все эти материалы будут храниться как секретные и совершенно секретные.

18 февраля.

Больше месяца тому назад я оставил маршалу Руденко для рассмотрения и утверждения план-проспект курса подготовки космонавтов и план подготовки космонавтов на 1963 год. Вместо рассмотрения и утверждения Руденко позвонил мне сегодня и сказал: «Почему я должен утверждать эти планы, давайте напишем директиву

о подготовке космонавтов, а планы пускай утверждают сами». Затратить 40–50 дней на то, чтобы дать такой ответ! В этом ответе полная характеристика маршала Руденко — волокитчик и перестраховщик. Такое решение, принятое два месяца назад, еще могло бы быть приемлемым, но сейчас, в конце февраля, писать директиву с задачами на 1963 год по меньшей мере неразумно. Но Руденко упрям и, когда не нужно, проявляет большую настойчивость.

19 февраля.

Вчера в ЦДСА провели торжественное собрание ВВС, посвященное 45-й годовщине Советской Армии. Собрание открыл Вершинин, с приветствием выступил Туполев, после собрания был плохонький концерт самодеятельности ВВС.

Сегодня был у меня Гагарин. Он и его друзья немного обижаются на Одинцова — «Он с нами еще не разговаривал». Они болезненно реагируют на попытки Одинцова установить в Центре более строгие порядки.

20 февраля.

В 12 часов прилетел из Новосибирска Титов, он заезжал ко мне и рассказал о проведенных встречах с избирателями. Кроме этих встреч он провел в Барнауле и Новосибирске конференции читателей журнала «Авиация и космонавтика». Об этих конференциях мне уже рассказал по телефону командующий СиБВО генерал-полковник Бакланов, давший им очень высокую оценку. Я поздравил Германа с присвоением ему звания «подполковник» (19.02.1963 года) и взял с него обещание, что он после 24 февраля раза два-три съездит к скульптору Постникову.

Сегодня у меня с маршалом Руденко опять был очередной конфликт. Я предложил ему ходатайствовать перед министром о разрешении переформировать и усилить одно из управлений ГКНИИ ВВС, нацелив его на испытания и пуски космической техники. Руденко высказал желание не задействовать ГКНИИ на космические объекты, а сформировать для этой цели специальное подразделение. Через час после разговора с маршалом я был у Главкома, и он приказал мне написать письмо министру так, как я предлагал Руденко. Главком при встречах стремится сгладить наши серьезные разногласия с Руденко по вопросам создания первых подразделений ВВС, предназначенных организовывать и проводить пуски космических аппаратов.

21 февраля.

Получил от Института авиационной и космической медицины перечень научно-исследовательских задач обеспечения длительных космических полетов на 1964–1965 годы. Яздовский работал над этим материалом целую неделю, но сделал не совсем то, что нам нужно: хотелось бы иметь план полетов (количество, сроки, задачи), а не перечень исследовательских работ. Придется завтра вместе с НТК ВВС (Мишук) и генералом Холодковым самим разработать конкретный план космических полетов на 2–3 года.

Более часа просидел у маршала Руденко, который, как обычно, вместо конкретного решения, «закатил» длиннейшую лекцию. Уже пятый раз я докладываю ему проект письма к министру с предложениями об организации пусков космических кораблей. Сегодня он, после разговора с Главкомом, уже не возражал против допуска к этому делу ГКНИИ, но, придравшись по привычке к отдельным формулировкам, которые до этого сам же и одобрял, снова предложил переделать документ.

22 февраля.

Вчера прочитал статью «Портретов Циолковского не видно». Статья написана С. Вознесенским из Нового Оскола для журнала «Авиация и космонавтика». Автор пишет, что в 20-е годы было широко известно стихотворение о Ленине:

«Портретов Ленина не видно
Подобных не было и нет,
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет…»

По мнению автора, это стихотворение (если вместо «Ленина» поставить «Циолковского») полностью характеризует положение с обобщением философского наследия К. Э. Циолковского. В статье есть ценные мысли, но много и ошибочного. Если доработать ее философскую часть и выбросить рассуждения и предложения, касающиеся конкретных мероприятий по освоению космоса на ближайшие годы, может получиться интересная статья.

Звонил Вершинин и сообщил, что получено разрешение Косыгина установить в ЦПК кремлевский телефон. Около двух лет я добивался этого телефона, и вот небольшая, но очень желанная победа — с установкой «кремлевки» резко улучшается связь Центра с Москвой.

25 февраля.

Два дня праздника провели в Москве, на дачу не поехали из-за болезни Оли. Сегодня ей значительно лучше, температура спала, есть вероятность завтра отвезти ее на дачу — там ей в десять раз привольней.

23-го были с Мусей в ЦДСА на приеме у маршала Захарова. На приеме были Титов, Попович, Николаев (Гагарин не приехал — опять заболела Валя), были почти все маршалы, много генералов и все военно-воздушные атташе иностранных представительств. Захаров принимал гостей вместе с новой женой — женщиной лет 40–45. Виделись со многими старыми знакомыми (Астахов, Брайко, Красовский, Руденко, Байдуков, Тодорский, Крылов). Маршал Астахов после болезни очень похудел, как будто стал меньше ростом, но держится еще бодро.

Пришел Указ о присвоении генеральских званий. Как я и полагал, моей фамилии в указе нет, и больше того, ни одному кандидату от Главного штаба ВВС на повышение в звании, имеющему штатную категорию генерал-полковника (Кобликов, Ушаков, Кутасин), соответствующего звания не присвоили. Звание генерал-полковника авиации получили Покрышкин, Гречко и Счетчиков — все они заслуживают его, хотя Покрышкин и Гречко закончили войну полковниками, а Счетчиков — генерал-майором. Я, по-видимому, установлю рекорд пребывания в звании генерал-лейтенанта. Правда, Хрущев еще раньше меня стал генерал-лейтенантом и носит это звание до сих пор — хоть в этом он пока не сделал глупости.

Идут усиленные разговоры о серьезной реорганизации центрального аппарата Министерства обороны. Было бы правильно ликвидировать деление Вооруженных Сил на отдельные виды, вместо большого числа Главных штабов создать один объединенный Генеральный штаб, упразднить штабы округов и в несколько раз сократить количество армейских штабов. При такой реорганизации я готов уйти хоть в колхоз — лишь бы при этом выиграла боевая готовность и боеспособность Вооруженных Сил. Но думаю, что все закончится разговорами, небольшими сокращениями молодых офицеров и генералов и закреплением позиций стариков. Одним из самых мудрых решений ЦК было бы ограничение военной службы 60-летним возрастом, а некоторых должностей и того меньше.

Заходил Скуридин Геннадий Александрович (от Келдыша), ходатайствовал о приеме на работу в ИАКМ студента-выпускника 1-го мединститута Максименко. Скуридин еще раз подтвердил, что в АН СССР все, начиная с Келдыша, против планов Руденко свести роль Института авиационной и космической медицины к деятельности лишь узковедомственной организации.

Получил копию письма Устинова в ЦК (с проектом решения) от 9 февраля по поводу постройки четырех кораблей «Восток». Устинов пишет, что вопрос о постройке «Востоков» для Министерства обороны поддерживается АН СССР, ГКОТ и ВПК, и просит обязать всю сложную кооперацию промышленности выполнить заказ в первом полугодии этого года.

26 февраля.

Звонили Одинцов, Карпов и Яздовский: у них большие разногласия по программе тренировок девушек на центрифуге. ЦПК возражает против больших перегрузок, а ИАКМ настаивает на расчетном графике перегрузок при старте ракеты. И та, и другая сторона заняли крайние позиции и не могут договориться. Карпов и Яздовский живут, как кошка с собакой, — в дело они вносят много личного и тем портят его. Яздовский в последнем разговоре со мной высказался о необходимости убрать Карпова и очень сожалел, что когда-то выдвинул его на должность начальника Центра. Карпов хочет освободиться от опеки ИАКМ, хотя он отлично знает, что научное руководство работой Центра оставлено за институтом. На 14 часов сегодня вызову «воюющие» стороны и попытаюсь ликвидировать намечающийся конфликт.

28 февраля.

Гагарина вчера положили в госпиталь на предмет определения его годности к летной работе. Попович будет в Узине и Киеве до 3 марта, сегодня дал ему разрешение 4 марта быть в Харькове, а 6-го — выступить в Полтаве на областном совещании работников сельского хозяйства. Николаев до 2 марта будет в Чебоксарах.

Вчера я весь день провел в Центре, разбирался с «бунтом» космонавтов против мероприятий нового начальника Центра генерала Одинцова. Гагарину и всем другим космонавтам не понравилось, что Одинцов пытается поставить их в более жесткие рамки (соблюдение распорядка дня и требований «Положения о космонавтах», наряд раз в

два месяца). Гагарин и Беляев подготовили и провели 21 февраля партийное собрание отряда космонавтов с докладом Гагарина «Роль коммунистов в соблюдении режима труда и отдыха космонавтов». На собрание пригласили генерал-лейтенанта Клокова и полковника Бутенко из Академии Жуковского, а также всех слушателей-космонавтов. Хотя доклад и решение собрания были правильными по форме, но само его проведение было задумано как «бой» новому начальству. Выступления Поповича, Леонова, Волынова и других были по существу критикой мероприятий (приказов) Одинцова. Одинцов в своем выступлении указал на недопустимость такой критики, но и после его выступления Попович и Клоков поддержали критиканов, причем Клоков заявил: «Выступления правильные, я доложу о ходе собрания Главкому и Главному политическому управлению».

Из беседы с Одинцовым, Карповым, Новиковым, Матвеевым и другими мною установлено, что партсобрание готовилось с целью раскритиковать новое начальство и что с этой же целью на собрание были заранее и без согласования с руководством приглашены Клоков, Бутенко и слушатели-космонавты. Никерясов, Волков, да и Одинцов знали о настроениях космонавтов, и все же Одинцов разрешил проводить это собрание 21 февраля в рабочее время и даже «не заметил» присутствия всех слушателей-космонавтов.

Главный заводила всей этой кутерьмы — Гагарин. Его обидело официальное отношение к нему Одинцова: если Карпов всегда советовался с Гагариным и часто уступал ему даже в принципиальных вопросах, то Одинцов решил держать в отношении с ним официальный тон. Гагарин утверждает, что ему трудно командовать отрядом (нет возможности установить постоянный контроль), и просит дать ему адъютанта отряда. Я отказал Гагарину и Одинцову в этой просьбе. Мне кажется, что введение в отряде космонавтов еще одной должности администратора сведет к нулю обязанности командира и заместителя командира отряда и не будет благоприятствовать командирскому росту Гагарина и Титова. Гагарин и Титов еще плохо проявляют себя как командиры-воспитатели и в ряде случаев плетутся в хвосте отсталых настроений некоторых космонавтов. Гагарин, правда, написал очень объективные аттестации на всех космонавтов, и в этом его первая командирская заслуга.

1 марта.

Сегодня были у меня Вадим Комолов из АПН, Виктор Беликов из «Известий» и И. Г. Нехамкин из журнала «Советский Союз». Пресса ищет выход из «зоны молчания», которую неосмотрительно создали по воле Ф. Р. Козлова. Сегодня же Одинцов, Карпов и Титов поехали к Воронину в ОКБ-124, они хотят убедить его помочь Центру в оборудовании теплового макета корабля «Восток».

2 марта.

Руденко подписал директиву о летной подготовке космонавтов на 1963 год и разрешил мне рассмотреть и утвердить планы летной подготовки каждого космонавта, в том числе Гагарина, Титова, Николаева и Поповича. Гагарин сейчас заканчивает медицинское обследование. Ему могут дать аттестат годности к полетам, а у нас не решен главный вопрос о Гагарине — будем ли мы его готовить к повторным космическим полетам? Мне кажется, что не нужно рисковать «Колумбом космоса», посылая его в полет, который может выполнить любой другой космонавт. Гагарин сам добивается разрешения летать и готовить себя к будущим космическим полетам. Нужно будет попробовать убедить его отказаться от полетов и готовить себя на роль одного из главных руководителей космической деятельности в СССР.

Руденко рассмотрел и разрешил отправить С. П. Королеву и Л. В. Смирнову предложения ВВС о планах использования шести кораблей «Восток». Два — для женского группового полета, три — для полета на 6–8 и 10 суток космонавтов-мужчин и один — для 30-суточного полета животных). За последнюю неделю Руденко стал заметно покладистей. Это у нас первая неделя без конфликтов.

Получили принципиальное решение ЦК КПСС о направлении в Бразилию Николаева и Поповича на самолете Ту-114 для участия во Всемирной авиационно-космической выставке. Предложено послать с ними 3–5 человек специалистов. Генерал-полковник Пономарев месяц тому назад изъявил желание возглавить эту делегацию. Я предложил Руденко послать руководителем всей группы Пономарева или генерала Горегляда. Кандидатура Горегляда может быть отставлена Главкомом из-за выпивок, от которых Горегляд еще не избавился. Правда, за последние 6 месяцев он не срывался, но несколько раз приходил на службу со следами попоек.

Был у меня подполковник Беляев — космонавт, секретарь партийной организации отряда космонавтов. Мы с ним часа два беседовали о партсобрании, проведенном в отряде 21 февраля. Беляев сказал, что космонавты чувствуют себя неловко: собрание получилось не таким, как им хотелось. Он утверждал, что обдуманной подготовки «духа» собрания не было, но до собрания было много разговоров о проекте нового «Положения», распорядке дня, перегрузках в работе и учебе, и о том, что генерал Одинцов за месяц не нашел времени встретиться с космонавтами и выслушать их предложения.

Никерясов прислал протокол этого собрания. Из протокола мне стало ясно, что космонавты и слушатели-космонавты взбудоражены рядом неправильных мероприятий Одинцова, не удовлетворены его неудачным выступлением на собрании. Я часто встречался с космонавтами; каждый месяц не менее 3–5 раз бывал в Центре и только в феврале был один раз. За три года это первый серьезный конфликт между администрацией и космонавтами. По-видимому, в нем есть доля и моей вины: я слишком многое сразу доверил Одинцову, а он не сумел найти правильный путь к сердцам космонавтов и встал на путь сухих официальных отношений с ними. Маршал Руденко неправильно оценил сложившуюся обстановку. Он сказал: «Одинцова нужно поддержать, а Гагарину объявить выговор, провести закрытое партийное собрание отряда и указать критиканам их место». Генерал Рытов придерживается другого мнения: «Критика правильная нужно подправить распорядок дня, разъяснить ситуацию с проектом «Положения о космонавтах», партийного собрания специально не проводить, а дать ответы на критические замечания космонавтов». Я целиком согласен с Рытовым и буду действовать в предложенном им направлении.

4 марта.

Вчера был день выборов в Верховный Совет РСФСР, мы с Мусей голосовали в Заборье, в помещении школы. Я ходил голосовать с Олей, ей интересно было посмотреть школу и урны. Когда Оля увидела ящики для голосования и опустила в них бюллетени, она не поверила, что это урны. Она так и сказала: «Урны должны быть круглыми и с цветами, а здесь цветов нет».

5 марта.

В Институте авиационной и космической медицины провел большое совещание по вопросам тренировок космонавтов на центрифуге. Присутствовало около 30 человек — представители ИАКМ, ЦПК, авиагоспиталя, завода № 918, Первого мединститута и других организаций. Карпов и все другие представители Центра высказались за систематические тренировки всех космонавтов, независимо от того, когда они полетят в космос. Представители всех остальных организаций (Волынкин, Яздовский, Васильев и другие) высказались за то, чтобы проводить испытания на центрифуге с 10-кратной перегрузкой при отборе в космонавты и за 1,5–2 месяца перед космическим полетом, а между этими испытаниями тренировок не проводить. При этом приводились такие доводы:

1) не доказано, что тренировки на центрифуге дают положительный эффект;

2) не исключены вредные последствия длительных многократных перегрузок для организма (у собак при 8-кратной перегрузке общей продолжительностью до трех месяцев, как правило, наблюдалось кровоизлияние в сердце, мозг, печень, легкие);

3) натренированность организма к перенесению перегрузок можно укрепить физическими упражнениями (они проще, приятней и укрепляют весь организм).

Дал указание Волынкину, Бабийчуку, Яздовскому и Карпову подготовить план мероприятий для более полного изучения этой проблемы и обоснования конкретных предложений о тренировках и испытаниях космонавтов на воздействие перегрузок.

8 марта.

Весь вчерашний рабочий день Руденко и я провели в Центре подготовки космонавтов. Слушатели-космонавты и космонавты-мужчины были на занятиях в Центре и в академии. Терешкова, Соловьева, Еркина, Пономарева и Кузнецова занимались в Центре. Я их всех встретил на пути из штаба в лабораторный корпус. Поздравил Терешкову с днем рождения (6 марта ей исполнилось 26 лет).

На этот раз они выглядели немного лучше, чем месяц тому назад, когда я встречался с ними последний раз.

Двенадцать часов подряд мы занимались курсом подготовки слушателей-космонавтов и космонавтов: маршал Руденко искал возможности сокращения медико-биологической части курса,

рассчитанного на два года. Такие возможности есть — ведь мы подготовили девушек к полету за один год. Можно и слушателей-мужчин подготовить за 10–12 месяцев, но, разумеется, за два года мы подготовим их более обстоятельно, да и острой необходимости сокращать срок подготовки в данное время нет.

Сегодня от Устинова приезжал Попов, он привозил на визу Главкому проект решения ВПК. Устинов, Смирнов, Калмыков и другие промышленники предлагают для женского полета использовать один корабль (№ 7), а второй (№ 8) держать запасным, и если полет корабля № 7 будет успешным, то корабль № 8 передать в музей. Срок готовности техники и людей — 1 апреля 1963 года. Я уговорил Главкома, он написал следующее замечание: «ВВС за групповой полет женщин на двух кораблях и категорически против передачи в музей без использования в полете корабля № 8». Через 3–4 часа после разговора с Главкомом мне позвонил Руденко и велел передать Одинцову, чтобы он продолжал готовить четырех женщин и начал подготовку к космическому полету трех мужчин. С женщинами мне все ясно, а вот зачем немедленно начинать подготовку мужчин — абсолютно непонятно. По-видимому, Руденко исходит из того, что мы отобьем намерение загнать в музей корабль № 8 и используем его, если не для полета второй женщины, то хотя бы для полета в мае одного из мужчин. Для обоих кораблей в мае-июне истекает гарантийный срок всей бортовой аппаратуры.

Вчера Одинцов, Карпов и я несколько раз обращали внимание Руденко на необходимость строительства жилого городка рядом с ЦПК. Маршал уже вчера начал колебаться в принятом ранее решении не начинать строительство нового городка. Сегодня я и генерал-лейтенант Строганов еще раз атаковали Руденко и… крепость пала! Руденко приказал готовить все планы на строительство городка космонавтов на тысячу человек рядом с ЦПК. И на этот раз здравый смысл победил, а два месяца назад маршал был категорически против нашего предложения.

9 марта.

Послал приветствие Гагарину, сегодня ему исполнилось 29 лет. Вчера вечером Николаев выступал на собрании женщин ВВС. Вечер вел генерал Брайко, он говорил мне, что выступлением Николаева все остались довольны. Сегодня в 17 часов Николаев выступает в школе №

752 (школе присвоено его имя). Титов уже выступил на партийном семинаре Ждановского района; первый секретарь райкома Алла Петровна Шапошникова звонила мне и выразила большое удовлетворение и благодарность за встречу с Титовым.

Приказал генералу Горегляду готовить всю делегацию к поездке в Бразилию и, в частности, подготовить доклады Николаева и Поповича. Из ЦК звонили несколько раз (Строганов и другие), интересовались, как мы готовимся к поездке, и в разговорах высказали пожелание написать директиву о характере их выступлений. Я им объяснил, что мы провели более 30 выездов за границу и ни разу не писали подобных директив. Космонавтов мы готовим к выступлениям здесь, в Москве, а перед каждым конкретным выступлением на месте — с нашим посольством.

11 марта.

С утра был в ЦК у Сербина — заведующего отделом промышленности. Со мной были Николаев, Горегляд, Мишук и другие товарищи, едущие на выставку в Бразилию. Сербин интересовался тем, как мы готовим членов делегации к поездке, что они собираются смотреть, изучать и какие материалы привезти с выставки. Он поставил мне в вину отсутствие в составе делегации представителей промышленности. Я ему объяснил, что мы исходили из решения президиума ЦК от 1 марта 1963 года о поездке в Бразилию Николаева и Поповича, в котором записано: «Обязать Министерство обороны доложить в ЦК предложения о направлении на выставку 3–5 специалистов по космосу и сопровождающих лиц». По-видимому, Королев после моего разговора с ним звонил Сербину и возмущался отсутствием в составе делегации его людей. Я и Мишук сказали, что ВВС приветствовали бы поездку вместе с военными и промышленников, но мы не имеем права рекомендовать их людей (Дементьев и Калмыков высказались против поездки их представителей).

В конце беседы, когда остались только я, Горегляд и космонавты, Сербин интересовался работой Центра, подготовкой космонавток и ролью уже летавших космонавтов в этой подготовке. Особо Сербин поднял вопрос об Институте авиационной и космической медицины. Он сказал, что ему звонил Келдыш и жаловался на Каманина, что он ограничивает задачи института интересами ВВС и не выполняет

решения ЦК и правительства о головной роли института в космической медицине и экологии. Я ответил, что Келдыш и Королев хорошо знают обстановку в ВВС и не могут сказать ничего подобного; моя личная точка зрения коренным образом отличается от точки зрения Руденко и Вершинина. Я против ведомственных ограничений задач института, но я связан решением руководства ВВС и не могу осуществлять свои взгляды. Сербин грозился в ближайшее время разобраться с этим вопросом или заставить ВВС выполнять все задачи, поставленные перед институтом, или передать их в другое ведомство.

12 марта.

Присутствовал вчера на общем партийном собрании Центра. На собрании были Гагарин, Терешкова, Пономарева и все другие космонавты и слушатели; не было Титова, Николаева и Поповича. Титова отпустили для встречи с алтайцами, а Николаев и Попович отсутствовали по неизвестным причинам.

Доклад сделал генерал Одинцов на тему «Переход Центра на новые штаты и задачи коммунистов», в прениях выступили 11 человек. Доклад и прения, в основном, были направлены на то, как обеспечить успешное решение стоящих перед Центром задач имеющимися средствами. Но кое-кто сбивался с верного пути и «плакался»: мало людей, мало строим, нет оборудования, малы оклады и т. д. Надо признать, что руководство ВВС не добилось, чтобы единственная в стране учебная организация, готовящая космонавтов, была хорошо обеспечена всем необходимым. Штатники, финансисты и хозяйственники рассматривают Центр как обычную воинскую часть. ЦПК обеспечил подготовку и полет Гагарина, Титова, Николаева и Поповича, обеспечит и предстоящие полеты, но Центру еще далеко до образцовой учебной организации. Необходимы и более солидная техническая база, и научное обоснование системы обучения, и образцовая дисциплина и порядок.

Сегодня я проводил беседу со всеми отъезжающими в Бразилию. Потом напутствовал Николаева и Поповича, рассказал им все, что сам знаю и видел в Бразилии. Обсудили вместе около 50 вопросов, которые могут быть им заданы на пресс-конференциях, и договорились о характере ответов. В конце беседы я спросил: «Почему вы вчера не были на собрании?», Николаев ответил: «А мы не знали о собрании и дома занимались математикой».

Беседовал с Мишуком, Яздовским и Рудным о роли и задачах ИАКМ в связи с вчерашним разговором с Сербиным. Все сошлись на том, что Руденко тянет нас не туда, но наши попытки поправить его пока не удаются.

13 марта.

Перестраховщики и мои «друзья» ищут поводы насолить мне. 10 марта в «Известиях» была опубликована статья Виктора Беликова «Лоцманы космонавтов» о проведении в Институте авиационной и космической медицины 10-суточного плавания в воде испытателя. Генштабисты и цензоры подняли вой, что я разглашаю методы подготовки космонавтов (я дал согласие на опубликование статьи). Вой поднимают те, кто ничего не знает о системе и методах подготовки космонавтов. «Невесомость», описанная в статье, это пустой эксперимент, не имеющий никакой ценности. Рытову кто-то нашептал, что Одинцов на партийном собрании 11 марта раскрыл много лишних секретов, Рытов дал команду Миролюбову: «Расследовать». Одинцов в докладе не сказал ни одного лишнего или непродуманного слова, и тем не менее «шептуны» работают.

В конце вчерашнего рабочего дня заходил Герман Титов. Я дал ему задание провести с космонавтками беседы о ходе подготовки к полету на старте и о самом полете. Такие же беседы проведут Николаев и Попович. Герман предложил при выезде на старт не брать туда всю четверку летавших космонавтов ограничиться двумя, — а двух других послать на наиболее важные пункты связи (Симферополь, Хабаровск). Это предложение совпадает с моими наметками, и, если не будет больших возражений со стороны Королева, мы так и сделаем.

Вчера получил шифр-телеграмму из Феодосии: комиссия, проводящая там испытания скафандра и новой подвесной системы, считает обязательным выполнение космонавтками прыжков на море в скафандре и полном снаряжении. Все хотят приложить руку к подготовке космонавток и застраховать себя от возможных неприятностей. В случае происшествий все будут кричать: «Мы предлагали, с нами не согласились и т. д.». Пока все идет хорошо, все тихо («победителей не судят»). Но не приведи Бог — случится неприятность, — тогда всю тяжесть ответственности придется нести мне.

Только что звонил Руденко: «Какое совещание вы проводили вчера?» Я вчера не проводил никакого совещания, проводил совещание в Центре генерал Одинцов. Опять кто-то о чем-то «сигнализировал».

15 марта.

Вершинин собрал вчера руководящий состав ВВС и зачитал приказы министра обороны и Указы правительства о понижении в звании Главного маршала артиллерии Варенцова и генерала армии Серова (бывшие председатель Комитета государственной безопасности и начальник Главного разведывательного управления) до генерал-майора и о лишении обоих звания Героя Советского Союза. И тот и другой понесли наказание за связь с бывшим полковником Пеньковским, который оказался матерым шпионом. У Варенцова Пеньковский был почти на положении сына, а у Серова работал и был близким к нему человеком. Жена и дети Серова ездили в Англию в сопровождении Пеньковского, который на «свою» валюту покупал им большие подарки. Главком потребовал: «Наведите образцовый порядок во взаимоотношениях с людьми и с соблюдением секретности».

После собрания у Вершинина меня и генерала Одинцова вызвал к себе маршал Руденко и более часа отчитывал за совещание, которое 12 марта провел в Центре Одинцов. Совещание было излишне многолюдным (40 человек). Одинцов при открытии совещания сказал: «Руденко и Каманин не смогут присутствовать, Руденко поручил мне открыть совещание». Совещание превратилось по масштабу (шесть организаций — академии, институты, НТК ВВС) и по составу (более десяти генералов, доктора наук, профессора) в конференцию ВВС. Одинцов, по неопытности, не доложил мне о составе участников, а главный организатор совещания полковник Терентьев нарушил мои, лично ему данные, указания — не проводить больших совещаний, а делать все в рабочем порядке, — подвел Одинцова, да и меня тоже. Придется Терентьева крепко наказать. Если бы не было дела Пеньковского и последних строгих решений, никто не обратил бы на проведенное Одинцовым совещание никакого внимания, но сейчас все стали безмерно бдительными.

16 марта.

Состоялось решение Президиума ЦК о направлении в Бразилию на выставку авиационной и космической техники вместе с

Николаевым и Поповичем пяти специалистов по космосу и других сопровождающих лиц. Поедут генералы Мишук и Горегляд, полковник Смирнов, Лушников, Ребров и другие — всего 16 человек. Наш посол в Бразилии Фомин сообщил, что президент Гуларт просит прибыть в Бразилиа — столицу страны — 21 марта, имея в виду принять Николаева и Поповича и «окрестить» их гостями правительства на все время пребывания в стране. Фомин сообщил также, что в Бразилиа, Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу ширина аэродромных полос всего 45 метров, и ВВС Бразилии, подтверждая возможность посадки самолета Ту-114 на этих аэродромах, сомневаются, сможет ли он развернуться на 180 градусов. Генерал-лейтенант Цыбин провел совещание по этому вопросу со специалистами ГВФ и принял решение лететь на Ту-114. Фомин пишет, что президент Бразилии Гуларт просит Николаева и Поповича посетить пять крупнейших городов Бразилии. Обсудив с МИДом это предложение, мы решили ограничиться тремя городами, с тем чтобы побольше уделить внимания главной цели поездки — выставке в Сан-Паулу.

Руденко еще раз подтвердил, чтобы я доложил Вершинину о моем последнем разговоре с Сербиным о задачах ИАКМ, а сам требует от генерала Бабийчука ускорить подготовку доклада министру о снятии с института роли головного. Бабийчук против такого решения, но Руденко письменно приказал ему готовить такой документ за подписью Вершинина.

19 марта.

Главком сегодня подробно рассказал мне о вчерашнем заседании секретариата ЦК КПСС под руководством Фрола Козлова. Рассматривался вопрос о женском космическом полете и о программе использования четырех новых «Востоков». Никакого решения не принято, вопрос будет рассматриваться 21 марта на Президиуме ЦК. На прошедшем заседании Козлов высказал сомнение в целесообразности женского космического полета, («Зачем это нужно? А кто вам разрешил готовить женщин?» и т. д.). Сейчас, после четырех наших успешных полетов, странно слышать такие вопросы от одного из первых руководителей советской политики. Решением Президиума ЦК от 30.12.1961 года № 10/19 было одобрено предложение МО о наборе 60 новых слушателей-космонавтов, в том числе пяти женщин. А сейчас, когда женщины готовы к полету, нас спрашивают, зачем и

почему мы их готовили. Поздно, товарищ Козлов, задавать такие вопросы — все равно женщины полетят, и чем скорее, тем лучше.

Королев выступил на заседании с предложением: поручить ВВС заниматься приемкой и пуском космических кораблей. Его поддержал Вершинин, Малиновский промолчал, а Козлов поддержал Королева и сказал Вершинину: «Сократи немного самолетов и за их счет развивай космос». На этом разговоры закончились, но при выходе из здания ЦК Малиновский, крепко выругавшись, со злобой сказал Вершинину: «Куда ты высовываешься — он с тебя штаны снимет, — а на кой черт нам нужен этот космос!» Вот лицо одного из «лучших друзей» космоса.

Сегодня утром Королев звонил Главкому и мне. Договорились, что мы через Малиновского ничего предпринимать пока не будем, а 21 марта Королев вновь поднимет этот вопрос на Президиуме ЦК. Кто будет заниматься космосом — это один из принципиальных вопросов, и от его правильного решения зависит многое. Ближе всего к космонавтике — авиация, ей и нужно полностью поручить это дело. До правильного решения еще далеко; Малиновский, Бирюзов и другие наверняка еще будут сопротивляться.

21 марта.

С 10 до 14 часов проходило заседание Президиума Межведомственного совета по освоению космического пространства и одновременно заседание экспертной комиссии по «Союзу». Вел заседание Келдыш, доклад делал Королев, присутствовали Челомей, Ишлинский, Глушко, Кобзарев, Воронин, Строев и другие ученые и представители промышленности. ВВС представляли я, Одинцов, Холодков, Яздовский, Карпов, Гагарин, Титов и другие; от ракетных войск был генерал Соколов и от НТК Генштаба — генерал Юрышев.

Королев в своем докладе изложил основные идеи проекта «Союз» и принципы их осуществления. Главное в эскизном проекте «Союз» — стыковка на орбите. Освоение стыковки на орбите — это новая, более высокая ступень освоения космоса. Стыковка позволит осуществлять полеты большой длительности (месяцами). С использованием только имеющихся носителей можно будет осуществить пилотируемый облет Луны, а с носителем Н-1 (вывод на орбиту до 70 тонн) возможен будет полет экипажа на Луну, Марс и Венеру; появится возможность создавать постоянные орбитальные станции, менять экипажи на

орбите, оказывать помощь экипажам, терпящим бедствие в космосе, и решать другие задачи.

По докладу Королева выступали Келдыш, Челомей, Глушко. Все одобрительно отзывались о главной идее «Союза» — стыковке, — но одновременно указывали и на большие трудности ее осуществления. Вопросы, которые задавали Челомей, Глушко и другие, показали их полное незнание проекта, но тем не менее он был единогласно одобрен. Королев заявил, что «Союз» будет летать уже летом 1964 года. Будет отлично, если не весь комплекс «Союза» (7К, 9К, 11К), а хотя бы только 7К (корабль с экипажем) совершит первый полет в 1965 году. ВВС имеют громадный опыт дозаправки самолетов в воздухе, и этот опыт нужно использовать при освоении стыковки космических кораблей.

22 марта.

Президиум ЦК КПСС рассматривал вчера ряд вопросов, связанных с освоением космоса. Королев докладывал ЦК программу космических полетов на 1963 год (2–3 месяца назад мы рассматривали эту программу на Президиуме Межведомственного совета). ЦК одобрил программу, но по вопросу о женском космическом полете Ф. Р. Козлов сказал: «Полет можно провести вместе с мужскими длительными полетами». Утвердили срок изготовления четырех кораблей «Восток» — до конца 1963 года. Таким образом, реально на 1963 год мы имеем только два корабля, да и они имеют срок годности только до июня 1963 года. Это «мудрое» решение ЦК окончательно все запутало: специально женский полет решили не проводить, но и осуществить его в комплексе со сложным полетом мужчин невозможно из-за отсутствия готовых кораблей.

В конце своего доклада Королев поднял вопрос о передаче ВВС от промышленности функций по подготовке и осуществлению полетов кораблей «Восток». Козлов сказал: «Предложение правильное, товарищу Вершинину следует представить свои предложения по этому вопросу». Вот это решение разумное: не зря мы с Королевым добивались его почти год. Но это принципиально правильное решение еще могут испортить. Только что звонил С. П. Королев, он ходатайствовал о приеме в космонавты капитана Белоусова (у него дефект позвоночника) и товарища Егорова В. А. от Келдыша. Одновременно Сергей Павлович сказал, что вчера он разговаривал с

Малиновским и передал свои впечатления от этого разговора такими словами: «Ваш шеф жутко настроен к космосу, я вам не завидую». Да, Сергей Павлович, ты и на этот раз прав: наш министр, мягко выражаясь, не любит космос и знать о нем ничего не хочет. На мой вопрос: «Как, кого и к чему готовить?» Королев ответил: «Будем ждать и думать, вы ведь в курсе вчерашних решений».

Вчера же Вершинину при мне позвонил начальник Генштаба Бирюзов и дал ему такое указание: «Вы при подготовке докладов в ЦК должны руководствоваться не вашими соображениями, а позицией министра обороны, который сказал, что средств на заказ «Востоков» у нас нет и не будет».

Вот глупейшая «позиция» руководства Министерства обороны. «Пехота» даже в атомный и космический век остается пехотой и дальше поля боя свое «рыло» поднять просто неспособна. Я зол не на наших замечательных пехотинцев, а на их ограниченных руководителей, которым, к сожалению, подчинена авиация и космонавтика. Уже более двух лет мы пытаемся убедить министра в необходимости снять путы с космонавтики, но все наши усилия разбиваются о тупое равнодушие Малиновского. В одном мы нашли поддержку министра — он в «телячьем» восторге от космических игрушек (модели ракет с объемными портретами космонавтов). Малиновский специально звонил Вершинину и просил заказать как можно больше таких игрушек и рекомендовал наладить массовый их выпуск. Вывод: министр обороны категорически против заказа космических кораблей «Восток» и всей душой поддерживает массовое производство космических игрушек.

23 марта.

Вчера Николаев и Попович были приняты президентом Бразилии Гулартом и вручили ему подписанную всей четверкой книгу «Утро космической эры». За границей это будет первая книга с автографами четырех космонавтов, да и сама по себе эта книга стала уже такой редкостью, что найти ее перед вылетом в Бразилию было невозможно, — пришлось отдать один из двух имевшихся у меня экземпляров. Вчера же я подготовил Вершинину предложения ВВС в ЦК по вопросу о дальнейшей организации подготовки и пусков «Востоков». Главком с этими материалами уже был у Малиновского, но я еще не знаю

результатов их «приятной» беседы, а сегодня в шесть утра Малиновский улетел в Индонезию.

Только что прочитал официальное сообщение Госкомиссии о пуске модели ракетоплана 21 марта 1963 года, адресованное Хрущеву, Малиновскому и другим руководителям. Запуск осуществлен ракетой Р-12, ракетоплан набрал высоту 400 километров, вошел в атмосферу со скоростью 4 километра в секунду, пролетел 1900 километров и приземлился с помощью парашюта. Такой эксперимент проведен впервые не только у нас, но и во всем мире. Этот полет ракетоплана, созданного в ОКБ Челомея, открывает новые перспективы перед военной авиацией.

Был у Главкома, он мне рассказал о его вчерашней встрече с министром. Просмотрев наши предложения, Малиновский сказал примерно следующее: «ВВС стремятся взять на себя всю ответственность за космические полеты и создать с этой целью специальное управление. Делайте, как хотите, но численности для этого управления я вам не дам. Королев хочет переложить на МО ответственность: если что случится, он будет говорить, что, когда он руководил, все было в порядке, а когда руководство взяли на себя военные, то начались происшествия». Министр явно боится ответственности за возможные происшествия. Странное дело: сотни людей гибнут ежедневно на работе, в автомашинах, на самолетах и т. д., и этому не удивляются, такого исхода не исключают. А для самого трудного дела — осуществления космических полетов хотят иметь полную гарантию от происшествий. Без жертв, без риска космос не освоить. Нужно делать все возможное, чтобы сводить риск и опасность полета до минимума, но и то и другое будет присутствовать в каждом полете. Будут и жертвы, но бояться опасности и жертв просто глупо. Всякая трусость отвратительна, а боязнь ответственности за порученное дело просто омерзительна. Кто боится ответственности, тот не может и не должен руководить. Малиновскому давно пора на покой, и чем быстрее поймут это, тем лучше будет для обороны страны и для освоения космоса.

25 марта.

Маршал Руденко возвращается сегодня из недельной командировки в Польшу. Так было хорошо без него: еще бы 2–3 недели, и можно было бы многое упорядочить в определении объема

задач Института авиационной и космической медицины с включением и задач по экологии (Вершинин и Рытов, в основном, уже согласились с моими доводами). Но Руденко опять будет все ломать и сводить роль института к разработке медико-биологических требований для создаваемых космических кораблей.

26 марта.

Туман сгущается. Казалось бы, что космос и туман не имеют ничего общего, но практика способна внести и хорошие и дурные поправки в любое дело. Нам, людям, посвятившим себя целиком освоению космоса, космические перспективы ясны, и с каждым новым полетом они будут расширяться. Надо летать! Но вот летать-то нам и не дают. Все хотят руководить освоением космоса, но, не имея о нем никакого понятия, только все запутывают и обволакивают словесным и бумажным туманом. Сегодня Главком поедет в ЦК к Сербину. Кроме Главкома от МО там будет и Бирюзов, который сегодня еще раз предупредил Вершинина, что на совещании нужно держаться позиции Малиновского, то есть не брать на себя ответственность за пуски и не заказывать космические корабли. Я приготовил Вершинину кучу справок и «напичкал» его «космическими» сведениями. Главком высказал намерение отстаивать нашу позицию, но у меня нет уверенности, что он выдержит напор начальника Генерального штаба. Малиновский и Бирюзов тормозят освоение космоса, а Вершинин не может, обходя их, доказать нашу правоту. Вершинина к тому же «подпирает» Руденко, выступающий в духе высказываний министра. В такой обстановке мне трудно поддерживать боевой дух Главкома, но Вершинин нутром чувствует правильный путь и пытается на нем удержаться.

Только что вернулся от Главкома. Он показал мне конспект своего выступления на совещании и спросил, какого я мнения о нем. Первая мысль о том, что ВВС «вросли» в космос и многое делают для его освоения — правильна. Но на вопрос — «Готовы ли ВВС принять на себя пуски кораблей?» — Вершинин в конспекте записал: «Нет, не готовы!» Вот здесь начинается уступка позиции министра. Вместо того, чтобы сказать, что через 3–5 месяцев ВВС могут полностью взять на себя подготовку и запуск космических кораблей, мы говорим: «Нет». Жаль мне авиацию, космонавтику, да и все наши Вооруженные Силы. Устарели наши военные руководители, и нет в них былой

зоркости и способности к принятию смелых решений. Главный мотив всех решений — «Как бы чего не случилось, как бы кого не обидеть…»

Прежде чем идти к Главкому, я заходил к Руденко и около часа слушал его обычные никчемные нотации. Руденко — соловей, поющий для себя и всем мешающий; он считает своим долгом всех поучать, все хаять и все переделывать, но переделывать чужими руками.

28 марта.

Пришло решение Президиума ЦК от 21 марта. Оно обязывает МО (Малиновского, Вершинина) к 26 марта представить предложения об организации работ по пускам «Востоков». Во исполнение этого решения Сербин провел в ЦК совещание, на котором были Устинов, Смирнов, Келдыш, Королев, Бирюзов, Вершинин и другие. Все нажимали на Бирюзова, чтобы МО взяло на себя пуски «Востоков». Бирюзов сказал, что Малиновский, убывая в Индонезию, не дал ему полномочий принять Министерству обороны ответственность за эксплуатацию «Востоков». Тогда Келдыш задал ему вопрос: «Собирается ли МО заниматься военным космосом, и когда это будет?» Дать определенный ответ на этот вопрос Бирюзов не смог. Совещание решило подождать возвращения Малиновского и вместе с ним подготовить доклад в ЦК.

На другой день Бирюзов позвонил Вершинину и сказал: «Готовь конкретные предложения, все равно мы от этого дела не отвертимся». Есть все основания думать, что это начало победы. Не зря Королев, Келдыш и я более года пытаемся уломать руководство ВВС (чего мне удалось добиться лишь месяца три назад) и, главным образом, руководство МО (Малиновский, Бирюзов, Гречко). Сейчас можно уверенно сказать: «Лед тронулся». Есть надежды на более разумную организацию этого интересного и ответственного дела, но есть и большие опасения — слишком много желающих руководить освоением космоса. Спорят из-за этого Главкомы видов Вооруженных Сил, да и внутри ВВС, как минимум, четыре заместителя Главкома (Руденко, Брайко, Пономарев, Миронов) добиваются чести быть руководителями нашей космической программы. Пока идет эта возня и разговоры, вся тяжесть проводимых в ВВС работ по космосу лежит на мне.

Сегодня три часа сидели у Руденко и разбирали возможные варианты реорганизации руководства космической деятельностью ВВС. Решили создать космическое управление в ГКНИИ численностью 300 человек, прибавить 10–15 человек Холодкову, мою должность переименовать в «помощника Главнокомандующего по космосу» и прибавить мне 5–8 сотрудников.

29 марта.

Вчера Бирюзов проводил совещание представителей видов Вооруженных Сил по вопросу: что и как готовить для доклада в ЦК и министру по решению ЦК от 21 марта. От ВВС на совещании был только Главком. Мнения о необходимости заказа «Востоков» разделились. Бирюзов высказался за заказ как учебно-тренировочных кораблей, так и кораблей для отработки элементов боевого применения, и назначил комиссию МО под председательством Вершинина для разработки предложений до 10 апреля. Сегодня сидели два часа у Главкома и полчаса у Руденко и договаривались, как и кто будет писать. Главком подготовил свой проект, который на 80–90 процентов войдет в предложения. Поручили мне и Холодкову редактирование этих предложений.

Утром Вершинину позвонил генерал армии В. Д. Иванов и сказал: «Вот хорошо, что ВВС теперь полностью возьмутся за космос, — я всегда был за такое решение». Вот как люди умеют разворачиваться на 180 градусов. Иванов всегда был против ВВС и за РВСН, а теперь, почувствовав, что его позиция идет вразрез с решением ЦК, предлагает себя в «помощники» ВВС. Завтра Иванов, Брайко и я поедем в ЦПК. Оба эти «дуба» хотят приобщиться к космосу. Вреда от такой поездки не будет, а некоторая польза возможна: попытаемся распропагандировать Иванова, с тем чтобы он помог сделать для Центра не типовой, а индивидуальный штат с учетом его удаленности на 7 километров от Чкаловской.

30 марта.

В 10 часов у Главкома будет заседать комиссия по «Востокам». В составе комиссии от ВВС только Вершинин (председатель), а все остальные — от ракетных войск и от Генштаба (Толубко, Семенов, Юрышев, Лебедев и другие). Главком пригласил на комиссию и меня. Опять потратим 2–3 часа на пустые разговоры о необходимости военного освоения космоса и о том, как лучше к этому делу

приступать. А в 15 часов повезем генерала армии Иванова в ЦПК: нужно будет сделать все возможное, чтобы полнее использовать эту поездку в интересах ВВС.

Прошло уже больше недели после туманных решений ЦК о космических полетах на 1963 год, а туман не рассеивается. Меня удовлетворяет одно: женщины и корабли готовы к одиночному и групповому полетам. ВВС и ОКБ-1 сделали все, чтобы подготовить и совершить первый женский космический полет, но по недомыслию в верхах этот полет фактически отложен на неопределенное время. А жаль! Это было бы эффектное событие не только для Советского Союза, но и для всего мира.

Главком провел пустое (что редко у него бывает) заседание и через 30 минут отпустил нас. Судя по вопросам членов Комиссии (генерал-полковник Кулешов, генерал-лейтенант Семенов, генерал-майор Юрышев), большинство из них окажут серьезное сопротивление намерениям ВВС возглавить организацию и проведение всех работ по военному освоению космоса.

28 марта Бирюзов подписал директиву № 216888 о создании комиссии (Вершинин, Толубко, Кулешов, Семенов, Юрышев, Бойчук, Лебедев, Евтеев), которая должна в 10-дневный срок дать ответы на следующие вопросы.

1. Какие задачи военного или военно-исследовательского характера могут решаться с помощью кораблей «Восток-3А» при существующей аппаратурной комплектации?

2. Какие дополнительные военные задачи и с помощью какой аппаратуры можно решать при проведении модернизации корабля «Восток-3А» с учетом допустимых для него весов и габаритов?

3. Какое место могут занять существующий и модернизированный корабль «Восток-3А» в системе космического вооружения с учетом работы по теме «Союз»?

4. Следует ли заказы кораблей «Восток-3А» передать МО или целесообразно сохранить существующий до сих пор порядок заказов?

5. Какое количество кораблей «Восток-3А» потребуется изготовить в 1963–1964 годах в интересах МО наряду с заказами объектов типа «Зенит» с учетом общности их производственной базы?

6. Следует ли брать МО руководство запусками кораблей «Восток-3А» вместо Государственной комиссии?

7. Какие организационно-технические мероприятия должны быть проведены МО, если ему будет поручена организация работ по кораблям «Восток-3А», включая заказы, пуски, управление в полете, посадку и т. д.?

Последний вопрос главный: необходимо поручить ВВС заказы, приемку и эксплуатацию космических кораблей «Восток-3А», «Союз» и других, создав для этой цели все необходимое (управление, подразделения, центральный аппарат и многое другое, что потребуется по ходу дальнейшего развития пилотируемых космических полетов).

31 марта. Дача «Заборье».

Последний день марта, а мороз все держится. Весь день дул сильный восточный ветер. Оля сказала, что погода противная, и вечером гулять не пошла, но днем мы с ней все-таки часа два погуляли, сколотили и повесили домик для скворцов.

1 апреля.

Как всегда, сегодня полно работы, а после обеда будет совещание у Главкома, и мне там надо быть обязательно. Позавчера поездка генерала армии Иванова в ЦПК не состоялась. Мы с Брайко в 15:30 заехали за ним, но из-за болезни Бирюзова он не мог оторваться от срочных заданий маршала Гречко.

2 апреля.

Во второй половине вчерашнего дня более двух часов занимались отработкой доклада министру. Кроме наших, были представители Генштаба и всех видов Вооруженных Сил. Мы подготовили проект доклада, в котором предлагаем возложить на ВВС ответственность за разработку тактико-технических заданий и заказы пилотируемых кораблей и их боевое использование. Представители Генштаба и РВСН высказались категорически против нашего варианта доклада. Они согласны, что надо построить четыре «Востока» (Кому нужно их согласие после того, как этот вопрос решен Президиумом ЦК КПСС?), но они возражают против любого намека на передачу ВВС функций заказа, приемки, пуска и управления полетом космических кораблей.

Бирюзов еще раз доказал свою двуличную сущность: он против того, чтобы ВВС взяли под свою опеку пилотируемые полеты в космос, но сейчас после решений ЦК, он прямо этого сказать не может. На словах он даже за заказ «Востоков», но и только, а на деле делает все, чтобы помешать ВВС активно участвовать в создании и

совершенствовании пилотируемых космических кораблей. Он поставил Вершинина в дурацкое положение: назначил его председателем комиссии МО для выработки предложений по космосу в ЦК, а членами комиссии назначил 8 генералов, которые все как один будут против Вершинина. В этом я окончательно убедился при обсуждении первого варианта доклада комиссии с представителями видов Вооруженных Сил.

3 апреля.

Вчера более двух часов обсуждали у Главкома пятый вариант доклада комиссии. В сложившейся обстановке мы не сможем подготовить доклад, который подписали бы все члены комиссии. Придется Главкому одному защищать линию ВВС против Бирюзова, Крылова и Малиновского. Вся надежда только на то, что министр не посмеет ослушаться рекомендаций Ф. Р. Козлова, зафиксированных в решении Президиума ЦК от 21.03.1963 года. Рекомендации секретаря ЦК достаточно четки и ясны, но очевидно и то, что руководство МО (Малиновский, Бирюзов) настроено против духа и смысла этих рекомендаций и будет пытаться отстаивать свою линию.

4 апреля.

Запущенная 2 апреля АМС «Луна-4» прошла уже больше половины расстояния от Земли до Луны. Келдыш и Королев наблюдают за ее полетом в крымской обсерватории. Судя по газетным данным, полет проходит успешно.

Заместитель начальника Генштаба В. Д. Иванов проводил вчера совещание по вопросу о том, кто в МО должен руководить космонавтикой. Решили выслать уже имеющиеся предложения Главкомам видов Вооруженных Сил и ждать от них новых предложений. У нас затишье: Вершинин и Руденко устали от пустых разговоров и молчат.

Вчера заходил Гагарин. Он только что возвратился из Киржача, где провел шесть тренировочных прыжков с парашютом. Это первая после его космического полета попытка вновь обрести форму космонавта. Гагарин надеется, что когда-нибудь он совершит новые космические полеты. Маловероятно, что это когда-нибудь произойдет, — Гагарин очень дорог человечеству, чтобы можно было рисковать его жизнью для рядового космического полета. У меня сидел генерал Шуст, и серьезно побеседовать с Гагариным не удалось.

Заходил и Герман Титов. Я спросил его, как он относится к «делу» Нелюбова, Аникеева и Филатьева. Герман ответил, что ему жаль Нелюбова, что на ребят наговорили много лишнего. Тогда я сказал Титову, что факт захода в «забегаловку» и выпивки несовместим со званием космонавта. Он немного поколебался, а потом твердо заявил: «Ребята знали, что им настоятельно не рекомендовали и даже запрещали заходить в подобные заведения. Они знали, что им запрещено пить, — их уже за это наказывали — пускай отвечают за свою глупость».

5 апреля.

«Луна-4» пройдет мимо Луны и потеряется в просторах Солнечной системы. По замыслу эта станция должна была мягко прилуниться, но направление ее полета не смогли скорректировать, и сейчас уже ясно, что эксперимент не будет выполнен полностью, хотя поначалу все шло отлично.

Вчера получил от Одинцова официальные документы по факту пьянки трех космонавтов 27 марта 1963 года на станции Чкаловская. Нелюбов, Аникеев и Филатьев уже не первый раз замечаются в выпивках. Двое последних не представляют ценности как космонавты (пьянки, слабоволие и низкие успехи в учебе), и этот случай дает нам законное право освободиться от них. Нелюбов входил в первую «гагаринскую» шестерку и одно время был кандидатом на 3-й или 4-й полет, но потом показал нелучшие результаты на центрифуге и отошел на второй план. В данном происшествии он повинен меньше других (был в гражданской одежде и пытался уговорить товарищей пораньше уйти). Вершинин, Руденко, Рытов и Одинцов за увольнение из космонавтов всех троих. Гагарин считает, что нужно уволить только Филатьева, а Нелюбова и Аникеева следует строго наказать, но в Центре оставить. Было бы правильным уволить всех троих, хотя они и составляют 25 процентов от общего числа подготовленных к полетам космонавтов. Я за увольнение из Центра Филатьева и Аникеева и за попытку последний раз проверить Нелюбова, бывшего совсем недавно одним из лучших космонавтов первого набора.

6 апреля.

Сегодня в 11 часов Главком собирает членов комиссии, чтобы обсудить проекты докладов министру и в ЦК по космическим вопросам. Неприятное будет совещание, вероятно все члены комиссии

будут против предложений ВВС. Жаль Главкома, ему придется пережить много неприятных минут.

Сидели у Главкома более трех часов. Все прошло так, как я и предвидел: все члены комиссии высказались категорически против проекта ВВС. Не возражая против постройки четырех «Востоков» в 1963 году, они считают целесообразным оставить за РВСН приемку и организацию пусков кораблей с тем, чтобы и в дальнейшем, ссылаясь на сложившуюся практику, сохранить за собой руководство пилотируемыми космическими полетами.

9 апреля.

12 апреля будем праздновать День космонавтики. Как быстро пролетели два года, сколько интересных событий произошло после полета Гагарина! Слетали в космос Титов, Николаев, Попович, запущены 13 спутников серии «Космос», «Марс-1», «Луна-4» и многие другие космические аппараты. Более 30 стран посетили наши космонавты, прославляя родину космонавтики — Советский Союз. За два года мы убедили народ и руководителей страны в том, что космические полеты — это естественное продолжение авиации. Но мы не сумели убедить в этом Малиновского, Гречко, Захарова, Бирюзова и многих других из руководства МО. Сейчас идет упорная борьба между ВВС и РВСН за руководство космонавтикой. Я убежден, что в конце концов обязательно победят ВВС, и такой исход этой борьбы будет в интересах страны и в интересах самого дела. Ведь за нами подготовка космонавтов, у нас хорошие кадры ученых и инженеров, богатейший опыт полетов. Год назад меня никто не поддерживал в необходимости постройки 10 кораблей «Восток», а сейчас с этим согласны все, но мы потеряли много времени, и это может повредить нам в соревновании с Америкой.

С 17 до 20 часов были у С. П. Королева. Провели торжественное заседание ученого совета, а потом часа два посидели, как сказал Сергей Павлович, за «рюмкой» чая. Было много тостов, много воспоминаний и пожеланий на будущее. От ВВС, кроме меня, были Руденко, Рытов, Пономарев, Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Одинцов, Карпов, Трофимов и Титарев. От промышленности и науки были Келдыш, Королев, Мишин, Бушуев, Черток, Богомолов, Ишлинский и многие другие. Эта встреча была демонстрацией нового курса Королева на укрепление связей с ВВС. Келдыш и Королев

пожелали, чтобы «Восток» был принят на вооружение ВВС как первый учебно-тренировочный космический корабль. Представители ВВС высказались за дальнейшее развитие связей с ОКБ-1 и пожелали его коллективу новых успехов.

10 апреля.

Гагарин, Титов, Николаев и Попович весь день работают в моем кабинете редактируем их статьи, доклады и выступления по радио и телевидению. Загрузка для ребят в эти предпраздничные дни очень большая. Поповича я освободил пораньше, он в 19 часов уехал в Киев на первую сессию Верховного Совета Украины. Сегодня Гагарин и Николаев выступали на вечере, устроенном Главным политическим управлением, а Титов — в Доме ученых. Я сегодня выступал в ЦДСА, а вечером писал за маршала Вершинина статью в «Известия».

11 апреля.

После нескольких бешеных дней сегодня относительно спокойно. Окончательно отредактировал и записал на пленку свое выступление на радио. Вершинин статьей остался доволен: ни он, ни редакция не сделали никаких замечаний, и сегодня она была опубликована. Все газеты очень широко публикуют материалы о Дне космонавтики.

12 апреля.

В течение четырех часов на совещании у Вершинина пытались убедить ракетчиков (Толубко, Семенова и других) отказаться от их позиции. Толубко зачитал свой проект доклада министру, и все члены комиссии, кроме Вершинина и генерал-полковника Кулешова, его поддержали. Руденко, Пономарев и я выступили против предложенного проекта. Я сказал, что проект Толубко не отвечает духу решения ЦК, и доказал несостоятельность его основных положений. С большим «скрипом» РВСН сдают свои позиции, по-моему, Толубко уже давно бы согласился с нами, но сильно упорствует генерал-лейтенант Семенов.

Вечером с Мусей были в Большом Кремлевском дворце. Четверка космонавтов была в президиуме, выступали Николаев и Гагарин. Было много интересных встреч. Обидно, что в президиуме не было С. П. Королева. Он скромно сидел в седьмом ряду, и никто не обмолвился о нем. Бесконечно много криков и шума о космонавтах и полное молчание об одном из главных творцов наших побед в космосе.

13 апреля.

Утром более полутора часов беседовал один на один с Королевым. По поручению Военного совета ВВС я вручил Сергею Павловичу приветственный адрес и преподнес ему свою книжку «Первый гражданин Вселенной». Я написал на книжке Королеву, что его роль в освоении космоса — ведущая и что его имя навечно будет рядом с именами Циолковского и Гагарина. В ответ Сергей Павлович подарил мне книгу К. Э. Циолковского с надписью: «Дорогому Николаю Петровичу Каманину в день 12.4.1963 года на добрую память о совместной работе». Потом мы с ним обсудили около десятка общих вопросов и в принципе договорились о программе предстоящего космического полета двух кораблей: на первом мужчина будет летать до 8 суток, а на втором — женщина до 2–3 суток. Сергей Павлович еще раз высказался за то, чтобы всеми пилотируемыми космическими кораблями занимались ВВС. Он также просил рассмотреть вопрос о снижении медицинских требований к кандидатам в космонавты и особенно осторожно подойти к определению годности кандидатов из числа гражданских ученых и инженеров. Это была одна из самых приятных встреч с Сергеем Павловичем. Такие встречи у нас с ним бывают не так уж часто.

15 апреля.

В субботу с Мусей были в ЦПК на вечере, посвященном Дню космонавтики. Гагарин сделал доклад, Николаев и Попович были в президиуме, а Титов выступал в этот вечер в Институте общественных наук. Я зачитал приветствия космонавтам и коллективу ЦПК от министра обороны и Главкома ВВС. Состоялся очень хороший концерт, устроенный студентами театрального института. Во время концерта Гагарин все время был за кулисами, а Валя сидела с нами одна. Придется поговорить с Юрой и указать ему на неуместность такого поведения. Валя сказала мне, что они собираются отправить Лену и Галочку с няней в Крым, и просила, чтобы я разрешил Гагарину сопровождать детей до санатория. Присутствовавший при этом разговоре Юрий не проявил большого желания выполнить это поручение жены. Он был заметно выпившим, хотя держался в норме — только дольше и крепче обычного пожимал мне руку при расставании, как бы извиняясь за свое состояние и допущенные в этот вечер ошибки.

16 апреля.

Вчера ребята первый день после праздника занимались без отрыва на поездки и встречи. Дал задание генералу Одинцову готовить программу предстоящего космического группового полета. Вечером заседала комиссия Мишука, а потом Мишук и я были у генерал-полковника Брайко. Брайко поддержал предложение комиссии о введении должности заместителя Главкома по космосу. Думаю, что это предложение встретят в штыки Руденко и Пономарев, да и сам Главком едва ли его поддержит.

17 апреля.

Сегодня Главком подписал приказ об отчислении из космонавтов Филатьева, Аникеева и Нелюбова и приказал мне поехать в Центр и лично объяснить всем офицерам, что этот вопрос обсуждался на Военном совете ВВС, все члены которого высказались за их увольнение.

Был у меня профессор В. И. Яздовский, более часа беседовал с ним о перспективах наших космических дел. Владимир Иванович сейчас ратует за то, чтобы подчинить ИАКМ Академии наук и сохранить за институтом все возложенные на него задачи. Во время нашей беседы по «кремлевке» звонил О. Г. Ивановский и агитировал меня за то, чтобы передать всю космическую биологию в 3-е Главное управление Минздрава, возглавляемое генерал-лейтенантом Бурназяном. Я за сохранение за Институтом авиационной и космической медицины руководящей роли, а маршал Руденко — против. Посмотрим, кто окажется победителем в этой затянувшейся борьбе.

19 апреля.

Весь день провел в ЦПК. На общем построении офицеров Центра объявили приказ Главкома об отчислении Филатьева, Аникеева и Нелюбова. После объявления приказа я поговорил с ребятами. Они ошеломлены таким ударом, но переносят его стойко. Просили меня только об одном: прежде чем направить их в полки, дать им возможность оттренироваться в полетах на самолетах в одном из училищ или центров переучивания.

Провел беседу с Терешковой, Соловьевой, Пономаревой и Еркиной об организации подготовки к очередному групповому космическому полету. Все четверо фактически готовы к полету, но,

учитывая, что он состоится не раньше августа 1963 года, мы наметили план дополнительных тренировок.

Разрешил Одинцову готовить к полету четырех мужчин: Быковского, Волынова, Леонова и Хрунова. Все четверо космонавтов и руководство Центра настаивают на том, что нет надобности сидеть в скафандре в макете корабля 7–8 суток. Они считают возможным ограничить тренировку 3–4 сутками, а Яздовский за 8-суточное пребывание в скафандре и корабле. В ближайшие дни придется решать и этот нелегкий вопрос. Отношения между институтом и Центром явно ненормальные, и в этом виноваты обе стороны. Генерал Одинцов в данном случае ведет себя не лучшим образом: его настраивает против института полковник Карпов.

22 апреля.

В воскресенье, как обычно, отдыхал на даче. Снег почти полностью сошел, но земля еще сильно размокшая. Белил яблони, гулял с Олей. Вечером с Левой ходили на охоту на вальдшнепов. Прошлись часа полтора, но стрелять не пришлось.

Сегодня утром Главком сказал мне, что ему не удалось поговорить с министром по вопросу передачи ВВС права заказа пилотируемых космических кораблей, а его доклад на эту тему Малиновский без резолюции передал Бирюзову. Таким образом, главный вопрос все еще в подвешенном состоянии.

Получили решение ЦК и Совмина от 13.4.1963 года о постройке четырех «Востоков» в 1963 году. Решение также обязывает ВПК и МО в двухнедельный срок доложить в ЦК предложения о порядке и сроках пусков «Востоков» в 1963 году. Долго мы боролись, чтобы добиться такого решения, преодолевая сопротивление министра обороны и Генерального штаба.

Только что вернулся с совещания у маршала Руденко, на котором обсуждали планы начала строительства жилого городка для космонавтов рядом с ЦПК. Руденко полностью согласился с нашими предложениями, которые он категорически отвергал 4–5 месяцев тому назад.

Оба этих факта — получение решения о постройке «Востоков» и изменение позиции Руденко в деле строительства городка для космонавтов — очень примечательны. Они говорят о том, что многое

можно внушить начальству, если упорно добиваться хорошо продуманной и обоснованной цели.

24 апреля.

Утром, сразу по прибытии на службу, Главком вызвал меня и сообщил, что к нему от Смирнова выехал товарищ Митрохин с письмом в ЦК о проведении очередного пилотируемого полета в мае-июне 1963 года. Главком попросил разобраться и доложить нашу позицию в сложившейся ситуации. Из разговора с Ивановским я установил следующее. Два имеющихся корабля имеют ресурс только до июня, но Королев надеялся, что главные конструкторы оборудования или заменят его на новое, или продлят ресурс старой аппаратуре. Однако надежды Сергея Павловича не оправдались: разработчики оборудования «Востоков» не согласились ни на продление ресурса аппаратуры, ни на ее замену.

Таким образом, мы поставлены перед выбором: запустить в космос два «Востока» до 15.06.1963 года или выбросить на свалку два этих прекрасных корабля. Если бы не было рекомендации ЦК о переносе пуска на август, то не было бы и проблемы. А сейчас, при ясно обозначенной позиции ЦК, предлагать пуск в мае-июне — нужно иметь очень большую смелость. К счастью, смелости у Сергея Павловича еще достаточно (он уже подписал письмо в ЦК), но ее значительно меньше у Вершинина. Чтобы убедить Главкома в необходимости поставить свою подпись под этим письмом, мы пошли к нему втроем — Руденко, я и Одинцов. Почувствовав нашу твердую уверенность в правильности решения Королева, Вершинин подписал этот ответственный документ, немного смущаясь необходимостью сделать это одним из первых.

25 апреля.

Вызывал Яздовского и Карпова, вместе с генералом Гореглядом слушали их более часа. Яздовский доказывал, что космонавта нужно держать в скафандре в тепловом макете корабля «Восток» столько суток, сколько он будет летать в космосе. А Карпов убеждал нас, что более 2–3 суток держать космонавта в скафандре в макете корабля не только не полезно, но и вредно. Конечно, трудно организовать семисуточные тренировки, к тому же они могут несколько снизить физическую готовность космонавтов к полету, и очень не нравятся им, и все же, по-видимому, такие тренировки придется проводить. Этот

спор между нашими ведущими специалистами по космической медицине подтверждает тот факт, что научные обоснования медико-биологических экспериментов с космонавтами очень шаткие. Они иногда подменяются волевыми решениями, догадками, а нередко и капризами.

26 апреля.

Главком сегодня беспокоился по поводу проекта создания нового института в Министерстве здравоохранения для решения медико-биологических задач в космосе. Проект письма в ЦК с таким предложением подписан Калмыковым, Дементьевым, Зверевым и Келдышем. Документ должны подписать также Смирнов и Бирюзов; Смирнов подпишет обязательно, а Бирюзов может подписать с возражениями против передачи части нашего института в другое ведомство. Главком за создание нового института и за передачу ему от нашего института задач космической биологии и функций по координации работ по экологии, но он категорически против передачи оборудования и площадей. Я сказал Вершинину, что занятая им позиция очень труднозащищаема и противоречива. Мы добиваемся, чтобы все пилотируемые космические корабли и полеты на них были за ВВС, и одновременно пытаемся отбиться от задач, поставленных перед нашим институтом решениями партии и правительства в целях освоения космоса человеком. Под эти задачи Институт авиационной и космической медицины получил уже многое: штаты, здания, завод, оборудование, — и, отказываясь от решения таких задач, мы можем все это потерять. Трудная для ИАКМ обстановка сложилась по вине Руденко, Мишука и Бабийчука. Я буду пытаться сохранить наш институт и круг его задач.

28 апреля.

Сегодня 3 часа заседал президиум Межведомственного Совета по космосу. Вел заседание Келдыш, доклад о ракете Н-1 сделал Королев. Кроме членов президиума, присутствовало несколько академиков, главных конструкторов и начальников институтов.

Ракета Н-1 будет готова в 1965 году. Она позволит выводить на орбиту высотой 300 километров 75 тонн полезной нагрузки, на 3 тысячи километров 50 тонн и на 36 тысяч километров (стационарная орбита — Ред.) — 16 тонн. С помощью этой ракеты космонавтам можно будет слетать на Луну и вернуться на Землю, облететь Марс

или Венеру и вернуться на Землю. Для осуществления таких полетов потребуется 3-10 пусков ракеты. Ракета Н-1 может быть использована и для создания научной орбитальной станции, а также для решения ряда военных задач (разведка, перехват, удар). На заседании Межведомственного Совета было признано целесообразным доложить в ЦК КПСС о всех этих вариантах применения новой ракеты.

После заседания я поговорил с Королевым и Келдышем о перспективах ИАКМ в связи с проектом учреждения нового института в Минздраве. Оба они заявили, что были бы за дальнейшее развитие ИАКМ, но позиция, занятая Руденко, вынудила их искать другое решение проблемы. Они уже дали согласие на то, чтобы передать все задачи экологии в Минздрав, — но если Министерство обороны возьмет их на себя, то они могут и пересмотреть свое решение.

Только что закончилось бурное совещание врачей. Решили помещать космонавтов в макет корабля в скафандре не более чем на трое-четверо суток.

29 апреля.

Москвичи торжественно встретили вчера на Красной площади вождя кубинской революции Фиделя Кастро Рус. Встреча была массовой, очень теплой и душевной. Фидель своим беспримерным мужеством заслужил это искреннее признание народа.

Вчера, пока я был на заседании президиума, маршал Руденко проводил совещание с врачами Центра, института и госпиталя. Кроме врачей были Одинцов, Горегляд, Холодков, Смирнов, Гагарин и Николаев. Обсуждались две противоположные точки зрения по поводу предстоящей тренировки космонавтов в тепловом макете «Востока». Яздовский и другие врачи ИАКМ предлагают установить продолжительность пребывания в макете, равную продолжительности полета, — семь суток. Все космонавты и врачи Центра считают, что в макете достаточно быть трое суток; более длительное пребывание бесполезно и даже может ослабить космонавта перед космическим полетом. На совещании у Руденко только Яздовский, Генин и Емельянов высказались за 7-суточную тренировку, а все остальные (более 15 человек) — против. Яздовский доказывал якобы научную обоснованность такой тренировки. На самом деле, все его «научные» доводы оказывались сплошной перестраховкой и наплевательским отношением к здоровью космонавтов.

Яздовский продолжает рассматривать космонавтов как подопытных кроликов, которые должны безропотно переносить все «дикие» эксперименты, проводимые над ними. Отсутствие научной обоснованности в доводах Яздовского доказывают следующие обстоятельства.

1. Зная о предстоящей тренировке космонавтов, руководство института ничего не сделало для поддержания макета в работоспособном состоянии. Оборудование макета выработало весь свой ресурс и может отказать в любую минуту.

2. Яздовский возражал против установки нового макета в ЦПК.

3. Институт не провел подобные испытания в скафандрах с испытателями и не имеет эталона, с которым можно было бы сравнить показатели космонавтов.

4. Николаев находился в макете только трое суток, а летал четверо суток, и Яздовский не возражал против продления его полета на четвертые сутки.

5. Главный конструктор скафандра С. М. Алексеев считает, что находиться более трех суток в скафандре в земных условиях, непосредственно перед полетом, для космонавта бесцельно и вредно. Имеется опыт 15-суточного пребывания в скафандре в макете корабля женщины-испытателя с вполне удовлетворительными результатами.

6. Все космонавты имеют опыт 10-12-суточного пребывания в сурдокамере.

7. Условия пребывания в скафандре на земле (гравитация) несравненно тяжелее условий в космосе (невесомость).

По всем этим соображениям я принял «ненаучное» решение — провести 3-4-суточные тренировки в макете.

3 мая.

Все три праздничных дня провел на даче, в кругу семьи. Много работал в саду, возился с машиной, отдохнул хорошо. Лева, Муся, Оля и я ездили в санаторий имени Герцена к Люде (невестка Н. П. Каманина — Ред.). Рядом с санаторием протекает река Москва. На противоположном берегу — деревня Васильевка с полуразрушенной церковью. Оля назвала ее — маленький Кремль. Деревня когда-то принадлежала Герцену. Река и высокий заросший лесом правый берег — очень красивы. Мы часа два гуляли по берегу и в лесу, Оля собрала большой букет подснежников. Сегодня пятница, я приехал на работу

пораньше, чтобы до звонков продумать необходимые мероприятия по подготовке очередного космического полета.

Гагарин, Попович и Николаев провели праздники в Москве: были на параде, на обеде в Кремле, на стадионе — все прошло нормально. А вот Титов опять «выкинул коленце». 29 апреля Герман вместе с женой маршала Малиновского ездил в школу № 92. Перед поездкой он звонил мне, и я передал ему, что маршал Руденко не разрешил планируемую им поездку в Киев на праздники. Титов возмутился отказом и, по-видимому, рассказал Малиновской о своем желании поехать в Киев и о полученном запрете. Малиновская позвонила Вершинину (я был в это время у него). Почувствовав, о чем идет речь, я сказал ему о решении, принятом маршалом Руденко. Главком обещал Малиновской отпустить Титова. Решение Руденко было глупым, а поведение Вершинина — подхалимским. Вершинин приказал мне отпустить Титова, но, одновременно, он боялся, как бы в праздники не потребовали всю четверку космонавтов на какую-либо правительственную встречу. Пришлось передать командующему ВВС в Киеве генералу Колеснику, чтобы он встретил Титова, всегда знал его местонахождение и все три дня праздника держал наготове транспортный самолет на случай экстренного вызова Титова в Москву.

Сегодня в 10 часов Одинцов доложил мне, что Титов из поездки пока не вернулся. Генерал Колесник в 11 часов сообщил, что в данное время Титов находится еще в Киеве, отдыхает в гостинице «Москва». Через полчаса дежурный с КП ВВС доложил, что звонил Титов и просил передать мне: «Тамара плохо себя чувствует, они смогут вылететь только 5 мая, после 14 часов».

Во всей этой истории Титов показал себя очень плохо. Болезнь Тамары он выдумал, чтобы избежать неприятностей по возвращении в Москву. По существу Герман заслужил строгое наказание, но начальство и нам не разрешит его наказать, и само не решится на большее, чем отеческое внушение. Только что из Киева позвонил сам Титов и попросил разрешения из-за болезни Тамары остаться в Киеве до 5 мая. Я уверен, что эта «болезнь» жены придумана, но у меня нет и не будет доказательств обратного, и я вынужден разрешить Титову «не бросать больную жену в Киеве, а прилететь в Москву вместе с ней».

4 мая.

Вчера около часа беседовал с Руденко о состоянии дисциплины летавших космонавтов «большой четверки». Руденко был очень недоволен, что Главком отменил его запрет о выезде Титова в Киев. «Начальство портит и развращает космонавтов, скоро они с нами — руководителями будут разговаривать так: «Я Титов, а вы кто?» — эти сетования маршала мне понятны и имеют основания. Но что поделаешь, если мы вынуждены в угоду политике (армия — служанка политики!) сами раздувать славу космонавтов и оставлять в тени тех, кто обеспечивает все наши достижения в освоении космоса.

Только что позвонил Ивановский и сообщил, что Президиум ЦК 29 апреля одобрил наши предложения о выполнении смешанного группового космического полета в мае-июне этого года. Вся четверка женщин полностью готова к полету. Группа мужчин пока еще не подготовлена. Быковскому и Волынову необходимо совершить несколько парашютных прыжков и провести тренировки в тепловом макете корабля, а Леонову и Хрунову, кроме этого, еще и на центрифуге. Главный конструктор Алексеев раньше 10 мая не дает боевые скафандры, и это задерживает тренировки в макете корабля. В лучшем случае, Быковский и Волынов будут подготовлены к 30 мая, а Леонов и Хрунов — к 15 июня. Реально полет можно будет выполнить 5-15 июня.

Звонил Алексеев и сообщил следующее: он готовил на оба корабля женские кресла, после подгонки одного из этих кресел под Быковского специалисты определили, что оно по условиям центровки не годится для Волынова (дублера Быковского), но его можно подогнать под Леонова, скафандр для которого будет готов только к 25–30 мая. Алексеевская аппаратура — скафандры, кресла, АСУ (ассенизационно-санитарное устройство — Ред.) — всегда нам срывала и продолжает срывать сроки подготовки космонавтов. Говорил по этому поводу с Королевым, решили в понедельник собраться и рассмотреть это новое осложнение.

6 мая.

Рассмотрел программу предстоящего смешанного космического полета. В нее включено много новых медико-биологических исследований, но почти ничего нет нового по вопросам боевого применения и научным исследованиям в других направлениях.

Сегодня срочно вызвали к 12 часам всю четверку (Гагарин, Титов, Попович, Николаев) на бывшую дачу Буденного, где жена Малиновского устраивает какой-то прием, по-видимому, в честь Фиделя Кастро. Продолжается порочная практика: министры и другие высокие руководители спаивают и развращают космонавтов, мешают им учиться и работать. И они же — эти самые руководители — спрашивают с нас, почему космонавты ведут себя плохо и часто отрываются от учебы и работы.

Говорил сегодня по «ВЧ» с парашютистом Никитиным. Он в Феодосии проводит парашютные прыжки космонавтов в скафандрах на море. Пока идут подготовительные занятия на земле, а завтра начнутся прыжки на сушу и море. Я приказал Никитину оттренировать Быковского первым и 9-10 мая отправить его в Москву.

7 мая.

Был у К. Д. Бушуева. Обсуждали программу полета, вес дополнительного оборудования и вес кандидатов на полет и их дублеров. В совещании участвовали Алексеев, Феоктистов, Уманский, Смирнов, Тополь и другие специалисты.

По программе полета существенных разногласий нет. По готовности к полету Терешковой, Пономаревой и Соловьевой сомнений нет. Еркина на тренировке в тепловом макете показала неудовлетворительные результаты. Через сутки сняла ботинки — «жмут», за трое суток съела только треть положенного рациона, после выхода из макета корабля чувствовала себя очень ослабленной и упала в обморок.

В мужской группе положение сложилось гораздо хуже: из трех кандидатов, подготовку которых мы начали более месяца назад, Комаров «сошел с дистанции» по состоянию здоровья, а Волынов не подходит по весу — 104,5 килограмма (такой же вес и у Леонова). Пока годным остается только Быковский, который в скафандре весит 90,7 килограммов. Из-за разницы в весе космонавтов после регулирования центровки одного из двух имеющихся кресел под Быковского оно не подходит для Волынова. Кроме того, поставив на корабли некоторое дополнительное оборудование, ОКБ-1 испытывает большие затруднения с выдерживанием максимально допустимого веса кораблей. Разница в 14 килограммов в весе Быковского и Волынова почти исключает участие второго в полете, если мы не

найдем возможности сократить вес корабля за счет оборудования. Придется форсировать подготовку Хрунова и готовить еще одного-двух человек вместо Волынова, Леонова и Комарова.

9 мая.

День Победы! Восемнадцать лет тому назад я встретил этот день в Чехословакии, на дороге от Брно в Прагу. Мы с генералами Плиевым и Курочкиным спешили в Прагу, обгоняя колонны еще вооруженных, но идущих сдаваться в плен, немцев.

Вчера Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Одинцов и я около пяти часов провели в ОКБ В. П. Глушко: осмотрели демонстрационный зал, провели заводской митинг и пообедали с руководством ОКБ и завода. На фирме Глушко работает 11 тысяч человек, она имеет четыре филиала (в Ленинграде, Красноярске, Куйбышеве и Днепропетровске). Производство ракетных двигателей, работающих на кислороде и керосине, передали в другие ОКБ, а Глушко сосредоточился на двигателях, работающих на высококипящих компонентах топлива. В ОКБ нам была показана целая серия мощных двигателей с тягой в 75 тонн и более. Валентин Петрович — обаятельный, умный и очень скромный человек; он пользуется высоким авторитетом среди своих сотрудников.

Валентин Петрович практически занимается ракетными двигателями с 1929 года. Он начинал свою работу раньше Цандера и Королева (последний одно время работал у Глушко заместителем по летной части). Вместе с Королевым Глушко несколько лет отсидел в тюрьме. Там они создали семейство ускорителей для самолетов с тягой 300 килограммов и более тонны. Валентин Петрович несколько раз намеками выразил свое неудовольствие Королевым; их отношения сейчас плохие. Когда мы вернулись с митинга в кабинет, секретарь доложила Глушко, что звонил Королев и просил ему позвонить. Валентин Петрович имел время и должен бы был позвонить Сергею Павловичу, но он этого не сделал. Это лишний раз подтверждает, что между Королевым и Глушко отношения не наладились.

Окончательно решено, что Комаров по состоянию здоровья не будет готовиться к предстоящему полету. Я сообщил об этом по телефону С. М. Алексееву и попросил его ускорить подготовку скафандра для Хрунова. Алексеев был очень недоволен прекращением подготовки Комарова. Для Хрунова ему придется делать новый

скафандр, а для Комарова скафандр уже есть. Алексеев сообщил, что вчера у него были Волынкин и Яздовский и якобы сказали, что Комаров будет готовиться к полету. Я поговорил с Яздовским, он поражен решением консилиума врачей ЦВНИАГ об отстранении Комарова от подготовки к полету. Сегодня в 16 часов будет заседать Госкомиссия и решать все принципиальные вопросы предстоящего космического полета. От ВВС будут на комиссии человек 10, а решать все вопросы придется мне.

11 мая.

Вчера с 16:00 до 20:30 первый раз заседала Госкомиссия по предстоящему пуску «Востоков». Председательствовал Тюлин Георгий Александрович, присутствовали: Пашков, Королев, Глушко, Рязанов, Бармин, Ишлинский, Скуридин, Мрыкин, Керимов, Алексеев, Строев, Воронин и другие; от ВВС в работе комиссии, кроме меня, участвовали: Кутасин, Волынкин, Горегляд, Холодков, Одинцов, Яздовский, Карпов, Гагарин, Смирнов.

Были заслушаны доклады главных конструкторов по кораблям № 7 и № 8 и их носителям — доложили, что все оборудование вновь проверено, неисправные приборы и аппаратура заменены, все готово к отправке на полигон. Королев обратил внимание на качество работ (отказ 28 приборов, найдена шайба в электрораспределительном устройстве — опять, как и в 1962 году, по вине харьковского завода) и просил усилить внимание к подготовке пуска, выделив на эту работу лучших специалистов.

О готовности космонавтов доложил Одинцов, но его «дебют» оказался неудачным. Поступили предложения: «Считать доклад ВВС неудовлетворительным». Пришлось мне выступать и защищать и ВВС, и Одинцова; после чего комиссия согласилась принять доклад ВВС к сведению и решить вопрос о кандидатах на полет и сроках пусков на более узком заседании. Одинцов излишне самоуверен и тороплив, этот урок ему будет полезен.

После официального закрытия заседания комиссии у Тюлина в кабинете собрались Королев, Мрыкин, Керимов, Скуридин, Алексеев и все представители ВВС. После детального изучения вопроса было решено, что пуск можно планировать на 3–5 июня, вылет космонавтов на полигон — 27–28 мая. Кандидатами на полет были назначены: Быковский (запасной — Волынов), Терешкова (запасные — Соловьева,

Пономарева). Тюлин, Королев, Мрыкин, Алексеев, Гагарин, Карпов, Одинцов и я высказались за Терешкову, а Скуридин и Яздовский — за Пономареву. Хотя предварительное решение в пользу Терешковой и состоялось, но у Пономаревой есть сильные сторонники (Келдыш, Руденко), и борьба за то, кто из них будет первой, далеко не закончена.

Сегодня, в первой половине дня, провел совещание и дал все указания о подготовке к космическому полету на 3–5 июня с вылетом на космодром до 28 мая. После принятия Президиумом ЦК КПСС благоприятных для ВВС решений прошло почти два месяца. Малиновский и Бирюзов фактически саботируют решения ЦК, и положение в наших космических делах остается прежним. Из-за ведомственных неурядиц мы очень плохо используем наши технические возможности, наспех готовим программы полетов и делаем массу других глупостей. Космический полет, точнее, подготовку к нему, надо начинать с задания экипажу на полет, а пока мы поступаем наоборот: после того, как подготовят корабли и оборудование, мы к состоянию и оборудованию кораблей подгоняем полетные задания космонавтам.

Идут упорные разговоры о том, что Вершинин подал рапорт с просьбой освободить его от занимаемой должности по состоянию здоровья, и называют Судца и Савицкого как его преемников. Любая замена Вершинина не будет лучшим вариантом, но она неизбежна. Говорил с Брайко и Мироновым — оба считают наиболее вероятной кандидатуру маршала Судца.

12 мая. Дача «Заборье»

Чудесный, теплый день. С 5 часов утра до 9 вечера я все время на ногах. В одних трусах долго работал в саду, потом Лева, Люда (вчера она выписалась из санатория) и я вскопали часть огорода под картофель. Первый раз в этом году косил траву, Оля мне помогала косить маленькой косилкой.

13 мая.

Говорил с С. П. Королевым, он против того, чтобы ВВС посылали на старт 55 человек, и предлагает сократить число командируемых до 25. Уложиться в это число невозможно. На старте должно быть не менее 11 космонавтов и 8 инженеров, не считая других специалистов ВВС.

Сегодня Быковского должны были поместить в тепловой макет «Востока» на срок не более двух суток, но только что позвонил из института Гагарин и доложил, что начинать тренировку Быковского сегодня нельзя. От Алексеева привезли скафандр, а шлемофон к нему взяли на один номер больше шлемофона Быковского, — врачи утверждают, что датчики физиологических функций, вделанные в шлемофон, в таких условиях работать не будут. Опять специалисты алексеевского ОКБ портят нам нервы: обещали дать скафандр 9 мая, а фактически мы получим его только 14 мая.

Получили подтверждение, что завтра, 14 мая, американцы запустят на орбиту Гордона Купера. Программа полета в усовершенствованной капсуле «Меркурий» рассчитана на 34 часа и содержит ряд интересных пунктов:

11 мая Купер был помещен на 72 часа в специальную камеру, а с 14 часов 12 мая и до 2 часов 13 мая должна проводиться последняя имитация полета, во время которой астронавт будет находиться в капсуле. Если верить этой информации, то американцы делают глупости: они изматывают астронавта перед самым стартом, вместо того, чтобы предоставить ему возможность активного отдыха. Зная устройство капсулы «Меркурий», я не уверен, что американцам с первой попытки удастся совершить космический полет продолжительностью более суток.

14 мая.

С утра до 14:30 был в ЦПК, проверял планы подготовки космонавтов к предстоящему полету. Терешкова и Соловьева подготовку полностью закончили. Вчера они прилетели из Феодосии, где провели по семь парашютных прыжков, в том числе в скафандре и на море. Пономарева и Еркина заканчивают прыжки завтра. Девушкам осталось пройти только заключительные медицинские обследования, повторить тренировки в корабле и изучить программу полета. Встречал Терешкову. Она выглядит лучше обычного, как-то вся светится радостью. По-видимому, ей кто-то уже шепнул, что она первый кандидат. Но намек на решение еще далеко не само решение. Я твердо стою за то, чтобы вопрос о том, кто из женщин полетит первой, решать только на старте. Шансы Терешковой, Соловьевой и Пономаревой сейчас почти равные.

По программам, планам и расписаниям занятий сделал несколько исправлений. Отругал генерала Одинцова и его заместителей за грязь в гарнизоне. Правда, положение в гарнизоне улучшается, но очень медленно. Обратил внимание Одинцова на его ошибки на заседании Госкомиссии и на его сварливость во взаимоотношениях с генералами Волынкиным и Пушко.

Сегодня в 11 часов Быковского поместили в тепловой макет корабля, а Волынов проходит вестибулярные обследования. К 25 мая подготовка космонавтов будет закончена, и 27–28 мая мы можем лететь на старт.

15 мая.

Американцы вчера не запустили капсулу с Гордоном Купером, якобы из-за неисправности ротора слежения на Бермудских островах. Официально объявлено об отсрочке пуска космического корабля минимум на сутки. Не исключено, что старт состоится сегодня, но я не уверен, что Купер сможет полностью выполнить программу полета: 22 витка в «Меркурии» тяжелее 50 витков в «Востоке».

Быковский находится в макете уже вторые сутки, у него сломался микрофон, отказали ларинги — он поддерживает связь по телефону и телеграфу. Читал сегодня документ, «состряпанный» Яздовским. Смысл документа: «Космонавта, кандидата на полет, нужно держать в скафандре в макете корабля дольше того срока, на который он летит в космос. При продолжительности полета до 7 суток нужно находиться не менее 7 суток, но, учитывая сжатые сроки подготовки к полету, ученые считают возможным сократить пребывание в макете до 5 суток». Подписали это «творение» два десятка ученых (Блохин, Парин, Яздовский, Генин и другие). Этот документ не только ненаучный, но и просто глупый: нельзя допускать значительного ослабления организма космонавта перед самым полетом.

Я не раз говорил Яздовскому и другим ученым, чтобы они провели десятки длительных испытаний с испытателями и установили, как ведет себя организм в подобной обстановке, в какие сроки он лучше приспосабливается к ней и что можно рекомендовать космонавту для поддержания тонуса и работоспособности. Этой большой и нужной предварительной работы институт не провел, а сейчас, перед самым полетом, ученые пытаются исправлять свои грехи за счет здоровья космонавтов. Завтра поеду в институт, разберусь с

ходом тренировки Быковского и на месте приму решение, закончить ли опыт в конце вторых суток или продлить его на третьи сутки. Что бы ученые ни доказывали, я не допущу продолжительности пребывания космонавта в скафандре более трех суток. Каждый день в скафандре на Земле тяжелее трех космических — примерно так оценивают эту тренировку Гагарин, Титов, Николаев и Попович.

16 мая.

Провел совещание в Институте авиационной и космической медицины. Все высказались за то, что эксперимент с Быковским продолжать на третьи сутки не имеет смысла. Наблюдал Быковского в корабле и поговорил с ним по телефону вид и самочувствие Быковского нормальные. Специалисты разбираются в причинах отказа микрофона и ларингов. Волынова поместили в тепловой макет корабля на трое суток. Оба они еще пройдут тренировку по пользованию АСУ. Разобрал ряд вопросов по взаимоотношениям между ЦПК и ИАКМ, а также вопросы подготовки к предстоящему пуску. Яздовского больше всего беспокоило то, чтобы Центр не имел поползновений на роль руководителя медико-биологической подготовки полета. Я при всех успокоил его, сказав, что институт будет, как и раньше, организовывать и отвечать за весь комплекс мероприятий и подготовку космонавтов по медицинской части.

Вчера в 16:03 по московскому времени Гордон Купер был выведен на орбиту. Прошло уже 22 часа, как начался его полет, и, по-видимому, он проходит успешно. Наши газеты и радио скупо сообщают о полете Купера. Если Купер выдержит 22 витка и благополучно вернется на Землю, это будет большим его личным успехом и громадным достижением США. Этот полет — новое доказательство того, что Америка «сидит у нас на хвосте», а кое в чем уже и опережает.

17 мая.

Гордон Купер произвел посадку в заданное время и в заданном месте. Подробности полета пока неизвестны, но и без них понятно, что Америка одержала большую победу в космосе. Ракета «Атлас» и корабль «Меркурий» не идут ни в какое сравнение с нашей ракетой и «Востоком»: наша ракета почти в три раза мощнее, а «Восток» более чем в два раза тяжелее «Меркурия». Тем больше у американцев оснований радоваться своему новому успеху.

Вчера получил неприятное известие о новых «похождениях» Г. С. Титова. 13 мая Титов с корреспонденткой «Молодой гвардии» поехал на прогулку в лес на своей машине. Пока они гуляли по лесу, кто-то якобы утащил из машины папку с документами. В папке находились пропуска в ЦПК, в Главный штаб ВВС, к Королеву, в институт, в академию, а также мандат депутата Верховного Совета СССР и другие документы. Приказал Одинцову провести расследование и доложить мне, но и без расследования ясно, что Титов вел и продолжает вести себя плохо. После того, как я задержал ему присвоение очередного звания, он немного притих, а сейчас опять показывает свое настоящее лицо. Титов малоорганизованный и даже разболтанный человек. Его нужно держать в очень крепкой узде, но высшее начальство мешает нам поставить космонавтов на место. На этот раз придется Титова строго наказать по строевой и партийной линиям.

Сегодня в 12:30 в макет «Востока» поместили космонавта Волынова, пока у него все идет нормально. Неисправности со связью у Быковского были из-за неправильного монтажа кресла — этот недостаток устранен.

18 мая.

Сегодня утром узнал от своего шофера, что будто бы вчера в Химках Гагарин потерпел аварию на своем катере. Звонил из КГБ подполковник Ершов и тоже говорил о происшествии с Гагариным. Только что от меня ушли Одинцов, Гагарин и Титов. Гагарин утверждает, что никакого происшествия у него не было. Я попросил Ершова проверить всю эту «трепотню». А вот с Титовым пришлось крупно поговорить.

Я предупредил Германа, что за утерю важных документов он будет очень строго наказан. Титов пытался оправдываться: «А при чем тут я, если у меня украли документы…» Я напомнил Герману, что до его космического полета и во время поездки в Америку у нас не было никаких замечаний по его поведению, следовательно, он может, когда это считает нужным, «взять себя в руки». Я сказал Титову, что в последнее время он наделал много серьезных ошибок и теперь должен отвечать за все свои «выкрутасы». Никакие высокие звания не спасут его от строгих наказаний, и если он не сумеет сделать для себя правильных выводов, то нанесет большой вред и делу, и самому себе. Титов пытался защищаться — он до сих пор так ничего и не понял.

Придется его крепко «отмолотить», чтобы он наконец-то осознал свои ошибки.

19 мая.

В 9:30 уехал с дачи в Монино на сбор ветеранов 2-й Воздушной армии. Собралось человек 500, в том числе Красовский, Рытов, Миронов, Кожедуб, Лакеев, Жадов, Слюсарев. Из нашего корпуса было человек тридцать: Яроцкий, Бенюк, Клобуков, Коряков, Пикулик и другие. Доклад сделал маршал Красовский. Торжественная часть продолжалась более двух часов, затем был обед, а после него — концерт. Это первый опыт в ВВС такого большого сбора ветеранов. Пожалуй, лучше собирать полк, дивизию или корпус — сбор армии был слишком многолюдным и потому довольно формальным, сухим. Многие высказывали разочарование этой встречей.

20 мая.

В субботу Вершинин и Руденко вернулись с учений, проходивших в ГДР. Главком заболел, и сегодня его нет на работе. Руденко к 15 часам поедет в ЦК, а мне опять придется с 16 часов представлять ВВС на заседании Госкомиссии по пускам «Востоков».

Сегодня около полудня Волынов закончил трехсуточный эксперимент в макете «Востока». Волынкин и Яздовский доложили, что у Волынова все хорошо, но за трое суток у него не было стула. Яздовский сообщил, что у испытателя, находящегося в таких же условиях, нет стула уже восьмые сутки. Необходимо Быковского и Волынова особо потренировать в пользовании АСУ в скафандре.

21 мая.

Почти весь день провел в ЦПК. К 8:45 в Центр приехали Келдыш, Королев, Мрыкин и Руденко. Беседовали о кандидатах на полет и о продолжительности полета. ЦПК представляли Одинцов, Карпов, Гагарин, Титов, Николаев, Попович. Все единогласно высказались за 8-суточный полет для космонавта и трехсуточный — для космонавтки. Первым кандидатом из мужчин назначен Валерий Быковский, а из женщин — Валентина Терешкова. Потом пригласили на собеседование готовящихся к полету космонавтов. Быковский, Волынов, Терешкова и Соловьева произвели на всех отличное впечатление. Королев спросил Пономареву: «Что это вы грустноваты сегодня, товарищ Пономарева?» «Не грустновата, а просто серьезна, как всегда», — ответила Пономарева. Еркина чувствовала себя не на месте, понимая что ее

пригласили на эту встречу «по ошибке». После небольшой беседы с космонавтами Королев заявил: «Я думаю, что мы не ошиблись в выборе командиров «Востоков», все космонавты производят прекрасное впечатление, отлично подготовлены. Много и хорошо потрудились руководители Центра и ВВС, чтобы подготовить таких орлов».

После совещания гости осмотрели служебные и учебные помещения Центра, побывали на строительстве и остались очень довольны всем увиденным. Они не заметили многих недостатков и недоделок, мимо которых я не имею права проходить равнодушным наблюдателем. После того, как гости разъехались, Руденко отругал Одинцова за форму доклада («ЦПК предлагает первым кандидатом…» и т. д.). Короче говоря, маршал был очень недоволен, что мы провели первой Терешкову, а не Пономареву, как этого хотел он. Потом Руденко долго читал мораль Гагарину, Титову, Николаеву и Поповичу, а под конец остался один с Титовым и с глазу на глаз «вправлял ему мозги». За это время я успел выиграть четыре партии в биллиард у Одинцова и Карпова.

22 мая.

В понедельник, 20 мая, состоялось заседание Госкомиссии, на котором была подтверждена готовность двух «Востоков» к пуску между 5 и 10 июня. Я доложил комиссии подготовленные ВВС тексты приветствий из космоса и тексты предстартовых выступлений космонавтов. Комиссия рассмотрела и утвердила ряд инструкций и рабочих документов, а также поручила мне подготовить доклад с анализом всех наших и американских пилотируемых полетов.

Яздовский и Одинцов сегодня звонили мне и выражали свое недовольство тем, что этот доклад поручен не им. Одинцов набрался нахальства и заявил, что у него все люди заняты делом и он не может никого выделить для участия в подготовке доклада. Я отказался от его помощи, доклад будет подготовлен и без него, но его «позиция» по ряду вопросов показывает, что Одинцов очень недалекий человек, а в данном случае он выглядит просто глупо. Сегодня я первый раз серьезно усомнился в Одинцове. Накапливается уже много данных, свидетельствующих о том, что выбор нового начальника Центра проведен мной не лучшим образом.

23 мая.

Вчера, к концу дня, еще раз звонил Одинцов. Он, по-видимому, понял, что вел себя глупо, и пытался исправиться, но… сделал вместо этого еще одну глупость. Из-за своего сварливого характера он два месяца не может договориться с генералом Пушко об использовании базы ГКНИИ (барокамера, катапульта, летные и другие тренажеры) для тренировок космонавтов. Неделю назад он прислал мне проект приказа ВВС по использованию этой базы, но проект не завизирован Пушко. Я уже дважды говорил Одинцову, чтобы он не присылал недоработанные проекты, но он считает, что его обязанность со всеми ругаться, а ВВС должны заставлять всех слушаться Одинцова. Я не думаю, что Одинцов как начальник ЦПК совсем плох, но работать с ним будет трудно — это для меня уже не подлежит сомнению.

Дважды звонил Королев, просил прислать ему все инструкции космонавту (их набирается более 30). Послал к Сергею Павловичу Б. А. Аристова.

24 мая.

Грандиозный митинг в Лужниках и прием в Кремле состоялись вчера в честь Фиделя Кастро Рус. Фиделю присвоено звание Героя Советского Союза. Он, безусловно, заслужил самые высокие звания и награды, но звание Героя Советского Союза ему дали зря, если не сказать больше. Новое звание Фиделя его враги широко используют во вред ему и во вред Кубе. Злостной американской пропаганде мы сами даем материал для травли Фиделя.

Сегодня получили решение ЦК КПСС о постройке в 1963 году четырех «Востоков». Нам приказано к 25 мая дать ростовки на пять скафандров, а к 15 июня дать программы полетов для всех кораблей. Завтра на заседание ВПК у Смирнова приглашены Руденко, я, Одинцов, Яздовский, Карпов, Гагарин, Быковский, Волынов, Терешкова, Соловьева и Пономарева. На заседании будут обсуждаться вопросы готовности техники и космонавтов к предстоящему полету. Доклад о готовности космонавтов и все необходимые справки написаны, мы в состоянии ответить на любой вопрос любой инстанции.

27 мая. Борт самолета «Ан-10» — Тюра-Там.

Только что взлетели с аэродрома Чкаловская — летим на полигон. Для меня этот полет — сплошная неожиданность и образец неорганизованности. Маршал Руденко должен был сегодня лететь с

членами Госкомиссии, но в субботу вечером я получил команду вылететь вместо него. Я планировал свой вылет на 31 мая вместе с космонавтами, и до отлета у меня было очень много неотложных дел в Москве, которые пришлось поручить Горегляду и Одинцову.

В субботу 25 мая состоялось заседание Военно-промышленной комиссии под председательством Л. В. Смирнова. Присутствовали: Дементьев, Калмыков, Зверев, Пашков, Келдыш, Королев, Тюлин, Мрыкин и другие, ВВС были представлены Вершининым и всеми приглашенными на заседание товарищами. О готовности к очередному космическому полету докладывали Тюлин, Королев, Руденко, Келдыш и другие. Приняли решение: «Принять к сведению доклады о готовности техники и космонавтов к пуску между 5 и 10 июня». Я в своем выступлении просил изыскать возможность взять на борт «Востока» оптическую трубу (массой полтора килограмма), значительно улучшающую возможности обзора из корабля.

Воскресенье до обеда провел на даче, а после обеда мы с Мусей ездили в Москву, готовили мой вылет в командировку. На даче у нас ночевал Павел Герасимович Хохлов, рассказавший много интересного о своей жизни в Вязниках. Павел Герасимович мой старый друг. Мы вместе с ним в 1929 году начинали службу в Спасске в 40-й эскадрильи. Восемь лет назад Хохлов ушел в запас в звании подполковника и поселился с семьей в Вязниках. Построил дом, завел корову, посадил фруктовые деревья. Повзрослевшие дочери и сын Хохлова вскоре разъехались по стране. Павел Герасимович и его жена продолжали напряженно, по 12–14 часов в сутки, работать на приусадебном участке, видя смысл жизни в труде. Но вот какой-то шустрый журналист поместил в местной газете заметку о Хохлове, в которой назвал его «тунеядцем, молочником и спекулянтом». Несколько месяцев «дело» Хохлова разбиралось в различных инстанциях — в итоге разбирательства доброе имя коммуниста с 40-летним стажем «реабилитировано», корова зарезана, сад заброшен.

Когда же мы покончим с подобными «загибами» и «перегибами»? Ведь государственный сектор пока еще не может обеспечить потребности населения в продовольственных товарах и создать такие условия, когда мелкие приусадебные хозяйства станут просто нерентабельными и граждане сами добровольно от них откажутся. У нас на местах в административном порядке прижимают «коровников»

налогами, препятствуют обеспечению их кормами и пастбищами. Миллионы людей, которые могли бы своим трудом создавать дополнительное количество продовольствия, обрекаются на вынужденное безделье…

Кому-то может показаться странным, что на пути к космодрому я рассуждаю на эти далеко не космические темы. Многие считают, что глупо стремиться в космос, имея столько важных проблем на Земле, но я верю, что освоение космоса может оказать благотворное влияние и на состояние земных дел. Программа предстоящего смешанного полета очень трудна и во многом невыполнима из-за недоделок в оборудовании, но я глубоко убежден, что осуществление полетов на 6–7 суток для мужчины и на трое суток для женщины уже само по себе дает для освоения космоса так много, что можно и нужно для решения главной задачи поступиться другими работами. В последующих пусках можно будет решать специальные задачи (разгерметизация, ручной спуск, элементы боевого применения), не увлекаясь длительностью полетов.

…Через четыре часа полета произвели посадку на аэродроме полигона. Сейчас здесь хорошая погода, прошли дожди, большой жары и духоты нет, а ночью даже прохладно. За 20 минут до нас прилетели Королев, Тюлин и другие. Королева я еще не видел, а Тюлин был удивлен моим столь ранним появлением. Он сказал, что в субботу говорил Руденко, чтобы мы не торопились с вылетом и раньше 1 июня не прилетали. Мне здесь в ближайшие 3–4 дня большой работы не будет, а в Москве остались горы дел — это вынужденное безделье пускай будет на совести Руденко, а я постараюсь использовать все свободное время для более подробного ознакомления с техникой и контактов с представителями промышленности. Здесь уже все главные конструкторы, а от ВВС пока человек 20 (группа инженеров во главе с полковником Шубраловым и группа врачей полковника Гуровского). Всего представителей ВВС будет человек 60, половину из них нужно разместить на территории нулевого квартала на берегу Сырдарьи, а другая половина специалистов будет размещаться на второй площадке, в непосредственной близости от старта.

В дни подготовки пусков «Востоков» полигон всегда очень перегружен и переживает бытовые трудности (размещение, питание, транспорт). Сейчас я сижу в «квартире» маршала Крылова (хозяин еще

в Москве) и жду заказанного по «ВЧ» разговора с Москвой. Телефон «ВЧ» также сильно перегружен, и иногда приходится долго ждать. Плохо, что у меня нет с собой всех исходных материалов для подготовки доклада с анализом наших и американских космических полетов. Горегляд не только не успел обобщить все необходимые для доклада данные, но даже не доложил мне имеющиеся материалы. По памяти буду обдумывать главные итоги полетов, выводы из них и предложения по организации и программе последующих полетов четырех «Востоков».

28 мая.

Получил очень неприятное сообщение из Москвы: при очередном парашютном прыжке погиб полковник Никитин Николай Константинович. Прыжок был групповой. Одновременно с Никитиным прыгал майор Новиков. В воздухе они столкнулись головами, и оба погибли. За год это третья катастрофа самых видных парашютистов авиации: погибли полковник Долгов, парашютист ЛИИ Головин, полковник Никитин. Последние годы они много работали на космонавтику: испытывали скафандры, готовили парашютистов, были ведущими испытателями катапультных устройств. Но все трое погибли при прыжках, не имеющих никакого отношения к освоению космоса.

Никитин был ворчлив, неуживчив, мало «уважал» начальство, но он был прекрасным парашютистом-испытателем и инструктором. Он отлично подготовил Гагарина, Титова, Поповича, Николаева, Быковского, Волынова, Терешкову, Соловьеву, Пономареву и других космонавтов. Смерть Н. К. Никитина — большая утрата для космонавтов и парашютистов СССР. Последний раз я виделся с Никитиным 20 мая, когда он в ЦПК докладывал Келдышу, Королеву и Тюлину о результатах последних прыжков космонавтов в скафандрах на сушу и на море.

Сегодня около пяти часов провел на второй площадке. Встречался с Шубраловым, Яздовским, Королевым, Алексеевым, Ворониным, Ткачевым и другими. Носители и «Востоки» № 5 и № 6 находятся в МИКе. Работа с ними началась еще две недели назад, но Королев не совсем доволен результатами: «Начинаем подготовку почти с нуля». У обоих «Востоков» обнаружены неполадки с телеметрическими системами Главного конструктора Богомолова. Сейчас идет круглосуточная работа по подготовке кораблей.

При первой встрече Сергей Павлович просил меня заняться аппаратурой Алексеева и Воронина. Ему кто-то доложил, что за время нахождения второго корабля в пятисуточной готовности к полету возможно стравливание воздуха и кислорода. Я обсудил эту проблему с Алексеевым, Пелевиным и Килосанидзе. В отсеке управления кораблем есть три баллона (два с воздухом, один с кислородом), предназначенные для питания скафандра в течение 3–3,5 часов в случае разгерметизации корабля. Кроме баллонов, может травить и КП-39 (кислородный прибор — Ред.). Все специалисты заявили, что вероятное стравливание воздуха и кислорода за пять суток готовности и десять суток полета будет очень небольшим и никаких опасений не вызывает. Договорились об усилении контроля и постоянстве замера величины стравливания воздуха и кислорода.

Не успели мы закончить обсуждение данной проблемы, как к нам пришел Королев. Алексеев, Воронин и Ткачев доложили ему, что их системы готовятся нормально. «Неужели не к чему придраться, а я был намерен ругаться», — шутя сказал Королев. В этот момент появился Яздовский, и Сергей Павлович тут же набросился на него с градом «шутливых» вопросов: «Когда медицина разрешит нам — старикам — лететь в космос? Почему вы превратили медицину в «антикосмос»? Зачем вы превращаете космонавтов в подопытных кроликов? Почему не даете нам своих рекомендаций для будущих кораблей? Когда снизите медицинские требования к поступающим в космонавты?» и т. д. Королев уже много раз поднимает эти вопросы, но их решение зависит больше от техники, чем от медицины. Пока космонавт будет в полете переносить перегрузки, невесомость и другие неблагоприятные факторы космического полета, до тех пор потребуется специальный отбор и жесткие тренировки людей, готовящихся к космическим полетам.

Вчера был очень тихий, теплый, приятный вечер; в спокойной Сырдарье отражались небольшие розовые облака, а сегодня небо необычно нахмурилось сильный восточный ветер, облачность, на востоке черная дождевая туча с полосами дождя. Сырдарья волнуется, и на берегу нет ни одного человека. День был нежаркий, а вечер почти прохладный. Утром я с удовольствием провел физзарядку на берегу и искупался, а сейчас нет никакого желания лезть в воду. Трагическое происшествие с Никитиным и плохая погода испортили мне

настроение, на минуту появляются сомнения в важности и необходимости наших космических хлопот, но я, к счастью, умею не распускаться и верить в дело, которому посвятил три последних года. Дорога в космос трудна, на пути будет много трудностей и неприятностей, глупости многих руководителей будут создавать дополнительные затруднения, но вопреки всему нужно делать все возможное для расчистки этого пути. Он нужен человечеству на века, а все наши возможные потери и неприятности легко забудутся, хотя для нас, еще живущих и летающих, они не безразличны.

29 мая.

Вчера поздно вечером говорил по «ВЧ» с генералом Одинцовым, он доложил следующее. 28 мая в 6:15 на аэродроме Медвежьи Озера проводились тренировочные прыжки врачей поисковых команд. Полковник Никитин, майор Новиков и еще один парашютист выполняли личные тренировочные прыжки с затяжкой на 10 секунд и с интервалом в 2,5 секунды. Выпрыгнувший первым Никитин на 10-й секунде начал раскрывать парашют, и в этот момент падавший спиной вниз и не видевший Никитина майор Новиков ударился затылком о лоб Никитина. Удар был настолько сильным, что смерть обоих наступила мгновенно. Парашюты раскрылись, но на них приземлились два трупа. Итак, Никитина фактически убил майор Новиков. По-видимому, он не выдержал заданный интервал, затянул свободное падение больше, чем на 10 секунд, и совершенно не наблюдал за партнером. Хоронить Никитина будут 30 мая, а 31 мая космонавты должны вылететь на полигон. Очень жаль Никитина, его гибель может в какой-то мере отрицательно повлиять на ход подготовки предстоящего полета. Я имею в виду, в первую очередь, нервы женщин. Королев, Тюлин, Алексеев и другие, кто знал Никитина, удручены его утратой.

Советовался с Тюлиным и Королевым о дате отъезда на полигон космонавтов. Тюлин рекомендует 31 мая, а Королев — 2–3 июня. Тюлин председатель Госкомиссии, а Королев фактический руководитель пуска слушаться нужно обоих. Вызову космонавтов на 2 июня, пуск раньше 7–8 июня все равно не состоится, а 4–5 дней на предстартовую подготовку вполне достаточно.

Только что вернулся со второй площадки, где в моем присутствии Королев имел крупный разговор с начальником полигона генералом Захаровым по поводу перегруженности гостиниц и плохого

обеспечения транспортом. Как на десятой, так и на второй площадке действительно много лишних людей, не имеющих никакого отношения к пуску «Востоков». На время нашей работы их целесообразно убрать. Говорил по «ВЧ» с Гореглядом; маршал Руденко решил всех космонавтов отправить одним самолетом Ан-10. Я приказал Горегляду и Одинцову настаивать на отправке космонавтов двумя самолетами Ил-14. Руденко ответил: «Вы боитесь летать, даже министр летает со всеми своими заместителями на одном самолете». До Руденко не доходит, что, случись катастрофа со всеми космонавтами (Гагарин, Титов, Попович и все подготовленные к полету космонавты), — это будет величайшей потерей для СССР и всего мира, а потеря полдюжины выживших из ума стариков только способствовала бы укреплению армии. Завтра приму все необходимые меры, чтобы не дать ход очередному «заскоку» маршала. Говорить с ним совершенно бесполезно, надо будет через ЦК отменить его решение.

30 мая.

Вчера вечером говорил с Тюлиным о намерении Руденко отправить всех космонавтов одним, а не двумя самолетами, как это было запланировано. Тюлин не задумываясь ответил: «Можно одним самолетом, мы — Правительственная комиссия — летаем на одном самолете». Такой ответ — не что иное, как проявление мании величия. Малиновского, Руденко, Тюлина и даже Королева можно немедленно заменить другим человеком. А кем можно заменить Гагарина или Николаева? На подготовку девушек мы затратили полтора года, и в ближайшие год-два их заменить некем. Я верю, что в этом полете ничего плохого не должно произойти, но хотелось бы исключить даже малейшую вероятность большого несчастья, а сейчас она совсем не исключена. Эти грустные опасения не навеяны трагической гибелью Никитина. Просто у нас более трех лет существовало правило: космонавтов и их дублеров не возить на одном самолете. Передал Горегляду команду: прибыть с космонавтами на полигон 2 июня.

С утра был на второй площадке, согласовал с Яздовским, Алексеевым, Даревским и Богомоловым часы и дни их занятий с космонавтами. Для занятий вполне хватит трех дней, в предстартовый день занятия сократим до минимума.

Сегодня космонавты хоронят Н. К. Никитина. Найти ему полноценную замену будет трудно. Как специалист, он пользовался

большим авторитетом у космонавтов и промышленников. Парашютные системы корабля, кресло, скафандр, НАЗ — все разработано и испытано с его участием.

31 мая. Тюра-Там.

Утром вместе с Королевым и Фроловым изучали на «Востоке-6» возможность размещения и закрепления на борту корабля обзорной оптической трубы. Фролов категорически отрицал такую возможность, Сергей Павлович колебался, а потом сам влез в корабль и в нескольких местах примерился с трубой. Я наблюдал за Королевым и понял, что корабль перегружен и заполнен до предела. Трубу можно будет разместить только на «Востоках» постройки 1963 года.

В 17 часов Королев и Тюлин провели техническое совещание, на котором присутствовало более 60 человек. О готовности к полету «Востока-5» и «Востока-6» доложили Данилов, Шубралов, Фролов, Богомолов, Алексеев, Воронин, Ткачев, Даревский, Брацлавец, Быков и другие специалисты. Корабли, в основном, готовы к полету, но в процессе подготовки были случаи отказа средств связи, телевидения и некоторых приборов. Совещание продолжалось два часа, большой пользы от него я не увидел, но как официальный доклад главных конструкторов о готовности своих систем и аппаратуры к пуску оно, по-видимому, необходимо. Я или привык к таким совещаниям, или они понемногу вырождаются в необходимую формальность, в некую форму общественного контроля над главными конструкторами. Королев и Тюлин выразили неудовлетворение докладом Богомолова, упрекали его в частых случаях отказов его аппаратуры, а Богомолов, как всегда, пытался защищаться. Судя по докладам главных конструкторов и группы инженеров ВВС, подготовка кораблей и носителей идет нормально, и пуск можно будет осуществить 7-10 июня.

1 июня.

На самолете Ан-10 в 10 часов по местному времени на полигон прилетели Руденко, Мрыкин, Ишлинский, Кузнецов, Горегляд, Одинцов, Холодков, Карпов, Гагарин, Титов, Николаев, Быковский, Волынов, Терешкова, Соловьева, Пономарева и другие (всего 35 человек). Встречали космонавтов Тюлин, Королев, Захаров, Войтенко, Яздовский. Кинооператоры засняли «церемонию» встречи космонавтов.

С 17 до 19 часов С. П. Королев проводил техническое совещание по всем обслуживающим службам (расчеты, связь, поиск и т. д.). По обеспечению поиска на акваториях доложил капитан 1-го ранга Миловский. По организации поиска средствами ВВС доклад сделал я. Много вопросов всем докладчикам задавали Тюлин, Мрыкин и Королев. Сергей Павлович выразил обеспокоенность отсутствием средств поиска (морские корабли и самолеты) в южной части Тихого океана, вдоль побережья Антарктиды и в Южной Атлантике. Комиссия решила обратиться в ВПК и МО с просьбой продумать план мероприятий на случай аварийной посадки космонавтов. К этому пуску реально уже ничего нельзя сделать, но в принципе можно иметь в южном полушарии несколько морских кораблей и 3–4 самолета Ту-114. Приняли решение: поручить специалистам ВВС изучить все варианты возможной штатной и аварийной посадки космических кораблей.

2 июня. Воскресенье.

Весь личный состав полигона и промышленники сегодня отдыхают. Утром в 7:10 мы с Руденко пошли на Сырдарью для физзарядки и купания. В это время все космонавты уже играли в волейбол. С 10 до 14 часов космонавты занимались изучением инструкций и прослушали рекомендации профессора Раушенбаха по ручной ориентации, спуску корабля за счет естественного торможения и способам действий при выполнении различных научных заданий. Я с Тюлиным также послушал выступление Раушенбаха, а потом, с 12 до 14 часов, был на берегу: загорал, купался, играл в шахматы. Выиграл две партии у Руденко и две у Миловского. После обеда Руденко пошел пройтись по городу, а космонавты вместе с генералами Гореглядом и Одинцовым поехали ловить рыбу. Ребята вернулись с рыбной ловли очень довольные, поймали сома килограммов на восемь. Руденко, Тюлин, Мрыкин и я вечером смотрели американский кинофильм «Великолепная семерка». Содержание фильма бедное, много стрельбы и убийств, но смотрится он с интересом; два часа пролетели незаметно.

3 июня.

С 9 часов Терешкова, Соловьева и Пономарева примеряли скафандры, регулировали подвесную систему и кресло. Быковский и Волынов в первой половине дня изучали инструкции и задание на

полет, заполняли бортжурналы, а вечером проводили тренировку в боевом корабле. Сергей Павлович утром рассмотрел и согласился с предложениями ВВС по наблюдению за огнями, дымами, взрывами и прожекторами в районе Волгограда. Он согласился с моим предложением по целеуказаниям пилотам кораблей (например, команда «12.05-30-слева-120» означает, что в 12:05 космонавт должен наблюдать за объеком, расположенным слева по курсу под углом 30 градусов на удалении 120 километров). Данные о положении кораблей мы будем получать от мощных пеленгаторов, передавать их в ЦНИИ-30 и через 15 минут будем знать координаты кораблей. Днем Королев провел два заседания технического руководства, где еще раз детально рассматривались вопросы готовности носителей и всех видов наземного обслуживания. По носителям доклад сделал полковник Кириллов, оба носителя готовы к пуску.

Сегодня Руденко вызвал заместителя командующего 73-й Воздушной армией генерала Платова, полковника Сибирякова и специалистов по связи и метеослужбе. Рассмотрели все вопросы организации и управления поиском приземлившихся кораблей и космонавтов. На совещании посадочной группы рассмотрели все витки, проходящие над территорией СССР, выбрали из них самые благоприятные для штатного, аварийного и ручного спуска, определили полосы посадки для каждого витка. Я сделал короткий доклад о средствах поиска ВВС и об организации управления поиском.

После совещания чествовали Богомолова Алексея Федоровича (профессор, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда, Главный конструктор телеметрических систем контроля и измерений). Богомолову 2 июня исполнилось 50 лет, а выглядит он на 35. С поздравлениями выступили человек 20. Алеша остался верен себе, он сказал: «Вместе с коллективом ОКБ мы добились некоторых успехов, будем стараться работать лучше, но срывы могут быть». По существу, он прав, но у нас не принято говорить о возможных неприятностях, тем более перед таким ответственным пуском.

4 июня.

В 10 часов началось заседание Госкомиссии по пуску «Востоков», членами которой от ВВС кроме Руденко, Яздовского и меня являются генерал Одинцов, полковник Карпов и подполковник Гагарин. На сегодняшнем заседании присутствовало человек 60. Доклады о

готовности носителей и кораблей «Восток-5» и «Восток-6» сделали полковник Кириллов, полковник Данилин и все главные конструкторы. Последним выступил Сергей Павлович Королев. Он отметил, что всеми службами полигона и представителями промышленности выполнена большая работа, носители и корабли в хорошем состоянии. В заключение он попросил комиссию разрешить вывоз изделий на старт. На заседании комиссии выяснилось, что, возможно, старт 7 июня не состоится из-за сильного порывистого ветра (15–20 метров в секунду). Вывоз изделия на старт при ветре более 15 метров в секунду также небезопасен, так как ракета на платформе обладает очень большой парусностью.

Потом комиссия рассмотрела вопросы готовности всех служб полигона и наземного обеспечения. Я сделал подробный доклад о готовности всех средств ВВС к поиску кораблей и приземлившихся космонавтов. Королев и Мрыкин внесли предложение о предупреждении всех инстанций о том, что управление полетом осуществляется строго централизованно и только со старта. Я поддержал это предложение и попросил председателя комиссии упорядочить работу командного пункта (КП): при прошлых пусках на КП, как правило, было много лишних людей, мешавших работать. Комиссия приняла решение для руководства полетами создать четыре смены, во главе смен поставить академика Ишлинского, Главного конструктора Кузнецова, генерал-лейтенанта Мрыкина и меня. В состав каждой смены вошли члены Госкомиссии, главные конструкторы систем, космонавты, врачи и другие специалисты.

Затем состоялось закрытое заседание комиссии, на котором Одинцов коротко доложил об общей подготовленности космонавтов, Яздовский — об их медико-биологической подготовке и организации медицинского контроля за космонавтами во время полета. Я доложил мнение ВВС по кандидатам на предстоящий полет, а Королев — основные задачи и расчетную продолжительность предстоящих полетов. Генерал Мрыкин задал несколько вопросов Яздовскому, Королеву и мне: «Не много ли 8 суток полета? Не было ли нажима на космонавтов? Почему мы сравнительно легко соглашаемся на такие длительные полеты, в то время как перед полетом Николаева и Поповича врачи настаивали только на суточном полете?» Королев,

Яздовский и я обстоятельно изложили наши позиции по этим вопросам.

В 18 часов состоялось торжественное заседание Госкомиссии. Заседание снималось кинооператорами, на нем присутствовали шесть корреспондентов: Романов А. П. (ТАСС); Денисов Н. Н. («Правда»); Остроумов Г. Н. («Известия»); Мельников Н. А. («Красная звезда»); Песков В. М. («Комсомольская правда»); Летунов Ю. А. (радиовещание).

Сначала Королев доложил о готовности носителей и кораблей к пуску. Затем я произнес следующую речь.

«Товарищ председатель! Товарищи члены Государственной комиссии! Разрешите представить вам пять космонавтов, подготовленных к предстоящим космическим полетам: майор Быковский Валерий Федорович, майор Волынов Борис Валентинович, младший лейтенант Терешкова Валентина Владимировна, младший лейтенант Соловьева Ирина Баяновна, младший лейтенант Пономарева Валентина Леонидовна. Все космонавты по своим убеждениям беспредельно преданы нашей Родине, партии и делу коммунизма. Они абсолютно здоровы, оттренированы и полностью готовы к выполнению длительных космических полетов: мужчины продолжительностью до 8 суток, женщины — до 3 суток. Все они горят желанием выполнить космический полет. От имени командования ВВС вношу предложение назначить: командиром корабля «Восток-5» — майора Быковского, его заместителем — майора Волынова, командиром корабля «Восток-6» — младшего лейтенанта Терешкову, ее заместителями — Соловьеву и Пономареву».

Комиссия единогласно утвердила мое предложение. Потом выступили Быковский и Терешкова. С поздравлениями и пожеланиями счастливого полета и отличного приземления выступили: Ишлинский, Гагарин, Мрыкин, Руденко, Королев и Тюлин. С этого заседания для скромных и никому не известных Быковского и Терешковой начинается новая жизнь. Через несколько дней их имена прогремят на весь мир и прочно войдут в историю освоения космоса. Быковский и Терешкова достойны, особенно последняя, этой громкой славы.

5 июня.

В 6 часов утра маршал Руденко на Ил-14 вылетел в Ташкент, я проводил его на аэродроме. Мы, как и в прошлый раз, живем с ним в

одной комнате. По-видимому, мы оба примирились с необходимостью мирного сосуществования и живем более дружно, чем раньше. Но его присутствие на полигоне меня тяготит, он ни на шаг меня не отпускает от себя и фактически мешает мне работать. Каждый день повторяется одно и то же: утром целый час уходит на физзарядку и купанье в Сырдарье, а все рабочее время — на пустую болтовню. Сегодня я поработал так, как хотелось бы работать каждый день. На второй площадке провел занятия со всеми космонавтами, врачами и другими специалистами по проверке знания и единого понимания всех инструкций (всего их 37) и теми, кто летает в космосе, и теми, кто обеспечивает руководство полетами на земле. Я убедился, что Быковский, Терешкова и их заместители отлично знают все руководящие документы. Мы договорились о том, что наиболее важные положения инструкций они занесут в бортжурналы. Все космонавты, в том числе Гагарин, Титов и Николаев, единодушно поддержали мое предложение о введении некоторой условности в открытых переговорах о состоянии своего здоровья и параметрах корабля. Доклад космонавта: «Самочувствие отличное, оборудование корабля работает отлично» — означает, что полет можно продолжать, сомнений в состоянии техники и здоровья нет. Если вместо «отлично» будет употреблено слово «хорошо», это будет означать, что космонавт сомневается в возможности полного выполнения задания. Появление в докладе слова «удовлетворительно» означает, что полет необходимо прекратить. Рассмотрели все возможные варианты посадки на различных витках, проходящих над территорией СССР, и обозначили на картах полосы посадки. Подробно разобрали особенности наблюдения из корабля за различными объектами на земле (аэродромы, корабли, самолеты, города, огни, дымы, взрывы и т. д.). На занятиях присутствовали Феоктистов, Раушенбах, Быков и Даревский; они напомнили космонавтам основные положения по управлению кораблем, связи и контролю за работой оборудования.

Последние пять дней температура днем не выше 25 градусов, а ночью — 15 градусов, почти все время сплошная облачность и сильные ветры с порывами более 15–20 метров в секунду. За все время моего пребывания на полигоне (а я здесь был уже больше 12 раз и в различное время года) это первый случай длительного ухудшения погоды.

Вечером смотрели секретный кинофильм о полете Николаева и Поповича. Фильм мог бы быть более интересным, хотя и то, что в нем есть, простые люди смотрели бы с захватывающим интересом. Но этот фильм не показывают из-за наличия в нем «больших секретов» (ракета, корабль, старт, руководители). Эти секреты давно известны американцам. Свой «Сатурн» они делали, хорошо зная нашу «Семерку». А о Королеве и других главных конструкторах в Америке и Европе читают лекции и пишут огромные статьи. Получается довольно глупо: мы скрываем свои достижения и выдающихся конструкторов и ученых от своих же советских людей.

Вчера дал приказание командиру авиатранспортного полка в Фергане полковнику Саламатину, чтобы он самолетами Ли-2 ежедневно подвозил на полигон по три тонны овощей и фруктов. Питание здесь, на полигоне, удовлетворительное, но очень мало зелени и фруктов. Все космонавты размещаются так же, как и при первых пусках. Правда, в этом году мы в их комнатах поставили очень хорошие итальянские кондиционеры. На площадке, в столовой и на реке много лишних людей. Здесь нет условий для занятий спортом и строгого соблюдения режима дня.

Вместе с Гореглядом, Одинцовым и Карповым осмотрели вчера дом космонавтов, строительство которого уже заканчивается. Дом двухэтажный, в нем 14 жилых комнат, столовая, гостиная, спорткинозал и бытовые комнаты. К сожалению, дом очень плохо спланирован: мало умывальников, общие уборные, нет ванн, маленькая столовая, а самый большой недостаток — это отсутствие комплекса спортивных сооружений. Но район для строительства выбран удачно: есть возможность на самом берегу реки построить по особому проекту новый дом космонавтов, а этот передать обслуживающему персоналу. Рядом есть место для спортивных площадок, а на реке можно создать базу водных видов спорта.

6 июня.

На 7 часов утра намечалась вывозка ракеты с «Востоком-5» на старт, я посылал туда Одинцова и Гагарина, но вывозку отложили из-за отказа системы КРЛ (командные радиолинии). При подготовке этого пуска очень много отказов техники — систем управления, связи и командных линий, а также многих других систем и приборов. Эти

отказы начинают подрывать нашу уверенность в безукоризненности подготовки техники.

Утром на физзарядке я поговорил с Быковским один на один. Я напомнил ему, что продержаться восемь суток полета — это не главное. Для нас главное — выполнение полета и отличная посадка здорового космонавта. Быковский заверил меня, что он не будет лезть на рожон и понимает, что лучше недовыполнить задание и вернуться целым и невредимым, чем перевыполнить его, но оказаться инвалидом или в гробу.

Вчера Николай Николаевич Денисов преподнес мне свою, только что вышедшую из печати, книгу «Хорошо, хорошо, Гагарин». Книгу я читал еще в рукописи, кое-что в ней подправил и написал предисловие. Книга дает полное и хорошее представление о поездках и встречах Гагарина за границей.

Только что выяснилось, что неприятности с КРЛ задержат пуск на 3–4 дня. Приказал подготовить для космонавтов новое расписание занятий, предусмотрев в нем повторение наиболее важных элементов подготовки к полету и усиленные спортивные занятия.

Перед обедом мы с Одинцовым и Карповым проехались по Сырдарье на катере, посмотрели с реки место, где будем строить новый дом космонавтов, на высоком правом берегу Сырдарьи, на северо-восточной окраине города, между домиком Хрущева (сейчас он занят людьми Челомея) и телецентром. Дом нужно построить фасадом на восток, тогда из окон будет видна широкая перспектива реки и большого зеленого острова.

Вечером провел первую «тренировочную» пресс-конференцию Валерия Быковского, в которой кроме шестерых корреспондентов участвовали генерал Одинцов и полковник Трофимов. Начинал Валерий очень туго, затруднялся с ответами даже на такие простые вопросы, как «Ваш любимый писатель?» «Ваша любимая книга?» «Ваш самый памятный день?» «Кому из людей вы больше всего обязаны?» и т. д. Через несколько минут он понемногу разговорился и на некоторые из вопросов (а их было задано очень много) отвечал сравнительно удачно. Встреча была полезной и для прессы, и для Быковского. Было бы неплохо провести, если позволит время, еще по паре таких встреч с Быковским и Терешковой. Все корреспонденты были недовольны распоряжением Одинцова: «Космонавтам работать

по плану, и никаких встреч с корреспондентами». Одинцов в своем поведении продолжает допускать ошибки. Перед выездом из Москвы на космодром он через полковника Масленникова объявил офицерам ЦПК: «Запрещаю обращаться ко мне всем офицерам, кроме моих заместителей». Здесь, на полигоне, он без всякой надобности обострил отношения с корреспондентами. Космонавты, в том числе Гагарин, Титов и Николаев, поняли его указания как запрещение всякого контакта с прессой. Пришлось сегодня в присутствии Одинцова провести с корреспондентами специальную беседу, чтобы уладить назревавший конфликт.

7 июня.

На вторую площадку никто из космонавтов сегодня не поехал. Занятия по ориентации и ручному управлению кораблем провели полковник Целикин и Гагарин. Маршал с утра занялся редактированием наставления по инженерной службе ВВС, а я буду готовить по заданию Госкомиссии доклад о сравнении наших и американских полетов в космос, выводы и предложения из анализа этих полетов. Утром заходил корреспондент «Комсомольской правды» Песков, отработали вместе с ним текст статьи Быковского в «Комсомолку», с тем чтобы Валерий переписал ее своей рукой. Статья будет клиширована и опубликована в газете во время его полета.

Приходил Одинцов и пытался настроить маршала против Яздовского, но маршал ему сказал: «Не торопитесь, недостатки Яздовского нам известны, но мы не можем не считаться с тем, как его характеризуют Королев и Келдыш». Королев сказал мне как-то: «Сисакян, Парин и другие в медико-биологической науке — пустышки, а Яздовский — это ученый». Потом маршал пытался втолковать Одинцову, чтобы он не торопился со своими предложениями, а побольше изучал обстановку, людей и отношения между различными группами специалистов. Одинцов показал мне цветные фотографии Быковского, Терешковой и групповые снимки космонавтов, сделанные уже здесь, на полигоне. Фотографии я забраковал. У Быковского не фотогеничное лицо, снимки, как правило, не дают действительного представления о нем, а Терешкова заснята только в гражданском платье. Приказал снимать их побольше и найти лучшие варианты портретов.

Начальник политотдела полигона просил организовать несколько выступлений космонавтов перед личным составом. Николаев и Титов уже провели по одному выступлению. Разрешил им 8 июня выступить еще раз, а 9 июня провести встречу со школьниками города. Последние четыре дня сотни ребят часов с 18 до 23 стоят у ворот нашей резиденции и настойчиво кричат: «Га-га-рин! Ти-тов! Ни-ко-ла-ев!» А сегодня утром на берег реки пришли две девочки лет по 10–11 и на мой вопрос: «Почему вы так рано поднялись?» — они ответили: «Мы пришли заниматься с Германом Степановичем, он обещал с нами позаниматься физкультурой». Они терпеливо более часа ждали Титова, но так и не дождались. Надо будет спросить Германа, почему он не выполнил свое обещание.

8 июня.

Встал, как обычно, в 6 часов, больше часа был на берегу. Вчера было тихо и жарко — 34 градуса, а сегодня с утра дует средней силы ветер, и жара немного спала. Маршал лег спать в три часа ночи и сейчас (8 часов утра) только собирается пойти на берег. А я до завтрака решил записать вчерашние вечерние события.

К 17 часам маршал, я, Горегляд, Одинцов, Карпов, Гагарин, Титов и Николаев на двух «Волгах» поехали на вторую площадку, где состоялось заседание Госкомиссии в связи с отказом КРЛ. Доклад с подробным анализом причин неработоспособности приемника КРЛ сделал Главный конструктор А. С. Мнацаканян. Установлено, что из-за обрыва проводника отказал триод. По докладу Мнацаканяна выступили Рязанский, Кузнецов, Пилюгин, Богомолов, Королев, Тюлин, Руденко, Мрыкин и другие. Все главные конструкторы, кроме Сергея Павловича, основную вину за это происшествие возложили на Комитет по радиоэлектронике и 5-е ГУМО (Главное управление Министерства обороны — Ред.). Эти организации плохо контролируют качество продукции (норма брака — 2 процента, а фактически принимаются партии с браком до 6 процентов).

После небольшого перерыва председатель комиссии неожиданно выдвинул на обсуждение новый вопрос: «Каково мнение комиссии, нужно ли при первом объявлении о полете Терешковой говорить, что она офицер?» Мнения разделились. Тюлин, Королев и Мрыкин дали понять, что они считают целесообразным объявить о полете просто женщины-космонавта. Но большинство членов Госкомиссии

высказались за то, чтобы объявить, что Терешкова — офицер ВВС. Я звонил в Москву Рытову, объяснил ему обстановку и просил добиться поддержки нашей точки зрения через ЦК. Откровенно говоря, по-видимому, не нужно делать упор на офицерское звание Терешковой, но и скрывать его нельзя.

Последним обсуждался вопрос о том, на какой день целесообразно назначить старт женщины». Решили назначить готовность женщины к старту через двое суток после старта мужчины, более конкретное решение принять после вывода на орбиту первого корабля. Одновременно поручили ВВС подготовить и обсудить все возможные варианты старта и посадки кораблей. Оптимальным является следующий вариант: мужчина летает пять суток один, потом трое суток летают парой и производят посадку одновременно.

Сегодня Терешкова садилась в свой «Восток-6» и вместе с ведущим инженером Фроловым провела ознакомление с боевым кораблем и его оборудованием. Терешкова производит на всех очень благоприятное впечатление: она хорошо и ровно держится со всеми, проявляет такт и имеет чувство собственного достоинства.

9 июня.

В 9 часов ракету и корабль «Восток-5» вывезли и установили на старт. Когда мы с Руденко и Тюлиным приехали на стартовую позицию, Королев был уже у ракеты. С 11 до 13 часов провели полную проверку готовности носителя к пуску.

Вчера все космонавты выступали на пусковых площадках, а сегодня утром Гагарин, Титов и Николаев встречались со школьниками — собралось более тысячи ребят.

В 16 часов на четырех катерах выехали на традиционную прогулку по Сырдарье. В поездке участвовали космонавты (кроме Титова), маршал, я, Одинцов, Горегляд, Холодков, Смирнов, Карпов, Трофимов и академик Ишлинский. Поднялись на 20 километров вверх по реке, там ранее выехавшие рыбаки к нашему приезду уже наловили рыбу. Шли против течения 2 часа, высадились на небольшом островке, развели костер и очень быстро и дружно приготовили уху. Работали все: Гагарин разводил костер; Терешкова, Еркина и Карпов очень споро чистили рыбу; другие готовили посуду, резали хлеб, чистили картошку все это снимали кинооператоры. В походе мы были ровно

пять часов, вернулись уже в полной темноте. Все прошло хорошо, ребята были очень довольны прогулкой.

Сегодня у ракеты Королев намекал Руденко и Мрыкину, чтобы в момент подготовки пуска на площадке был минимум людей. В первую очередь он хотел бы ограничить доступ в бункер, но обращаясь ко мне, сказал: «Я надеюсь, Николай Петрович, что мы будем рядом». Я заверил его, что я, Гагарин и Николаев все время будем помогать ему управлять пуском.

Говорил с начальником полигона генералом Захаровым о необходимости постройки специального дома космонавтов. Захаров поддержал нашу инициативу.

10 июня.

Пуск назначен на 11 июня. Ракета и корабль на старте прошли полный комплекс проверок и получили хорошую оценку. В 6 часов утра прилетели маршал Крылов и член Военного совета РВСН Лавренов. Руденко решил, что мы встречать Крылова не будем, его встречали Тюлин и Захаров. Утром на физзарядке я предупредил Быковского, чтобы он к 12 часам подготовился для выступления на митинге и переписал своей рукой статью для «Комсомольской Правды». В 11 часов в здании МИКа мы встретились с Крыловым. Вместе с ним послушали доклады полковника Левина и капитана 1-го ранга Миловского об основных параметрах орбиты, районах посадки, организации связи и поиска. Потом Крылов ознакомился с креслом, скафандром и системой медицинского обеспечения.

В 12 часов на старте состоялся митинг пусковой и обслуживающих команд, представителей промышленности с пилотом «Востока-5». С приветствиями выступили три офицера и сержант. Быковский тепло поблагодарил собравшихся за их труд по созданию корабля и подготовке его пуска. Он заверил собравшихся, что выполнит задание, как коммунист, хотя он пока еще комсомолец.

После митинга Королев и Крылов поднялись к кораблю, Главный конструктор ознакомил маршала с устройством «Востока-5». Затем он поднялся к кораблю с Быковским, Валерий сел в корабль, а Королев через открытый люк вел с ним беседу. Между прочим, перед подъемом к кораблю Сергей Павлович высказал неудовольствие тем, что он не смог переговорить с Терешковой, когда она проводила в МИКе занятия в корабле, — Одинцов поднял ее в корабль, не подождав прибытия

Королева. Сергей Павлович еще раз попросил, чтобы завтра при старте я, Гагарин и Николаев были рядом с ним. У меня создается впечатление, что у Королева нет уже былой уверенности в успехе полета. Он часто и много говорит о возможности неудачи и делает все, чтобы быть во всеоружии в самой сложной ситуации.

Председатель Госкомиссии поручил мне провести сегодня в 19 часов инструктивное занятие со всем составом дежурных смен командного пункта по управлению полетом. Дежурство на КП будут нести четыре смены, в каждой смене будет человек по 20 различных специалистов, в том числе члены Госкомиссии, главные конструкторы, космонавты, врачи, инженеры и другие специалисты. В 7 часов вечера Крылов, Руденко, Лавренов и я приехали в дом космонавтов на 2-й площадке. Ребята в это время были у врачей, но через 15 минут они освободились, и состоялась беседа маршалов с Быковским и Волыновым. Я, к сожалению, должен был оставить ребят один на один с начальством, так как мне нужно было проводить занятие со всеми дежурными сменами КП. На занятии присутствовало более 100 человек, разобрали организационные вопросы, вопросы связи, функциональные обязанности, договорились о порядке пользования всеми грифованными документами и ведения дневников полета.

Сейчас 22:30 по местному времени, только что получил сообщение от председателя Госкомиссии: «Завтра пуска не будет». Оказывается, на Солнце происходит серия вспышек. Келдыш в Москве собрал всех ученых, и они решили, что при этих явлениях на Солнце в космосе может возрасти радиация до опасного для космонавта уровня. Завтра этот вопрос будет еще раз дополнительно изучен. Итак, впервые в нашей практике старт отменяется. Раньше все проходило без единой задержки, а сейчас задержек стало слишком много. Думаю, что ученые перестраховались и сорвали нам старт без достаточных на то оснований.

11 июня.

Прошло уже полмесяца, как я улетел из Москвы. Работы здесь много, но даже интересная работа не может заглушить тоску по дому: мне явно не хватает Муси и Оли. Спал эту ночь хорошо, но проснулся рано, и первая мысль — о несостоявшемся старте. Утро тихое, солнечное. Сегодня, по-видимому, будет жарко. Две прошедшие недели были почти прохладными, температура редко поднималась

выше 30 градусов, было много облачных дней, и несколько раз шел дождь; погода для июня необычная.

Келдыш первый раз отсутствует на старте при пуске космонавта. Он хочет прикрыть свое отсутствие некоторой активностью в Москве, но я боюсь, что это не поможет, а повредит делу. Здесь общее впечатление о деятельности ученых не в их пользу, часто употребляется слово «перестраховка». Перенос старта приносит нам много дополнительных хлопот и может плохо сказаться на нервной системе космонавтов.

Анализируя нашу работу здесь, на полигоне, я все чаще прихожу к мысли, что она организована и проводится хуже, чем при подготовке предыдущих полетов. Много недостатков и промахов у генерала Одинцова. Он еще далек от глубокого знания дела, не всегда понимает обстановку, как правило, торопится и делает много ошибок. Хуже работают Горегляд, Аристов и некоторые другие товарищи. Вчера я провел разбор хода нашей работы и кое-кому крепко «насолил».

Сегодня день вынужденного безделья. Три часа провели на берегу, я выиграл у Смирнова четыре партии в шахматы, купался, немного загорал. Маршал способен быть на солнце по 3–4 часа, в этом отношении он вне конкуренции. Гагарин загорал и читал книгу Денисова «Хорошо, хорошо, Гагарин»; Николаев играл в шахматы; а Герман Титов просто купался и загорал, загорал и купался. Валентина Терешкова поехала на вторую площадку к Королеву, он решил поближе познакомиться с ней и одновременно проверить, как она подготовлена к полету. Быковский и Волынов занялись повторением основных положений инструкций для космонавта. А, в общем, перенос пуска подействовал на всех плохо, всем хочется видеть итог большого и упорного труда, а не тянуть время и бездельничать.

В 17 часов состоялось заседание Госкомиссии, доклад о радиационной обстановке в космосе сделал В. И. Яздовский. До 13 часов 10 июня никаких прогнозов на возможное резкое повышение радиации не было, но потом последовал звонок Келдыша, сообщившего, что поступила телеграмма от профессора Северного (Крымская обсерватория) с предупреждением о возможности в ближайшие дни большой вспышки на Солнце и резком (в сотни раз) увеличении радиации. Повышение активности Солнца, начавшееся еще 8 июня характеризуется шумами, радиопомехами и необычным

состоянием пятен на нем и может продолжаться в течение семи дней. Существуют два метода прогнозирования активности Солнца: первый — оптическое наблюдение с ожидаемой точностью прогнозов 7 процентов; второй — практическое зондирование радиации в космосе с вероятной точностью 15 процентов. До 16 часов 11 июня вспышек на Солнце не было, уровень радиации оставался в норме, но в ближайшие 3–4 дня остается вероятность возникновения вспышек с уровнем радиации, при котором доза облучения может превысить больше 50 рентген. В данной ситуации у комиссии могло быть только одно решение: отложить пуск «Востока» до полного выяснения радиационной обстановки в космосе.

Я приказал вернуть Быковского и Волынова на десятую площадку, так как уверен, что пуск раньше 14–15 июня не состоится, а держать их несколько дней в предстартовом режиме нет смысла. Королев возмущен перестраховкой ученых и задержкой пуска, но он, как и все члены Госкомиссии, не может настаивать на пуске в такой обстановке. Сергей Павлович заявил, что ракета может стоять на старте хоть две недели. А терпения и у космонавтов, и у всех организаторов полета хватит.

12 июня.

Проснулись в 6:30, проспали на 30 минут больше, чем обычно. Все небо обложено тучами, идет дождь, температура не выше 14 градусов, но мы с маршалом, как обычно, провели на берегу физзарядку и даже поплавали. Вода теплая — теплее воздуха, — правда, кроме нас, утром никто не купался.

Весь день до 22 часов Тюлин и Королев вели переговоры с Келдышем. Им удалось склонить Келдыша согласиться на пуск 13 июня, но специалисты службы Солнца остались на своих позициях: они продолжают утверждать о наличии серьезной опасности для космонавта в случае вспышек на Солнце, вероятность которых на ближайшие 2–3 дня еще достаточно высока.

Сегодня маршал Руденко имел продолжительную беседу с генералом Одинцовым. Беседа началась по инициативе Одинцова. Он заявил маршалу: «Центр работает без руля и без ветрил, у нас нет годового плана работы, нам не ясна перспектива. Центр — это строительная площадка, на которой много стройматериалов, но нет планов сооружений, архитектор не приложил еще своих усилий…» и т.

д. Мы часа два говорили с Руденко об этой беседе. На маршала она произвела плохое впечатление, он прямо заявил мне: «Я боюсь, что Одинцов ляпнет что-либо подобное кому-нибудь из больших руководителей (здесь маршал привел для примера случай, когда его подвел М. М. Громов перед Сталиным во время войны). Он просто неумен, его нужно будет заменить: необходимо подобрать таких заместителей, которые могли бы в любой момент стать на его место». Да, я все больше убеждаюсь, что Одинцов не сможет быть хорошим начальником Центра, ему не хватает вдумчивости, такта, а, иногда, и просто здравого смысла.

13 июня.

Чудесное, солнечное, тихое утро. После завтрака на двух катерах ездили на рыбалку, космонавтов с собой не брали. Поймали несколько усачей и сазанов, один из них килограммов на пять, а всего набралось килограммов 20 рыбы. Сварили отменную уху. Один маршал, четыре генерала (я, Горегляд, Холодков, Одинцов), шесть офицеров и три солдата легко «уговорили» два больших ведра ухи. Я сравнительно немного был на солнце и все же «поприжарил» руки, а Руденко почти пять часов гулял в одних трусах и ничуточки не пригорел. Вернулись с рыбалки около трех часов и пошли прямо к председателю Госкомиссии. Он сообщил, что Москва дала добро на пуск 14 июня.

Итак, завтра уже пятый советский гражданин — майор Валерий Быковский отправится в космос. Четыре предыдущих полета наших космонавтов были блистательны не только по итогам — они были безукоризненно подготовлены и столь же безукоризненно выполнены. А как подготовлен полет Быковского? Ракету и корабль готовили долго и тщательно, и, казалось бы, нет оснований сомневаться в технике. Я верю, что завтра Быковский будет на орбите, но уверенности в полном выполнении задания у меня нет. За восемь суток полета могут быть неприятности и с человеком, и с техникой. Быковский подготовлен и оттренирован хорошо, но ему предстоит восемь суток жить в условиях невесомости, а кто может поручиться, что он сможет перенести невесомость так же, как Николаев? Ракета и корабль более трех суток стоят на старте, а до этого они больше года ждали отправки на старт. Сработает ли все так, как нужно? Риск, и притом значительный, еще долго будет сопутствовать каждому космическому полету. Будут и крупные неприятности, но мы, люди, готовящие полеты и

управляющие ими, обязаны делать все, чтобы избежать неприятностей.

Быковский и Волынов сегодня в 19 часов прошли медицинский осмотр, с них сняли фоновые записи. Оба кандидата на полет чувствуют себя отлично. Они, как и их предшественники, проведут ночь перед стартом на второй площадке в домике космонавтов.

14 июня.

День старта майора Быковского очень тяжелый и одновременно радостный день.

Мы с маршалом поднялись в 5 утра, минут 30 позанимались спортом и поплавали. В 7:30 мы уже были у ракеты. На старте собрались Королев, Крылов, Лавренов, Мрыкин, Тюлин, Керимов, Ишлинский, Кузнецов, Руденко и другие. До заседания Госкомиссии просмотрели карты и послушали метеорологов. Погода на полигоне и в возможных районах приземления благоприятствовала старту. С 8 до 8:40 заседала Госкомиссия: заслушали доклад инженер-полковника Кириллова (начальника 1-го управления полигона) о готовности ракеты и корабля, доклад Яздовского о состоянии космонавтов и другие обычные перед пуском сообщения. Комиссия решила: заправлять ракеты и работать по пятичасовому графику с началом пуска «Востока-5» в 14:00.

Быковский и Волынов провели ночь хорошо и чувствовали себя отлично. В 9 часов они приехали в алексеевский домик и приступили к предстартовому медицинскому осмотру и надеванию скафандров. Утром Королев снова напомнил мне, чтобы я с Гагариным и Николаевым был у ракеты за 2 часа 30 минут до пуска. За 3 часа до старта Королев и Тюлин приехали к космонавтам. Сергей Павлович еще раз попросил Быковского доложить о работе третьей ступени и моменте разделения корабля и ракеты. Королев остался доволен ребятами и ходом их подготовки.

За 2 часа 15 минут до старта автобус с космонавтами прибыл к ракете. После коротких прощаний и пожеланий счастливого пути Быковский на лифте поднялся к кораблю. Начались самые томительные минуты в ожидании пуска… Через несколько минут обнаружилась первая крупная неприятность: отказали оба УКВпередатчика корабля — приемники работали, и Быковский нас слышал отлично, а мы его могли слышать только по КВ-связи.

Космонавт мог слушать нас по шести различным каналам, а передавать нам сообщения — только по трем. Маршал Крылов и Королев пригласили меня, Гагарина и Одинцова на короткое совещание — как быть: лететь без УКВсвязи или отложить полет? Мы ответили твердо и однозначно: лететь!

Была уже объявлена 40-минутная готовность, когда к нам подошел один из сотрудников Алексеева и доложил о крупной неприятности с системой катапультирования. Перед закрытием люка корабля наш лучший специалист по скафандру В. И. Сверщек должен был вытащить фалу с предохранительной чекой из кресла и тем самым изготовить его к катапультированию. Сверщек, потянув за фалу, обнаружил, что ее где-то заело и она не вытягивается. Вместо того чтобы немедленно доложить об этом Королеву и Алексееву, он принимает дикое решение — ножом обрезает фалу и тем самым создает обстановку, почти наверняка исключающую нормальное катапультирование. Ведущий инженер Фролов, доверившись Сверщеку, решил, что тот поступил правильно, и продолжал закрывать люк корабля. Когда Сверщек спустился с корабля на землю, он рассказал об обрезании фалы своим товарищам, которые и подняли тревогу, после чего Главный конструктор С. М. Алексеев заявил, что так отправлять в полет корабль нельзя. Пришлось переносить старт на 30 минут, открывать люк и удалять обрывок фалы.

По 15-минутной готовности Гагарин, Королев, Кириллов и я перешли в бункер. Была объявлена 5-минутная готовность, дали все предварительные команды, и тут обнаружилось, что на пульте управления не горит табло, подтверждающее готовность блока «Е» (3-я ступень ракеты). Дали задержку старта на несколько минут, вызвали Пилюгина, Кузнецова, Рязанского и начали совещаться: пускать или выяснять причину? Единогласно решили задержать старт еще на 2–3 часа и попытаться выяснить причину отсутствия сигнала. Позже 17 часов запускать корабль было нельзя из-за резкого увеличения полосы посадки, а отказ от пуска вызывал необходимость разряжать (сливать топливо — Ред.) ракету, снимать ее со старта и отправлять на завод для переборки. В последнем случае пуск мог бы состояться не раньше августа. Серия отказов и недостатков в подготовке пуска создала тревожную обстановку. Многие из нас дрогнули. Маршал Крылов советовал отложить старт, многие члены Госкомиссии склонялись к

такому же решению. Но Королев, Тюлин, Кириллов, Пилюгин и ряд других товарищей проявили твердую уверенность в надежности ракеты, и старт состоялся в 17 часов по местному времени.

Корабль вышел на расчетную орбиту со временем существования до 11 суток. Через час после пуска моя смена (в ней более 20 человек, в том числе Алексеев, Радутный, Мнацаканян и другие главные конструкторы) заступила дежурить на КП. К нашей радости, после выхода на орбиту на «Востоке-5» заработали УКВ-передатчики. На четвертом витке Быковский говорил с Н. С. Хрущевым. «Поздравляю вас, Валерий Федорович, с успешным полетом, мы уверены, что вы выполните программу полета. Мы ждем вас на нашей советской земле, советский народ встретит вас, как положено. До скорой встречи», сказал Никита Сергеевич. На пятом витке я попросил Быковского доложить о его самочувствии и параметрах кабины. Валерий ответил: «Самочувствие отличное, все параметры кабины в норме».

Особенно хорошая связь с Быковским была на шестом витке, когда «Восток-5» проходил через зону Ленинграда, Свердловска, Ташкента. Мы отлично слышали космонавта и видели его по телевизору: лицо Быковского было серьезным и немного уставшим. Я сказал Валерию: «Будешь ли ложиться спать раньше или по программе, наблюдаем тебя в телевизор, улыбнись». Быковский немедленно выполнил наше пожелание (его улыбку все на КП встретили дружным взрывом смеха) и сказал, что все будет делать по программе. Я спросил Валерия, наблюдал ли он третью ступень и корону Солнца. Он ответил: «Наблюдал большую звезду, короны Солнца не видел, мал палец, не закрывает полностью Солнце, и оно сильно слепит». В 2 часа ночи 15 июня я сдал дежурство смене генерала Керимова.

15 июня.

Спал не больше 2–3 часов. Утром, как обычно, провели физзарядку и искупались. Купание всегда действует освежающе, а сегодня оно сняло все неприятности вчерашнего дня и переживания бессонной ночи.

После завтрака я сказал Терешковой, что на 17 часов назначена встреча со стартовой командой, и мы с ней договорились о содержании ее речи. Врачи уверяют, что у Терешковой хороший аппетит и она даже

немного прибавила в весе, а мне кажется, что Валя заметно похудела, бледнее обычного и несколько возбуждена.

Вчера поздно вечером маршал Крылов устроил пьянку с космонавтами, участвовавшие во «встрече» с начальством. В результате Гагарин и Титов «набрались» лишнего. Сегодня Крылов пригласил ребят и девушек к себе на завтрак и опять пытался угощать их шампанским. Оба эти приглашения Крылов не посчитал необходимым согласовать со мной или Руденко. Узнав о завтраке, я послал к Крылову врача Никитина, приказав ему забрать девушек. Руденко мне рассказывал, что и при первой встрече с космонавтами Крылов высказывал следующие «глубокие» мысли: «Ваша тренировка, режим и специальное питание все это ерунда. Главное — это коньяк», — и далее примерно в таком же духе продолжал «воспитывать молодежь», а присутствовавший при сем член Военного Совета генерал Лавренов поощрительно улыбался. Через 2–3 дня маршал, как член ЦК, будет участвовать в пленуме ЦК КПСС по идеологической работе. Я не верю в способность таких, как Крылов, приносить пользу делу обороны страны и воспитанию молодежи.

В 17 часов мы с Руденко приехали на вторую площадку и там узнали, что Тюлин разговаривал с Л. И. Брежневым, который сообщил: «Решили не объявлять в первом сообщении ТАСС о полете Терешковой, что она офицер, рекомендуем одеть ее в гражданское платье». Пришлось срочно отправить девушек переодеваться, а пока их не было, мы провели заседание Государственной комиссии и решили: «Пуск провести 16 июня в 12 часов 30 минут по московскому времени».

В 19 часов началась встреча стартовой команды и представителей промышленности с экипажем «Востока-6». Цветы, стихи, теплые поздравления и пожелания успешного полета преподнесли Терешковой все выступавшие. Терешкова держалась хорошо, немного волновалась, но говорила без записки и вполне удовлетворительно. После митинга девушки переоделись в спортивную форму и вместе с Королевым поднялись на борт «Востока-6» (ракета и корабль уже с 11 часов стоят на старте). Вечером Терешкова и Соловьева поселились в домике космонавтов и перешли на режим предстартовой подготовки.

У меня, да и у всех наших товарищей уверенности в успехе старта Терешковой значительно больше, чем перед полетом Быковского. При

испытаниях на старте ракета и корабль не имели замечаний. Я верю, что завтра весь мир заговорит о Терешковой, как о первой женщине Земли, поднявшейся в космос. Это будет очень большая победа советского народа. Будет приятно сознавать, что и мы кое-что сделали для претворения в жизнь этого нового крупного шага на пути освоения Вселенной. Имя Терешковой с завтрашнего дня по праву окажется рядом с именем Гагарина и сохранится навечно в истории человечества.

16 июня.

День первого старта женщины в космическое пространство. Сейчас 4 часа утра, рассветает, за открытым окном начинается птичий концерт. Два часа назад я принял от В. И. Кузнецова дежурство на КП. В момент передачи дежурства Быковский нас немного напугал. Валерий должен был спать с 24-го витка, а он крепко заснул на 22-м витке: не отвечал на вызовы, по телевизору его наблюдали с закрытыми глазами и без движений (пульс был 54). Кузнецов перед сдачей смены хотел убедиться в нормальном состоянии космонавта, так как после 24-го витка с ним не будет связи до 8 часов утра. В 23:50 Гагарин установил связь с Быковским и спросил его: «Почему не вышли на связь на 23-м витке?» Быковский ответил: «Все нормально, я держал связь с «Зарей-1». Но фактически он связи не держал, наверное, один виток проспал и не заметил этого, а на связь вышел только на 24-м витке. Сейчас Быковский спит, связи с ним нет. По данным телеметрии состояние корабля и самочувствие космонавта нормальные.

Сегодня, после бессонной ночи, предстоит день напряженной работы. Сразу после сдачи дежурства мне придется заняться контролем подготовки Терешковой к полету. Сейчас 7 часов утра, Быковский спит, пульс у него в пределах от 48 до 59. Час назад звонил Королев, он поинтересовался данными полета, а потом спросил, когда я сменяюсь и смогу ли работать на старте. Я успокоил его, сказав, что не позже 11 часов буду у ракеты…

…22 часа по местному времени. Целых пять витков мы не имели никаких данных о состоянии корабля «Восток-6»; было бы целесообразно иметь пункт связи в Австралии или на Кубе. Сейчас «Восток-6» пойдет на шестой виток, который проходит над нами. На этом витке очень хорошая радиосвязь, и маршал Руденко поехал

переговорить с Терешковой о ее самочувствии, о работе аппаратуры и намерениях по выполнению программы полета. Последние десять часов этого дня были наполнены такими событиями, о которых я не забуду никогда…

После сдачи дежурства на КП Керимову я поехал посмотреть, как надевают скафандры на Терешкову и Соловьеву. Обе они вели себя великолепно, никаких замечаний по медосмотру и скафандрам не было. Гагарин, Титов, Николаев, Королев, Тюлин, Руденко и другие тепло попрощались с Терешковой и пожелали ей счастливого пути. Ровно в 12 часов 15 минут автобус доставил Терешкову на старт. Она коротко и четко доложила: «Товарищ председатель Госкомиссии, космонавт Терешкова к полету готова». Ей вручили цветы, которые она тут же передала Королеву. К лифту Валя поднималась довольно тяжело, а при посадке в корабль пульс у нее был 140 ударов в минуту. Через 10–15 минут она установила радиосвязь с КП и доложила о ходе проверки оборудования. На старте связь с ней поддерживали Гагарин, Николаев, Королев и я. Подготовка ракеты, корабля и все операции обслуживания прошли исключительно четко. По четкости и слаженности работы всех служб и систем старт Терешковой напомнил мне старт Гагарина. Как и 12 апреля 1961 года, 16 июня 1963 года полет готовился и начался отлично. Все, кто видел Терешкову во время подготовки старта и вывода корабля на орбиту, кто слушал ее доклады по радио, единодушно заявили: «Она провела старт лучше Поповича и Николаева». Да, я очень рад, что не ошибся в выборе первой женщины-космонавта.

Сейчас радио и газеты всего мира говорят и пишут о Терешковой. Мир еще раз должен отдать дань глубокого уважения нашему народу, нашей советской женщине. Терешкова установила радиосвязь с Быковским, отлично провела переговоры с Хрущевым и очень толково докладывает о ходе полета. Нам предстоит еще очень большой труд, чтобы успешно закончить программу полета Быковского и Терешковой и приземлить их невредимыми. Переживаний и волнений будет еще много, но независимо от результатов посадки старт и полет — это уже начало большой победы.

17 июня.

В 22:07 по местному времени наблюдали визуально полет «Востока-6»: он пролетел с северо-запада на юго-восток почти точно

над домиком космонавтов. Корабль видели на фоне звездного неба человек двадцать, в том числе Гагарин, Николаев, Соловьева и Еркина. От зенита до 45 градусов над горизонтом «Восток-6» был виден около минуты.

Вчера мы всей комиссией докладывали по «ВЧ» Хрущеву, Брежневу, Устинову, Смирнову о старте Терешковой. Все они были очень довольны, поздравляли с успехом и благодарили нас. Разговор вел С. П. Королев, как Главный технический руководитель полета.

Ночь с 16 на 17 июня Быковский и Терешкова провели хорошо, спали по 8 часов, пульс Валерия — 48–56, пульс Вали — 64–72. В 10:00 я принял дежурство по КП. За восемь часов смены связь с обоими кораблями была отличной. Быковский доложил: «Связь с «Чайкой» отличная, она поет мне песни». Я приказал «Ястребу» держать температуру в кабине корабля на уровне 10 градусов.

Быковский сказал, что понял меня и исполняет команду, но он хотел бы знать причину такого приказа. Я передал ему, что это делается в порядке профилактики на случай возможного понижения температуры за счет уменьшения высоты орбиты.

Быковский несколько раз докладывал, что чувствует себя отлично, все параметры кабины в норме, и он будет выполнять программу полета полностью. На одном из витков, когда корабль шел через Египет на Урал, корреспондент «Комсомольской правды» Песков спросил «Ястреба»: «Валерий, что вы сейчас видите?» Быковский ответил: «Справа вижу Кавказские горы и Каспийское море, а дальше на восток угадываю полигон». Космонавт Хрунов сказал Быковскому: «Валера, у тебя комфорт — температура 14 градусов, а у нас почти в три раза больше». Быковский ответил: «Но и у вас есть преимущество — вы не бываете вверх ногами».

Сегодня с 11:30 до 13 часов заседало техническое руководство. Обсуждали вопрос: когда сажать корабли? Номинальное время существования на орбите «Востока-6» — 7,1 суток, а 7-суточный полет «Востока-5» из-за низкой орбиты практически исключен. Решили полет Быковского ограничить 5–6 сутками, а полет Терешковой — 3 сутками. Окончательное решение о посадке кораблей будем принимать завтра вечером.

С Терешковой провел два сеанса связи. Ее самочувствие отличное, параметры кабины в норме, она намерена выполнить

программу полета полностью. Корреспондент Песков сообщил Терешковой, что он только что говорил по телефону с ее матерью, мать гордится своей дочерью и ждет встречи с ней на Земле. Валентина передала: «Мысленно целую самого дорогого мне человека мою маму. Передаю привет всем читателям «Комсомольской правды».

18 июня.

С 10 часов готовим все данные для посадки обоих кораблей. «Чайку» будем сажать на 49-м витке (запасные витки для ручного спуска — 51-й и 54-й), а «Ястреба» — на 82-м или 98-м витке. Мучительно долго заседала посадочная группа маршала Руденко. Он «уморил» всех представителей промышленности, да и нам, военным, досталось тоже порядочно: заседать четыре часа при сорокаградусной жаре по вопросам, которые можно было решить за полчаса, — в этом весь Руденко. Три раза заседала Государственная комиссия. Окончательно решили: «Чайка» садится на 49-м витке, а «Ястреб» — на 82-м.

С Терешковой разговаривал несколько раз. Чувствуется, что она устала, но не хочет признаться в этом. В последнем сеансе связи она не отвечала на вызовы ленинградского ИПа. Мы включили телевизионную камеру и увидели, что она спит. Пришлось ее разбудить и поговорить с ней и о предстоящей посадке, и о ручной ориентации. Она дважды пыталась сориентировать корабль и честно призналась, что ориентация по тангажу у нее не получается. Это обстоятельство всех нас очень беспокоит: если придется садиться вручную, а она не сможет сориентировать корабль, то он не сойдет с орбиты. На наши сомнения она ответила: «Не беспокойтесь, я все сделаю утром». Связь она ведет отлично, соображает хорошо и пока не допустила ни единой ошибки. За ночь она отдохнет и автоматическую посадку должна перенести хорошо. Поручили Гагарину, Титову, Николаеву и Раушенбаху на 45-м витке потренировать ее в ориентировании корабля по посадочному варианту (спиной вперед). Ребята подготовили план переговоров с ней, согласовали со специалистами все рекомендации и попытаются ей помочь.

В 11:30 Москва передала нам сообщение о том, что Хабаровск по КВ принял от «Ястреба» тревожное донесение: «В 9 часов 5 минут был космический стук». Об этой радиограмме немедленно доложили Тюлину и Королеву. Сергей Павлович попросил меня разобраться с

этим донесением и переговорить с Быковским. Мы со специалистами разобрали все возможные причины появления стука и для более обоснованного их определения решили попросить «Ястреба» ответить на ряд вопросов. На мой первый вопрос о характере стука, Валерий ответил, что он не понимает, о каком стуке идет речь. Я сказал ему, что речь идет о космическом стуке, который он слышал. Быковский расхохотался и сказал: «Был не стук, а стул, стул, понимаете?» и добавил: «Я сходил по-большому, покакал, покакал, понимаете?» Этот ответ на КП был встречен гомерическим хохотом. Мы поздравили Быковского с «мировым рекордом» (он первым из людей сделал это в космосе) и пожелали ему счастливого полета. Быковский чувствует себя отлично и мог бы пролетать 7–8 суток, но орбита «Востока-5» быстро снижается, и полет более 5 суток небезопасен. Мы единогласно решили сажать Быковского в конце пятых суток полета.

Сейчас уже 3 часа ночи. Час тому назад моя смена должна была смениться, но Госкомиссия специально решила продлить наше дежурство до 6 часов утра. За последние 5 суток я очень мало спал и очень утомился. И все же хочется записать кое-что об этих тяжелых, утомительных и бесспорно красивых днях. Все мы надеемся, ждем и делаем все необходимое, чтобы Быковский и Терешкова вернулись на родную Землю здоровыми и жизнерадостными. Отличной вам посадки, «Чайка» и «Ястреб»!

19 июня.

После непрерывного 12-часового дежурства я отдохнул 2–3 часа и вновь вернулся на КП, чтобы принять участие в управлении посадкой кораблей. Ночь оба космонавта провели спокойно и хорошо отдохнули. Утром «Чайка» выполнила ориентацию корабля «по-посадочному» и 15 минут держала корабль в таком положении. Терешкова была очень довольна и радостно доложила о результатах пилотирования кораблем. Сергей Павлович и другие члены комиссии тоже были удовлетворены результатами ее пилотирования и поверили, что в случае неприятностей с автоматической посадкой Терешкова сумеет вручную посадить корабль.

До 9 утра на КП было сравнительно спокойно, хотя все члены Госкомиссии и главные конструкторы были уже на своих рабочих местах. В 9 часов 39 минут 40 секунд была выдана команда на включение автоматического цикла посадки корабля «Восток-6». Через

несколько секунд мы узнали, что команда прошла. С этого момента нервное напряжение всех присутствующих на КП резко возросло. Терешкова не доложила о включении солнечной ориентации, не было ее доклада и о работе ТДУ, и о разделении отсеков корабля. Это были самые тревожные минуты: мы не имели никаких данных о состоянии «Востока-6». Правда, с морских судов нам сообщили о прохождении всех команд на борт корабля, но об этом мы узнали со значительной задержкой, и, кроме того, нам очень хотелось слышать доклады Терешковой, а она молчала. Через несколько минут после расчетного времени раскрытия главного парашюта пеленгаторы засекли корабль и выдали первые координаты его приземления: «Восток-6» спускался точно по орбите 49-го витка, но со значительным перелетом…

Оба корабля приземлились на два градуса севернее расчетной точки. Расчетчики объясняют эту ошибку включением дублирующей команды на спуск, но мне такое объяснение кажется совершенно неудовлетворительным. В работе служб связи и поиска было много провалов и ошибок. Доклады о самочувствии космонавтов мы получили только через несколько часов после приземления. О Терешковой сообщили по наземным средствам связи, а о Быковском доложил командир авиаполка, который летал над местом приземления и видел корабль, толпу людей, машины и космонавта.

Получив достоверные данные о самочувствии космонавтов, Королев по телефону доложил об их благополучной посадке Хрущеву, Брежневу, Устинову и Смирнову. К вечеру стало окончательно ясно, что второй групповой полет советских космонавтов (в том числе первый в мире полет женщины) блестяще завершен. Мы с маршалом Руденко хотели искупаться и пообедать, но нам еще больше двух часов пришлось находиться на КП: звонили из Москвы, Караганды, Куйбышева, Кустаная, звонили Королев и Тюлин. В результате длительных переговоров к 23 часам приняли окончательное решение: Быковский будет ночевать в Кустанае, а утром, 20 июня, на Ил-14 он вылетит в Куйбышев; Терешкова будет ночевать в Караганде, а утром на Ил-18 также вылетит в Куйбышев.

Ближе к полуночи Руденко, Тюлин, Мрыкин и я собрались у космонавтов и выпили с ними за успех Быковского и Терешковой. Гагарин, Титов, Николаев, а потом и Руденко пытались убедить генерала Мрыкина в ошибочности позиции ракетных войск в деле

развития пилотируемых космических полетов. Доводы ребят были обоснованными, но излагать их перед Мрыкиным было совершенно бесполезным занятием. Королев в эти дни трижды говорил мне, что он теперь, в основном, будет заниматься «Союзом» и лунниками. «Востоком» должны полностью заниматься военные», — заявил Сергей Павлович в присутствии председателя и членов Госкомиссии. Полет Быковского и Терешковой еще раз наглядно подтвердил, что готовить корабли, готовить космонавтов и осуществлять руководство космическими полетами должны представители авиации. Ракетчики интересуются только пуском (выстрелом) и не проявляют никакого интереса к программе и ходу полета. После встречи космонавтов в Москве придется организовать еще один «натиск» на наших военных бюрократов (Малиновского, Бирюзова), и я верю, что мы обязательно победим. Жаль только, что на достижение этой победы мы тратим излишне много времени и сил, которые можно было бы использовать на совершенствование техники и путей нашего проникновения в космос.

20 июня. Борт самолета Ан-10.

В 7:30 на Ан-12 Королев, Тюлин и Руденко вылетели из Тюра-Тама в Куйбышев, а через 15 минут наш самолет Ан-10 с группой более 60 человек (космонавты, врачи, члены Госкомиссии) также взял курс на Куйбышев. Все хотят и в Москву попасть пораньше, и быть на заседании Госкомиссии в Куйбышеве. В Куйбышев слетаются 6–7 самолетов ВВС и несколько самолетов промышленников, народу соберется человек двести. Мне придется немедленно после посадки заняться отбором тех, кого оставим в Куйбышеве, и организовать отправку в Москву всех остальных. Будет много обид и просьб. Наш Ан-10 через три часа вылетит в Москву, поэтому я поручил генералу Горегляду набрать полный самолет «лишних» людей и увезти их из Куйбышева. В прошлые встречи космонавтов в обкомовском коттедже было очень тесно, а сегодня будет еще тесней, главным образом, за счет значительного увеличения численности обкомовского начальства.

20 июня. Куйбышев.

К 11:30 все самолеты произвели посадку на заводском аэродроме. Быковский и Терешкова доложили Тюлину о завершении полета. Руководители области попытались показать Быковского и Терешкову собравшейся толпе народа. Вместе с космонавтами они пошли вдоль

ограничительной линии, за которой стояли люди. Попытка эта оказалась очень неудачной: люди бросились к космонавтам, возникла жуткая давка, в которой многим досталось очень крепко. Толпы людей были и на улицах города, все хотели увидеть героев космоса. Многие с большой обидой говорили: «Почему вы их прячете от народа?»

В 13 часов все космонавты и члены Госкомиссии собрались в доме над Волгой, ставшем уже историческим. Тюлин провел заседание комиссии, на котором с официальными докладами о результатах полетов выступили Быковский и Терешкова. Кроме местных руководителей и космонавтов на заседании были Королев, Руденко, Мрыкин, Рязанский, Кузнецов, Ишлинский, Керимов, Алексеев, Ткачев, Богомолов, Воронин, Белоусов, Исаев и другие. Доклады космонавтов были записаны на магнитофон.

Доклад Быковского (дается с сокращениями — Ред.).

«Предстартовая подготовка прошла хорошо, переносы старта на меня не повлияли. В скафандре перед посадкой в корабль было жарковато. Плохо было с УКВ-связью. Потом я увидел, что люк не закрыли, возились с фалой. Старт перенесли на 30 минут. Сергей Павлович сказал: «Ты не волнуйся, у нас еще есть в запасе 2–3 часа». А Гагарин ничего не говорил.

Взлет произошел в 14 часов 59 минут, а по радио объявили — в 15 часов. Работу двигателей ракеты слышал слабо. Перегрузки — плавные, отделения первой ступени почти не заметил. Включения третьей ступени я не почувствовал. По окончании работы третьей ступени слышал хлопок. В момент разделения видел снежинки, пытался ориентировать корабль для наблюдения за последней ступенью. У самого края Земли наблюдал большую мерцающую звезду и вскоре вошел в тень Земли. Задание на полет выполнял по виткам, задержку старта я решил не учитывать. За 10 минут ориентации «израсходовал» 10 атмосфер давления в воздушных баллонах. Корабль легко шел за ручкой управления. Мне потребовалось еще 5 атмосфер на ориентацию корабля по посадочному режиму. Закрутил корабль вправо по крену, ориентируясь по звездам и Луне, засек скорость вращения корабля — один оборот за 8 минут. После успокоения корабль уходил по тангажу, поэтому для сохранения ориентации приходилось тратить воздух.

Волгоград я не видел, район был закрыт облачностью. Наблюдал третью ступень ракеты. Увидеть «Восток-6» не удалось, хотя я и пытался это сделать. На Земле отлично видны лесные массивы, квадраты полей, реки и русла пересохших рек. Хорошо видны острова. Видел Ленинград, Каир, Нил. В морях видны волны и буруны от кораблей. В Норвегии хорошо различал фиорды и снежные вершины. Ночью во «Взоре» видел вспышки молний. В отвязанном состоянии ночью видел в Южной Америке огни городов. Над Францией видел инверсионный след от самолета.

Проводил киносъемку на черно-белую пленку, снимал горизонт, Луну, Землю. При выходе из тени под Землей есть темный ореол, который светлеет и превращается в яркую зарю. Кассета плохо входила в киноаппарат, и его заедало. Одна кассета была не заряжена. Проводил научные эксперименты. В пробирке с жидкостью был пузырек воздуха, при встрясках он сохранялся целым. Наблюдал рост гороха. Проводил все пробы и резко двигался, но расстройств не наблюдал. Первые сутки двигался осторожно, потом много занимался физкультурой. Проверял адаптацию зрения. Бинокль ничего не дает, его трудно настроить. Смотрел на Землю через киноаппарат. Дозиметры были без движения. Дневные наблюдения вел через светофильтр, желтый фильтр снимает дымку, пробовал наблюдать солнечную корону, но ничего не видел. Над горизонтом есть белая светящаяся полоса, это, возможно, облачность. Облака различаются по ярусам. Полярных сияний и свечения атмосферы я не видел.

При отвязывании я не спешил, смотрел на таблицу и делал, как учили Попович и Николаев. После отвязывания сперва «пошла» вверх голова, и я животом «прилип» к потолку. Плавал целый виток, ощущения приятные. Плохо, что при плавании приходится выключать вентилятор скафандра. При втором плавании подплывал к иллюминаторам, видел антенну и кусок болтающейся обшивки. С закрытыми глазами трудно ориентироваться. Плавать мне нравилось, и я ждал витки, на которых было запланировано плавание. Все оборудование кабины, кроме часов, расположено удобно, но показания приборов снимать трудно. Сверку и коррекцию глобуса проводил один раз в сутки. Глобус работает точно. Скафандр вентилируется хорошо, на ночь вентиляцию выключал. Гермошлем мешал и давил справа. Питание хорошее, но принимать его перед стартом не стоит.

Размещение рационов питания было перепутано. Пустые тубы и пакеты мешают. Аптечка размещена далеко, и без отвязывания ей невозможно воспользоваться. На третий день принял слабительное и воспользовался АСУ. За первый день полета температура в кабине понизилась с 30 до 15 градусов. Получил команду поддерживать температуру на уровне 10 градусов.

На старте было плохо со связью. «Весна-1» много мешала УКВ-связи. «Весну-1» отлично слышал в южном полушарии. С «Весной-2» связь все время была хорошей. При снижении орбиты помехи в радиосвязи увеличились. «Чайку» услышал сразу после выхода ее на орбиту, связь в первые сутки между кораблями была отличной, но на вторые сутки похуже, а на третьи сутки мы слышали только Землю. С морскими судами связи не было. Надо практиковать телеграфную связь.

Когда мне сказали, что спуск будет на 82-м витке, то стали поступать путаные телеграммы. Гагарин передал: «Чайка» села — теперь твоя очередь». Я передавал прохождение всех команд по телеграфу. Работу солнечной ориентации заметил, ТДУ включилась плавно, работала 39 секунд. До разделения отсеков корабля было беспорядочное быстрое вращение. Больших перегрузок не было. Был сильный хлопок при отстреле люка, а через 2 секунды после этого произошло плавное катапультирование. Спустился между двух деревень в степной местности. Вскоре подъехал всадник, а затем — машина. Мне помогли снять скафандр, пока его снимал, собралось более ста человек. Потом появились самолеты Ан-2 и Ил-14. Толпа людей не дала мне связаться с ними по радио. На «Волге» поехали к кораблю, который опустился в 1,5–2 километрах от меня».

Доклад Терешковой (дается с сокращениями — Ред.).

«Старт «Востока-6» прошел отлично. Связь была хорошей, слышала все команды. Перегрузки были слабые, ниже пяти. Во «Взор» и боковой иллюминатор видела Землю. Видела в правый иллюминатор третью ступень. При переходе к невесомости неприятных ощущений не было. Работала по программе. Связь с «Ястребом» установила в тени Земли. Видела звезду раза в три ярче Веги, которую приняла за «Восток-5». При включении ориентации слышала хлопок, подобный удару по пустому бидону. Первая ориентация не получилась. Меня предупредили, что на 38-м витке со мной будет говорить «20-й»

(позывной С. П. Королева — Ред.) о ручной ориентации. На 45-м витке я за 20 минут сориентировала корабль по-посадочному. Думаю, что отказа системы ориентации не было. Работать с оборудованием трудно: я не дотягивалась до глобуса и других приборов. Приходилось частично отвязываться от подвесной системы.

Проводила киносъемку городов, облаков, Луны. Делать съемку и записывать, что снимаешь, очень трудно. Биологические эксперименты я не выполнила — не смогла достать объекты. Дозиметры стояли на нуле. Салфетки гигиенические плохо смочены и очень малы. Нужно что-то иметь для чистки зубов. Проводила наблюдения со светофильтрами. На горизонте есть светящаяся полоса. Над Южной Америкой наблюдала грозы. Ночью города легко определяются. Лунное освещение Земли и облачности очень красивое. Созвездия определять трудно. Солнечную корону не наблюдала.

Первые сутки я скафандра не ощущала. На вторые сутки появились ноющие боли на правой голени, а на третьи сутки это уже беспокоило. Гермошлем мешал, давил на плечо. Шлемофон давил на левое ухо. Поясные датчики мне не мешали. Под датчиком на голове ощущались зуд и боль. Система кондиционирования все время работала хорошо. При взлете температура в кабине корабля была 30 градусов, в конце первых суток полета — 23 градуса, а в начале вторых суток снизилась до 12 градусов и затем держалась на этом уровне.

Радиосвязь работала хорошо. При включении УКВ были помехи. Самая лучшая связь была во второй половине зоны связи. На экваторе много помех. «Весна-1» и «Весна-4» хорошо слышны на крайнем юге. В первые сутки полета связь с «Ястребом» была отличной, в первой половине вторых суток удовлетворительной, а потом связи с ним не было, но я слышала передачи ему с Земли. Очень радостно было сознавать, что рядом летает «Ястреб». Во вторые сутки я один раз имела связь с «Весной-12» (корабль). Освещение кабины хорошее. При выдаче команд коррекции путали цифры.

Невесомость неприятных ощущений не вызывала. Руки плавают, и их хочется спрятать под подвесную систему. При физзанятиях хотелось упираться в кресло. Хлеб очень сухой, я его не ела, хотелось черного хлеба, картошки и лука. Вода холодная и приятная. Соки и котлеты понравились. Меня один раз стошнило, но это из-за пищи, а

не из-за вестибулярного расстройства. Пользоваться АСУ в космосе легче, чем на Земле. Психологические пробы ничем не отличались от земных. По фотометру сделала два измерения. Сломались оба карандаша, записывать было нечем.

Провела всю подготовку к спуску и доложила о готовности. Еще в тени Земли включилась солнечная ориентация. Включение ТДУ было слабо слышимым. О прохождении команд я передавала по телеграфу. К Земле летела спиной. Разделение отсеков произошло рывком. Корабль сначала шел устойчиво, а потом были раскачивания. Перегрузки — не более 8. Когда покрытие корабля горело, то мимо иллюминатора летели хлопья. В кабине после срабатывания притяга много дыма и пыжей. Кресло из корабля выходит очень плавно и отделяется быстро. После раскрытия парашюта внизу увидела корабль. Корабль, кресло и я приземлились рядом. Необходимо сделать управление куполом парашюта, так как я приземлилась спиной. Прибежали люди и стали мне помогать. В 400 метрах от меня находился корабль. Через час прилетел самолет, и спустились два парашютиста. Через 3 часа я доложила Н. С. Хрущеву по телефону о благополучном окончании полета».

21 июня. Куйбышев.

Вчера вечером, когда я уехал на аэродром для контроля за отлетом в Москву членов Госкомиссии, Королев и Руденко организовали поездку космонавтов по Волге и, вопреки настойчивому возражению врачей, забрали с собой Валю и Валерия. Таким образом, в первый и второй день после посадки тщательные медицинские исследования космонавтов не проводились. Вечером Руденко долго оправдывался — якобы он и Королев были вынуждены удовлетворить «просьбу» Терешковой и Быковского о прогулке по Волге.

Сегодня утром Руденко, Гагарин, Титов, Николаев и другие космонавты на Ан-10 улетели в Москву. Королев и Тюлин улетят в 14 часов. Здесь, в доме над Волгой, остались только Быковский и Терешкова, два десятка врачей, полсотни корреспондентов, сотрудники КГБ и я с генералом Чугуновым и полковником Карповым. Валя и Валерий хорошо отдохнули, но у Терешковой вид еще недостаточно свежий, — по-видимому, все переживания последней недели и в космосе, и на Земле еще оставляют свой след. Синяк у Вали на носу пока еще очень заметен, но на боль она уже не жалуется.

С 15 до 16 часов по поручению председателя Госкомиссии я провел первую пресс-конференцию Быковского и Терешковой, на которую собралось более 60 корреспондентов. Ответы на вопросы мы заблаговременно продумали с Валей и Валерием. Валя держалась молодцом, а Валерий заметно волновался. Грубых ошибок у них не было, но односложность и неполнота ответов были заметны. Правда, корреспондентов, больше интересовало не содержание ответов, а сам факт беседы с космонавтами. Уверен, что через 2–3 месяца Терешкова будет отлично держаться на любой международной пресс-конференции.

Затем более пяти часов врачи всех специальностей придирчиво изучали состояние Быковского и Терешковой и доложили, что никаких заметных влияний космический полет на их здоровье не оказал.

22 июня.

Проснулся в 5 часов утра. Валерий и Валя еще крепко спят. Сегодня им предстоит тяжелый день: в 7:00 — подъем, в 9:30 — встреча с руководителями области, в 10:30 — отъезд на аэродром, в 15:00 — встреча во Внуково и рапорт Хрущеву, в 16:00 — митинг на Красной площади, в 18:00 — прием в Кремле, вручение наград, поздравления и т. д.

Вчера поздно вечером звонил Л. И. Брежнев. Он интересовался самочувствием Быковского и Терешковой и сказал, чтобы Валя не смущалась своим синяком на носу («синяк заслуженный»), что Москва ждет космонавтов и встреча будет очень теплой. Леонид Ильич разрешил мне самому решить все вопросы экипировки космонавтов и посоветовался со мной по вопросу о том, кто должен рапортовать первым — Быковский или Терешкова.

25 июня. Москва.

До сегодняшнего дня не имел ни одной минуты для записей в дневнике. Постараюсь сейчас восполнить их… Постараюсь сейчас описать эти дни. Утром 22 июня руководители Куйбышева вручали космонавтам подарки, говорили приветственные речи, фотографировались с ними. Валерий и Валя поблагодарили хозяев за радушие, гостеприимство и подарки. В 10:30 мы выехали на новый куйбышевский аэродром ГВФ. В первой машине ехали Валя, председатель облисполкома Орлов, командующий войсками округа генерал-полковник Павловский и я. Во второй машине ехали

Быковский, генерал Чугунов и другие сопровождающие. Кавалькаду машин мы разделили на две колонны: корреспонденты и фотокинооператоры ехали во второй колонне с 5-минутным интервалом после нас. Все принятые меры предосторожности помогли нам избежать излишне «теплых» встреч. Но Терешкову везде узнавали и повсюду раздавались возгласы: «Вот она! Валя! Валя!» Один из двух самолетов Ил-18 был поставлен вблизи у перрона, к нему подвели парадный трап и постелили дорожки, а второй самолет поставили подальше и запретили собираться около него людям. Мы быстро подъехали к этому второму самолету, вошли в салон и закрыли двери. Взлетели на несколько минут раньше намеченного времени из-за опасения, что самолет окружат люди и задержат выруливание и взлет. В самолете Быковский и Терешкова беседовали с корреспондентами, подписали приветствия, фотографировались, позировали кинооператорам.

Тексты своих рапортов Хрущеву Быковский и Терешкова знали хорошо, но оба волновались значительно больше своих предшественников и рапортовали менее четко, чем они. Я проводил их до двери самолета, а затем наблюдал, как они шли к правительственной трибуне, слушал их рапорты, видел объятия, слезы, поцелуи… Для Вали и Валерия в конце дорожки, проложенной от самолета до правительственной трибуны, началась новая жизнь — особенно большой и насыщенной она будет у Терешковой. Но многое в этой новой жизни будет зависеть от них самих. Сумеют ли они не потонуть в мелочах, хватит ли сил уберечь себя от миллионов заманчивых, но сомнительных предложений, советов, наставлений и поступков? Я уже несколько раз беседовал с Терешковой на эту тему. Она просила меня не оставлять ее один на один со свалившейся на нее невероятной тяжестью всемирной известности. Мы договорились, что я буду говорить ей всю правду и не оставлю незамеченным ни одного ее промаха, ни одной ошибки. Пока я доволен ее поведением, через 1,5–2 месяца она будет вполне готова для поездок за границу.

Митинг на Красной площади прошел хорошо. Валерий и Валя вполне удовлетворительно прочитали свои речи. После митинга в Кремлевском дворце был большой прием. Но мы с Мусей решили не ходить туда и поехали на дачу. Нервное напряжение последних дней несколько переутомило меня. В субботу вечером и весь следующий

день я ощущал какой-то упадок сил и необычную для меня пассивность. Только прогулки с Олей и ее безостановочное щебетанье медленно, но верно восстанавливали мои силы.

26 июня.

В 9 часов утра 25 июня Келдыш, Тюлин и я приехали к Королеву и отредактировали выступления Быковского и Терешковой на пресс-конференции. Вечером 24 июня мы собирались у Келдыша и рассмотрели порядок ведения пресс-конференции и выступления Келдыша, Благонравова и Яздовского. Серьезных замечаний, кроме сокращений по проектам выступлений, не было. В тексте выступления Яздовского абзац о плохом самочувствии Терешковой в космосе, о больших ее эмоциональных переживаниях, усталости и резко пониженной работоспособности все единодушно отвергли. Я еще до обсуждения предупреждал Яздовского о значительном преувеличении им трудностей, испытанных Терешковой в полете. Яздовский пытался защищать свое мнение. Пришлось выступить и напомнить, что Терешкова имела задание на одни сутки полета; продолжение полета на вторые и третьи сутки без ее согласия никто бы не поддержал. Терешкова, бесспорно, чувствовала некоторую усталость, особенно в конце первых и вторых суток полета, ее немного подташнивало, но она нашла в себе силы продолжать полет и выполнила максимум намеченного.

25 июня в 10:30 начался митинг в ОКБ-1, посвященный встрече с новыми космонавтами. По установившейся традиции Терешкова и Быковский вручили Королеву свои бортовые журналы и поблагодарили рабочих, инженеров и конструкторов за созданные ими чудесные корабли. Кроме Быковского и Терешковой на митинге выступали Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Королев, Келдыш, Руденко и другие. После митинга человек 50 собрались в кабинете у Королева и немного выпили за новый успех в космосе. Королев был в очень хорошем настроении и, предоставляя мне слово для тоста, сказал: «Первому Герою Советского Союза, нашему лучшему другу, который умеет почти не волноваться в самые трудные минуты пуска…, а если волнуется, то чуть-чуть… Николаю Петровичу Каманину предоставляю слово»… В 12 часов я, Быковский и Терешкова уехали — нужно было подготовить Валю к выступлению на Всемирном конгрессе женщин и побеседовать о предстоящей пресс-конференции.

У меня не было времени послушать выступление Вали на конгрессе, но Быковский и слушавшие ее женщины утверждают, что она выступила хорошо.

С 18 до 22 часов в актовом зале МГУ состоялась пресс-конференция. Присутствовало много иностранцев. Конференция прошла хорошо; Быковский и Терешкова выдержали еще один трудный экзамен. Правда, в речах было много повторений: было бы лучше проводить пресс-конференцию без выступлений ученых.

27 июня.

Вчера вся шестерка героев космоса фотографировалась. Фотограф из АПН, специалист по стереоскопическим съемкам Любимов сделает цветные фото и будет готовить маленькие копии ракет с портретами космонавтов. Терешкова после долгого перерыва вновь надела военную форму, до полета она была младшим лейтенантом, а сейчас ей присвоено звание «капитан». Сегодня в 16 часов вся шестерка в военной форме будет в Кремле на приеме выпускников военных академий.

Звонили Валерий и Валя, я рассказал им об их задачах на ближайшие дни. Сегодня будет их выступление по телевидению, завтра — вручение золотых медалей ВДНХ заместителем председателя Совета Министров СССР Рудневым, а с 1 по 6 июля — обследования в госпитале и попутно подготовка подробного отчета об итогах полета. Быковский и Терешкова просили, чтобы обследование проводили в ЦПК, но я не мог удовлетворить их желание.

Вчера Рытов беседовал с Гагариным и Титовым о состоянии дел в Центре и о том, как проявил себя генерал Одинцов в роли начальника ЦПК. Рытов поручил генералу Федорову изучить положение в Центре в связи с рядом грубейших ошибок Одинцова и неумным его поведением. Одинцов одинок, он не может установить хорошего делового контакта ни с подчиненными, ни с соседями по гарнизону, не умеет поддерживать хорошие рабочие отношения даже с партийной и комсомольской организациями. Рытов мне сказал, что для него уже ясно Одинцова надо заменять, — и добавил: «Будут неприятности в ЦК, Миронов возражал против Одинцова, но ошибка есть ошибка, и ее надо исправлять». Я предложил Рытову такой выход: пусть Одинцов сам напишет просьбу об освобождении его от должности начальника ЦПК. Рытов был рад такому варианту, он поручил генералу Федорову

в 2–3 дня изучить обстановку в Центре и доложить предложения по укреплению руководства ЦПК. Рытов назвал как вероятных начальников Центра Микояна и Молоткова.

28 июня.

Самым большим мероприятием вчерашнего дня было выступление космонавтов по телевидению. Днем мы обсудили возможные вопросы и ситуации и подготовили Терешкову и Быковского к ответам на вопросы. Валерий подписал несколько статей в газеты и журналы, десятки приветствий различным организациям и множество автографов. Валя дополнительно к той же работе выступила по радио с обращением к французским женщинам (по просьбе жены Тореза) и с приветствием к женщинам Испании (по просьбе Ибаррури). К 19 часам все собрались в телестудии и вместе с Юрием Фокиным, Валентиной Леонтьевой и режиссерами провели подготовку к выступлению. С 20:30 до 23:00 шла телепередача о космонавтах. Я рассказал кратко о впечатлениях на старте и о работе пункта управления полетом. Терешкова и Быковский выступили удачно. Очень хорошо поддерживал беседу Гагарин, не отставал от него и Титов. Попович и Николаев тоже были «на уровне». Выступали с приветствиями Левитин, Логинов, Симонов, Грибов, Гоголева, Заглада, Гаганова и другие. Сегодня было много звонков, все утверждают, что вчерашняя телепередача о космонавтах была лучше предыдущих.

29 июня.

В 10 часов утра меня, Одинцова, Терешкову, Быковского и Мозжорина вызвал в ЦК КПСС заведующий отделом оборонной промышленности И. Д. Сербин и сообщил, что от участниц Всемирного женского конгресса на имя Терешковой поступило более 300 вопросов. Для ответа на эти вопросы целесообразно провести 1 июля пресс-конференцию, организация которой возлагается на оргкомитет по проведению Всемирного женского конгресса (Попова, Овсяникова), Академию наук (Келдыш, Скуридин), ВВС (Вершинин, Каманин) и МИД (Замятин). На меня персонально возложили задачу подготовить Терешкову к пресс-конференции. До 17 часов я отпечатал шесть экземпляров всех вопросов и разослал их Замятину, Скуридину, Мозжорину и Терешковой с просьбой изучить эти вопросы и подготовить проекты ответов, имея в виду, что в понедельник (1 июля)

соберемся у меня и окончательно договоримся о содержании ответов. Кроме подготовки пресс-конференции, много времени потратил на рассмотрение бесконечных просьб о статьях, приветствиях, встречах и автографах.

30 июня. Дача «Заборье».

Часа два работал над вопросами, присланными Терешковой. Многие вопросы повторяются, а часть их близка по содержанию. Во избежание повторений и в целях сокращения времени я разбил все вопросы на следующие группы: 1) биография; 2) подготовка к полету; 3) ход космического полета; 4) о будущем Терешковой, космических исследований и мира; 5) о Всемирном конгрессе женщин; 6) приглашения посетить Индию, Англию, Австралию, Африку, Америку и другие страны и просьбы написать пожелания женщинам различных стран.

Разбивка вопросов на такие группы дает возможность Терешковой более систематично и с минимумом повторений изложить свои ответы. Небольшую часть вопросов (10–12) она зачитает на пресс-конференции и даст на каждый из них отдельный ответ.

1 июля.

Заходил к Вершинину и доложил ему о ходе подготовки пресс-конференции Терешковой и о наших возможностях по передаче сувениров Малиновскому. Министр 3 июля вылетает в Венгрию и просил дать ему фотографии космонавтов с автографами, книги, значки, копии ракет и т. д. В 10 часов приехали Терешкова, Быковский, Скуридин, Замятин, Мозжорин и другие, и мы начали подготовку к конференции. Валя и все присутствующие охотно согласились с предложенной мной группировкой вопросов. Мы быстро договорились о содержании ответов на первые три группы вопросов (биография, подготовка к полету, полет). По политическим и научным вопросам мы воспользовались помощью Замятина и Скуридина.

Пресс-конференция началась в 13 часов и продолжалась 1 час 45 минут. Колонный зал Дома Союзов был переполнен. Терешкова провела пресс-конференцию хорошо, но могла бы и лучше. Валя и Валерий забывают, что их слушателям необходимо сообщать больше деталей о полете и характере переживаний космонавта. Например, говоря о включении солнечной ориентации и тормозной двигательной установки, Валя могла бы эти операции подробно и красочно описать,

а не ограничиваться сухими фразами. Учитывая, что это только третья официальная встреча Терешковой с корреспондентами, можно считать, что в целом она весьма удачно отвечала на вопросы и неплохо держалась на трибуне.

Сегодня Валя и Валерий отправились в авиационный госпиталь для тщательных медицинских исследований, которые будут продолжаться семь суток. На это время никаких встреч и других крупных мероприятий не планируется. Правда, писатели, корреспонденты, художники, знатные иностранцы и многие другие настойчиво добиваются встреч с новыми героями космоса. У меня только что был скульптор Цигаль, он добивается права сделать портреты Терешковой и Быковского. Об этом же просят Кербель, Постников и другие скульпторы. Я обещал эту работу Постникову, так как Гагарин, Титов и другие космонавты ценят Постникова больше, чем других его коллег.

2 июля.

Сегодня день несколько поспокойнее. Правда, телефоны трещат непрерывно и много посетителей, но у меня есть полное моральное право всем отказывать: в течение недели Терешкова и Быковский будут в госпитале, а Гагарин, Титов, Николаев и Попович сдают очередные экзамены в академии. Вчера у меня был Гагарин и очень просил, чтобы космонавтам дали возможность спокойно подготовиться и сдать экзамены.

Бабийчук и Яздовский вместе с группой врачей беседовали в госпитале с Терешковой с целью уточнения ее самочувствия во время космического полета. Терешкова продолжает утверждать, что она чувствовала себя в полете хорошо, сохраняла нормальную работоспособность и у нее не было никаких затруднений. С ее слов, утром на третьи сутки полета после того, как она съела пирожок с кильками и лимон, ее начало тошнить и вырвало. Ела она не все, что ей было положено, но она утверждает, что съела не менее 60 процентов всей трехсуточной нормы. Яздовский и другие врачи почему-то считают, что Терешкова в полете испытывала значительные трудности и сейчас не все о них рассказывает. Она обязана была доложить на КП, что ее тошнит, но она этого не сделала. После приземления она, вопреки всем инструкциям, раздала местным жителям остатки своего рациона питания, и поэтому врачи лишены

возможности объективно установить, что и сколько съела Терешкова за время полета.

Я не могу одобрить нарушение инструкций Терешковой после посадки и ее непонятную скрытность в беседах с врачами. По-видимому, это объясняется настороженным отношением Терешковой, да и всех космонавтов, к врачам. После ряда неосторожных и неумных выступлений профессора Яздовского (у Келдыша и Ивановского), утверждавшего, что Терешкова чувствовала себя в полете плохо (сильно утомлялась и теряла работоспособность), Валя решила защищаться. Она оценивает свое состояние в полете выше, чем оно было на самом деле. Глупо сравнивать Терешкову с Быковским (а врачи это делают) — Быковский оказался самым сильным из пятерки мужчин. Терешкова нашла в себе силы полностью выполнить программу полета, и в этом ее великая заслуга.

3 июля.

Вчера вместе со скульптором Постниковым был в Сокольниках у Терешковой и Быковского. Договорились, что Постников ежедневно будет по часу работать над скульптурными портретами Валентины и Валерия. Кроме того, один час в день они будут беседовать с Денисовым, Борзенко, Кетышем и Мельниковым (корреспонденты газет «Правда» и «Красная звезда») по подготовке материалов для их биографий.

На днях ко мне приезжала группа киноработников (Макаров, Боголепов, Рябчиков) — им поручено делать «открытую» кинокартину о полете Терешковой и Быковского. На имя Главкома пришло письмо с просьбой разрешить мне консультировать создателей этого фильма. У меня нет никакого желания заниматься этим делом, но без помощи специалистов ВВС хорошей кинокартины о космонавтах не сделать. В создании трех первых кинокартин я принимал самое непосредственное участие и привлекал к этой работе многих офицеров ИАКМ и ЦПК. Фильмом о Гагарине все восхищались, картину о Титове считали неплохой, а о картине про Николаева и Поповича говорили, что в ней очень много повторений. Создать четвертую кинокартину о космических полетах и сделать ее интересной можно, но для этого нужно широко использовать так называемые «секретные кадры» о пуске, о ракете, о корабле, о производстве и т. п. Я глубоко убежден, что, засекречивая все эти интересные материалы, мы наносим вред

нашей стране. В различных инстанциях я неоднократно добивался раскрытия этих секретов, но мне мало что удалось сделать. Кроме того, группа киноработников во главе с Косенко, работающая над секретными космическими фильмами и пользующаяся поддержкой Королева, настойчиво добивается монополии на выпуск всех кинокартин на космические темы. Это тоже серьезно мешает созданию полноценных «открытых» фильмов. Боголепов и Рябчиков способные товарищи и могли бы создать хороший художественный фильм о полете женщины в космос, но нас не поддержали в ЦК 6–8 месяцев тому назад, когда мы добивались разрешения работать над таким фильмом. Сейчас есть постановление о создании фильма, но время и возможности для интересных съемок безвозвратно упущены. Фильм будет создаваться мучительно долго и никогда не будет тем, чем мог бы быть, — торжественным гимном русской советской женщине, женщине-матери, другу, сестре и женщине-герою, преодолевающей все преграды и утверждающей жизнь на Земле.

4 июля.

Вчера с Мусей ездили по магазинам и закупали все необходимое для ремонта дачи. Ремонт — это несчастье. Сейчас, когда голова забита только космосом, я чаще думаю о Луне, чем о своей даче (так утверждает Муся, и не без оснований). Но дача существует и… понемногу разваливается. Придется потратить весь отпуск на ремонт.

С 14 до 15 часов был в госпитале у Быковского и Терешковой. Исследования идут нормально, и никаких отклонений от нормы у космонавтов не обнаружено. 6–7 июля исследования будут закончены. Постников успешно работает над портретами космонавтов, я еще не видел его работу, но ее видели врачи, — все говорят, что получается неплохо. Валерий и Валя просили меня пересмотреть решение об отчислении из отряда Нелюбова, Аникеева и Филатьева. По этому вопросу вся шестерка космонавтов говорила с Вершининым. Главком передал мне их просьбу и просил подумать, что мы можем предпринять. Я честно и прямо ответил и космонавтам и Главкому: «Если Нелюбов через год получит отличную аттестацию, то я не буду возражать против его возвращения в отряд, но для Филатьева и Аникеева путь в космос закрыт».

Терешкова очень просила меня поставить перед руководством вопрос о посмертном присвоении звания Героя Советского Союза

Николаю Константиновичу Никитину. Я ей ответил, что из этого ничего не выйдет, так как Никитин погиб при выполнении обычного тренировочного прыжка и частично из-за своей ошибки. Терешковой, по-видимому, нравится роль «покровительницы бедных и угнетенных», и она пытается использовать свое положение в интересах близких и друзей. Придется ей серьезно растолковать, что нельзя увлекаться такими ходатайствами.

Вчера Главком больше часа рассказывал мне о своей последней встрече с космонавтами и Одинцовым (это было 22 июня, когда я с Быковским и Терешковой был еще в Куйбышеве). Космонавты продолжают жаловаться на Одинцова. Вершинин разговаривал по этому поводу с Руденко и так же, как Руденко и Рытов, пришел к выводу, что Одинцова нужно заменить. Решили этот вопрос обсудить на Военном Совете, серьезно предупредить Одинцова, а затем и освободиться от него. Иллюзий насчет возможного исправления Одинцова никто не питает.

6 июля.

Был на торжестве в Московском энергетическом институте, где отмечали 50-летие Богомолова Алексея Федоровича. На юбилее были Столетов, Елютин, Королев, Янгель, Колесников, Титов, Одинцов и более 200 работников института и ОКБ. Богомолов учился и работает в институте, умело сочетая большую конструкторскую работу с профессорской деятельностью. Алексей Федорович сам молод душой и опирается на молодой студенческий коллектив. Вся радиоэлектроника, работающая сейчас в космосе и на ракетах, создана коллективом, возглавляемым А. Ф. Богомоловым. Мы верим и надеемся, что Богомолов и возглавляемый им коллектив сделают еще многое в деле освоения космоса.

Вчера в «Известиях» опубликована статья Гольцева «Комментирует Валентина Терешкова» с ее фотографией. Эта статья вызвана появлением американской книги о Джерри Кобб. Джерри — летчица, которую американская пропаганда выдвинула первым кандидатом для полета в космос, — на обложке книги так и написано: «Первая женщина в космосе». В статье Гольцев два или три раза упоминает мою фамилию. Сегодня, когда я вошел в кабинет маршала Руденко, он читал эту статью, и у меня создалось впечатление, что он не в восторге от нее. Несколько позже, когда он заговорил о своих

впечатлениях от выступлений космонавтов по телевидению, я понял, что он недоволен тем, что космонавты «превозносят» главных конструкторов и мало говорят (точнее, молчат) о руководителях ВВС. Руденко хотел поговорить со мной об этом на следующий день после телепередачи, но затем решил подождать, не позвонит ли кто-нибудь ему и не выскажет ли таких же оценок выступлениям космонавтов. Он ждал неделю, ему не звонили, а мне звонили много. Все хорошо отзывались о передаче.

Вечером был в госпитале и посмотрел работы Постникова. Портрет Быковского неудачен: лицо напоминает маску умершего. Портрет Вали лучше — в профиль он схватил ее хорошо, но анфас надо еще дорабатывать. Сегодня Валерий и Валя закончили исследования в госпитале (у них все нормально) и уехали в ЦПК. По приезде в Центр Терешкова сфотографировалась в бразильской тиаре. Это драгоценное головное украшение подарили ей бразильские женщины на Всемирном женском конгрессе в Москве.

7 июля. Дача «Заборье».

Полным ходом идет ремонт дачи. Я залез на крышу и, как опытный трубочист, специальной метелкой на веревке прочищал трубы от сажи, а Муся собирала ее в дымоходах. Все в этот день работали очень много: вытаскивали вещи, застилали и мыли полы, угощали рабочих и гостей. Вечером показывал Оле детское кино, но очередную сказку рассказывать отказался. Оля днем не спала, хотелось ее побыстрее уложить.

8 июля.

У Руденко более двух часов обсуждали вопрос о том, нужно ли уже сейчас готовить узкоспециальных космонавтов (командир корабля, штурман, инженер и т. д.). Присутствовали Брайко, Пономарев, Мишук, Холодков, Костенко. Ввиду того, что в ближайшие 5–7 лет в космосе будут летать одноместные или максимум двух-трехместные корабли, признано целесообразным пока готовить всех космонавтов по широкому профилю, причем каждый член экипажа должен уметь выполнять обязанности командира корабля. В связи с тем, что набор в космонавты будет проводиться не только из летчиков, признано желательным иметь некоторую специализацию членов экипажей космических кораблей (командир, штурман, связист, инженер, исследователь). Через 7-10 лет, конечно, обязательно потребуются

более узкие специальности для обслуживания многочисленной аппаратуры больших космических кораблей и орбитальных станций. В более отдаленном будущем (через 20–30 лет) в космосе потребуется не меньше, а даже больше специальностей, чем их имеет сейчас авиация.

Быковский и Терешкова сегодня весь день работали в Центре. Они вместе со специалистами ЦПК готовят подробные итоговые доклады о результатах своих полетов. Заходил Миролюбов — секретарь парткома ВВС. Договорились с ним, что я вручу партийный билет Быковскому в Главном штабе ВВС в 11 часов утра 11 июля. Занимался вопросами организации отдыха космонавтов. Вершинин и Руденко согласились с моим предложением — отпустить всех космонавтов в отпуск с 25 июля. Ребята хотели поехать все вместе в Сочи в «Явейную» или в Крым в «Форос». Проведенная нами разведка в ЦК и Совете Министров показала, что все санатории на август уже забронированы, и получить 50 мест в одном санатории совершенно невозможно. Можно организовать коллективный отдых космонавтов (с семьями) только в нашем доме отдыха «Чемитоквадже» или «рассовать» всех по 4–5 человек в разные санатории. Было бы лучше и полезнее организовать коллективный отдых, но наши «звезды», особенно Титов, будут против такого «колхоза» и под различными предлогами будут уклоняться от организованного отдыха. Завтра я поеду в Центр, поговорю с ребятами и руководством — нужно решить этот вопрос.

Из Болгарии от Живкова на имя Хрущева пришло ходатайство направить в Болгарию к 9 сентября 1963 года Терешкову и Быковского. Есть много и других приглашений за границу. Вчера мне звонил наш посол в Бразилии Фомин и просил поддержать просьбу жены президента Бразилии о поездке в страну Терешковой. Я объяснил Фомину, что до 30 августа мы планируем 2–3 поездки Терешковой в страны социалистического лагеря, и только после приобретения ею некоторого опыта заграничных поездок мы сможем направить ее и в страны Запада.

10 июля.

Вчера был в ЦПК. Беседовал с генералом Одинцовым и еще раз убедился в том, что его нужно убирать, и чем быстрее, тем лучше для дела. Несколько дней тому назад Одинцов объявил Гагарину строгий выговор в приказе за «пьянки на старте, панибратство с подчиненными и игнорирование указаний начальника Центра». Но пьянок на старте

не было, а факт игнорирования указаний начальника выбран крайне неудачно. 22 июня, в день встречи Терешковой и Быковского, четверка героев получила пропуска на автомашины во Внуково. Одинцов эти пропуска отобрал, а ребятам приказал ехать в автобусе. Гагарин и другие пожаловались Главкому, и тот разрешил ехать вместе с ним на личных машинах. Одинцов, зная об этом разрешении Главкома, все же написал приказ со строгим выговором Гагарину. Приказ глупый, его придется отменить, что еще больше осложнит положение Одинцова.

Гагарин сейчас болеет, ему будут удалять гланды. Я встретил его в поликлинике ЦПК, он принимал сеанс ингаляции. Настроение у Юрия нормальное, но нам помешали поговорить по душам. Титов с утра уехал на пленум ЦК ВЛКСМ, а Быковский и Попович поехали в Москву по семейным делам. В Центре остались только Николаев и Терешкова. Николаев готовится к экзаменам, а Валя пишет отчет о полете. Она просила дать ей на эту работу четыре полных дня — это немного, учитывая, что она хочет работать самостоятельно. Договорились, что 18 июля Валя на 2–3 дня поедет в Ярославль, а до этого закончит отчет о полете, киносъемки, беседы с корреспондентами и сеансы у Постникова.

Поговорил один на один с полковником Трофимовым. Он считает, что работать с Одинцовым невозможно, и просил принять меры к оздоровлению обстановки в Центре. Все космонавты и слушатели-космонавты настроены против Одинцова, я не знаю ни одного человека из ЦПК, который отозвался бы положительно о деятельности начальника Центра.

11 июля.

Вместе с Мусей вчера ездили в автомагазин и за 5513 рублей купили новую «Волгу». Я выбрал машину стального цвета, до меня ее человек пять забраковали из-за царапин на одной из дверок и отклеившейся резины на багажнике.

Сегодня позвонили из МИДа и сообщили, что Сукарно пригласил Быковского с женой и Терешкову в Индонезию с 17 августа, на две недели. Я уговорил Руденко и Вершинина настаивать на том, что до 1 августа Быковский и Терешкова проходят обследования и оформляют отчеты о полете, с 1 по 30 августа отдыхают в Сочи, 9 сентября поедут в Болгарию и что только после 2–3 поездок в социалистические страны их можно будет направлять в любую страну.

Более трех часов обсуждали с Королевым программу полетов четырех очередных «Востоков». Первый полет, продолжительностью до 10–11 суток, проведем в феврале-марте 1964 года с животными (на орбите высотой 600-1000 километров). Три других корабля используем для полетов космонавтов длительностью до 10 суток. Будет значительно расширена научно-исследовательская и военная часть программы полетов. Сергей Павлович осмотрел оборудование нашего командного пункта и высказал пожелание разработать систему контроля полета во всех сложных и даже аварийных ситуациях. Он просил усилить внимание к разработке бортовых навигационных космических систем. Холодков доложил, что уже отработаны практические предложения по автономным системам навигации. Королев еще раз заявил: «Я больше «Востоки» сам пускать не буду, очень устаю. Я еще не пришел в себя после полетов Быковского и Терешковой. Слишком много времени и нервов отнимают эти полеты. ВВС должны взять на себя руководство пилотируемыми космическими полетами… Другой организации, способной справиться с этим делом, я не вижу… Я буду говорить об этом с Брежневым, а потом и с Хрущевым».

После того, как Вершинин уехал к Гречко, Сергей Павлович поговорил наедине с Руденко и со мной. Он высказался против Одинцова: «Мы все очень ошиблись в нем… Он солдафон и многого не понимает… Надо его заменять. Поставьте начальником Центра опять Карпова». Мы подтвердили, что ошиблись в Одинцове и готовы его заменить, но Руденко возражал против назначения Карпова, а Королев грозился забрать его к себе. «Дайте Карпову звание генерала, поставьте его начальником или дайте ему умного начальника…» так закончил эту беседу Королев.

После обеда Руденко, Брайко и я обсуждали у Вершинина обстановку в ЦПК. Мы единогласно решили собрать Военный Совет и рассмотреть дело генерала Одинцова. Собственно, рассматривать придется не «дело», а глупости Одинцова — надо будет наметить мероприятия, гарантирующие ВВС от повторения подобных ошибок. Главкому сейчас очень не хотелось бы ставить на Совете крайне неприятный вопрос о замене Одинцова, но ставить его придется и снимать Одинцова нужно обязательно.

12 июля.

Беседовал вчера с Рябчиковым Евгением Ивановичем. Он известный журналист и неплохой писатель, автор сценариев кинокартин о космонавтах. Я прочитал его сценарий кинокартины о полетах Быковского и Терешковой и все свои замечания передал ему устно. Сейчас ведется съемка Быковского и Терешковой в госпитале и в Центре. Рябчиков подметил у Терешковой несколько характерных черт: властная, умная, иногда бывает и злая, лицо выразительное и очень фотогеничное. Рябчиков встречался несколько раз и с другими космонавтами. Ему не нравятся перемены с Титовым. Герман в его присутствии хвалился своими пьяными похождениями и успехом у женщин.

Надо признать, что Титов и частично Гагарин ведут себя далеко не так, как нам хотелось бы. К Гагарину это относится в меньшей степени, хотя за каждым его шагом необходимо пристально наблюдать и вовремя помогать. За Титовым необходим систематический контроль, его нужно по-умному подправлять. Одинцов в роли воспитателя космонавтов оказался пустым местом, а я из-за моей перегруженности не могу уже всем шестерым оказывать помощь, подобную той, которую оказывал Гагарину. Попович и Николаев ведут себя безупречно и много работают над собой. Быковскому и Терешковой необходимо еще много помогать, они верят мне и охотно принимают мою помощь. Терешкова, например, несколько раз просила меня помочь ей в поездке в Ярославль и в первых поездках за границу. Эта помощь ей нужна, но мне вряд ли удастся ездить с ней — уж очень много у меня более важных дел.

Вчера звонил Королев и просил, чтобы к 10 часам 13 июля к нему приехали Быковский и Терешкова. Сергей Павлович хочет попытаться вызвать Терешкову на полную откровенность о ее самочувствии в полете. Королева очень обеспокоило заявление Яздовского о плохом самочувствии Терешковой на 32-м и 42-м витках, о рвоте, плохом аппетите и ослаблении сердечной деятельности. Королев постоянно говорит о своем желании «открыть двери» в космос для обычных простых людей. Он считает, что уже сейчас можно несколько понизить требования к здоровью космонавтов, их возрасту и к специальным тренировкам. Странно, но в этом вопросе Сергей Павлович, по-видимому, не на высоте. Все факторы космического полета, особенно невесомость, еще недостаточно изучены. Мы еще не имеем надежных

средств противодействия отрицательному влиянию на человеческий организм невесомости, перегрузок и т. д. Невесомость еще принесет нам много осложнений. Совершенствование космических кораблей и их оборудования, создание в кораблях будущего «земного» комфорта позволит постепенно снижать требования к космонавтам, но до этого еще очень далеко.

13 июля.

Валя пригласила Валерия поехать с ней в Ярославль. Я объяснил ей особенность ее поездки на родину: там все внимание будет уделяться Терешковой, а Быковский может остаться в тени. Допускать этого никак нельзя, но ни Терешкова, ни Быковский этого не понимают. Утром мне позвонил Быковский, он высказал намерение принять приглашение Терешковой и одновременно попросил при организации первых выездов за границу разрешить ему брать с собой жену. Я дал ему разрешение на заграничные поездки жены и категорически возражал против его поездки в Ярославль. Руденко и Вершинин согласились с моим решением.

Маршал Руденко более часа «накачивал» меня и генерала Бабийчука своими идеями организации отдыха космонавтов. Мы перестраиваем дом отдыха ВВС «Чемитоквадже» в дом отдыха космонавтов. Там уже построен новый трехэтажный корпус, строится комплекс спортивных сооружений, закладывается большой лечебный корпус. Сейчас там в разгаре строительные работы, много грязи, пыли и посторонних людей. Я не был в этом доме отдыха, но все отдыхавшие там генералы и офицеры утверждают, что это чудесное место, где можно хорошо организовать отдых космонавтов. Главное преимущество этого места в том, что оно наше. В этом доме отдыха нам значительно легче организовать наиболее полный отдых космонавтов с почти полным отрывом от корреспондентов и просто любителей потаращить глаза на героев космоса. Но далеко не все из космонавтов изъявляют желание поехать в «Чемитоквадже». Терешкова, например, просила генерала Бабийчука: «Не загоняйте нас в «Чемитку». Ясно одно: мы сделаем это место базой отдыха космонавтов, но пока оно не прельщает их. Придется убеждать ребят авансом полюбить свой будущий дом отдыха и не особенно приглядываться к кое-каким его недостаткам.

Принял решение отправить с 15 июля в отпуск генерала Горегляда. Свой отпуск предполагаю разбить на две части: две недели с 1 августа и месяц с 1 октября. В октябре думаю поехать с Мусей и Олей в «Чемитоквадже», а в августе на 2–3 дня съездим в Меленки. Мама уже четвертый год не поднимается на ноги, ей будет очень приятно встретиться со мной, Мусей и Оленькой, которую она еще не видела.

14 июля. Дача «Заборье».

Прошел месяц со дня старта Быковского. Трудный это был старт, много крови попортил он Быковскому и нам — организаторам полета. И все же нам безумно везло со всеми шестью полетами космонавтов: у нас не было ни одного серьезного происшествия. Случаи отказов техники были, но все они, как правило, вскрывались до старта, а те из них, которые проявлялись в ходе полета, существенного вреда не нанесли.

Сегодня полным ходом идет ремонт дачи, работают одновременно пять человек (слесарь, электрик, газовщик, маляр, стекольщик). Я целый день занимался новой «Волгой». Мне в ГАИ выдали очень хороший номер: МОП-00-15. Машина мне нравится, мотор работает хорошо. Свою старую «Волгу» я передал Леве, а «Победу» он сдал в автомагазин — за нее дают 1800 рублей. Никогда бы не подумал, что за поношенную «Победу» дадут такую сумму. Можно считать, что новая «Волга» нам обошлась в 3600 рублей.

16 июля.

В ЦПК провели итоговое совещание по анализу подготовки и проведения полета Быковского и Терешковой с докладами начальников отделов и служб. Из-за болезни отсутствовал Гагарин, его отправляют в госпиталь для удаления гланд. Из космонавтов выступили Титов, Быковский и Терешкова. Общее мнение, что подготовка к данному полету была организована несколько лучше, чем к предыдущим, но и в этот раз имели место серьезные недостатки (отсутствие плана пусков, поздняя разработка задания на полет, медленное реагирование промышленников на замечания космонавтов по усовершенствованию оборудования корабля и т. д.). Было высказано немало претензий к медикам: очень много разных врачей, нет единой медицинской бригады, которая наблюдала бы за космонавтом, начиная с тренировок и кончая послеполетными обследованиями. Имеются серьезные

претензии к качеству пищи. Терешкова совсем не ела хлеб «резина» и мясо — «очень жесткое». Все единодушно высказались за централизацию управления полетом и необходимость управлять длительными полетами из Москвы.

После совещания побеседовал с космонавтами и слушателями-космонавтами об организации их отдыха с 1 августа. Среди космонавтов были очень сильны настроения против «Чемитоквадже» (стройка, нет воды, нет электричества, плохо с питанием и спортом). Пришлось мне и генералу Бабийчуку долго убеждать их в преимуществах своего дома отдыха. Прямых выступлений против «Чемитоквадже» не было, но чувствовалось, что космонавты сомневаются в возможностях этого дома отдыха. Придется энергично помогать руководству «Чемитки». Беседовал с Терешковой, ознакомил ее с программой поездки на родину, договорились о планах работы до отъезда в Ярославль и после ее возвращения из поездки. Быковскому на этой неделе разрешил поездку на родину, встречу с пионерами и работу со скульптором и автором его биографии.

Сегодня у меня была очень откровенная беседа с генералом Одинцовым. Я сказал ему: «Очень сожалею, но я окончательно убедился, что вы не можете быть начальником Центра… Я не знаю, какое решение примет Военный Совет, но нам с вами вместе, наверное, не работать…» Сейчас 14:00, Военный Совет заседает с 10 часов, но вопрос об Одинцове еще не рассматривался. Вершинин, Руденко, Брайко и Рытов настроены против Одинцова, но его могут защищать Агальцов и Миронов как своего бывшего подчиненного и в пику мне и Руденко, генерал Гудков тоже может их поддержать. Короче, решение об освобождении от должности генерала Одинцова может сегодня и не состояться, а это очень плохо для дела.

17 июля.

Вчера Военный Совет ВВС единогласно решил: «Генерал Одинцов должности начальника Центра подготовки космонавтов не соответствует и его нужно как можно быстрее освободить от этой должности». Одинцов своим очень неудачным выступлением на Военном Совете облегчил мне мою задачу — доказать, что мы в нем ошиблись. Одинцов начал с того, что здесь присутствуют Агальцов, Миронов, Полынин, Гудков — его бывшие начальники — и что он от них никогда не слышал о серьезных недостатках в его характере,

поведении и работе. Затем он доложил, что у него и раньше были противоречия с подчиненными, но во всех случаях он был прав. Создавшееся в Центре положение он свел к своему конфликту с четверкой первых космонавтов: он пытается укрепить дисциплину, а они нарушают ее. Одинцов пытается заставить космонавтов работать, а они не хотят трудиться. Он — за энергичное освоение космоса, а Каманин и другие мешают ему, и тому подобное. В своем выступлении Одинцов очень неосмотрительно употреблял применительно к космонавтам такие выражения: «кушают, как верблюды», «стригут купоны», «присваивают чужой труд», «не пишут, а только подписывают», «работать не хотят», «занимаются тунеядством», «надо решить, какие у нас космонавты — разового или многоразового действия». Это только часть из тех выражений, которые почти ежедневно употреблялись Одинцовым. В отместку космонавты и специалисты Центра прозвали Одинцова «Огурцовым» — одним из персонажей популярной кинокомедии.

Итак, конфликт между космонавтами и генералом Одинцовым закончился в пользу первых. Все космонавты будут рады увольнению Одинцова, но нам, руководителям, радоваться нечему. Это очень печально, что в роли начальника Центра подготовки космонавтов полгода был неумный, нетактичный, себялюбивый и злой человек. К сожалению, это и моя ошибка. Правда, я могу сослаться на его заслуги, знания, академическое образование и отличные аттестации, но все это малоутешительно. С первых же дней работы с Одинцовым я, почувствовав его ошибки и недостатки, пытался помогать ему, но все мои попытки ни к чему хорошему не привели. На Военном Совете Агальцов выступил за немедленное освобождение Одинцова от должности. Миронов, Полынин и Гудков, заслушав Одинцова, меня, Руденко и Вершинина, согласились с этим предложением. Теперь Центру нужен новый начальник. Подобрать умного, толкового начальника для космонавтов — очень трудное дело, но сейчас этот вопрос надо решать быстро и безошибочно.

Сегодня с утра Валерий и Валя были в посольстве ГДР, а затем — на немецкой выставке мебели. Немцы подарили им мебельные гарнитуры. Вместе с полковником Масленниковым и майором Никерясовым Быковский и Терешкова заехали ко мне. Мы уточнили все вопросы завтрашней поездки Терешковой в Ярославль, а

Быковского — в Павловский Посад. Рассмотрели программу их выступлений до конца июля и согласовали даты и время встреч в различных организациях Москвы. Корреспондент радио записал выступление Терешковой с обращением к землякам. Звонил скульптор Постников и попросил Валерия и Валю заехать к нему хоть на десять минут. Валерий поехал в госпиталь к Гагарину, а Валя — в ателье и парикмахерскую, так что Постников их увидит теперь не скоро. После отъезда Быковского и Терешковой, мне из госпиталя позвонил Гагарин. Завтра ему будут удалять гланды, настроение у него бодрое, он просил передать привет Марии Михайловне. Я коротко сообщил ему о вчерашней «бане» для Одинцова и пожелал быстрее вырваться из объятий медицины.

Только что позвонил из МИДа Снегирев. Предполагается организовать поездку Гагарина в Париж в конце сентября этого года для получения международной премии, присужденной Гагарину еще в 1962 году.

18 июля.

Стоят жаркие душные дни. Сейчас 8:30, я у себя в служебном кабинете. Утром до 9 часов — самое лучшее время для работы, можно подумать, кое-что записать в дневник. С 9 часов начинаются бесконечные звонки и назойливые посетители, только успевай поворачиваться от одного телефона к другому. Сегодня звонки начались раньше обычного: женщина-летчик с инженерным образованием просит разъяснить, как можно попасть в отряд космонавтов; пионеры, комсомольцы и партийные работники настойчиво добиваются встреч с космонавтами. Звонил из ЦК Сербин и попросил выделить 2–3 космонавтов для участия в закрытии международного кинофестиваля (21 июля) и для встречи с венгерской правительственной делегацией (20 июля). От секретаря ЦК КПСС Андропова трижды звонил товарищ Бернов. Андропову потребовалось срочно доложить Брежневу, в каких странах уже побывали наши космонавты и в какие страны имеются приглашения космонавтам на 1963 год. Потом он вновь позвонил и потребовал срочно представить материалы по поездке Быковского и Терешковой в Болгарию 9 сентября 1963 года. Приходили представители АПН Барашев и Большаков, им поручено создать фильм о советских космонавтах для

заграничного показа, и Епишев обязал меня консультировать их работу. Договорились с ними выпустить фильм до 15 августа.

Сегодня генерал Одинцов по его просьбе был принят маршалом Руденко, ко мне он не зашел. О решении Военного Совета Руденко не сказал Одинцову, но очень прозрачно намекал на желательность перехода его на другую работу. Одинцов оказался даже глупее, чем я себе представлял, он не понял моей роли в ВВС и даже не догадывается, что Руденко и Вершинин говорят с ним моим языком. Мстить Одинцову я не буду, мне просто жаль его, — но в аттестации я напишу всю правду о недостатках его характера, отсутствии выдержки и такта. Одинцов до назначения на должность начальника ЦПК числился среди первых кандидатов на должность командующего Воздушной армией. Как же плохо мы знаем кадры и очень часто оцениваем их по внешним признакам (звезды, медали, академии) и не видим за ними настоящего человека! Одинцов на большой самостоятельной работе может испортить сотни молодых жизней, он органически неспособен к роли воспитателя. В мою задачу входит сделать все возможное, чтобы ограничить максимально вредное влияние Одинцова на дело до убытия его из Центра. Главком и Руденко сейчас поддерживают меня во всем, но нового начальника для космонавтов они не найдут, — его должен найти я!

19 июля.

Вчера после обеда я на один час уехал по своим делам. За это время в штабе поднялся такой переполох, что бедный полковник Аристов весь взмок. Звонили из ЦК Сербин и Козлов, спрашивали: «Кто разрешил поездку Быковского на родину?» Решение о поездке Терешковой в Ярославль принимал Президиум ЦК КПСС, а о поездке Быковского — Каманин… Вершинин и Руденко сразу «забыли», что именно они санкционировали эту поездку, и мне пришлось все взять на себя. Сербин сообщил, что Брежнев поручил ему лично заниматься поездками космонавтов за границу и по стране. Сегодня пришлось срочно написать план поездок космонавтов по различным странам на 1963 год и выслать его в ЦК. В этот план пока включены поездки по наиболее важным приглашениям (Болгария, Монголия, Италия, Швеция, Норвегия, Мексика, Индия, Гана и Индонезия).

Ребята до 26 июля сдают экзамены в академии и очень неохотно отрываются на различные встречи. Вот сейчас передо мной лежит

большая пачка пригласительных билетов на четыре правительственных мероприятия. Всем до чертиков надоели эти приемы, и по собственному желанию ни один из космонавтов не поехал бы на них. Приходится им приказывать: «Быть обязательно!» В 13:20 ко мне заехали Титов, Николаев и Попович. В 14 часов им нужно быть во Дворце Съездов, а они еще не обедали, — срочно отправил их обедать. У них всегда и на устах, и в глазах один и тот же вопрос: «Когда вы перестанете нас таскать, когда появится возможность спокойно учиться?

Я немало делаю для ограждения космонавтов от бесконечных встреч, писанины и других малоприятных для них вещей, но я не могу их совсем спрятать от людей. Этого не потерпит народ, да и сами космонавты отвергнут это, необходимо искать золотую середину. Характерно, что сейчас просьбы на встречи с космонавтами распределяются по количеству поступающих заявок в следующем порядке: Терешкова, Быковский, Гагарин, Титов, Попович, Николаев. Имена Гагарина и Терешковой навечно останутся первыми в списках советских космонавтов. Очень важно, чтобы эти первооткрыватели космоса не только сохранили в глазах всего человечества величие созданного о них представления, но и делом и словом поддерживали его.

Звонил Ивановский, он уже от кого-то узнал о решении Военного Совета снять с должности Одинцова, и высказал намерение помочь Центру. В этих целях вопрос о роли ЦПК ВВС в обеспечении космических полетов будет обсуждаться на ВПК. Устинов, Смирнов, Келдыш и Королев могли бы помочь Центру, но при этом они потребуют готовить в ЦПК и гражданских лиц. Я считаю это требование правильным и приемлемым, но Малиновский и Гречко будут против. Думаю, что Вершинин и Руденко согласятся со мной, но они не пойдут поперек «батьки».

20 июля.

Получил от Келдыша официальное письмо с программой научных исследований при очередных космических полетах в 1964 году: 1) фотографирование на маркированную пленку Земли и атмосферы, захода Луны и планет, зодиакального света с последующим фотометрированием; 2) спектрографирование дневного свечения атмосферы в области 3000–3600 ангстрем; 3) получение

ультрафиолетовых спектрограмм Солнца в областях 304 и 60 ангстрем; 4) изучение инфракрасного радиационного поля Земли и атмосферы; 5) изучение ультрафиолетовых спектров Земли, спектров полярных сияний.

Генерал-лейтенант Гудков передал, чтобы я до 23 июля (в этот день состоится заседание Военного Совета) подобрал и предложил кандидата на должность начальника ЦПК ВВС. Звонил И. Д. Сербин — готовится решение ЦК о поездке Терешковой и Быковского в Болгарию. В ЦК считают что в 2–3 первых выездах их за границу я должен возглавлять делегацию. Я настоятельно просил освободить меня от этой миссии. Сербин сказал, что доложит о моей просьбе секретарям ЦК КПСС.

22 июля.

Звонил С. П. Королев. Он сообщил, что 26 июля в 11:00 у него состоится совещание, а завтра Келдыш и он намереваются побывать сначала у Воронина, а затем — у Яздовского. Он просил, чтобы у Воронина и Яздовского кто-то был от ВВС.

Вместе с Гудковым и Руденко рассмотрели семь кандидатур на должность начальника ЦПК ВВС. Остановились на трех генералах: Астахов — заместитель командующего ВВС Южной группы войск, Сизов — командир бомбардировочной дивизии, Кузнецов — начальник Черниговского авиаучилища. Руденко считает наиболее подходящим — Астахова, я — Сизова, но у меня нет возражений и против Астахова.

Сегодня Быковский и Терешкова встречаются с писателями, а потом — с конструкторами и инженерами Комитета по авиационной технике, работающими над космическими проблемами. В 14 часов Быковский и Терешкова приедут ко мне, чтобы договориться о содержании их выступлений и ответов на возможные вопросы.

23 июля.

Позвонил Сербин и сообщил, что состоялось решение секретариата ЦК КПСС о назначении меня руководителем делегации во время поездки Терешковой и Быковского в Болгарию в период с 8 по 14 сентября. В составе делегации будет 15 человек.

Вчера более часа занимались с Быковским и Терешковой подготовкой их выступлений перед писателями Москвы и на совещании конструкторов и инженеров авиационной

промышленности. На встрече с писателями Терешкова и Быковский выступили очень хорошо. Вел встречу Борис Полевой, выступали поэты и писатели (Смирнов, Ошанин, Васильев и другие). Космонавты получили более десятка книг с дарственными надписями авторов. Я встретил там Бориса Галина, с которым знаком еще с челюскинской эпопеи. Ко мне подходили десятки сверстников, переживавших тревожные и радостные дни 1934 года. На совещании в Комитете по авиационной технике Быковский и Терешкова подробно рассказали о работе систем и оборудования корабля и высказали ряд пожеланий по усовершенствованию скафандра, кресла, систем жизнеобеспечения и спасения. Серьезные претензии были высказаны по качеству датчиков для записи физиологических функций, датчики беспокоят и оставляют язвы на теле. А. А. Кобзарев и другие руководители ГКАТ были очень довольны встречей.

24 июля.

Келдыш, Королев, я, Воронин, Алексеев и другие специалисты сегодня более пяти часов изучали состояние работ по космической экологии кругообороту веществ в кабине космического корабля. Экологией у нас занимается целый ряд организаций. Это, в первую очередь, наш Институт авиационной и космической медицины, ОКБ-124, завод № 918, Институт биологии, Институт физиологии растений АН СССР и другие организации. Через 2–3 года Советский Союз будет иметь возможность выводить на околоземные орбиты космические корабли весом до 70–80 тонн и собирать на орбите еще более тяжелые корабли. Такие пилотируемые корабли смогут не только облететь Луну, но и полетят к Венере, Марсу и другим планетам. Продолжительность таких полетов будет исчисляться годами, поэтому уже сейчас наука должна дать ответы на ряд вопросов, без решения которых невозможно сконструировать космические корабли будущего. В первую очередь это вопросы защиты экипажа от радиации и космических излучений, обеспечения воздухом, питанием и водой, переносимости невесомости в длительном полете, психологической совместимости членов экипажа и т. д.

Из всей этой группы вопросов нас больше всего интересовали проблемы экологии. У Воронина мы осмотрели несколько лабораторий и стендов, практически решающих вопросы регенерации воздуха, воды и утилизации всех отходов жизнедеятельности экипажа. Мы

пили прекрасную воду, только что выделенную из мочи, попробовали морковь, помидоры, капусту и другие овощи, выращенные в условиях, аналогичных условиям длительного космического полета (не на почве, а на отходах и в специальных установках). В Институте авиационной и космической медицины Яздовский продемонстрировал нам работу установки, которая из одного килограмма хлореллы выделяет в сутки 270 литров кислорода. Человек потребляет 25 литров кислорода в час. Следовательно, два килограмма хлореллы способны удовлетворить суточную потребность в кислороде для одного человека. Вопросы регенерации воздуха и воды для очень длительных полетов можно считать принципиально решенными. Пока не решен вопрос полного восстановления пищи. В сутки человек потребляет 2,5–3 килограмма воды и пищи. Сейчас за каждые сутки полета космонавт расходует 3 килограмма продовольствия. На год полета для одного человека потребуется более тонны пищи и воды. Современное состояние отработки экологических систем дает основание ожидать, что в ближайшие 2–3 года будут созданы такие установки, которые смогут регенерировать более 80 процентов всех веществ, употребляемых космонавтом для обеспечения своей жизнедеятельности. Таким образом, необходимый для жизнеобеспечения космонавта суточный вес веществ будет в пределах 400–600 граммов, а для обеспечения годового полета на одного человека потребуется 150–200 килограммов веществ. Регенерирующие установки будут весить около 150 килограммов.

Кроме чисто научных проблем разбирались и вопросы организации взаимодействия между организациями, работающими над проблемами экологии. Алексеев, Воронин и Яздовский высказались за создание специального института на базе заводов ГКАТ. Келдыш и Королев уклонились от высказывания мнений о том, где создавать новый институт — в ГКАТе или Министерстве здравоохранения. Я убежден, что они оба и Ивановский (он тоже был с нами) поняли, что в ГКАТе для создания такого института уже есть солидная база и значительный коллектив опытных специалистов, а в Министерстве здравоохранения институт придется создавать на пустом месте.

25 июля.

Утром заезжал Быковский и настоятельно просил разрешить ему поехать в Сочи с женой и восьмимесячным сыном. Я и врачи пытались

его убедить, что для малыша такая поездка опасна, но Валерий наши беседы воспринял как нежелание ему помочь. Меня вызвали в ЦК, я оставил Быковского с генералом Бабийчуком и не уверен, что они договорятся. В ЦК Сербин и я около трех часов работали над планом заграничных поездок космонавтов в 1963 году. План получился очень насыщенным: Болгария, Монголия, Куба, Мексика, Индия, Индонезия, Гана страны, которые посетят Терешкова и Быковский в первую очередь. Я убежден, что будет еще много новых приглашений и составленный нами план претерпит большие изменения и станет еще более плотным.

В 15 часов заезжала Терешкова, она хотела посоветоваться со мной по поводу своей учебы: учиться в академии Жуковского на инженера или заняться гуманитарными науками и общественно-политической деятельностью. Но поговорить нам не удалось, меня срочно вызвал к себе Руденко, а Терешковой нужно было ехать к скульптору Постникову.

Из «Чемитоквадже» вернулся генерал-лейтенант Клоков и доложил: «Положение удовлетворительное, жалоб на питание нет, приняты все меры по улучшению обстановки в доме отдыха». Дал распоряжение послать из Центра собственным ходом один автобус, 5 солдат и 12 человек медперсонала и работников столовой. 1 августа четырьмя рейсами самолетов в дом отдыха вылетают космонавты и слушатели-космонавты. Заходили ко мне Титов и Быковский. Их беспокоит задержка с предоставлением им квартир. Полковник Дзюба не согласен с планом переселения, представленным Одинцовым, и хочет сделать по-своему, но делает это медленно и неуверенно. Сегодня Гагарин вернулся из госпиталя. Завтра космонавты, в том числе Гагарин, будут сдавать экзамены по материаловедению.

27 июля.

Вчера весь день был у Королева, принимал участие в совещании технического руководства с целью подведения итогов полетов Быковского и Терешковой и определения дальнейших перспектив использования «Востоков». Присутствовали: от ВВС — я, Руденко, Пономарев, Холодков; от РВСН — Толубко, Ловков, Мрыкин, Керимов; от ВПК — Пашков и Ивановский. Вел заседание Королев, присутствовали все его заместители, начальники отделов и примерно 30 главных конструкторов.

Перед началом заседания у Королева с Тюлиным произошел небольшой конфликт. Тюлин предлагал раздельное обсуждение докладов и выражал сомнение в возможности достичь цели совещания: наметить пути дальнейшего использования «Востоков». После выступления Тюлина Королев оказался в затруднительном положении и даже высказал мысль, не перенести ли совещание. Я выступил и предложил заслушать доклады, а потом уже решать, как их обсуждать. Большинство поддержало мое предложение, и совещание началось. Доклады по техническим итогам и перспективам «Востоков» сделали Бушуев и Цыбин, по космической медицине доложили Яздовский и Газенко. Вывод из докладов: «Востоки» еще можно эффективно использовать — на них можно летать на орбитах высотой до 1000–1200 километров, продолжительность полетов довести до 10 суток и провести большое количество научных и военных исследований. Выступавшие Пашков, Мрыкин, Алексеев, Ткачев, Иоффе, Бабийчук, Холодков, Руденко и другие подтвердили целесообразность дальнейшего использования «Востоков». А год тому назад Пашков, Ивановский, Мрыкин и другие упорно сопротивлялись нашим предложениям строить «Востоки». Эта дискуссия отняла у нас целый год. Мы теряем бесплодно уйму времени и могли бы уже сегодня иметь значительно больше успехов в освоении космоса.

Во вступительной и заключительной частях своей речи С. П. Королев высказал следующие предложения. «Корабли «Союз» полетят не раньше 1965 года, поэтому в 1964 году будут летать «Востоки». Четыре «Востока» мы уже строим, и нужно еще построить 6–8 кораблей. Программа полетов на высоту 1200 километров с продолжительностью 10 суток со значительным расширением научных и военных исследований вполне приемлема и выполнима. Необходимо поставить на «Восток» запасной тормозной двигатель, работать над осуществлением мягкой посадки, добиваться дальнейшего усовершенствования связи, телевидения, а также объема и качества научных исследований». Королев утверждал, что невесомость можно использовать для лечебных целей, что врачи — консерваторы, а могли бы уже сейчас снизить требования по медицине к желающим стать космонавтами. Королев уже несколько раз высказывал мысль о возможности пассажирского сообщения через космос в недалеком будущем: «Час страха — и вы на Кубе», «Час переживаний — и вы во

Владивостоке». Я убежден, что Королев прав: пассажиры будут летать в космосе, но возможность таких полетов появится не как результат милости врачей, а как итог упорного труда ученых и конструкторов, в результате которого будут созданы новые космические корабли, где условия полета будут близки к условиям полета на пассажирских самолетах.

Я посоветовался с Сергеем Павловичем по новым кандидатурам на пост начальника Центра подготовки космонавтов. За последнее время я ознакомился с личными делами семи генералов, трое из них — Астахов, Кузнецов и Сизов неплохие кандидаты, но любого из них нужно минимум год вводить в курс дела и еще далеко не ясно, сумеют ли они вжиться в сложную обстановку Центра. У меня все больше крепнет мысль о назначении на эту должность Гагарина. Гагарину 29 лет, он хорошо знает дело и людей. Правда, он занят учебой в академии, у него нет еще высокой требовательности к подчиненным, мало опыта организационной и административной работы, но это не непреодолимые препятствия. Я сам в его возрасте командовал авиационной бригадой и командовал хорошо. Против назначения Гагарина категорически возражают Руденко и Вершинин. Мне предстоит серьезная и, может быть, длительная борьба, но Гагарин будет начальником Центра.

Звонил Сербин и предупредил, что возможна поездка Терешковой и Быковского в Чехословакию во второй половине августа. Только что звонил из ЦК Усков и просил прислать к 11:00 Терешкову в ЦК к Миронову. Хрущев поручил Миронову рассмотреть вопрос о посмертном присвоении звания Героя Советского Союза Никитину Николаю Константиновичу. Этот вопрос подняла Терешкова перед Хрущевым на встрече в индийском посольстве. Сегодня на своем заседании Военный Совет ВВС принял решение не ходатайствовать о присвоении звания Героя Советского Союза Никитину. Военный Совет решил представить генерала Н. Ф. Кузнецова на должность начальника Центра подготовки космонавтов ВВС. Заходил Кузнецов, я около часа беседовал с ним. Кузнецов произвел на меня хорошее впечатление. Правда, он немного страшится новизны дела и необычно высоких связей (Главком, министр, ЦК, правительство). Создавшаяся в Центре обстановка и «опыт» космонавтов по обходу и отмене решений начальника Центра создадут для Кузнецова большие трудности. Ему

потребуется много такта, времени и помощи с моей стороны, чтобы установить хорошие, душевные отношения между начальником и подчиненными.

Завтра 12 космонавтов с женами собираются поехать на рыбную ловлю в Переславль-Залесский. Поручил полковнику Масленникову организовать и возглавить эту поездку. Продолжается поток приглашений и награждений космонавтов, писем и телеграмм для них. Вьетнам присвоил Быковскому и Терешковой звания Героев Труда НРВ, итальянский союз женщин наградил Терешкову «Золотой мимозой» и просит приехать в Италию в удобное для нее время и т. д.

28 июля. Дача «Заборье».

Все были на даче. Оля была очень довольна приездом родителей. Ремонт подходит к концу. Помогал стекольщику, убирал за ним, вывозил мусор. Весь ремонт будет стоить 1200–1300 руб., только за работу придется уплатить около 800 рублей. Больше всех устает от ремонта Муся, она по 16 часов на ногах и непрерывно работает. С 1 августа пойду в отпуск и сделаю все возможное, чтобы дать Мусе отдохнуть.

29 июля.

Рабочий день начался со звонка Главкома. Вершинин знал, что Терешкову к 11 часам вызывает в ЦК КПСС заведующий административным отделом Миронов Николай Романович для беседы по поводу ее обращения к Хрущеву с ходатайством о посмертном присвоении звания Героя Советского Союза Никитину. Главком сообщил, что Миронов до встречи с Терешковой хотел бы побеседовать со мной. Вершинин рассказал мне и о решении Военного Совета ВВС, высказавшегося против присвоения звания Героя Никитину, но поддержавшего предложение о выделении пенсий его матери, жене и дочери. Он повторил все то, что я знал о Никитине полнее его, он убеждал меня в необходимости отстаивать решение Военного Совета. Одновременно он сказал, что удивлен нескромностью обращения Терешковой к Хрущеву и рядом необдуманных обращений космонавтов в ЦК КПСС и другие высокие инстанции с различными просьбами. Гагарин и Титов обратились в ЦК с просьбой присвоить звание генерала полковнику И. Ф. Шипилову редактору журнала «Авиация и космонавтика». Еще раньше Гагарин «представлял» своих друзей-физкультурников к званию «Заслуженный

тренер СССР». Я признал, что отдельные случаи нескромности имеют место. Но обращение Терешковой объясняется в первую очередь тем, что все космонавты очень уважали Никитина, любили его как выдающегося мастера своего дела и считают себя многим обязанными ему. Кроме того, жена Никитина усиленно добивалась помощи Терешковой в установлении ей и ее дочери персональной пенсии.

В 10:30 я вместе с Усковым зашел к Миронову. Я уже несколько раз встречался с Мироновым и с другими заведующими отделами ЦК КПСС. Миронов, Сербин, Ильичев, Пономарев, Андропов — все они производили на меня впечатление «середнячков». Мне легко удалось убедить Миронова в правильности позиции ВВС, и к моменту прихода Терешковой (а она появилась ровно в 11:00 «Как учили») он был достаточно подготовлен к разговору с ней. Миронов пытался убедить Терешкову в том, что за год и три месяца она, естественно, не могла знать Никитина так, как его знали люди, работавшие с ним 10–12 лет. Все члены Военного Совета ВВС лично хорошо знали Никитина и все они единодушно высказались против присвоения ему звания Героя Советского Союза. Главная причина такого решения в том, что Никитин погиб не при выполнении ответственного задания, а при тренировочном прыжке, производимом по его инициативе и со значительными нарушениями. Кроме того, у Никитина были и другие серьезные недостатки. Терешковой было не совсем приятно вести эту беседу, но Миронов вел разговор тактично и умно. В конце разговора он заявил Терешковой, что ее обращение к Н. С. Хрущеву было полезным, пенсию семья Никитина получит, но для присвоения звания Героя оснований нет.

Из ЦК Терешкова поехала к Постникову, а около 15 часов она и Гагарин были у меня. Уточнили все вопросы с отпусками. Терешкова вместе с матерью, братом и тетей выезжает на Кавказ поездом. Гагарин высказался против того, чтобы размещаться в одном люксе с семьей Поповича: Марина очень шумлива, а Наташа тем более. Для Вали это малоподходящая компания. Но, кажется, придется Гагариным и Поповичам терпеть друг друга и отдыхать в Гурзуфе под одной крышей. Мы почти не говорили с Терешковой по поводу нашего пребывания в ЦК, не спрашивал нас об этом и Гагарин, но я чувствовал, что оба они не совсем довольны решением Военного

Совета. Я пытался им объяснить, что, ходатайствуя за своих знакомых, они иногда оказывают своим протеже «медвежью услугу».

30 июля.

Был Титов, он завтра вместе с Тамарой поездом выезжает в Киев. Герман, как всегда, суетлив, подвижен, измят и не брит, но одновременно умен и увертлив. Ему трудно «наступить на хвост», а «хвост» у него есть, и довольно длинный. Германа я направил к Руденко для душеспасительного разговора (по поводу просьбы дать генерала Шипилову). По этому же поводу сегодня к Руденко приедет Гагарин. Юра звонил мне два раза, он не собирался сегодня быть в Москве, но, узнав о желании Руденко увидеть его, приехал. Мы говорили с ним о возможности выдвижения его кандидатуры на должность начальника ЦПК. Такое назначение может состояться, хотя Руденко и Вершинин против этого. Гагарин из шестерки космонавтов самая колоритная фигура, и из него может получиться хороший начальник. Единственное, что смущает его и меня — это его учеба в академии. Академию ему нужно окончить обязательно, а совмещать учебу с такой ответственной должностью будет трудно.

Между прочим, сегодня Вершинину звонил Усков из ЦК и рекомендовал подумать над совмещением должности начальника Центра и моей должности с назначением двух толковых заместителей. Вершинин отверг это предложение, а я сказал ему, что третий раз «повышаться с понижением» мне просто неудобно (командующий Воздушной армией, первый заместитель начальника Главного штаба ВВС, заместитель начальника боевой подготовки ВВС по космосу), и поблагодарил за доверие. Должность начальника ЦПК ВВС очень интересная и важная, но я давно уже перерос ее. Откровенно говоря, мне уже надоело слышать непрерывные похвалы моим способностям со стороны начальников и одновременно их опасливое поглядывание в мою сторону. Вершинин, а теперь и Руденко согласны всю жизнь держать меня рядом с собой, но в упряжке.

После разговора с Руденко Гагарин опять заходил ко мне, и мы продолжили наш разговор. Гагарин не торопился давать согласие на его назначение на должность начальника ЦПК, да и мы оба хорошо понимаем, что до этого еще далеко. Одновременно мы знаем и другое: Гагарин и Каманин вместе могут сделать очень много. После того, как

мы взвесили все за и против, решили добиваться назначения (в перспективе) Гагарина на должность начальника Центра.

Маршал Баграмян принял «умнейшее решение»: «Не разрешаю Поповичу и Быковскому брать детей на курорт». Путевки у обоих были уже на руках, и им дали согласие ехать с детьми. Узнав о запрещении брать детей, Попович и Быковский вернули путевки и заявили: «Поедем дикарями». Получается действительно по-дикому. Я пошел к Руденко и попросил его переговорить с Баграмяном. Руденко не придумал ничего умнее, как сказать: «За детей космонавтов я не ходатайствовал и не буду». Доложил о сложившейся ситуации Вершинину — Главком возмутился этой глупостью и позвонил маршалу Гречко, но Гречко был в Кубинке, и вопрос повис в воздухе. Завтра рано утром надо вылетать на курорт, а разрешения на задуманный отдых нет. Глупость величайшая, и она так часто проявляется у начальства, что уже перестаешь удивляться. Сейчас опять пойду к Вершинину «воевать» за детей космонавтов и за сохранение нервов у их отцов. А у ребят нервы пока еще очень крепкие, в противном случае кто-либо из них уже написал бы жалобу в ЦК.

31 июля.

Самолет Ил-14 с группой обслуживания во главе с майором Никерясовым вылетел вчера в «Чемитоквадже». Сегодня утром улетел второй самолет с космонавтами, а завтра полетят еще два самолета. Всего в «Чемитоквадже» будут отдыхать более 80 человек (космонавты, слушатели-космонавты, их жены и дети) — это первая попытка организовать отдых для космонавтов средствами ВВС. Будут, конечно, и недостатки в этом деле. Придется мне самому обязательно побывать в «Чемитоквадже» и разобраться во всех вопросах строительства и превращения этого рядового дома отдыха в хороший санаторий для космонавтов. Главком с 8:30 уже на работе, я заходил к нему и напомнил о необходимости решить с Гречко вопрос о детях Поповича и Быковского. Вершинин обещал сегодня до 12 часов решить этот вопрос.

Говорил по «кремлевке» с Усковым (административный отдел ЦК КПСС) о Гагарине как кандидате на должность начальника ЦПК. Усков считает, что Гагарин пока еще недостаточно подготовлен для такой работы. Он еще раз высказался за объединение моей должности

с должностью начальника ЦПК и назначение генерала Кузнецова моим заместителем. Такой вариант мне не нравится, я так и сказал об этом Ускову. И дело не только в том, что должность начальника ЦПК ниже моей (оклад и служебная категория ниже, хотя последняя и входит в номенклатуру ЦК), а, главным образом, потому, что я физически не смогу уделять достаточное внимание Центру. Для дела крайне необходимо, чтобы начальник Центра каждый день был рядом с космонавтами.

Звонил из ЦК Миронов и передал, что вчера принято решение ЦК о том, чтобы всеми заграничными поездками космонавтов занимался административный отдел ЦК КПСС. Решено, что первая заграничная поездка Терешковой и Быковского будет не в Болгарию, а в Чехословакию, в середине августа. Миронов дал указание готовить материалы по поездке в Чехословакию, но ни у нас, ни в МИДе нет приглашения от чехов. По-видимому, состоялось соглашение о поездке между Хрущевым и Новотным, но официальных документов пока еще нет. Звонил Вершинин, он встречался с Гречко и получил его согласие отправить Поповича в Гурзуф с женой и дочкой. Разрешения на поездку Быковского с женой и ребенком в «Фабрициус» Гречко не дал, он предложил поехать Быковскому с ребенком в санаторий имени Ворошилова. Я доложил маршалу, что Быковский отказался от путевок в «Фабрициус» и взял путевки в санаторий «Салют» в Сочи. Таким образом, все вопросы организации отдыха космонавтов улажены, и завтра все ребята улетают на Кавказ и в Крым.

Был у меня Андриян Николаев. Между нами состоялся очень откровенный разговор о его взаимоотношениях с Терешковой, об их планах на будущее, об учебе Терешковой и о перспективах присвоения ему очередного воинского звания. Андрияну скоро уже 34 года, и в сравнении с другими космонавтами он обижен в звании. Юридически за полет в космос ему дали внеочередное звание «майор», а фактически оно было очередным, так как до полной выслуги в звании «капитан» ему оставалось ходить ровно два месяца. О своих взаимоотношениях с Терешковой Николаев сказал, что она еще до своего полета оказывала ему внимание и он надеется, что их дружба и взаимное уважение будут крепнуть. В этом я его не понимаю. Что-то ему мешает жениться, а что — этого никто не знает. Я несколько раз говорил с ним о женитьбе и всегда получал ответ: «Много работы,

очень занят» и т. п. Боюсь, что здесь замешана пока неизвестная нам женщина.

1 августа.

Рано утром двумя самолетами Ил-14 космонавты и слушатели-космонавты с семьями вылетели в Гагры для отдыха в «Чемитоквадже». Быковский вылетает самолетом ГВФ, а Гагарин и Попович на самолете Главкома полетят в Крым. Главком сегодня с ними не полетел, ему в пятницу надо быть на заседании Президиума ЦК КПСС, но отпуск у него уже начался, и его семейство уже вылетело в Алушту. Звонили из Сочи полковник Глинка и майор Никерясов: «Прибыли, разместились, все довольны, жалоб нет». Полковник Трофимов доложил, что Попович сегодня не улетел в Крым, а уехал в Калининскую область к родителям жены, — я совсем забыл, что Попович по телефону просил у меня разрешение на эту поездку. Итак, все космонавты в отпуске. Можно дать отпуск и большинству личного состава Центра, института и космического аппарата ВВС.

На этом можно было бы и закончить очередную тетрадь дневника, но мне хочется записать немного о том, каким мне видится будущее Быковского и Терешковой. Быковский — человек средних способностей и крепкого здоровья. Он единственный из шестерки наших космонавтов, кто не просто хорошо перенес невесомость, а наслаждался ею. Быковского необходимо поддерживать в космической форме для большого ответственного полета, например, для полета вокруг Луны.

Более сложной и более значимой представляется мне будущая деятельность Терешковой. Сама Валя, все космонавты, руководство Центра и руководство ВВС мыслят прямолинейно и просто: «Назвалась груздем — полезай в кузов». Стала летчиком-космонавтом — поступай в академию Жуковского, будь инструктором-космонавтом и готовься стать инженером. Валя уже несколько раз заявляла: «Буду и дальше летать в космос, буду заниматься парашютным спортом». Такой путь на первый взгляд кажется вполне естественным и единственно правильным. Но я иначе представляю себе будущее Терешковой. В первый полет можно было послать и Соловьеву, и Пономареву. Я уверен, что полет они выполнили бы не хуже, а даже лучше Терешковой, но после полета их можно было бы использовать

только как космонавтов. Недаром же я «воевал» за Терешкову с Руденко и Келдышем. Терешкова может и должна быть не просто первой женщиной-космонавтом. Она умна, у нее есть воля, она производит на всех очень хорошее впечатление и может отлично выступать на любой самой высокой трибуне. Из Терешковой необходимо сделать большого общественного деятеля, она с честью и блеском будет представлять Советский Союз на любом международном форуме. Через 2–3 года она с успехом может заменить таких наших женщин, как Попова, Фурцева, Миронова и многие другие. Терешкова как руководитель женской общественной организации СССР и международных женских организаций сделает для страны, для нашей партии в тысячу раз больше, чем она в состоянии сделать в космосе. Короче говоря, неразумно было бы не использовать широко и всесторонне тот огромный авторитет, который приобрела Терешкова в результате своего полета в космос. Я убежден, что наша «Чайка» еще долго полетает над миром, прославляя нашу партию, идеи Ленина, коммунизм и привлекая на нашу сторону миллионные массы людей, и особенно женщин.

2 августа.

Вчера закончил предыдущую тетрадь дневника. Думал, что теперь долго не возьмусь за перо, но писать стало уже привычкой. В этой новой тетради, видимо, почти ничего не будет об очередном космическом полете. Скорее всего, пилотируемых полетов в СССР не будет до апреля-мая 1964 года, а может быть, и до более позднего срока. Вторая половина 1963 года будет заполнена работой над усовершенствованием кораблей «Восток», работой над «Союзом», пусками небольших спутников, «Зенитов», лунников, текущей подготовкой космонавтов и большими заграничными поездками Терешковой, Быковского, Гагарина и других космонавтов. Я принимал все меры, чтобы отделаться от заграничных поездок с Терешковой и Быковским, убедил Вершинина, что с этим делом могут справиться Горегляд или Аристов. Но в ЦК поездкам Терешковой придают очень большое значение, план ее поездок вчера рассматривал Президиум ЦК КПСС. Принято решение о том, чтобы я был руководителем делегации при первых выездах Терешковой за границу. Мне предстоят минимум 3, а может быть и 5–6 заграничных поездок. Первые поездки намечены в Чехословакию, Болгарию, Италию.

Сегодня я занялся разбором бумаг и документов, хранящихся в моем сейфе. Общее количество писем и телеграмм, адресованных космонавтам, давно перевалило за 200 тысяч. Всю эту массу бумаг плохо переваривает даже специальная комиссия, а космонавты не видят и тысячной доли этой писанины, среди которой попадаются, конечно, и очень интересные письма. Книги, статьи, ответы на приветствия, подарки и письма занимают у космонавтов очень много времени, мешают им работать, учиться и отдыхать.

После полета Терешкова устала значительно больше, чем при подготовке к нему и в самом полете. Она стала необычно раздражительной, резкой, иногда даже невыдержанной. В. В. Беликов рассказал мне о нескольких случаях ее нетактичного обращения с корреспондентами в Ярославле. С Терешковой еще надо много работать, многому научить, во многом убедить, чтобы она поняла свое положение и делала поменьше ошибок. В Центре мало людей (пожалуй, только Гагарин и Карпов), которые смогут оказать ей реальную помощь в этом деле. На отдых вместе с Терешковой я послал Евгению Павловну Кассирову (работник КГБ) — очень опытную и хорошо образованную женщину, которая много раз была за границей, отлично знает английский язык и умеет держать себя в обществе. Мы договорились с ней о методах ее влияния на Терешкову. Кассирова будет сопровождать Терешкову во всех ее заграничных поездках.

Сегодня из ЦК КПСС звонил Усков и два раза — Сербин. Оба разыскивали материалы по поездке Терешковой в Чехословакию. Я сказал Сербину, что я выслал их на имя Миронова по его требованию. Сербин был удивлен и переспросил — сам ли Миронов просил об этом. После второго его звонка я понял, что все материалы уже у Сербина и он будет их докладывать руководству ЦК. Даже начальники отделов ЦК дерутся между собой за честь быть «поближе к космосу».

В последнее время я категорически отказываюсь от выступлений в печати, по радио и телевидению. Слишком много людей, и не только в ВВС, но и в ЦК (Сербин, Козлов, Строганов), которые любое упоминание моего имени воспринимают как стремление поживиться за счет славы космонавтов. Можно было бы и не обращать внимания на их ревность, но они могут портить настроение, мотать нервы и причинять другие неприятности. Когда я с Терешковой был в ЦК у Миронова, она сказала: «К Николаю Петровичу мы идем, как к

родному отцу. Он нам, космонавтам, настоящий отец». Быть все время рядом с космонавтами (набор, подготовка, старт, полет, встречи, поездки, советы и наставления) и не обжечься их славой невозможно, и эта слава уже дает о себе знать. Два дня назад Вершинин настоятельно рекомендовал мне выступить 5 августа по телевидению по случаю второй годовщины полета Титова. Сегодня утром маршал Руденко сказал, что Вершинин предложил ему выступить 5 августа по телевидению и спросил, не звонил ли кто мне по этому поводу. Я ответил, что кроме Вершинина ни с кем об этом не говорил. А сейчас мне позвонил главный редактор телевидения Сатончиков и настоятельно просил меня выступить. Я дал согласие подготовить материал и доложу, точнее, попрошу маршала Руденко, чтобы выступил он.

Я слишком хорошо знаю жизнь и очень много работаю, чтобы заниматься погоней за известностью, да я и не обижен в этом отношении. Меня еще хорошо помнят сверстники, знает и молодежь. Вот эта довольно широкая моя известность, а также уважение и любовь, которые проявляют ко мне космонавты, не нравятся кое-кому из руководства ВВС (Руденко, Пономарев, Брайко). Да, я никогда не согласовывал свои мысли и планы с пожеланиями начальства и не буду этого делать и впредь.

3 августа.

Из Сочи вчера звонил Никерясов, сообщил, что все разместились нормально, никаких претензий нет. Сегодня день рождения Быковского, а через день — Шонина. Передал им поздравления от Главкома и от себя.

Вчера день был не такой напряженный, как обычно, но устал я больше, чем уставал в самые «горячие» дни. Временами сердце напоминает о себе, глухие головные боли, резь в глазах и иногда легкое покачивание — все это признаки высокого кровяного давления. Регулярно лекарства не принимаю, можно было бы нормально работать и вообще без лекарств, но уж очень много всякого рода неприятностей и по работе, и в семье. На работе мелкие, но очень неприятные уколы наносят завистники, они настойчиво атакуют меня со всех сторон. Эти атаки я всегда легко отбивал, они редко выводят меня из равновесия, но нервы, конечно же, портят.

12 августа.

Больше недели не брался за дневник — эту неделю я был в «отпуске». Да, на службе я не был, но сказать, что я не работал, не могу. Ежедневно с 6 утра до 9 часов вечера я непрерывно был занят работой, но это была физическая приятная работа. Я был маляром, слесарем, шофером, плотником, водопроводчиком, электриком, газовщиком, дворником — кем я только не был. Физический труд мне полезен, и я отдыхаю работая. Всю неделю на даче продолжался ремонт, и только вчера рабочие закончили работу и ушли. Ремонт тянулся более месяца и всем порядочно надоел. Больше всех досталось Мусе. Состояние жены меня очень беспокоит, она ревнует меня ко всему космическому. Ей кажется, что я безразличен к ней, к семье и все свои думы и помыслы отдаю только космосу. Нет, ты неправа, Муся! Я люблю тебя, люблю Олю и Леву. Интересы семьи — это мои интересы. Но должен признаться, что и к космическим делам я неравнодушен. Я жалею, что мой возраст (18 октября 1963 года «стукнет» уже 55 лет) и здоровье не позволяют мне полететь в космос самому, но я надеюсь, что буду активно участвовать в подготовке первого полета человека вокруг Луны и на Луну. Ради такой цели можно и нужно работать, даже с риском попортить свое здоровье и укоротить свои земные хлопоты. Но я не хочу и не имею права для любой самой высокой цели рисковать здоровьем жены, а она так прямо и говорит: «Твоя работа портит мне жизнь». Если бы я был уверен, что дело обстоит именно так, я бросил бы работу и ушел в отставку. Муся об этом мечтает, но отставка может только ухудшить положение во всех отношениях и не принести жене желаемого успокоения.

Генерал Горегляд доложил, что за прошедшую неделю все было нормально. Ему звонили Гагарин и Быковский, доложили, что отдыхают хорошо. Из «Чемитоквадже» звонил Никерясов, там тоже все в порядке. Сегодня самолетом ГВФ из Сочи прилетает Терешкова. К ее поездке в Чехословакию все готово. Завтра в чехословацком посольстве будет прием, на который пригласили всю нашу делегацию в полном составе, будут также работники ЦК и МИДа. Звонили из Верховного Совета и требовали прислать Терешкову на встречу с Манолисом Глезосом (Греция), а от Малиновского передали, чтобы она была на завтраке у индийского посла на индийской выставке в Сокольниках. Звонили из ТАСС, радио и газет — все хотят встретиться с Терешковой. Я еще не был у Руденко, исполняющего обязанности

Главкома в отсутствие Вершинина, да и не хочется к нему идти, а к Вершинину я всегда иду с удовольствием.

14 августа.

Вчера ко мне приезжала Терешкова, и мы более двух часов занимались подготовкой к поездке в Чехословакию. Рассмотрели два типовых выступления, изучили план поездки, подготовили подарки чехословацким товарищам (книга «Ждите нас, звезды», коробки с макетами «Востоков», фото, значки и т. д.). У Терешковой и Кассировой я поинтересовался их впечатлениями о «Чемитоквадже». Обе заявили: «Очень жарко, душно, но есть все условия для хорошего отдыха». А Валя добавила, что с удовольствием занималась подводным спортом и изучением английского языка. Кассирова довольна ее первыми успехами в английском.

Редактор журнала «Авиация и космонавтика» полковник Шипилов доложил, что в редакции скопилось около 10 тысяч писем от желающих поступить в космонавты, и просил решить, что с ними делать. Я приказал начальнику ЦПК выделить пять офицеров и поручить им в недельный срок прочитать все письма, зарегистрировать их и дать ответы. Полковнику Карпенко дал указание лично проконтролировать эту работу.

Ко мне заходил первый заместитель начальника ГКНИИ ВВС генерал Молотков. Он уже несколько раз просился на должность начальника ЦПК. Желающих занять эту должность очень много, но я окончательно убедился, что Гагарин был бы самым подходящим кандидатом. Большинство наших руководителей одряхлели и преувеличивают свои возможности.

17 августа. Карловы Вары.

Я очень хотел начать эти путевые заметки 15 августа — в день вылета из Москвы в Прагу, — но все эти три дня были так плотно загружены, что на отдых и сон оставалось не более 4–5 часов в сутки. В эти дни я писал довольно много, но это были тексты выступлений Терешковой и другая писанина по поводу нашей поездки в Чехословакию. Сейчас 20:10 по местному времени, уже больше часа мы в отеле. Разместились в гостинице «Москва»: Валя — в 260-м номере, а я — в 264-м. Валя уже выступала с балкона своего номера, но несколько тысяч человек продолжают стоять под ее балконом и на набережной реки и настойчиво просят ее выйти еще. Сегодня Карловы

Вары «сошли с ума», за всю свою многовековую историю они никогда не видели таких встреч.

18 августа.

Рано утром были у источников, пили целебную воду. Видели дома, где останавливались Петр-I, Гоголь, Карл Маркс, Гейне. Нас сопровождала группа чехословацких товарищей. Поднимались к памятнику Петру-I, оттуда Карловы Вары были видны, как на ладони. Хороший, чистый, красивый курортный городок, основанный 600 лет тому назад Карлом-IV. Осмотр города мы закончили к семи часам, и нам никто не помешал. Валя осталась очень довольна прогулкой. Но она мало спит — 5–6 часов в сутки, и ее утренний вид оставляет желать лучшего. Вечером курортники с кружками вновь потянулись на «водопой» к источникам, всего их 12. Температура воды от 40 до 72 градусов, на вкус она неприятна, но полезна для желудка. Пьют воду из всех 12 источников, но больше всего из 13-го — там вино. Через несколько минут будем завтракать и поедем на правительственную дачу «Орлик»…

К сожалению, из-за недостатка времени я не смог ничего больше записать о пребывании Терешковой в Чехословакии. Коротко можно сказать, что это было триумфальное шествие по дружественной стране, весь народ которой горячо приветствовал ее не по приказу, не по чувству долга и необходимости, а по велению сердца.

5 сентября.

С 15 по 21 августа был в Чехословакии. Правительство и народ встречали Терешкову, пожалуй, даже теплее и сердечнее, чем Гагарина, хотя тогда казалось, что более теплой встречи быть не может. Поездка прошла очень хорошо, жаль только, что ее программа была настолько плотной, что у меня не было ни минуты для записей в дневник.

С 22 августа по 5 сентября я отдыхал на даче. Наши отношения с Мусей за эти дни ничем не омрачались. Мы нужны друг другу, как и 30 лет тому назад. За эти долгие годы могли несколько поутихнуть страсти, но окрепли более надежные связи: семья, дружба, взаимное уважение и сила привычки. На три дня мы с Мусей и Оленькой ездили на автомашине в Меленки. Оля перенесла дорогу отлично. Положение мамы почти не изменилось. Ей уже 85 лет, последние четыре года она не может ходить, но сама садится в постели. Зрение, слух, память у нее

еще хорошие, сердце работает отлично. Мама всегда была для всех нас примером, четыре года тяжелой болезни не сломили ее.

Сегодня у меня были Терешкова и Быковский, более двух часов готовились к поездке в Болгарию.

6 сентября.

В АПН провели встречу Терешковой с издательницей французского женского журнала мадам Оклер. Потом Терешкова, Быковский и я были на болгарской выставке в Сокольниках, а оттуда поехали в болгарское посольство. Прием прошел хуже, чем в чехословацком посольстве. Посол Герасимов держался суховато, хотя и обещал, что Болгария встретит космонавтов лучше Чехословакии. В посольстве провели встречу с болгарскими журналистами. Терешкова на вопросы отвечала свободно и удачно, а Быковский был несколько скован, односложен и менее удачен в ответах.

Вчера Николаев справлял день своего рождения, ему исполнилось 34 года. На вечере была и Терешкова. После полуночи от Николаева уехал капитан Баранов, его бывший сослуживец, приехавший из Горького на своем «Москвиче». От Николаева Баранов поехал в Горький через Балашиху, там его остановила милиция, отобрала права и ключи от машины. Николаев и Терешкова поехали в Балашиху «выручать» друга. В крупном разговоре с милицией Терешкова якобы выкрикивала: «Вам надоело работать в милиции, мы вам поможем освободиться от этой работы». Главком, Рытов и Брайко узнали об этом происшествии от заместителя министра внутренних дел Петушкова. Главком мне заявил: «Твоя Терешкова вчера ночью в пьяном виде устроила скандал с милицией». Я ответил ему, что Терешкова не могла быть пьяной и, по-видимому, сведения, имеющиеся у Главкома, требуют проверки.

Разговаривал сегодня с Николаевым и Терешковой. Они оба признали, что им не следовало вмешиваться в конфликт между выпившим капитаном и милицией, но категорически отрицали, что Терешкова нетактично вела себя с милиционерами. Я сказал Терешковой, что не уверен в том, что она излишне не погорячилась, так как случаи вспыльчивости у нее уже были раньше. Валя вынуждена была согласиться, что несдержанность у нее иногда проявляется, а в данном случае ее возмутило хамское отношение милиционеров к капитану. Я строго указал Николаеву и Терешковой,

что они сделали большую глупость, защищая пьяного нарушителя. Сам факт появления космонавтов на месте происшествия уже скверное дело, а попытка защищать товарища, «пострадавшего» по пьянке, совсем не к лицу Терешковой.

7 сентября.

У меня был генерал Одинцов, он вернулся из Крыма и через неделю должен приступить к исполнению обязанностей начальника ЦПК. Военный совет ВВС решил освободить его от этой должности, а министр Малиновский не разрешает снимать его с работы. Главком притих и боится идти против министра. Но я твердо уверен, что Малиновский ошибается и делает глупость, отменяя решение Военного Совета. Буду принимать все необходимые меры, чтобы убрать Одинцова из ЦПК.

Завтра в 7:15 я, Терешкова и Быковский вылетаем в Болгарию.

8 сентября. Борт самолета Ту-124 — София.

Полет от Москвы до Софии займет 2 часа 45 минут. При вылете в Москве был небольшой дождь, по маршруту — сплошная облачность. Корреспондентам не разрешили лететь с нами. В нашей делегации девять человек: Терешкова, Быковский с женой Валей, Кассирова, Белов, Черединцев, Копалин, Головин и я — компания слетанная. В этом же составе, кроме Быковских, мы уже летали в Чехословакию.

Пролетаем границу с Румынией. Облачность кончилась, идем над районом Бакэу, где 19 лет тому назад мы вели бои с немцами за освобождение Румынии и Болгарии. В августе 1944 года мой авиационный корпус перелетел из Польши в Румынию. Боевая работа началась в районе Плоешти — Брашов и продолжалась до освобождения Праги в мае 1945 года.

Ровно в 9:00 по местному времени состоялась встреча космонавтов на аэродроме Софии. Наш посол в Болгарии Н. Н. Органов представил Терешкову, Быковского и остальных членов нашей делегации министрам и дипломатам. На аэродроме с приветствием к космонавтам выступил член Политбюро БКП Енчо Стайков. С ответным словом выступили Быковский и Терешкова. Разместились в правительственной вилле «Бояна» в чудесном парке у подножия горы Витоша. Органов, я и секретарь ЦК Лычедар Аврамов уточнили и согласовали программу нашего пребывания в Болгарии. Программа не перегружена, предусмотрен достаточный отдых. Я

предложил Аврамову включить дополнительно 3–4 встречи с рабочими, он очень охотно с этим согласился.

9 сентября. София.

Вчера в 17:00 в ЦК партии состоялось вручение Терешковой и Быковскому звезд Героя социалистического труда Болгарии и орденов Димитрова. В 19 часов началось торжественное заседание в оперном театре, посвященное 19-й годовщине Народной Республики Болгарии. После официального доклада выступила Терешкова, а за ней — Быковский. По окончании заседания был большой концерт. Ансамбль армии и оркестр государственной филармонии исполнили несколько болгарских народных, военных и партизанских песен. На русском языке спели «Хотят ли русские войны», арию князя Галицкого отлично исполнил известный певец Николай Гяуров. На концерте мы были в ложе с Тодором Живковым. Зрители очень тепло приветствовали космонавтов…

Только что (в 23:30) вернулись с правительственного приема в честь празднования 19-й годовщины НРБ. Прием провели в отеле «Балкан», были министры, послы, депутаты. С советской стороны, кроме нашего посла Органова и посольских работников, в приеме участвовали Епишев, Зорин, Кербель с женой и наша делегация. Тодор Живков поздравил всех с праздником и предложил тост за болгарский народ и за дружбу с Советским Союзом. Потом выступали артисты. Живков и обе Вали участвовали в танцах, а мы с Валерием и Органовым отстоялись в толпе…

Утром был военный парад. Терешкова, Быковский и я стояли на трибуне мавзолея Димитрова. После парада до полудня продолжалась очень красочная демонстрация. Народ тепло и дружно приветствовал советских космонавтов. С 13 до 15 часов Живков, Аврамов, Органов, Епишев, Зорин и наша делегация обедали на вилле «Бояна». Была длинная непринужденная болтовня. Живков — хороший рассказчик, он много смеется, любит шутку и острое слово.

10 сентября.

Двое суток, проведенные в Софии, уже дают возможность составить представление о народе и стране. Болгарский народ — большой и искренний друг советского народа, он трудолюбив и талантлив. За 19 лет народной власти страна многого добилась в развитии хозяйства и культуры. Среди руководства НРБ много

товарищей, которые долгие годы жили в СССР. Секретарь ЦК БКП Аврамов учился в Москве в средней школе и энергетическом институте, в 1941 году был на парашюте высажен в Болгарию, а его отец, коммунист, был доставлен в Румынию на подводной лодке и погиб в боях с фашистами. Генерал армии Михайлов долго работал у нас, женат на русской. Председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы Идоль Драгойчева долго жила в СССР. Я с ней встречался в 1934 году в Москве. Все руководство НРБ искренне выступает за дальнейшее укрепление дружбы с нами. Вера Начева (член ЦК БКП, ей 60 лет, бывшая партизанка) сказала мне буквально следующее: «Хотя мы и сателлиты, но мы не обижаемся, наш народ любит Советский Союз, и мы готовы в любой момент стать 17-й республикой великого Советского Союза».

Только что (в 20:30) приехали в бывшую царскую усадьбу Кричим (40 километров западнее Пловдива).

11 сентября.

Встал в 5 часов и минут 30 погулял по парку. Когда-то Кричим был поместьем султана, где для него выращивали и холили лошадей. После освобождения от турецкого ига здесь было охотничье хозяйство болгарских царей. В парке много мощных дубов в возрасте 500–600 лет. Вековые ели, чинары, каштаны, лиственницы украшают парк. В лесу и на полянах гуляют фазаны и лани. Вчера мы обедали на открытом воздухе у подножья Пиринских гор в домике обкома. Пиринские горы очень красивы, покрыты густым лесом, а самые высокие вершины покрыты снегом. Здесь были базы болгарских партизан. Теперь здесь установлен памятник знаменитому болгарскому партизану Асену Лагадинову. Валя и Валерий на его могилу возложили венки. Лагадинов первым в Болгарии начал партизанскую борьбу против немцев. 25 июня 1941 года он один уничтожил 15 немцев. Погиб Лагадинов в 1944 году в возрасте 23 лет: его заманили в засаду и убили. Ужинали вчера вместе с подругой Терешковой Веселиной Стефановой. Валя и Веселина еще девочками (в 1953 году) начали между собой переписку. Веселина сохранила более 15 писем Терешковой и ее фото детских лет. И вот через десять лет они встретились. Веселина была с мужем — старшим лейтенантом болгарской армии, — у них есть 4-летняя дочь. Веселина и Валя обменялись подарками и весь вечер провели вместе.

Сегодня были на горе русско-болгарской славы — Шипке. Здесь в 1877–1878 годах болгары и русские разбили турецкие войска и положили конец пятивековому турецкому гнету.

12 сентября.

Вчера мы в 9 часов утра на машинах выехали из Кричима, проехали через Пловдив, возложили венки у памятника русским и советским воинам. Памятник, фигура советского солдата, расположен на высокой горе, с которой Пловдив, второй по величине город Болгарии, как на ладони. Первым секретарем обкома здесь работает родной брат Николая Гяурова. Весь город был на улицах и очень тепло встречал Валю и Валерия. Провели митинг на текстильном комбинате «Марица». Текстильщицы зацеловали «Чайку» и очень неохотно ее отпускали, просили побывать в цехах. Но нужно было строго выдерживать график поездки. Сотни тысяч людей на дорогах, в селах и городах с нетерпением ждали появления космонавтов. Мы проехали через многие населенные пункты. Везде море людей, цветы, приветствия, улыбки и много подарков…

С Шипки мы выехали в город Стара Загора. Здесь остановка не планировалась, но пришлось провести небольшой митинг. Валя и Валерий были избраны почетными гражданами Старой Загоры. Из Старой Загоры на самолете Ил-14 мы перелетели в Бургас. Встреча и митинг в Бургасе превзошли все ожидания: от младенцев до столетних старух все вышли приветствовать космонавтов. Среди встречающих не было равнодушных — такие встречи может проводить только сам народ. Бургас встречал Терешкову и Быковского так, как никогда никого не встречал. Валя выступила на митинге очень хорошо, а Валерий говорил, как всегда, тихо, медленно и без огонька. Из Валерия никогда не получится хорошего оратора, он никогда не сможет «глаголом жечь сердца людей». Таким даром обладает Валя, из нее можно сделать настоящего оратора, но для этого ей нужно еще много работать. Из Бургаса на автомашинах мы доехали до «Солнечного берега». Там отдыхает очень много иностранцев, это новый большой курорт. Поужинали в ресторане и выехали в Варну. К 23 часам добрались до Варны и немедленно все разошлись по своим комнатам. Мне показалось, что молодежь устала от поездки и встреч больше нас, стариков…

Сегодня до обеда у нас выходной день. После завтрака играли в теннис, купались в море, плавали на морском велосипеде, катались на старом катере царя Бориса. Место для отдыха прекрасное: чудесный парк, песчаный пляж, два отличных теннисных корта. 5–6 лет назад здесь был дикий берег и рассадник змей, а теперь это один из лучших курортов Болгарии. Сейчас все наши еще на берегу, а мне захотелось продолжить свои записки.

Вчера Быковский просил разрешения не ездить вместе с Терешковой на текстильный комбинат «Марица». Он сказал, что чувствует себя как-то неловко, когда все приветствуют только Терешкову. В прессе и при официальных встречах все приветствуют Терешкову и Быковского, но народ в 90 случаях из 100 приветствует только Терешкову и «забывает» о Быковском. Кроме того, Валя всегда выступает лучше Валерия, Быковский это хорошо понимает, и чувство неловкости не оставляет его. Я думаю предложить в ЦК, чтобы Терешкова и Быковский ездили за границу отдельно друг от друга. Большие неудобства испытывает и жена Быковского: она стремится всегда быть поближе к мужу, но это в большинстве случаев невозможно — Валерий должен быть рядом с Терешковой. Есть и другие более мелкие, не совсем приятные симптомы возможных недоразумений между космонавтами.

13 сентября. Борт самолета Ил-14.

Летим из Варны в Михайловград. На борту наша делегация, болгарские товарищи: Лучезар Аврамов, Вера Начева, генерал Дмитр Грибчев, а также советник нашего посольства С. И. Пронин. Эти товарищи сопровождают нас во всех поездках по стране. Погода отличная. Валя и Валерий по очереди ведут самолет. Я выиграл у Аврамова две партии в шахматы, но сегодня утром на теннисном корте счет был 2:0 в пользу Лучезара. Сегодня я встал в 5 часов и, пока молодежь спала, успел искупаться в море и сыграть два сета в теннис.

Вчера провели митинг на варнинском судостроительном заводе. Валя выступила хорошо, а Валерий — неважно. Вечером был официальный ужин с местными руководителями… Только что выпили за поддержание дружбы между пассажирами нашего Ил-14 и обменялись адресами.

14 сентября.

Вчера, вылетев из Варны, мы первую посадку произвели в 15 километрах от Плевена. На машинах объехали город и все памятники боевой славы. Встреча была такой же, как в Варне — все, кто может ходить, были на улицах. После Плевена вылетели в Михайловград, где в 1923 году был центр восстания крестьян, которым руководил Димитров. Восставшие четыре дня держали власть, но потом восстание было жестоко подавлено.

Из Михайловграда до Софии ехали на машинах. Вчера лучшему певцу Болгарии Николаю Гяурову исполнилось 34 года. Всем нам хотелось попасть на его концерт, но мы опоздали. Валя и Валерий послали ему свои приветствия. Быковский второй раз настоятельно просил на будущее предусмотреть раздельные с Терешковой поездки за границу. В этом его «подогревает» жена. Обе Вали терпеть друг друга не могут и делают все, чтобы пореже встречаться.

Сегодня утром ездили с Валей и Валерием в универсальный магазин. Магазин открывается в 9, но его специально для нас открыли в 8 часов. Поездка оказалась неудачной: не только невозможно было что-нибудь выбрать и купить, но даже осмотреть магазин было трудно. Все служащие магазина, а их более тысячи, побросали свои прилавки и прибежали приветствовать космонавтов. Мы побыли в магазине 5–7 минут и уехали, при выходе еле пробились через толпу приветствовавших к своим машинам.

Только что заходила Валя, она принесла вопросы, которые нужно будет осветить на пресс-конференции, и высказала свои соображения по ряду из них. Сегодня она не в духе, вчера я вынужден был серьезно предупредить ее за опоздания. В Чехословакии она заставила Новотного ждать ее 20 минут. Тогда у нас был очень крупный разговор, и Валя дала слово, что никогда больше не будет опаздывать. Но она не сдержала своего слова и уже два раза на 10–15 минут опаздывала к завтраку. Ей очень не понравились мои замечания, удивленным тоном она заявила: «Николай Петрович, что тут особенного, я же извинилась за опоздание». К сожалению, она не понимает, что заставлять ждать старших (секретарь ЦК Аврамов, Вера Начева — пожилая женщина, старше ее матери, генерал Грибчев и другие) совсем непростительно. Сейчас, кроме всего хорошего, чем бесспорно обладает Валя, выявляются довольно ясно и недостатки ее характера. Она обидчива, честолюбива, вспыльчива и у нее

развивается властолюбие. К морю цветов и миллионам улыбок я вынужден прибавлять и кое-какое противоядие. Ее нужно держать в руках и «бить» беспощадно (пока еще за мелкие недостатки ее характера) и исправлять пробелы воспитания. Я верю, что она с нашей помощью сумеет локализовать эти мелочи и будет расти человеком с большой буквы, изживая свои недостатки, которые могут заметно портить ее в общем-то хорошее «я».

15 сентября.

Вчера провели встречу со слушателями, преподавателями и служащими военной академии. На встрече были все генералы болгарской армии. Между прочим, я здесь встретил генерал-лейтенанта Кобакчеева, в 1938 году мы с ним вместе учились в академии Жуковского. Сейчас он работает заместителем министра обороны. Валя и Валерий обстоятельно рассказали о своих полетах. После встречи с военными обедали у нашего посла Николая Николаевича Органова. Он нам всем понравился: обаятельный, умный человек. Болгары тоже любят и уважают его. В 16 часов встречались с комсомольцами и молодежью. Встреча была теплой, особенно удачным и красивым было выступление пионеров. В 17:30 провели пресс-конференцию. Каверзных вопросов не было, все заданные вопросы были нам даны часа за три до конференции, и мы успели подготовить на них обстоятельные ответы. Для Валерия это была первая пресс-конференция за границей, но он держался неплохо. Вечером состоялась прощальная встреча с членами политбюро БКП, на которой были наш посол с женой, наша делегация и болгарские друзья по поездкам (Аврамов, Начева, Грибчев). Тодор Живков сказал: «Наш народ очень тепло встречал вас, наши дорогие гости. Эти встречи народа с советскими космонавтами превратились в очень яркую демонстрацию болгаро-советской дружбы, в демонстрацию любви болгарского народа к советскому народу. Наш народ знает и высоко ценит величайшие достижения Советского Союза в развитии науки, техники и в освоении космического пространства». Живков предложил тост за вечную и нерушимую дружбу между нашими народами. Встреча была очень и очень теплой. Расставаясь, Живков всех нас расцеловал и пригласил на отдых в Варну.

Сейчас 9:30, пишу на борту самолета Ту-124. Через два-три часа я увижу Оленьку и Мусю. Я верю, что Муся приедет меня встречать.

Все эти дни мне очень их не хватало, особенно в минуты, когда я оставался один.

Целую неделю мы были в Болгарии, проехали десятки городов, сотни сел и деревень, побывали на фабриках, заводах, в сельских кооперативах. Из 8,5 миллионов населения Болгарии добрая половина видела Терешкову и Быковского и почти все слышали их голоса по радио и телевидению, видели их портреты в газетах и журналах. Вся пресса, радио и телевидение очень широко освещали поездку по стране. Народ любовно и тепло приветствовал космонавтов и выражал чувство горячей любви и дружбы к советскому народу. Тодор Живков и другие руководители Болгарии сделали все, чтобы пребывание космонавтов в стране использовать в целях дальнейшего укрепления братства наших народов. В общем, это была одна из самых лучших заграничных поездок по организации, массовости встреч и проявлению горячей любви к советским людям.

26 сентября.

С 18 по 25 сентября был в отпуске, отдыхал на даче. Неделя пролетела, как один день. Погода стояла чудесная, настоящее «бабье лето».

Сегодня вышел на работу. Дел «по горло», Леониду Ивановичу трудновато, необходимо будет вызвать из отпуска полковника Аристова. Завтра я вылетаю с Гагариным в Париж для участия в работе 14-го конгресса Международной астронавтической федерации. На конгрессе Гагарину будет вручена премия Галабера (золотая медаль и 20 тысяч франков). Сегодня Гагарин вместе с секретарем ЦК ВЛКСМ Павловым находится еще в Красноярске. Там проходит слет ударников коммунистического труда Сибири. Он прилетит в Москву поздно вечером, а завтра в 8:30 нам нужно вылетать во Францию. Надо подготовиться к встрече с французами, обстановка там будет сложная. Буду готовить 2–3 варианта выступлений Гагарина. 30 сентября Горегляд вылетает с Терешковой на Кубу, а 8 октября я вместе с Гагариным и Терешковой должен буду лететь в Мексику, потом мы должны посетить Германскую Демократическую Республику, Польшу и десяток других стран.

23 сентября 1963 года у Титовых родилась дочь. Тамара и ребенок чувствуют себя отлично. Это первый ребенок, родившийся у человека, побывавшего в космосе. Герман ждал сына, но полюбит и дочь.

27 сентября.

На аэродроме Шереметьево нас провожала небольшая группа товарищей: Попович, Масленников, Титарев и другие. Приехал и посол Франции Дежан под предлогом встречи с нашим послом во Франции С. А. Виноградовым, который прервал свой отпуск в Карловых Варах и вместе с нами летит в Париж. Наш Ту-104 произвел посадку на аэродроме Ле Бурже в 10:40 по местному времени. В 12 часов на всех гражданских аэродромах Франции должна начаться забастовка обслуживающего персонала. На аэродроме Ле Бурже было человек 800 встречающих и около сотни корреспондентов. Представителей правительства и властей не было, МИД Франции отказался от организации встречи и регулировании порядка, но полицейские силы были наготове. Встреча на аэродроме была очень теплой, и это вынудило полицию сопровождать колонну наших автомашин и регулировать движение на улицах. На аэродроме Гагарина приветствовали председатель Международного астронавтического конгресса профессор Брен и Галабер основатель премии, носящей его имя. Оба произнесли очень хорошие приветственные речи и восхищались высокими научными и техническими достижениями нашей родины. Гагарин поблагодарил за приглашение на конгресс и за разрешение на въезд во Францию. С аэродрома до посольства Юра ехал в открытой машине. На улицах не было сплошных толп народа, как это бывало везде, где появлялся Гагарин. Здесь власти сделали все, чтобы ограничить контакты космонавта с людьми, но тем горячее были приветствия людей, случайно или от коммунистов узнавших о приезде Гагарина.

В 13 часов в посольстве был устроен небольшой завтрак, в котором участвовали пять секретарей ЦК ФКП, в том числе Морис Торез и Жак Дюкло с женами. Затем там же в посольстве провели небольшую пресс-конференцию. В 17 часов посетили могилу неизвестного солдата, а потом поднялись на Эйфелеву башню. Погода была отличной. С трехсотметровой высоты был хорошо виден весь Париж — город-красавец! Посетили лаосское посольство, где неожиданно встретили министра иностранных дел Франции Кув де Мюрвиля. Он растерялся от неожиданности и через 2–3 минуты сбежал от Гагарина, но Сувана Фума и все другие были довольны встречей. В 20:30 были на приеме в венгерском посольстве.

Встретились с женой Яноша Кадора, с послами и атташе социалистических стран. Несколько позже встречались с советской колонией в торгпредстве. Посол Виноградов представил присутствующим Гагарина и меня. Юра выступил, после чего я отпустил его отдыхать, а мы с Виноградовым, академиками Седовым, Сисакяном и другими еще около трех часов обсуждали и корректировали программу выступлений и встреч Гагарина во Франции. В программе, подготовленной посольством до прилета Виноградова, были предусмотрены мероприятия, принижающие Гагарина (посещение магазинов, выступления на заседании секции конгресса и др.). Я предложил исключить эти сомнительные пункты. Посол и академик Сисакян меня поддержали, но составители программы и академик Седов были за сохранение ее в полном объеме. Сидели до двух часов ночи: в конце концов, все согласились с моими поправками.

28 сентября.

Спали до 7 часов. Часа полтора с Юрой обсуждали его выступление на пленарном заседании конгресса. В 12 часов посетили музей-квартиру Ленина, в которой он жил в 1912 году. У дома-музея собралось более тысячи людей, горячо приветствовавших Гагарина. На встрече были Морис Торез, Вальдек Роше, Плисанье и другие товарищи.

С 14 до 16 часов были на завтраке у Галабера. В сравнительно небольшой его квартире собралось 7 русских (Юра, я, Виноградов и другие) и 8 французских представителей. В конце завтрака представитель телекомпании задал Гагарину несколько вопросов. Юра отвечал быстро и удачно, его ответы были записаны на магнитофон. От Галабера поехали на кладбище Пер Лашез к стене коммунаров. У ворот и на кладбище были тысячи людей. Приветствия были очень бурными, пришлось даже уходить от толпы чуть ли не по могилам. В толпе возникла давка: посещение было плохо организовано — почти не было полиции. В Париже это была самая восторженная встреча с народом за первые два дня пребывания во Франции.

В 20:30 началось специальное пленарное заседание 14-го Международного астронавтического конгресса, посвященное встрече с Гагариным. В Президиуме конгресса были Гагарин, Виноградов, Седов, Сисакян и я. Приветственные речи произнесли профессор Брен,

академик Сисакян, председатель Французской астронавтической организации, американский генерал-медик Конесси. Американец вручил Юрию книгу с обобщением медико-биологических итогов полетов американских астронавтов и при этом с горечью произнес: «Вам, первому космонавту мира, я с большим удовольствием вручаю эту книгу и сожалею, что не могу ее сейчас вручить и Джону Гленну». Последним выступил Гагарин. Юра обобщил итоги всех шести полетов наших космонавтов, рассказал о перспективах стыковки кораблей на орбите и длительных полетов и закончил тем, что все советские полеты в космос служат делу мира и интересам всего человечества, призвав конгресс добиваться дальнейших успехов в мирном освоении космоса и укреплении сотрудничества государств в этом деле.

Около полуночи ужинали вчетвером: Виноградов, Гагарин, Русяев и я. Посол восхищался выступлением Юры, сказал, что иностранцы поздравляли его с блестящим выступлением Гагарина на конгрессе. Виноградов много добрых слов сказал и в мой адрес: «Гагарин — пример для современной молодежи, такой же, каким был Каманин для нашего поколения». Сергей Александрович тепло отзывался и о многих других авиаторах, в том числе о своем брате генерал-лейтенанте авиации В. А. Виноградове.

29 сентября.

В 8 утра на 8 автомашинах выехали на побережье Атлантического океана в курортный город Довиль. Проехали через Булонский лес, остановились на 10 минут в парке Версаля. Дворцы были еще закрыты, да у нас и не было времени для их осмотра. В моей машине ехали Гагарин, Русяев и мадам Галабер. Русяев всю дорогу практиковался с ней во французском языке. Юра дважды садился за руль и хорошо вел машину. Дороги немного узковаты, но их покрытие отличное.

В Нанте Гагарина приветствовало примерно 500 человек во главе с секретарем ЦК французской компартии Плисанье. Гагарин возложил цветы к подножью памятника Жанне Д'Арк. Недалеко от памятника, на небольшой древней площади, огорожено место, где она была сожжена. Между прочим, памятник Жанне в Париже немцы, играя на чувствах французов и в пику англичанам, позолотили.

Нормандия — красивая и богатая провинция Франции. Хорошая почва, обилие влаги и тепла благоприятствуют устойчивым урожаям. Вся земля разбита на частные участки, и каждый ее метр отлично обработан. Много коров, овец, свиней и птицы. В 30–40 километрах от Гавра переехали на другой берег Сены по отличному новому мосту (построен в 1959 году). Мост напоминает наш Крымский, но значительно выше и в 5–6 раз длиннее. Через полчаса мы въехали в Довиль — хороший курортный городок, — правда, сезон уже закончился и здесь все замерло до нового сезона.

После торжественного обеда, на котором присутствовали мэр и руководитель астронавтического центра Франции, мы осмотрели место, где закладываются сооружения французского космического центра. Здесь будет не полигон, а место для международных встреч и один из пунктов управления и наблюдения за космическими аппаратами. Заложено несколько фундаментов, готовятся строительные площадки и дороги, но пока нет ни одного законченного объекта.

Вернулись из Довиля около девяти часов вечера. Немного устали, но я лично с удовольствием наблюдал жизнь людей во Франции. Гагарина везде встречали тепло и с интересом, но все же не так, как это было в 1961 году. Юра сказал, что эта поездка во Францию, пожалуй, единственная из всех его поездок, в которой очень много приемов и обедов, но очень мало встреч с народом. Я ему ответил, что сейчас уже 1963 год, к тому же местные власти делают все, чтобы держать Гагарина подальше от людских масс.

Вечером часа два ездили по ночному Парижу. Побывали на Монмартре и прошлись по бульварам. Полиция и даже наши посольские работники на два часа потеряли нас. Мы поехали вместе с академиками Седовым и Сисакяном в театр. Первой ехала полицейская машина, академики с представителями театра находились во второй машине, а мы следовали за ними. На одном из перекрестков они повернули направо, а мы — налево и на целых два часа оторвались и от полиции, и от прессы.

30 сентября.

Сегодня Терешкова и Горегляд вылетели на Кубу, а у нас в Париже переломный день: Гагарин «прорвался» к парижанам, сломались все

полицейские преграды. Сегодня Париж встречает Гагарина не менее восторженно, чем встречал его Лондон в 1961 году.

Утром мы поехали на заседание конгресса ЮНЕСКО. Все служащие аппарата и члены конгресса устроили Гагарину очень теплую встречу. С приветствиями выступали председатель исполкома ЮНЕСКО господин Биби и Генеральный директор господин Майе. Потом мы отправились в пригород Парижа Иври, где Морис Торез избирался в сенат. На стадионе собралось 12–15 тысяч рабочих. Организаторами митинга были коммунисты, встреча была чудесной. Морис Торез рассказал мне, что здешние бассейн и стадион построены на средства рабочих, что это «красный» район. Здесь даже его противник по выборам живет на улице Ленина. После митинга мы заехали в новый жилой квартал имени Гагарина. Тысячи людей встречали нас так, что мы еле-еле выбрались из толпы. Наши костюмы заметно пострадали от «горячих» объятий парижан и парижанок.

С 13:30 до 15:30 были на обеде, который устроил Виноградов. Присутствовали: президент Международного конгресса по астронавтике профессор Брен, председатель жюри премии Галабера профессор Шарон и сам Галабер с женой. Юра всем им вручил подарки (макеты ракет, фотографии, значки). В 16:00 был большой прием в мэрии Парижа. Депутаты парламента, сенаторы и «тузы» города собрались, чтобы поприветствовать космонавта. Перед мэрией собралась большая толпа народа, и нам с большим трудом удалось пробиться внутрь здания. А при выходе из здания нашу машину так тесно окружила восторженная толпа, что сотни полицейских почти на руках «выносили» наш автомобиль. Президент муниципалитета Парижа в своей длинной речи «объяснял» наши успехи в космосе успехами развития авиации и, перечисляя имена зарубежных летчиков, которые, по его мнению, стали вехами в истории, упомянул даже Линдберга. Юра ему очень хорошо ответил, назвав имена Можайского, Нестерова, Арцеулова и Бахчиванджи. Речь Гагарина была воспринята хорошо.

Вечером Юра был на приеме в МИДе, а я провел пресс-конференцию с журналистами «Пари матч» — одного из лучших журналов мира с тиражом более миллиона экземпляров. В последнее время журнал поместил много хороших материалов с фотографиями наших космонавтах. Ужинали в ресторане «Максим» Виноградов,

Гагарин, Седов, Сисакян, я и 5–6 человек из нашего посольства, от французов были: Брен, Шарон, мэр города Довиль и еще несколько человек.

1 октября.

Утром поехали в магазин русской книги. У магазина собралось несколько тысяч людей. Все книги о советских космонавтах тут же раскупили, а фотографии Гагарина вместо 50 сантимов продавались с рук по 10 франков. Юра подписал на книгах и фото более 300 автографов. В 11:30 провели встречу с членами общества «Франция-СССР». Выступали генерал Пети и бывший летчик полка «Нормандия-Неман» герой Советского Союза Де ля Пуап. С 13 до 18 часов Галабер устроил обед, на котором вручались премии. Выступали Седов, Галабер, Шарон, Брен, Пикеринг — руководитель американской лаборатории двигателей, Барре — французский генерал, специалист по ядерным двигателям. Торжества по случаю вручения наград проходили в гостинице «Мотеция», там же провели и пресс-конференцию.

Вечером в ресторане «Дофин» был большой прием по случаю окончания работы 14-го астронавтического конгресса. С приема вместе с послом поехали в ресторан «Лидо», где посмотрели интересную развлекательную программу. Больше всего понравились гимнасты, танец на льду и купание нимф.

2 октября.

С утра, в посольстве, Юра принимал делегации от профсоюзов, рабочих коллективов и различных организаций. В 11:00 Виноградов, Гагарин, Седов и я поехали на встречу с парламентской группой «Франция-СССР». С приветственными речами выступали депутаты. Сенаторы, как мальчишки, стояли в очереди за автографами Гагарина. С 13 до 16 часов обедали на даче у Тореза. Кроме семьи Тореза на обеде были: Вальдек Роше, Жак Дюкло, Раймон Гюйе, Поль Лоран, Бенуа Фрашон и другие французские коммунисты. Нам вручили много подарков. Самым ценным из них для Гагарина была медаль коммунара (18 марта 1871 года), а для меня — книга «Сын народа» с автографами Мориса Тореза, Жанетт Вермерш и Жака Дюкло. В 16:30 провели митинг с балкона мэрии в городе Пюто. Гагарина наградили Золотой медалью и присвоили ему звание почетного гражданина Пюто. Вечером состоялся большой прием в посольстве, присутствовало

около 2 тысяч человек. Все уверяли, что это был один из самых интересных приемов в этом году.

4 октября. Москва.

Вчера в 21:20 на самолете Ту-104 прилетели с Гагариным из Парижа в Москву. Вылет предполагался в 12:00 по московскому времени, но в это время на парижских аэродромах был туман, и летевший за нами из Москвы Ту-104 был посажен в Брюсселе, что задержало наш вылет из Парижа. Неделя, проведенная во Франции, была очень интересной. Шесть городов Франции избрали Гагарина своим почетным гражданином, он получил более 10 золотых медалей (премия Галабера, медаль сената и др.). Народ Франции, вопреки «рогаткам» властей, восторженно встречал первого космонавта мира.

Терешкова все еще на Кубе: по просьбе Фиделя Кастро она будет там до 10 октября. В этот день мы с Гагариным прилетим на Кубу, заберем Терешкову и все вместе полетим в Мексику. Вчера вопрос о поездке космонавтов на Кубу, в Мексику и ГДР рассматривался на Президиуме ЦК КПСС. Было решено, что 9 октября мы летим на Ил-18 по маршруту Москва — Прествик — Гандер — Гавана. Из Гаваны полетим в Мексику, а оттуда 17 октября вылетим в Берлин по маршруту Нью-Йорк — Гандер — Прествик — Берлин. Это будет один из самых сложных и наиболее ответственных выездов наших космонавтов за границу и первая совместная поездка Гагарина и Терешковой.

Вчера умер Главный маршал авиации П. Ф. Жигарев, только что звонили и приглашали на завтра в почетный караул. Жигарева я знал 30 лет, у меня с ним были сотни деловых встреч. Павел Федорович был большим дипломатом и более 20 лет сумел продержаться в верхах. Правда, это иногда вредило делу и калечило людей, но Жигарев мало с этим считался. Он умер на 63 году жизни и до последнего дня работал. Жигарева не любили в ВВС, но сейчас, конечно, все сожалеют об утрате.

5 октября.

Сегодня в 14:00 на Новодевичьем кладбище будем хоронить Главного маршала авиации П. Ф. Жигарева. Вчера дважды был у Главкома, подробно доложил ему о поездке в Париж. Сегодня в «Красной звезде» опубликована моя статья «Встречи Гагарина в Париже». Вершинин рассказал об изменениях в маршруте и времени

предстоящего полета в Мексику. Он переживает смерть Жигарева; они одногодки, и провожать в последний путь товарища всегда тяжело. Вершинин рассказал, что Жигарев за два дня до смерти вернулся с курорта и чувствовал себя удовлетворительно. В день смерти Павел Федорович с женой сидел в комнате, почувствовал, что ему не хватает воздуха, попросил жену открыть форточку и умер, пока она ее открывала. Главком расстроен и ростом числа катастроф в ВВС. В этом году происшествий больше, чем в предыдущем. В этом году мы потеряли даже двух летчиков-инспекторов ВВС; таких происшествий не было уже несколько лет.

Заходил генерал Бабийчук и доложил, что 30 сентября Президиум ЦК КПСС отказался рассматривать вопрос о реорганизации Института авиационной и космической медицины, вернув материалы на доработку. Маршал Руденко вернется из отпуска 7 октября, и я еще успею переговорить с ним по этому, слишком затянувшемуся по его вине, делу. Его легкомысленная попытка «поставить институт на новые рельсы» обходится нам очень дорого, будоражит коллектив института и тормозит его работу. Я настоятельно советовал генералам Бабийчуку и Мишуку тверже отстаивать линию на укрепление и развитие Института авиационной и космической медицины и возражать против создания нового параллельного института.

6 октября. Дача «Заборье».

Отличный осенний день. Лева, Люда и Оля 2 октября уехали на отдых в Коктебель. Мне сейчас очень не хватает Оленьки… На дачу приезжали полковник Чижиков (давний сослуживец Н. П. Каманина — Ред.) с женой Надей и сестра Полина со своей дочерью Таней. Таня прилично рисует, акварелью она сделала несколько удачных зарисовок нашей дачи.

7 октября.

Утром зашел к Главкому, когда у него был маршал Руденко, только что вышедший на работу после отпуска. Я доложил Главкому, что Громыко телеграммой из Нью-Йорка сообщил о намерении У Тана пригласить Гагарина и Терешкову посетить ООН при их возвращении из Мексики, и что поступила телеграмма от Гротеволя и Ульбрихта с приглашением Гагарина в ГДР. Главком поручил мне связаться с В. В. Кузнецовым из МИДа и, не срывая утвержденных планов и сроков, удовлетворить просьбы У Тана и Ульбрихта.

Вчера многие лондонские газеты сообщили о предстоящей свадьбе Николаева и Терешковой. Слухи об их браке распространились уже по всему миру. Вчера я вызвал Андрияна и объяснил ему, что откладывать свадьбу на конец года нельзя. На декабрь Венгрия пригласила Николаева и Терешкову, имея в виду, что к этому времени они уже оформят брак. Я сказал Николаеву, что он еще ничем не связан и может отказаться от брака, но дальше тянуть нельзя — он ставит Валю в очень неудобное положение. Ей везде задают вопрос: «Когда свадьба?», а она ничего не может ответить. Я не понимаю, почему Николаев тянет дело с оформлением брака. Я раз пять разговаривал с ним на эту тему, и каждый раз он уходил от прямого ответа. Первое время он пытался объяснить свое поведение загруженностью учебой, потом намекал на то, что якобы «Валя невыдержанна, и ее еще нужно воспитывать», а вчера он объяснил затяжку со свадьбой заграничными поездками Терешковой. Я сказал ему, что планы поездок расписаны уже до мая 1964 года и самый большой перерыв будет с 28 октября по 10 ноября 1963 года. Я рекомендовал ему подумать о том, будет ли он оформлять брак с Терешковой, и если будет, то было бы целесообразно сыграть свадьбу в первых числах ноября — в наиболее свободное от заграничных поездок время. Это позволило бы поехать им в Венгрию и другие страны как мужу и жене. После разговора с Николаевым у меня нет уверенности, что бракосочетание состоится в ноябре, а дальнейшие задержки со свадьбой будут осложнять заграничные поездки Терешковой и отрицательно скажутся на качестве ее работы, а может быть, и на ее поведении.

29 октября.

Терешкова, Быковский и я вернулись вчера из Польши. В Лодзи и городах Силезии было много чудесных встреч, они напомнили нам встречи в Чехословакии и Болгарии. В Варшаве нас принимали сдержаннее: официальные лица, особенно Гомулка и Циранкевич, довольно сухо встречали космонавтов. Терешкову и Быковского наградили Грюнвальдским золотым крестом 1-й степени. Маршал Спыхальский сказал мне, что этим орденом в Польше награждено только 7–8 человек. Варшава — единственная из столиц стран социалистического лагеря, где при встрече нашей делегации на улицах были вывешены портреты и советских, и американских космонавтов.

Чувствуется, что Польша легко бы пошла на более тесный контакт с Западом в ущерб интересам Советского Союза. В сельском хозяйстве Польши совсем нет колхозов: имеется лишь 6–7 процентов кооперативов по обработке земли, а основная сила в деревне — частное хозяйство. Крестьяне с удовольствием работают на своей земле. Они имеют наделы от 15 до 40 гектаров и могут держать скота и птицы столько, сколько захотят. Кроме того, поляки получают помощь от США и ведут с Америкой и Англией большую торговлю — все это накладывает большое своеобразие на взаимоотношения между нашими странами. В Польшу мы вылетели 23 октября, а вернулись в Москву из предыдущей поездки 22 октября. С 9 по 22 октября Гагарин, Терешкова и я были на Кубе, в Мексике, США, Канаде, Англии и ГДР. Об этой замечательной поездке есть записки в особой тетради.

Был у Главкома и доложил ему, что завтра Терешкова и Николаев будут у меня и выскажут свои соображения о сроках и месте их предстоящего бракосочетания. Я сказал Главкому, что, по-видимому, эту свадьбу нельзя провести по-семейному, так как она интересует весь мир. Необходимы серьезная подготовка к свадьбе и решение ЦК КПСС о масштабе празднования и уровне ее участников. Главком, Руденко и Рытов согласились с моими соображениями, но заявили, что конкретные разговоры с начальством будут вести только после официального доклада Николаева и Терешковой об их согласии на брак. На завтра я вызвал Терешкову и Николаева к себе: будем решать вопрос об их свадьбе, по поводу которой мне только сегодня звонили более 10 раз. Американские, английские, французские газеты и радио уже несколько недель пишут и говорят об этом предстоящем событии. В такие сугубо личные дела администраторам лучше не вмешиваться, но свадьба двух известных всему миру космонавтов не может быть только их личным делом, — придется и нам подумать над оформлением этого события.

30 октября.

Только что (в 16:30) от меня ушли Николаев и Терешкова, приезжавшие доложить о своем решении вступить в брак. Мы зашли к маршалу Вершинину, он уже был предупрежден мной об этом посещении и ждал космонавтов. Андриян и Валя объявили Главкому о своем намерении оформить брак 2 ноября. Главком сказал: «Молодцы! Решение правильное. Я от души приветствую вас и скажу по секрету,

мы уже давно ждали такого вашего решения», — и добавил, что доложит об этом событии Малиновскому, Брежневу и Хрущеву. Николаев и Терешкова высказали пожелание прямо из Дворца бракосочетания поехать на свадебный бал, который они хотели бы устроить в гостинице «Советская» или в ЦДСА человек на 300.

Я уверен, что Н. С. Хрущев развернет это празднество в большое политическое событие, и это правильно: весь мир будет наблюдать первую «космическую» свадьбу, и было бы недальновидно провести ее в ограниченных масштабах. Вершинин, Рытов, Терешкова, Николаев и я сфотографировались в кабинете Главкома на память об этом предсвадебном разговоре. Фотографировал Баранов из редакции журнала «Авиация и космонавтика». Потом Андриян и Валя более часа работали в моем кабинете — их записывали для радио, они подписывали статьи и письма. Попутно мы обсудили основные вопросы церемонии бракосочетания (место, время, количество гостей, программа бала и др.). Вале сегодня сделали прививки от оспы и холеры (ей предстоит поездка в Индию), и она чувствует себя не совсем здоровой (ее лихорадит). Тем не менее она от меня поехала в ателье Совета Министров заказывать свадебное платье.

Позвонил Л. М. Замятин и сообщил, что помощники Хрущева высказались за проведение государственной свадьбы космонавтов — это как раз то, чего я хотел бы для моих подопечных.

31 октября.

Сегодня утром я и Рытов разговаривали с Брежневым по поводу предстоящей свадьбы космонавтов. Мы доложили ему наши планы: устроить свадьбу в ЦДСА 2 ноября в 17–18 часов, пригласить на нее 250–300 человек, все мероприятия провести на средства космонавтов. Кроме того, мы напомнили Брежневу разговор Хрущева с космонавтами на трибуне Мавзолея в день встречи Быковского и Терешковой. Тогда, на замечание Гагарина: «Их (Николаева и Терешкову) нужно прямо с трибуны отправить во Дворец бракосочетания», — Хрущев сказал: «Я не имею права послать их туда, пускай сами решают этот вопрос, но если даже вы меня не пригласите на свадьбу, то я все равно приеду». Брежнев обещал доложить наши соображения Хрущеву и после этого позвонить нам. Он намекнул, что, возможно, свадьба состоится 9 ноября в Доме приемов и за счет государства.

Сейчас уже 16 часов, но звонка от Брежнева все еще нет, и это «режет нас без ножа». Для того, чтобы провести такое мероприятие, необходимо выдать массу распоряжений, но мы пока связаны по рукам и ногам. Мы не можем договариваться с организациями, которые будут обеспечивать свадьбу, пока не будет четких распоряжений из ЦК КПСС. Остается двое суток, и будет большой переполох и штурмовщина.

В 14 часов ко мне заходила Терешкова. Она ездила в ателье Совета Министров на примерку свадебного платья и осталась им довольна. Я ее немного пожурил за то, что на целых четыре часа она оторвалась от меня (я не знал, где она находится). Звонили из ЦК и от Гришина — настаивали и просили, чтобы Терешкова хоть на час показалась на съезде профсоюзов. Валя очень просила меня сегодня и завтра не посылать ее на съезд. Я ее понимаю: ей сейчас не до встреч, но не быть на съезде — значит допустить большую политическую ошибку. Я настоятельно рекомендовал Вале и Андрияну, чтобы завтра она показалась на съезде.

Звонили Гагарин, Титов, Николаев и Быковский. Николаев советовался по свадебным делам, Титов просил помочь достать для дочки чехословацкого детского молока (у Тамары пропало молоко), Быковский просил послать вместе с ним в Индию и его жену Валю, а Гагарин просил поменьше отрывать ребят от учебы.

1 ноября.

Пораньше приехал на работу в надежде, что в верхах уже решили, когда и где проводить свадьбу. Сейчас 8:30, в штабе еще тихо, только Главком и я в своих кабинетах, все остальные соберутся к 10 часам — сегодня спортивный день. Вчера вечером в моем кабинете работал генерал Горегляд. Мы с ним договорились, что если будет решение ЦК, то он позвонит мне или оставит на столе записку. Звонка не было, записки тоже нет, и Главком не звонит значит, решения Хрущева до сих пор нет. Тяжело и неприятно участвовать в подобных мероприятиях, когда на принятие решения отводятся сутки, а на исполнение — часы. Мы уже не можем обеспечить проведение свадьбы завтра, придется ее переносить на 3 или 4 ноября.

2 ноября.

Вчера в 18:00 мне передали решение Хрущева о том, что ЦК КПСС и правительство СССР проводят свадьбу Терешковой и

Николаева 3 ноября в 13:00 в Доме приемов на Воробьевском шоссе, дом 42. Общее количество участников определено в 180–200 человек. Расходы на организацию свадьбы — за счет правительства, а приглашение на свадебный пир — от имени космонавтов. Кого приглашать, определяют жених и невеста.

Сегодня в 9:30 ко мне приехали Валя и Андриян со списком приглашаемых на свадьбу. Мы довольно быстро согласовали список и пошли к Главкому договариваться по всем вопросам предстоящей церемонии. Было решено, что невеста и жених приезжают во Дворец бракосочетания в 11:40, а в Дом приемов — к 13:00. После правительственного приема по случаю бракосочетания космонавтов торжества будут продолжены с 19:00 в городке космонавтов, а потом — на квартире жениха. Валя все время «мужественно» улыбалась, но я-то знал, что она еле держится, что нервы ее напряжены до предела. Я поблагодарил ее за хорошее выступление на съезде профсоюзов и после подписания женихом и невестой пригласительных билетов отпустил их готовиться к свадьбе. В 13:30 я, Рытов и Миронов, начальник отдела ЦК, были у Брежнева. Я доложил Леониду Ильичу список приглашенных, образец билета, протокол всей церемонии во Дворце бракосочетания и на балу. Брежнев согласился со всеми нашими предложениями, только вычеркнул министров и членов Президиума ЦК, сказав, что от руководства будут лишь Хрущев, Брежнев и, возможно, Микоян.

Сегодня у меня был самый бешеный день: все пять телефонов звонили непрерывно. Все, начиная с заместителей председателя Совета Министров, министров и членов ЦК, интересовались, получат ли они билеты на свадьбу. Характерен такой эпизод. Мне позвонила Раиса Яковлевна Малиновская и рассказала о своем разговоре по телефону с Ниной Петровной Хрущевой. Нина Петровна спросила ее: «Вы будете на свадьбе космонавтов?» Раиса Яковлевна: «Да, муж получил приглашение, и мы собираемся им воспользоваться». Нина Петровна: «Я вам завидую, а мне Никита Сергеевич сказал, что если пригласят, то пойдешь, а не пригласят — не пойдешь. Приглашения пока нет. Ну, в крайнем случае, мы свадьбу через забор посмотрим». Раиса Яковлевна, передав этот разговор, рекомендовала мне позвонить Нине Петровне, пригласить ее на свадьбу и выслать ей билет. Я позвонил Нине Петровне и от имени жениха и невесты пригласил ее на

свадьбу. Нина Петровна поблагодарила за приглашение и попросила выслать билеты и на Сергея Никитича и Елену Никитичну (сын и дочь Хрущевых — Ред.).

Желающих попасть на эту свадьбу были миллионы, тысячи имели на это право, а попали только 200 человек. Все обиженные считают, что виновником их «несчастья» является Каманин. Сегодня у меня появилось столько врагов, что можно ожидать и неприятностей по службе. Из списка пришлось вычеркивать и министров, и маршалов, и друзей.

Вечером я побывал в Доме приемов и со Споповым согласовал все детали по организации бала.

3 ноября. День свадьбы Терешковой и Николаева.

В 8:30 к нашему подъезду подъехали две «Чайки», и мы с Мусей отправились на Чкаловскую к жениху и невесте. Муся пошла к Вале, а я — к Андрияну. Они уже встали и одевались, хотя легли спать в 4 часа ночи. В 10:50 невеста и жених сели в первую «Чайку», мать и брат Вали, мать Андрияна, Муся и я сели во вторую «Чайку», а за нами на «Волгах» поехали Гагарины, Титовы, Быковские, Карповы и Никерясовы. В 11:40 свадебный кортеж прибыл к Дворцу бракосочетания на улице Грибоедова. После завершения регистрации брака новобрачных поздравили председатель Моссовета Промыслов, от ЦК ВЛКСМ — Саюшев и Журавлева, от Министерства обороны — я, а затем их поздравляли родственники, друзья и земляки.

Ровно в 13 часов свадебный кортеж прибыл в Дом приемов, а через несколько минут туда приехал Н. С. Хрущев. После того, как все гости заняли свои места за столами, появились жених и невеста в сопровождении Хрущева. За столом президиума сидели: Хрущевы, Малиновские, Гагарины, Титовы, Поповичи, Быковские, Ворошилов и Вершинин. За гостевыми столами — Руднев, Смирнов, Келдыш, Королев, Бирюзов, Епишев, Руденко, Рытов, Миронов, Сербин, космонавты, родственники и друзья жениха и невесты, а также другие приглашенные.

Никита Сергеевич, открывая празднество, сказал: «Свадьба — дело особое, живое, молодое, задорное, и мы решили, чтобы на свадьбе было поменьше стариков. Правительство и ЦК поручили мне приветствовать новобрачных, что я и делаю с большим удовольствием. Я желаю Вале и Андрияну большого семейного счастья и новых

успехов в их большом и благородном труде. Свадьба наших славных космонавтов — это событие мирового значения. За здоровье новобрачных!» Потом произносили речи и тосты Гагарин, Журавлева, Келдыш, Малиновский, Ворошилов, секретари Чувашского и Ярославского обкомов КПСС. Еще несколько тостов (за родителей, за родственников, за ученых и конструкторов, за военных) произнес Никита Сергеевич. Затем новобрачные вместе с Хрущевым обошли всех гостей. Подойдя ко мне, Никита Сергеевич поздравил с «космической» свадьбой и добавил: «Это ты, Каманин, виновник всех этих торжеств». Да, конечно, если бы не было первого полета женщины-космонавта, не было бы и «космической» свадьбы. А идея послать женщину в космос — это моя идея, решение послать в полет Терешкову — это тоже мое решение, оформленное протоколом Госкомиссии. Здесь, в дневнике, я могу записать, что Терешкову — как самую известную женщину мира — создал я. И я горжусь своим созданием: она имеет полное право на всеобщую любовь и уважение.

В 18 часов мы выехали в Центр подготовки космонавтов. Вместе с нами поехали Малиновский, Вершинин, Келдыш, Смирнов, Королев, Руденко. Мне казалось бессмысленным устраивать два больших свадебных торжества одно за другим, но большинство присутствующих справляли подобную свадьбу впервые. Тосты, подарки, «горько» и поцелуи в течение 6–8 часов утомили и гостей, и новобрачных. Я пытался принять все меры, чтобы урезать по времени затянувшееся торжество, но только после 23 часов нам удалось оторвать новобрачных от гостей и увезти их на квартиру Андрияна. Из ЦПК до Чкаловской Валя, Андриян, Муся и я ехали в одной «Чайке». Андриян всю дорогу благодарил меня и доказывал, что все космонавты меня любят и верят мне, а Валя молчаливо сидела в уголке и покашливала. Ее сухой кашель меня беспокоил, а Андриян, не замечая состояние жены, курил и пьяным голосом твердил: «Чем проще — тем лучше. Правда, Валя?» Валя делала вид, что не понимает, о чем говорит Андриян, и несколько раз спросила: «Что проще?» Но Андриян так и не сумел разъяснить ей свои мысли, только добавил: «Чем проще в семье — тем лучше». Он явно имел в виду их вчерашнюю первую размолвку. Валя считала, что ей целесообразнее оставить свою девичью фамилию, а Андриян настаивал на том, чтобы

она приняла его фамилию. Спор затянулся, Валя вспылила и, хлопнув дверью, ушла к себе…

Квартира Николаева оказалась забита родными и друзьями (человек 60). Более часа опять поздравляли и пили, и только к половине второго ночи удалось растащить всех гостей и отправить новобрачных отдыхать.

4 ноября.

Вершинин упорно настаивал сегодня, чтобы я возглавил поездку космонавтов в Индию, Индонезию, Цейлон, Непал и Бирму. Пришлось проявить большую твердость и изобретательность, чтобы убедить его, что генерал Горегляд вполне может заменить меня в этой поездке.

В 15 часов ко мне заезжали Терешкова и Николаев. Кажется, они довольны друг другом, уверяют, что выспались и чувствуют себя хорошо. Я рассказал им о глупейшей резолюции Малиновского на нашем представлении к званию «подполковник» майора Николаева. Малиновский написал: «Присвоить звание «подполковник» Николаеву тогда, когда Терешковой будем присваивать звание майора. Только наш министр может позволить себе подобные «шутки». Я успокоил молодую чету, сказав, что мы сумеем заставить Малиновского изменить свое решение и добьемся присвоения Николаеву звания «подполковник». Не первый раз мы будем подправлять министра обороны.

5 ноября.

В 11 часов я с Николаевым и Терешковой ездил смотреть их новую квартиру в Москве (Кутузовский проспект, дом 30/32, квартира 1013А). Район отличный, подъезды к дому хорошие. Дом выстроен для крупных работников ЦК КПСС, некоторые квартиры состоят из 7–8 комнат. 1013-я квартира семикомнатная, ее разделили на две части. Квартира Николаевых, подаренная им Хрущевым, имеет 4 комнаты общей площадью около 100 квадратных метров со всеми удобствами. Молодые остались довольны подарком, высказали свои пожелания по окраске комнат и попросили закончить ремонт к 20 ноября.

После осмотра квартиры мы поехали в радиокомитет, где Гагарин, Терешкова и я записали свои речи на тему «СССР — берег Вселенной». Одновременно с нами в радиостудии записали свои выступления Николаев, Попович и Быковский, а Титов приедет на запись к 17 часам. Радиожурналисты использовали наше посещение на

все 100, и даже больше: они упросили Терешкову и Гагарина выступить для нескольких радиопередач на заграницу. Из радиокомитета Николаев и Терешкова поехали делать прививки (перед поездкой в Индию), а потом все, кроме Титова, собрались у меня в кабинете для просмотра киноматериалов о первой космической свадьбе. После просмотра, в котором участвовали Вершинин и Руденко, мы договорились с Романовым (председатель Комитета по кинематографии) о выпуске киножурнала «Новости дня» продолжительностью 2–2,5 минуты и киножурнала для заграничного показа. Романов просил меня просмотреть эти выпуски перед их выходом в свет.

10 ноября.

Отпраздновали 46-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Все три дня я провел на даче. На торжественное собрание и на парад не поехал — хотелось оторваться от торжеств и пьянок, выспаться и отдохнуть. Сейчас 8:50, в штабе начинается обычная деловая жизнь. Через 20 минут самолет Ил-18 с Терешковой, Николаевым и Быковскими произведет посадку в Индии на делийском аэродроме. Вчера поздно вечером, когда мы с Мусей провожали их в эту поездку, Николаев был уже в погонах подполковника. 6 ноября Малиновский вынужден был изменить свое решение и подписать приказ о присвоении Николаеву звания «подполковник». Для этого пришлось попросить Раису Яковлевну Малиновскую посоветовать мужу изменить его необдуманное решение.

В тот же день Малиновский присвоил звание «полковник» Ю. А. Гагарину. За три неполных года Юра прошел дистанцию от старшего лейтенанта до полковника, а обычно на этот путь требуется 15–20 лет. Два с половиной года всемирной славы не испортили Гагарина, он очень вырос за это время, приобрел большой опыт в выступлениях и может хорошо проводить самые сложные пресс-конференции и беседы. Объехав более тридцати стран, проведя тысячи встреч и выступлений, он не имел времени много читать, думать и учиться. Но поездки и встречи с народами различных стран, рас, вероисповеданий и условий жизни стали для него такой большой школой, с которой не может сравниться ни одно высшее учебное заведение. Гагарин имеет склонность к выпивкам, любит побалагурить и пошутить с

женщинами, иногда это бывает и не совсем уместным, но он никогда не переходит границ, очерченных конкретной обстановкой и нормами поведения.

Вчера на аэродроме Валя и Андриян улыбались и внешне были вполне довольны друг другом. Свадьба состоялась, все прошло нормально. Для политики и науки их брак, возможно, и будет полезным, но я совсем не уверен, что Валя действительно любит Андрияна. Уж слишком они разные: она — огонь, а он вода. Оба — сильные, волевые люди, ни один из них добровольно не подчинится другому. Огонь будет разогревать воду до кипения, хотя Николаев не способен кипеть, а вода будет заливать огонь — пара и шипения будет много. От этого брака больше выиграет Николаев, а Терешкова может только потерять. Я буду рад, если ошибусь в своих прогнозах и Валя сумеет подчинить себе Николаева и тянуть его за собой. На космических дорогах Терешкова уже прошла свой зенит. Она могла бы засверкать яркой звездой, благодаря своей большой общественно-политической деятельности, но она все еще колеблется в выборе дальнейшего пути, ее еще крепко держит романтика космоса.

11 ноября.

Сегодня из Бразилии в СССР прилетает генерал Карвальо Фильо в качестве гостя Главкома ВВС. В 1961 году, когда мы с Гагариным были в Бразилии, бригадный генерал Карвальо занимал должность министра авиации, а сейчас он уже не у дел. Но есть сведения, что Карвальо в ближайшее время будет назначен начальником штаба ВВС Бразилии. Он прогрессивный человек и хорошо настроен по отношению к СССР. Я встречался с ним в Бразилии, поэтому Вершинин приказал мне как «его старому другу» участвовать во всех встречах с ним.

День сравнительно тихий, мало посетителей и значительно меньше обычного телефонных звонков. Я разобрался со своими бумагами и в ближайшие дни займусь состоянием дел в ЦПК. Звонил Ивановский и просил «пошевелить» С. П. Королева по срокам готовности очередных «Востоков». А Королев 3 ноября жаловался мне, что ему не дают денег на «Союз». Наше топтание на месте явно затягивается. Угроза того, что США обгонят нас в космосе, продолжает нарастать. В этой связи мне очень не понравились высказывания Хрущева на свадьбе космонавтов о том, что США могут догнать нас в космосе. Дело не только в недостатке средств,

отпускаемых правительством на освоение космоса, а, главным образом, в недостатках организации и распыленности наших усилий.

Из ЦК ДОСААФ прислали материалы о выступлении американской летчицы Жаклин Кокран. Оказывается, 15 октября, после нашего отлета из Мехико в Нью-Йорк, Кокран провела пресс-конференцию, на которой заявила: «Невозможно, чтобы обыкновенная парашютистка, каковой является русская Валентина Терешкова, могла быть запущена на орбиту, когда она даже не умеет управлять самолетом… Нет доказательств тому, что русская космонавтка действительно была запущена в космос, и, возможно, речь идет о еще одном пропагандистском трюке СССР». Однако, кроме этого злостного брюзжания, у нас есть сотни писем от американцев, которые восхищаются полетом Терешковой. Есть очень теплое письмо от Джерри Кобб — летчицы и первой американской кандидатки на полет в космос. Есть официальные документы из штата Колорадо об избрании Терешковой почетной гражданкой города и т. д. Можно было бы публично «высечь» эту Кокран — для этого имеются все возможности, — но я думаю, что нам не следует реагировать на ее жалкий писк.

На несколько минут забегал Герман Титов, в 17:00 он будет выступать в ВСНХ. Титов выглядит и чувствует себя отлично. После рождения дочери он заметно изменился к лучшему, стал несколько спокойнее, но основная характеризующая его черта — суетливость — все еще дает о себе знать на каждом шагу.

12 ноября.

Утром Главком принимал первую в нашей стране бразильскую военную делегацию. К нам приехали: бригадный генерал Арейнальдо Жоаким Рибейро де Карвальо Фильо (глава делегации), посол Бразилии в СССР Васко де Лейтас де Кунья, полковник ВВС Ари Сайон Кальдейра Бастос Фильо, капитан Элио Поэс де Баррус. С нашей стороны были Вершинин, Остроумов, Макаров, Якушин и я. Прием прошел очень хорошо, большую активность проявил полковник Ари Сайон, он интересовался структурой ВВС, взаимоотношениями с ГВФ и ВМФ и другими вопросами организации полетов на территории СССР. Генерал Карвальо сказал, что Министерству авиации Бразилии подчиняется вся авиация страны, что опыт работы советской военной и гражданской авиации существенно отличается от их опыта и они с

удовольствием ознакомятся со страной и работой нашей авиации. Генерал интересовался самолетом Ту-114, а посол, который два раза летал на Ту-124, похвалил этот самолет. Вершинин на все вопросы гостей отвечал обстоятельно и очень удачно, он выразил удовлетворение тем, что первая бразильская военная делегация состоит из авиационных специалистов, и высказал надежду, что контакты между СССР и Бразилией будут крепнуть и расширяться.

В конце приема от имени советских космонавтов я вручил гостям нагрудные значки «Восток» и шутя предупредил их, что этот значок дает право на космический полет в качестве пассажира. Вершинин и все присутствующие остались довольны приемом. Кроме генерала Карвальо, среди гостей не оказалось ни одного знакомого мне человека, хотя я в 1961 году был на приеме у министра авиации, где было пять авиационных генералов и больше десяти офицеров. Это, по-видимому, объясняется тем, что после правительственного переворота в 1961 году аппарат Министерства авиации был заменен.

14 ноября.

Был вчера в ЦПК на партийном собрании слушателей-космонавтов. Доклад о работе секретаря и парторганизации сделал слушатель Артюхин, который, судя по докладу и заключительному слову, выступать умеет. В прениях выступали слушатели: Добровольский, Гуляев, Филипченко, Воробьев, Шаталов, Буйновский и Демин. Все выступления были хорошими, лучше других выступили Шаталов, Демин и Добровольский. У всех слушателей есть стремление знать больше того, что предусмотрено программой обучения, иметь больше возможностей соприкасаться с новейшей космической техникой, чаще бывать в ОКБ и других организациях, где создается новая техника. Их любознательность понятна, и ее необходимо удовлетворять и поддерживать, но в разумных пределах. Главная задача слушателей: отлично закончить программу обучения, и на этом нужно сосредоточить все их внимание и силы. Пришлось выступить и объяснить слушателям-космонавтам и сложившуюся обстановку, и задачи нашей организации в освоении космоса.

Из этого партсобрания я сделал вывод: очень плохо, что руководящий состав ЦПК ВВС и ИАКМ, командование ВВС редко встречаются со слушателями-космонавтами и мало проводят с ними бесед. Такое положение далее нетерпимо, его нужно исправлять.

15 ноября.

В ВВС проходят сборы командующих Воздушных армий и ВВС округов. Все выступления хорошо продуманы и правильно отражают состояние частей ВВС и их нужды. Главные претензии были высказаны в адрес генерала Пономарева. ВВС недостаточно строго спрашивают с промышленности за невысокую надежность техники, много катастроф и аварий из-за отказов по вине промышленности. Высказывалась серьезная критика и в адрес Главного штаба по поводу плохой заботы о запасных аэродромах и урезания штатов. Многие выступавшие высказывали пожелание вернуться к традиционной «троице»: летчик — техник самолет. В данное время самолет обезличен: техник обслуживает два самолета, а летчик летает на любом самолете эскадрильи. Возвращение к закреплению самолета за летчиком было бы ошибкой — это резко снизит эффективность использования самолетного парка. Дорого, но, по-видимому, имело бы смысл каждый самолет закрепить за механиком, оставив в принципе коллективное техническое обслуживание самолета и его оборудования.

16 ноября.

Прибыл новый начальник ЦПК ВВС Герой Советского Союза генерал-майор авиации Кузнецов Николай Федорович. Он только что сдал командование Высшим авиационным летным училищем в Чернигове, которым командовал шесть лет. Генерал Одинцов хоть и поздно, но все же понял, какую он сотворил глупость, что не смог сработаться с коллективом космонавтов и вынужден уйти от такого интересного дела. Сегодня я представил генерала Кузнецова как нового начальника ЦПК всему офицерскому составу Центра. До 19 ноября Кузнецов будет принимать дела у Одинцова, а 20 ноября мы доложим Главкому о приеме-сдаче дел.

Я побеседовал с Кузнецовым один на один и постарался объяснить ему всю сложность его новой работы. Ему крайне необходимо завоевать авторитет у героев-космонавтов. Гагарин, Титов и другие космонавты пользуются большим авторитетом среди личного состава Центра и они легко могут повести за собой весь коллектив ЦПК, да и у высокого начальства их отзывы о новом начальнике могут иметь большой вес. Кузнецову нужно суметь сохранить роль старшего и строгого начальника и при этом не ущемить достоинство космонавтов. Они всемирно известные герои, часто встречаются с

самыми высокими руководителями различных стран. Космонавты немного избалованы чрезмерным вниманием к ним. Иногда они склонны думать, что им позволено почти все, — и в то же время они наши подчиненные, которым нередко требуется хороший совет, своевременное замечание, а иногда и приказ. Но они не рядовые офицеры, к ним нужен особый подход, с ними нужно советоваться. Приказывать им и наказывать их нужно так, чтобы они сами осознавали необходимость приказа или наказания. Я много раз требовательно разговаривал с Гагариным, дважды наказывал Титова (выговор и задержка в присвоении очередного звания), настойчиво требовал устранения недостатков от Терешковой (за ее опоздания и вспыльчивость), но от этого они не стали меня меньше уважать.

После разговора с Кузнецовым я побеседовал с полковником Гагариным, напомнив ему, что он обязан помочь новому начальнику в установлении хороших, тесных контактов со всеми космонавтами и с личным составом Центра. Одновременно я сказал Гагарину, что не согласен с его письмом на имя начальника ЦПК о перегрузке космонавтов общественными мероприятиями, в котором он указывал, что на каждого из них приходится по 7–8 мероприятий в месяц, и просил резко сократить отрывы космонавтов от работы и учебы. Я разъяснил ему, что различные приемы (в Кремле, в посольствах и других учреждениях) не обязательно посещать всем космонавтам одновременно и что обязательные для них встречи и выступления мы сократим до 2–3 в месяц.

Несколько дней назад Гагарин в беседе со мной высказал предложение о назначении подполковника Беляева на должность заместителя начальника ЦПК по летной и космической подготовке. Обдумав это предложение, я не согласился с ним и предложил Гагарину самому занять эту должность. Ему крайне необходимо приобретать опыт руководителя: должность командира отряда космонавтов он освоил (в этой должности он уже более двух лет), а назначение заместителем начальника Центра даст ему возможность полнее подготовить себя к будущей роли начальника ЦПК. Гагарин обещал подумать и через 2–3 дня дать ответ. Я убежден, что эта работа по плечу Гагарину и крайне необходима для его роста как будущего руководителя большого масштаба.

18 ноября.

Третий раз смотрел кинокартину о полете Быковского и Терешковой. Выход в свет фильма очень задержался, после первого его просмотра пришлось многое переделывать, исключать и дополнять. Проделана очень большая, но не напрасная работа: картина стала лучше. Конечно, ее можно было бы сделать еще более интересной, но требования секретности и цензуры (в большинстве случаев перестраховочные) «режут» наиболее впечатляющие кадры. Рябчиков, Боголепов и другие товарищи поработали много и добились хороших результатов. Мы еще за 3–4 месяца до полета Терешковой просили разрешения ЦК КПСС начать работу над картиной, тогда нам запретили даже говорить на эту тему, и время было упущено. Картиной начали заниматься только после полета Терешковой, и много интересных кадров и сцен были безвозвратно утрачены.

Главком рассказал мне об одном интересном совещании у начальника Генштаба Бирюзова, в котором участвовали Крылов, Чуйков, Вершинин, Горшков, Судец и Епишев. Обсуждался вопрос о том, кто в МО должен заниматься и руководить космонавтикой. Совершенно неожиданно Бирюзов и Крылов высказались за передачу этих функций ВВС, Горшков и Чуйков поддержали их, а Судец и Епишев хотели как-то пристегнуть к космосу и ПВО. Бирюзов и Крылов были все время нашими противниками, из-за них мы два года потеряли на бесплодную болтовню. Сейчас появились реальные возможности объединить «военный космос» в ВВС и заняться им по-настоящему. Но на пути к правильному решению этих больших проблем будет еще много трудностей. Заместители Вершинина: Руденко, Пономарев, Миронов хотят поближе придвинуться к космическим делам и будут категорически против введения должности заместителя Главкома по космосу. Я около двух лет назад предлагал Военному Совету ВВС учредить такую должность. Тогда те же лица помешали этому, что отрицательно сказалось на решении военных задач в космосе. Маршал Руденко уже «поставил институт на новые рельсы». Решением правительства при Минздраве создается новый космический институт, и для его устройства у нашего института отбирают здания и людей. Вместо того, чтобы все объединить в ВВС, мы продолжаем распылять средства и усилия. Буду пытаться помешать этому и сделаю все возможное для концентрации в ВВС всех сил и средств по освоению космоса.

19 ноября.

Опять целый день был в ЦПК. Провел заседание комиссии, на котором обсудили и окончательно отредактировали акт о сдаче Центра генералом Одинцовым и о приеме его генералом Кузнецовым. Кузнецов в сравнении с Одинцовым выглядит робким, застенчивым и излишне скромным человеком. Он прямая противоположность Одинцову. Я уже беспокоюсь, как бы новый начальник Центра не оказался в роли уговаривающего и заискивающего и перед начальством, и перед некоторыми своими подчиненными.

Полковник Карпов был вчера у С. П. Королева, который, по-видимому, ведет разведку: ему, конечно, интересно знать, что мы делаем и каковы наши намерения. Сергей Павлович еще раз высказался за то, чтобы очередной пилотируемый полет готовили и осуществляли ВВС. В связи с разделением научных задач между нашим институтом и институтом Министерства здравоохранения (ИМБП — Ред.) Королев предложил, чтобы все задачи отбора и подготовки космонавтов, а также управление пилотируемыми космическими кораблями остались в ВВС. Настало время энергичнее отстаивать интересы военной космонавтики и готовить конкретные мероприятия при подготовке очередных космических полетов в целях укрепления обороны страны.

Три дня назад я беседовал с группой космонавтов, которых мы уже начали готовить к следующему полету (Беляев, Комаров, Шонин, Хрунов, Заикин, Горбатко, Волынов, Леонов). Эту группу мы сформировали 17 сентября 1963 года, за прошедшие два месяца входящие в нее космонавты больше обычного летали на самолетах и усиленно занимались физической подготовкой. Сейчас у нас еще нет конкретной программы предстоящего полета, но и не имея ее, мы обязаны начать подготовку космонавтов, иначе у нас не будет времени хорошо их подготовить.

Мы будем готовиться к наиболее трудному варианту — групповому полету на двух кораблях продолжительностью 8-10 суток. Полетное задание будет сложным: на кораблях много нового оборудования и имеются более широкие возможности для управления кораблем. Ни Академия наук, ни промышленность не проявляют инициативы в определении задач очередного полета космонавтов. Придется нам взять это на себя. Завтра начинаю «бой» за уточнение

обстановки, выяснение намерений и возможностей сторон, за составление конкретных планов и программ предстоящих полетов. У Вершинина и Руденко планов, разумеется, нет — они ждут команд сверху. Мы дадим эти «команды» снизу.

20 ноября.

Вчера вечером я, как обычно, поехал на «Волге» на дачу. Было уже совершенно темно, шел сильный дождь, встречные машины слепили — ехать было очень трудно. Десятки раз приходила мысль: пора кончать с ежедневной ездой на машине, мне уже 56-й год и трудно работать по 14–15 часов в сутки. Я более 30 лет летал, уже 30 лет вожу автомашину. За все эти годы я не сделал ни одной царапины ни на самолетах, ни на автомашинах. Мне, бесспорно, везло и в работе, и в жизни, но кроме везенья у меня всегда были выдержка, организованность, отличное зрение, великолепный слух и уменье предвидеть. Кое-какие из этих моих качеств уже теряют свою былую силу: слабеют слух и зрение, пошаливает и память. Если бы можно было работать не более 7–8 часов в сутки, то я и сейчас не уступил бы многим молодым. Но мой рабочий день начинается в 6 часов утра и заканчивается в 7–9 часов вечера — это многовато.

Во вчерашней поездке на дачу ко мне подсел подполковник милиции и попросил подвезти его до Домодедова. Подполковник начал рассказывать о своем начальстве и плохих порядках в милиции, жаловался, что его выживают на пенсию в 52 года. При Сталине он занимал высокие посты в НКВД, а сейчас им командуют молокососы, его большой опыт не ценят и т. д. Меня несколько удивила его неосмотрительная откровенность, он плохо отзывался и о нашем государственном руководстве. Я был в гражданском костюме, было темно, и он не мог знать, с кем он разоткровенничался. Я спросил его: «А вы меня знаете?» — и назвал свою фамилию. Он замолк, стал извиняться и постарался быстренько смыться. Уходя, он сказал: «Похвалюсь жене, что ехал с Каманиным… Еще раз прошу меня извинить, наболело в душе, захотелось высказать все обиды…»

Сегодня в 10:30 генералы Одинцов и Кузнецов пришли доложить о сдаче и приеме командования Центром подготовки космонавтов. Я хотел пойти с ними к Главнокомандующему, но Вершинина срочно вызвал начальник Генерального штаба, пришлось ограничиться встречей с маршалом Руденко. Так закончилась моя попытка привлечь

к космосу генерала Одинцова. Я пожелал ему успехов на новой работе, но у меня нет веры в их реальность. С генералом Кузнецовым я беседовал более двух часов, поставил перед ним задачи на ближайшие дни, объяснил обстановку и характер взаимоотношений ВВС со смежными организациями, рекомендовал упорно «работать на прием», советоваться с подчиненными и мной, не торопиться с принятием важных решений. Кузнецов рассказал мне о его вчерашней беседе с Германом Титовым. Титов говорил о необходимости укрепления отдела летной подготовки и, в частности, высказал пожелание космонавтов о назначении полковника Гагарина заместителем начальника ЦПК по летной и космической подготовке. Я рекомендовал Кузнецову не торопиться с решением кадровых вопросов, а ознакомиться со штатной структурой, с задачами подразделений, с людьми и через месяц, не раньше, ставить вопросы о перемещениях и назначениях людей на новые должности.

21 ноября.

Вчера поздно вечером позвонил из МИДа Чистяков и сообщил, что получена шифр-телеграмма от Михайлова, в которой он излагает просьбу Сукарно о прибытии космонавтов в Индонезию не 27 ноября, а 5 декабря (ранее он добивался их прибытия 20 ноября). Нам пока неизвестны мотивы этой просьбы, но она по меньшей мере невежлива в отношении наших космонавтов и просто нахальна в практике отношений между нашими странами. Было бы правильно совсем отказаться от поездки в Индонезию, тем самым одернув Сукарно. Хорошо зная, что космонавты после поездки в Индию, Непал и Цейлон 27 ноября собираются вылетать в Индонезию, Сукарно останавливает гостей у порога своего дома и приглашает прибыть не раньше, чем через неделю. Невежа и нахал! Я придумал четыре варианта нашего ответа на эту «просьбу» Сукарно.

1. 27 ноября космонавтам вылететь с Цейлона в Бирму, в Индонезию не летать и 30 ноября вернуться в Москву. Сукарно сообщить, что космонавты из-за большой занятости не могут посетить Индонезию в декабре.

2. 27 ноября вылететь в Москву, 3 декабря из Москвы лететь в Индонезию, а 16 декабря — в Бирму.

3. С 27 ноября до 4 декабря отдыхать на Цейлоне, а 4 декабря вылететь в Индонезию и далее — в Бирму.

4. Задержаться на Цейлоне до 1 декабря, 2–4 декабря быть в Бирме, а 5 декабря вылететь в Индонезию.

Сегодня утром я доложил Главкому эти варианты, подчеркнув, что лучшим из них считаю первый, а если первый не примут, то можно остановиться на любом другом. Вершинин сказал: «Было бы неплохо одернуть Сукарно, но это не наше дело. МИД решит, как лучше ответить на запрос Сукарно, а ВВС могут согласиться с любым вариантом».

Главком сообщил мне, что сегодня Бирюзов пришлет к нему на согласование записку о реорганизации военной космонавтики, которую Бирюзов сегодня же будет докладывать министру. Я просил Главкома активизироваться с целью выяснения плана пусков космических кораблей в 1964 году. Вершинин обещал переговорить с Л. В. Смирновым, а мне дал задание связаться с Королевым и Келдышем и готовить наши предложения о плане и программе полетов космонавтов на 1964 год. Сегодня я уже дважды разговаривал с Королевым. Сергей Павлович хорошо знает все разговоры по объединению «военного космоса» и хотел бы знать о реальных решениях. Мы договорились встретиться с ним завтра во второй половине дня.

Говорил с заместителем Громыко Н. П. Фирюбиным. Он считает, что в данное время (недавно Хрущев послал Сукарно очень теплое письмо) отказать Сукарно в приезде космонавтов нельзя. Фирюбин обещал выяснить все обстоятельства дела, посоветоваться с послами Цейлона и Бирмы в Москве и сообщить нам свои предложения. В этой обстановке наиболее подходящими будут, по-видимому, 3-й и 4-й варианты моих решений. После долгих дебатов в МИДе решили послать Михайлову следующую шифр-телеграмму: «По утвержденному плану заграничных поездок Николаев, Быковский и Терешкова не могут прибыть в Индонезию 5 декабря, они прибудут, как намечено, 27 ноября, имея в виду, что в конце срока пребывания в Индонезии они будут иметь возможность встретиться и с президентом Сукарно». Как мне сообщил Фирюбин, просьба Сукарно мотивируется тем, что он хотел бы лично встречать космонавтов, но он может это сделать только 5 декабря. Хотя эта формулировка и выгораживает Сукарно, но все же она не может оправдать нетактичность его просьбы.

22 ноября.

Утром позвонил С. П. Королев и попросил перенести нашу встречу на завтра. Звонил из ЦК А. П. Усков и сообщил о большой неприятности: в ЦК поступило письмо от одного из офицеров, служащих на полигоне Тюра-Там. В письме приводятся неопровержимые факты недостойного поведения Германа Титова. У нас нет оснований сомневаться в правдивости этого письма. Наоборот, есть все основания думать, что в письме изложена сущая правда. Был случай (после старта Терешковой), когда Герман не ночевал в общежитии и явился на службу со значительным опозданием и еще не протрезвившимся. За этот проступок я предлагал маршалу Руденко немедленно отправить Титова в Москву, разобрать его поведение и хорошенько наказать. Руденко сначала согласился со мной, но через час отменил свое решение. Он сделал это под давлением Королева, Строганова (представитель ЦК на полигоне) и председателя Госкомиссии по пуску генерала Тюлина. Эти товарищи знали, что Титова втянули в пьянку видные работники полигона и промышленности (инженер-полковник Кириллов, ведущий инженер «Востока» Фролов и другие), они не хотели широкой огласки этого происшествия и сумели замять его. Вскоре после возвращения космонавтов с полигона был поставлен вопрос о замене Одинцова. Одинцов не стал продолжать расследование «дела» Титова, а я, находясь в отпуске и в длительных (более месяца) заграничных поездках, не мог проследить за развитием этих событий. Дело с письмом необходимо будет разобрать в партийной организации ЦПК, а Титова строго наказать. Вчера я отпустил его в Ленинград на празднование 25-летия полка, в котором он служил. Там он встретится с Кожедубом, Иван Никитич тоже «не дурак выпить», и Титов может снова начудить. Придется позвонить генерал-полковнику Давидкову и попросить его присмотреть за этими «орлами».

У меня был генерал Бабийчук и просил поддержать его перед Главкомом в вопросе о назначении нового начальника Института авиационной и космической медицины. Бабийчук выступает категорически против генерал-лейтенанта Волынкина, а маршал Руденко и я считаем возможным оставить Волынкина на занимаемой должности, назначив его заместителями Газенко и Карпова. Сам Бабийчук слаб как руководитель, и он один из главных виновников

склоки в институте. Я дал ему это понять и не обещал помощи против Волынкина. Бабийчук все время делал вид, что он мой союзник, а теперь и он перейдет в стан моих противников. В ВВС сейчас за меня только Вершинин и Рытов, а против — Руденко, Брайко, Пономарев, Миронов и еще более десятка генералов. При первом моем провале или уходе Вершинина мне придется расплачиваться за независимый вид и хорошие отношения с Главкомом.

23 ноября.

Сегодняшние газеты принесли трагическую весть — убит президент США Джон Кеннеди. Его убили несколькими выстрелами из окна здания, мимо которого он проезжал в открытой машине. Крайне правые все время были недовольны реалистической политикой президента Кеннеди и пошли на крайние меры, чтобы устранить его. Для нас, да и для всего мира — это большое несчастье. Сейчас есть все основания опасаться, что политика США заметно отклонится вправо.

Более часа беседовал с маршалом Руденко о перспективах космонавтики, о планах на ближайшее время, о наших взаимоотношениях с видами Вооруженных Сил и с промышленностью. Из беседы я сделал вывод, что Руденко не знает реальной обстановки, не делает попыток разобраться в сложной ситуации и по собственной инициативе не будет предпринимать никаких активных действий в защиту интересов ВВС в космосе. Он даже не знает, что до сих пор нет решения Правительства по «Союзу», он слепо верит обещаниям Королева, что «Союз» в 1964 году обязательно полетит. Как мы были правы, когда еще в 1961 году начали настаивать на продолжении работ с «Востоками». Американцы торопятся с проектом «Джемини» (двухместный маневрирующий корабль), и в 1964 году есть вероятность, что он будет летать. Мы могли бы запустить трехместный космический корабль раньше США, но из-за ведомственных споров упустили и продолжаем упускать время, и сейчас более, чем когда-либо раньше, налицо опасность нашего отставания. Американская ракета «Сатурн» и космические корабли «Джемини» и «Аполлон» станут теми «конями», на которых американцы могут нас обскакать.

25 ноября.

Сегодня был в ОКБ-1 у Сергея Павловича Королева. Один на один мы беседовали около двух часов. Сергей Павлович переключил все телефоны на секретаря и сказал ей: «Говорите всем, что я вышел». Я рассказал Королеву о моей последней беседе с Вершининым, о готовности Бирюзова передать ВВС «весь космос», о проектах докладов Малиновскому, которые Генштаб с нами согласовывает. Сергей Павлович сказал, что по этим вопросам он говорил с Крыловым, Вершининым, Судцом и Бирюзовым, что позиции Главкомов и их разногласия он знает. Королев несколько раз подтвердил, что он твердо стоит и будет стоять за передачу всего космоса ВВС. Он уверен, что ВВС, располагающие богатой научно-исследовательской базой, опытом и кадрами, сумеют лучше любого вида Вооруженных Сил руководить освоением космоса. Королев вспомнил недобрым словом Хруничева и Жигарева, которые два десятка лет тому назад отказались заниматься ракетами, после чего ракетная техника была передана артиллеристам: «Двадцать лет мы мучаемся с артиллеристами…»

Правда, за эти годы создано многое, и мы многого добились. В конце концов и авиационная промышленность включилась в развитие ракетной техники, и надо признать, что авиационные предприятия и учреждения очень хорошо работают над ракетами. Сейчас в промышленности ракетами занимается Комитет по оборонной технике, Комитет авиатехники, Комитет радиоэлектроники и другие комитеты. Королев напомнил, что, когда весной 1962 года он предложил создать Комитет по ракетной и космической технике, была создана комиссия при ЦК КПСС, которая доложила Хрущеву, что предложение в принципе правильное, но рановато создавать такой комитет… Сергей Павлович сказал, что Зверев и Смирнов считают его «пятой колонной», и пояснил: «Я за объединение космоса и в промышленности, и в Министерстве обороны, но пробить такое объединение будет очень трудно. В промышленности против нас будут Зверев, Смирнов, Руднев, Устинов — попробуй пробей эту стенку… А ваших военных противников вы лучше меня знаете». Мы договорились, что при встречах в ЦК и правительстве будем отстаивать нашу общую позицию.

Сергей Павлович выразил надежду, что решение по «Союзу» состоится еще до 1 декабря. На 1964 год для строительства 4 кораблей

«Союз» требуется 80 миллионов рублей, но пока отпущено только 30; Зверев и Смирнов обещают добиться дополнительных ассигнований. Сергей Павлович несколько раз повторил, что в 1964 году корабль 7К будет в космосе, а в конце года, возможно, будет выведен на орбиту и весь комплекс «Союз». «Пробных стыковок делать не будем — это очень дорого», — заявил Сергей Павлович. С этим утверждением Королева я не согласился: пробные 2–3 стыковки обязательно нужны — такой путь наверняка окажется и надежнее, и дешевле. Сергей Павлович и сам бы не возражал против опытных стыковок, но на него давят финансисты. Потом мы обсудили ситуацию со строительством кораблей «Восток». Договорились о том, что кроме уже строящихся четырех «Востоков» необходимо на будущий год заказать еще столько же, и решили немедленно начать и в декабре закончить отработку заданий на полеты космонавтов в 1964 году. Сергей Павлович высказал пожелание готовить экипажи для «Союза», для облета Луны и особенно рекомендовал заняться подготовкой космических штурманов. В этом я полностью согласен с Королевым. Мы уже в 1962 году начали изучать проблемы космической навигации в академии Жуковского и на штурманском факультете академии в Монино. Сейчас настало время подбора и подготовки небольшой группы космических штурманов. В конце нашей беседы Королев подтвердил, что больше не будет лично руководить пусками пилотируемых кораблей, о чем он говорил уже несколько раз, а впервые — сразу после получения известия о благополучной посадке Терешковой: «Берите это на себя, Николай Петрович. Космонавты ваши, знающих людей у вас много — вот и руководите космическими полетами, а я буду помогать вам советами из Москвы».

На этот раз наша беседа прошла хорошо, мы намеренно не затрагивали вопросов, которые поставили бы нас друг против друга (тренажеры, оборудование кораблей и элементы боевого применения). Но эти вопросы мы еще будем обсуждать, и еще не один раз нам придется иметь и не такие приятные встречи. Сергей Павлович был очень любезен и проводил меня до машины.

26 ноября.

Вчера с 14 до 21 часа походило отчетно-выборное собрание в ЦПК ВВС. Из ЦК был Миронов, от парткома ВВС — Миролюбов, ИАКМ представляли Клоков и Яздовский. В прениях по докладу

Новикова выступили 16 человек. Лучше других выступили Ильченко, Миролюбов и Гагарин, в ряде выступлений отмечалась бездеятельность и пассивность заместителя начальника политотдела Центра полковника Трофимова. Я говорил об итогах космических полетов (эксперимент на выживание человека в космосе) и о задачах предстоящих полетов (эксперименты в интересах науки, обороны и дальнейшего освоения космоса). Избрали новый партком (11 человек), в состав обновленного на 60 процентов парткома вошел Гагарин, секретарем переизбрали майора Новикова.

Сегодня в 15 часов начался партийный актив ВВС, слушали и обсуждали доклад о работе с кадрами; по этому вопросу выступил генерал-полковник Рытов. Постановление Президиума ЦК КПСС от 3 октября о работе с военными кадрами требует усилить воспитательную работу в армии, лучше готовить высокообразованных военных специалистов, глубоко преданных партии и стране. В Постановлении высказано пожелание укрепить и омолодить кадры, освободиться от стариков, больных и слабоподготовленных. Рекомендуется смелее выдвигать молодые кадры, умело сочетая их выдвижение с сохранением старых — из числа опытных и наиболее ценных специалистов. В прениях выступили 12 человек, последним выступил К. А. Вершинин и ответил почти на все вопросы выступавших в прениях. Он подчеркнул, что авиационная техника непрерывно и быстро совершенствуется, что авиация и космонавтика — это единое целое, и мы должны умело готовить кадры для успешного управления техникой сегодняшнего и завтрашнего дня.

27 ноября.

Только что узнал очень неприятное для меня решение министра обороны. На записке начальника Генерального штаба с предложением объединить руководство космонавтикой в ВВС Малиновский написал: «Оставить все так, как есть». Я никогда не восхищался способностями нашего министра, но такой его тупости я даже не предполагал. У него под носом два года продолжается бесплодная и очень вредная конкуренция между видами Вооруженных Сил за право возглавить руководство освоением космоса. Когда каждый Главком «тянул» космос к себе, может быть, министру было и затруднительно отдать предпочтение кому-либо из них, но сейчас, когда четыре Главкома из пяти и Генеральный штаб, во главе с Бирюзовым, пришли к

соглашению и высказались в пользу ВВС — отказ министра утвердить эти разумные предложения можно квалифицировать только как глупость и неумение видеть дальше собственного носа.

Итак, дела с космосом не улучшаются. Вершинин и Руденко не в состоянии бороться с министром и никогда не поднимутся против него. А дело освоения космоса явно страдает; мы отстаем от американцев, и скоро это отставание станет очевидным для всех. Помочь делу могло бы только решительное вмешательство ЦК и лично Н. С. Хрущева. Добраться до Хрущева могли бы космонавты, но их обращение к нему вызовет такую бурю, в которой и космонавты и, в первую очередь, я получим много шишек, причем все это может оказаться совершенно бесполезным.

Сегодня провели первое совещание заинтересованных организаций ВВС по подготовке программы предстоящего космического полета. На совещании наметили основные пункты программы, завтра весь день буду работать над этой программой, а в пятницу поеду в Центр и посоветуюсь с космонавтами. Вчера генерал Иоффе (начальник ЦНИИ-30 — Ред.) доложил мне, что у него на днях будет готов тренажер по стыковке. На следующей неделе нужно будет съездить в Ногинск, посмотреть этот тренажер и одновременно попытаться ускорить усовершенствование других тренажеров.

28 ноября.

Внимательно перечитал бортжурналы Быковского и Терешковой. Судя по всему, Быковский будет отличным кандидатом для полетов вокруг Луны и на Луну. Терешкова в полете заметно утомлялась, мало ела и много спала, ее работоспособность была не выше удовлетворительной. За границей мне много раз задавали вопрос: «Почему для первого космического полета женщины выбрали именно Терешкову?» Я всегда отвечал примерно так: «Потому что Терешкова обладает суммой качеств и достоинств, необходимых для выполнения полета: здоровьем, сильным характером, смелостью, упорством, настойчивостью, готовностью ради большого дела идти на риск, хорошими знаниями условий космического полета и подготовленностью перенести все связанные с ним перегрузки и неудобства». Но там я говорил не то, что думал и знал по этому вопросу. Для первого полета лучше Терешковой были подготовлены Соловьева и Пономарева. Я глубоко убежден, что в будущих полетах

они докажут свои преимущества перед Терешковой, но ни одна из них никогда не сможет сравниться с ней в умении влиять на толпы людей, в способности вызывать к себе горячие симпатии народа, в подготовленности хорошо выступить перед любой аудиторией. Эти качества Терешковой и определили выбор первой женщины-космонавта. Терешкова провела уже сотни выступлений и десятки пресс-конференций, побывала в 12 странах, и везде блестяще справлялась со своей ролью. У нее, конечно, были и ошибки, выявились и недостатки, которые до полета не проявлялись (вспыльчивость, озлобление, поспешность в принятии решений). Она недостаточно подготовлена для роли «королевы Вселенной», но время идет, люди меняются — изменится и «Чайка». Есть все основания опасаться, что во многом она может измениться не в лучшую сторону; человек в ее положении подвергается сильному воздействию различных влияний, не всегда эти влияния полезны и хороши, а разобраться в них иногда бывает очень непросто.

30 ноября.

Я и генерал Холодков более двух часов беседовали вчера с маршалом Руденко о наших космических делах. Мы рассмотрели проекты программы очередных полетов «Востоков». На 1964 год намечается 4 полета: первый полет — с собакой и другими животными на борту (высота орбиты 600 километров, продолжительность полета 10 суток), затем одиночный полет космонавта продолжительностью до 8 суток и, наконец, групповой полет двух «Востоков» с космонавтами на борту продолжительностью до 10 суток. Высота орбит для полетов космонавтов будет уточнена после полета животных. Предусматриваются значительные изменения в оборудовании корабля с целью проведения космонавтами целого ряда научных и исследовательских военных экспериментов. Кроме полетов «Востоков» в конце 1964 года, по мнению Королева, возможен и полет «Союза» (я, правда, не уверен в этом), поэтому нам необходимо подготовить экипажи не только для «Востоков», но и для 2–3 «Союзов». Для облета Луны и полетов на Луну потребуются хорошо подготовленные космонавты-штурманы. В декабре нам нужно будет сформировать в ЦПК учебную группу космонавтов-штурманов (3–4 штурмана, 1–2 математика, 2–3 астронома).

Потом мы долго обсуждали вопросы взаимоотношений между нашим космическим институтом и институтом Министерства здравоохранения. Я всегда был против создания этого нового института, но в результате ошибочной позиции маршала Руденко он был создан. Я высказался за согласованное распределение задач между институтами, а Руденко — за то, чтобы эти задачи определились практикой работ в ближайшие 2–3 года. По мнению Руденко, новый институт должен будет заниматься «большой (далекой) космической наукой», а наш — выработкой ТТЗ, испытаниями и медико-биологической подготовкой космонавтов. Меня беспокоит перспектива непрерывной драки между двумя институтами. Мы не договорились с маршалом по этим вопросам и решили еще раз вернуться к ним.

Вчера я около двух часов беседовал в ЦК с Усковым и Мироновым. Они будут в течение 10 дней проверять воспитательную работу в ЦПК ВВС. Я подробно рассказал им о положении в Центре, структуре и кадрах ЦПК, о наших ошибках и недостатках. Дал я и развернутые характеристики Гагарина, Титова, Николаева, Поповича, Быковского и Терешковой, рассказал о быстром, очень заметном росте этой шестерки, о колоссальной пропагандистской работе, которую выполняют они как на родине, так и за границей. Не утаил я и недостатков наших космонавтов: они есть у каждого из них, с каждым необходимо внимательно и настойчиво работать, воспитывать, учить, инструктировать. Мы многое делаем в этом плане, но далеко не все, что нужно. Серьезные недостатки проявились у Титова и Терешковой. Оба они очень способны, но и ошибок у них больше, чем у других космонавтов. С Титовым и Терешковой придется еще много повозиться.

4 декабря.

Весь вчерашний день провел в ЦПК. Подробно рассказал Кузнецову и Трофимову о том, что нужно сделать в ближайшие дни в целях улучшения подготовки космонавтов к предстоящим космическим полетам, а именно: назначить экипажи на три «Востока» и три «Союза», составить для них программы подготовки и выделить тренеров.

В эти дни в Центре работает комиссия ЦК (Усков, Миронов), которая проверяет состояние воспитательной работы в ЦПК. Вчера я долго беседовал с Титовым, предварительно дав ему прочитать

поступившее в ЦК КПСС письмо с жалобой на него. Я предупредил Германа, что положение у него незавидное, что сейчас многое зависит от того, как он отчитается за все свои старые грехи, и рекомендовал ему откровенно признать все свои ошибки и промахи, дать им трезвую оценку и сделать для себя выводы на будущее. Герман на трех листах написал объяснительную записку, в которой признал, что на полигоне в ряде случаев вел себя недостойно. Титов устно и письменно обещал мне, что за ним больше не будет никаких замечаний, но у меня нет полной уверенности, что так и будет. Придется его строго наказать (понизить в должности).

Говорил с полковником Карповым о его переходе на должность первого заместителя начальника Института авиационной и космической медицины. Карпов доволен этим назначением, но делает вид, что ему очень тяжело отрываться от ЦПК. Он настоятельно просил меня предоставить ему возможность и дальше (уже в новой роли) активно заниматься подготовкой космонавтов и обеспечением космических полетов. Сейчас ИАКМ и ЦПК готовят предложения по объединению специалистов авиационной медицины в филиале ИАКМ, территориально расположенного рядом с Центром подготовки космонавтов.

6 декабря.

Сегодня утром по телефону сообщили о смерти Георгия Ушакова — соратника Шмидта по северным путешествиям, — с которым я познакомился в 1934 году. Ушел из жизни еще один крупный исследователь Севера и товарищ по славным делам в дни челюскинской эпопеи. Между прочим, я сегодня написал ответ ребятам из 1150-й школы. Они пишут, что в 1964 году собираются отметить 30-летие челюскинской эпопеи и просят сообщить им адреса челюскинцев и летчиков, которые их спасали. Как быстро пролетели тридцать лет!

Заходил секретарь парткома ЦПК Новиков, просил разрешения 14 декабря отпраздновать в Центре вторую космическую свадьбу: космонавтка Жанна Еркина выходит замуж за старшего техника-лейтенанта Валерия Сергейчика. Они хотели бы пригласить на свадьбу более 150 человек, но я рекомендовал справить ее поскромнее. А завтра Татьяна Кузнецова идет в загс расписываться с капитаном

Пицхелаури, с отцом которого — Владимиром Пицхелаури — я вместе учился в Ленинграде и Борисоглебске в 1927–1929 годах.

7 декабря.

Беседовал с маршалом Руденко и генерал-полковником Рытовым. Оба они согласились с назначением трех экипажей для «Востоков» и трех для «Союзов» и подтвердили необходимость дальнейшего штатного укрепления ЦПК, введения должностей тренеров экипажей и набора группы космонавтов-штурманов. Долго обсуждали вопрос о дальнейшем использовании по службе Гагарина, Титова, Николаева, Поповича и Быковского. Руденко считает, что их нужно заставить учиться в академии Жуковского с полным отрывом от работы в ЦПК на время учебы. Я настаивал на том, чтобы они в первую очередь работали в Центре в качестве инструкторов-космонавтов и по совместительству учились в академии по специальной программе. Рытов в этом споре поддержал меня. Все космонавты также согласились с моими предложениями, заявив, что хотят прежде всего участвовать в подготовке новых космических полетов.

Заходил генерал-лейтенант Иоффе и доложил, что к 25 декабря у него в институте будет полностью закончен тренажер по стыковке. Судя по его докладу и докладам группы инженеров из Центра (бригада Ванькова), тренажер будет хорошим. На нем можно будет не только тренировать экипажи, но и проводить некоторые исследования в интересах ОКБ-1 для отработки проекта «Союз».

Терешкова, Николаев и Быковский заканчивают поездку по Индонезии и завтра полетят в Бирму. Из ЦК КПСС уже несколько раз звонили и требовали проект плана заграничных поездок космонавтов на первую половину 1964 года. Я отказался давать какие-либо предложения по плану до возвращения Терешковой необходимо с ней посоветоваться, так как основная тяжесть предстоящих поездок ляжет на нее.

9 декабря.

Сегодня у меня на приеме были Береговой, Сидоренко и Катыс. Береговой полковник, Герой Советского Союза (воевал у меня в корпусе), летчик-испытатель 1-го класса. Сидоренко — подполковник, заместитель командира полка, летчик 1-го класса. Катыс — гражданский, доктор технических наук, специалист по автоматизации. Каждому из них более 35 лет, год назад они прошли все отборочные

комиссии и не были приняты в число слушателей-космонавтов только из-за возраста. У Руденко появилась идея: создать небольшую группу из людей с большим практическим опытом, дать им возможность выполнить по одному космическому полету и использовать их в дальнейшем на руководящей работе в Центре подготовки космонавтов. Я ничего не имею против осуществления этой идеи, но только при условии, что мы не будем делать ничего такого, что могло бы обидеть космонавтов первого набора. Руденко сказал: «Таких, как Береговой, нужно пускать в полет первыми». Я ценю Берегового, но я категорически против того, чтобы послать его в полет первым. У нас есть подготовленные космонавты: Волынов, Комаров, Леонов и другие, которые уже больше двух лет ждут своей очереди на полет. Внеочередное назначение в полет «молодого старичка» на «Востоке» вызовет бурю протестов у «старых молокососов», которые, если уж говорить по существу, лучше любого другого подготовлены к полетам на этом корабле. «Старички» могут быть очень полезными в составе экипажей «Союзов», либо как специалисты, либо как лидеры, цементирующие коллектив.

12 декабря.

Позавчера в ЦПК разбирался со штатами Центра и института. Все работники Центра (Кузнецов, Трофимов, Масленников, Гагарин и Ковалев) высказались против объединения медперсонала ЦПК и ИАКМ. Откровенно говоря, я согласен с мнением работников Центра, но пока никому не говорил об этом из тактических соображений. Сегодня утром этот вопрос передо мной поставил Главком (вчера у него был Гагарин). Вершинин высказал опасение: «Сейчас нашему институту численности не прибавят, а Центр мы сами урежем и можем оказаться на бобах». Я не стал объяснять Главкому все тонкости «идей» Руденко, но постарался укрепить его во мнении, что предлагаемая реорганизация — шаг назад, отступление к худшему.

Сегодня в 9:30 на самолете Ил-18 Терешкова, Николаев и Быковский возвратились в Москву из длительной поездки по странам Юго-Восточной Азии (Индия, Цейлон, Непал, Индонезия, Бирма). Генерал Горегляд доложил, что Николаев и Быковский перенесли поездку хорошо, а Терешкова сильно переутомилась и ей необходим отдых. Для начала вместо отдыха маршал Малиновский приказал

сегодня всей шестерке космонавтов быть на приеме в чехословацком посольстве.

13 декабря.

Провел заседание мандатной комиссии по отбору кандидатов в группу слушателей-космонавтов. На заседании присутствовали генералы: Кувенев, Бабийчук, Лавский, Кузнецов, Терский, Холодков, Горегляд, Чугунов; полковники: Гагарин, Карпов, Аристов, Трофимов. Обсуждали целесообразность приема в число слушателей-космонавтов полковника Берегового и подполковника Сидоренко. Береговому 43 года, а Сидоренко 39 лет, оба имеют высшее образование, отличные аттестации и хорошее здоровье. Вопрос обсудили обстоятельно, высказались все члены комиссии. Решили считать нецелесообразным прием Берегового и Сидоренко в число слушателей-космонавтов. Главные мотивы такого решения следующие:

1) возраст кандидатов на 5–8 лет больше предельного, установленного решением ЦК КПСС;

2) здоровье кандидатов в ходе ускоренной подготовки может пострадать, и тогда мы лишимся хороших летчиков, не получив космонавтов;

3) в ЦПК имеется достаточное количество космонавтов и слушателей-космонавтов, достойных продвижения и по опыту работы почти равных Сидоренко и Береговому;

4) ускоренная подготовка и внеочередное назначение в полет породят много нареканий со стороны космонавтов и слушателей-космонавтов и подорвут у них веру в научную обоснованность учебного процесса в Центре.

Лавский, Терский и Чугунов в своих выступлениях подчеркнули необходимость готовить и выдвигать на руководящие должности уже побывавших в космосе товарищей. Такие предложения придутся не по вкусу маршалу Руденко. Он вновь обозлится на меня, но я не проводил и не буду проводить в жизнь его необдуманные решения.

16 декабря.

14 декабря (в субботу) в ЦПК провели еще одну свадьбу: Жанна Еркина вышла замуж за Валерия Сергейчика. Все прошло очень скромно и хорошо, народу было человек 80. Были почти все космонавты и слушатели-космонавты, в том числе Гагарин, Поповичи, Терешкова и Николаев. По непонятным причинам отсутствовали

Титовы и Быковские, не было на свадьбе и Соловьевой, она в Ташкенте на сборах парашютистов. Из пятерки женщин-космонавтов при поступлении в Центр замужней была только Пономарева, а сейчас все пятеро уже замужем. Было сложно готовить к космическому полету девушек, еще сложнее будет готовить женщин. С очередным женским полетом мы торопиться не будем. Второй полет советской женщины в космос может состояться не раньше 1965–1966 годов, и полетит она не одна, а как член экипажа многоместного космического корабля или как пассажир.

В субботу разговаривали с Николаевым и Терешковой, обсудили ряд вопросов, касающихся итогов поездки, плана предстоящих заграничных поездок, учебы, быта и т. д. По моему совету Валя и Андриян приняли твердое решение отказаться от московской квартиры (подарок Хрущева в день свадьбы). Эта квартира могла для них обратиться в тяжелую обузу, так как в ближайшие 4–5 лет они будут самым тесным образом связаны с районом Чкаловской, где у них есть хорошая четырехкомнатная квартира. Валя после поездки выглядит очень плохо: сказываются усталость, плохое питание, беременность и длительное нервное напряжение. Я посоветовал ей хорошо отдохнуть и не торопиться с новыми заграничными поездками. Поездка в Гану запланирована на 10 января 1964 года.

Только что звонил Сергей Павлович Королев, он проявляет большую активность по поводу празднования 40-летия советского планеризма и просит, чтобы сегодня в гостиницу «Юность» приехали на торжества Гагарин и Быковский. Королев высказал также пожелание, чтобы ВВС «нажали» на Смирнова и Пашкова (ВПК Совмина) с целью ускорить включение в план 1964 года строительство еще четырех «Востоков». Через 10 минут после разговора с Королевым позвонил из Совмина Ивановский и просил не настаивать на заказах «Востоков» на 1964 год. Ивановский утверждает, что сроки изготовления кораблей 7К, записанные в решении ВПК от 4 декабря 1963 года, вполне реальны (первый корабль — в августе 1964 года, второй и третий — в сентябре 1964 года). Таким образом, ОКБ-1 до сентября 1964 года решениями Правительства обязано построить 7 космических кораблей: 4 «Востока» и 3 корабля 7К. Ивановский считает, что большего Королев и, главным образом, его смежники (Калмыков, Алексеев, Воронин) сделать не смогут и заказ неизбежно

перейдет на 1965 год, когда серией пойдет «Союз» и «Востоки» могут оказаться ненужными. Вероятно, Ивановский прав, а Королев отстаивает интересы своего ОКБ-1 и завода. Нам необходимо в ближайшие дни решить: настаивать ли на постройке новой серии «Востоков» или отказаться от них и ориентироваться на 7К и «Союзы».

Сегодня за обедом в генеральской столовой вновь заговорили о возможной скорой смене руководства в МО и ВВС. Уход Малиновского будет благом для обороны страны, а перемещение Вершинина ничего хорошего для авиации не предвещает. Сейчас в ВВС нет кандидата, который был бы способен полностью заменить Вершинина. Преемниками Вершинина могут быть Судец, Савицкий, Зимин и Руденко. Первые три принесут только неприятности, но думаю, что и Руденко не намного лучше этой троицы. Предстоят большие перемены. Остается лишь надеяться, что дело не пострадает от перетасовки руководителей.

17 декабря.

Вчера в гостинице «Юность» состоялось торжественное собрание по случаю 40-летия планерного спорта. Доклад сделала Маргарита Раценская. В президиуме и в зале были десятки славных планеристов, конструкторов, летчиков: Королев, Антонов, Коккинаки, Юмашев, Масалов, Гагарин, Быковский, Анохин, Ильченко, Анощенко, Бурге, Фадеев, Пьецух и многие, многие другие. Быковский приветствовал собрание от имени космонавтов, а я — от ВВС. На собрании я встретился с бывшим моим начальником Миновым, полковником в отставке, активистом ДОСААФ. В 1928–1929 годах он был командиром учебной эскадрильи в Борисоглебской школе, а я был в его эскадрилье курсантом-летчиком. Вспомнили мы и летчика Дорфмана, бывшего в то время командиром звена. Минов сказал: «Вы помните, это Дорфман разбил самолет и погубил Баранова (начальник ВВС в 1924–1933 годах — Ред.). А я рекомендовал Дорфмана Баранову как лучшего летчика, умеющего летать вслепую».

Королев и Цыбин в разговоре со мной высказали желание поддержать предложение конструктора Щербакова о подъеме планеров на большие высоты с помощью ракет. Щербаков уже несколько лет добивается реализации своего предложения, был он и у меня. ВВС поддерживают его идею, но Дементьев не горит желанием ее

осуществить. Придется попробовать раскачать бюрократов и довести дело до конца.

18 декабря.

Получил 69 медалей и грамот из Академии наук СССР. Настольной памятной медалью о первом полете человека в космос награждены только 75 военных, в том числе: Малиновский, Бирюзов, Вершинин, Семенов, Мрыкин, Каманин, Яздовский, Карпов, Холодков, Горегляд, все космонавты и человек 20 ракетчиков. По ошибке в списке награжденных нет фамилий космонавта Шонина и полковника Аристова, я им вручил медали вместо Нелюбова и Филатьева. Все остальные медали передал Мрыкину, Кузнецову и Рудному для вручения их по назначению.

Сегодня у меня был из Генштаба подполковник Станислав Язвинский и рассказал о планах создания ЦУКОС — Центрального управления по космосу. Оно будет подчиняться министру и Крылову как заместителю министра и объединять службы Керимова, Карася, Щеулова и Мозжорина. Подготовка космонавтов и поиск спускаемых аппаратов пока остаются за ВВС. Министр на проекте создания ЦУКОС написал: «Этого нам хватит до появления ракетопланов». Это плохой проект: он не устраняет соперничества между видами Вооруженных Сил и не координирует усилий по освоению космоса. Самым лучшим вариантом было бы объединение всей космонавтики в ВВС, в крайнем случае можно было бы согласиться с ее объединением при министре. Дорого, медленно и не так, как нужно и как могли бы, будем мы обживать космос…

19 декабря.

Вчера уговорил В. В. Кузнецова (из МИДа) и Главкома подписать письмо в ЦК КПСС о поездке Терешковой в Гану не 10, а 20 января. Говорил с Вершининым, Рытовым и Руденко о необходимости выдвижения Гагарина на должность заместителя начальника ЦПК по летно-космической подготовке, а Николаева — на должность командира отряда космонавтов. Первые двое почти согласились с моим предложением, а Руденко уклонился от высказывания определенного мнения. Придется еще раз атаковать эту «кучку стариков», чтобы добиться выдвижения молодых.

Вчера вечером гулял с Олей по Москве, мы прошлись до бассейна на Кропоткинской, прокатились в метро до станции «Дзержинская» и

обратно. Оля была очень довольна прогулкой. Она уже пытается острить и подкусывать старших. Вчера, например, отвечая на какой-то ее вопрос, я сказал: «Оставил на службе». Оля спросила: «А ты, деда, там как собачка служишь?» Я от неожиданности даже не понял, о чем она говорит. Но Оля дала исчерпывающее пояснение: «Когда мы хотим, чтобы собака служила, то даем ей сахар. Так и у вас?» Я рассмеялся, но вынужден был подтвердить: «Да, кажется, и у нас так же».

21 декабря.

Весь вчерашний день был на партийной конференции ВВС, на которой избрали новый партком. Вчера же Главком подписал приказ о назначении Гагарина заместителем начальника Центра, а Николаева — командиром отряда космонавтов. Несколько месяцев я доказывал необходимость такого перемещения, больше всех ему противился маршал Руденко, но вчера и он капитулировал. Я верю, что это продвижение Гагарина и Николаева пойдет на пользу делу и будет большим стимулом для всех космонавтов.

Сегодня с 9 часов утра был в ЦПК на собрании отряда космонавтов. Заслушали краткий доклад Гагарина о недостатках в поведении некоторых космонавтов. Выступили Титов и Николаев, оба признали наличие ошибок и недостатков и обещали, что в дальнейшем они их не допустят. Пришлось выступить и мне, чтобы, пристыдив Титова, упомянуть ошибки и других космонавтов (опоздания и нарушения правил уличного движения). Я объявил о назначении Гагарина заместителем начальника Центра по летно-космической подготовке, а Николаева — командиром отряда космонавтов.

После собрания говорил с Терешковой, она просила не планировать ей зарубежные поездки в период с апреля по сентябрь 1964 года: Валя дала понять, что в июле-августе будет рожать…